

Амурский государственный университет

На правах рукописи

Конталева Евгения Александровна

**РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В МЕНТАЛЬНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Научная специальность

5.7.9 Философия религии и религиоведение

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук,

профессор А.П. Забияко

Благовещенск

2022

Оглавление

Введение	3
1. Феномен религиозного синкретизма	20
1.1 Типы религиозного синкретизма: теоретические трактовки и исторический экскурс	20
1.2 Религиозный синкретизм в фокусе отечественных и зарубежных исследований	29
2. Религиозный синкретизм в ментальности восточной русской эмиграции	56
2.1 Специфика фронтальной ментальности. Социокультурные особенности жизни русских эмигрантов в Китае	56
2.2 Религиозный синкретизм в формах литературно-публицистического творчества	75
2.2.1 Синкретическая инобытийность на страницах эмигрантской периодики. Мистика и эзотерика в публицистических и рекламных текстах ..	75
2.2.2 Религиозно-мистические и эзотерические основания художественных текстов на страницах журнала «Рубеж»	89
2.3 Ориентальные образы и мотивы в художественно-этнографических произведениях русских эмигрантов	112
Заключение	142
Список использованной литературы	147
<i>Источники на русском языке</i>	147
<i>Литература на русском языке</i>	154
<i>Литература на иностранных языках</i>	195

Введение

Актуальность темы исследования

Синкретизм, особенно в его религиозном выражении, – чрезвычайно многогранное, сложное явление, которое имеет дуалистическую природу, являясь одновременно не только феноменом или результатом, но и процессом¹. Зародившись уже на ранних этапах человеческой истории, он никуда не исчезает, трансформируясь в соответствии с эволюционными изменениями человека и социума. Возникнув однажды, разные формы синкретизма продолжают своё существование и особенно активизируются в моменты исторических и духовных кризисов, которые в значительной мере испытала и дальневосточная эмиграция.

Возникнув фактически на рубеже веков, русская эмиграция восточной ветви оказалась также на территориальном и культурном рубеже. Это положение обусловило формирование особого типа ментальности – фронтальной, порубежной, культурный вектор которой отклонялся от магистрали центра и тяготел к местным особенностям, условиям и законам, подвергаясь процессам маргинализации, синкретизации, ре- и неомифологизации, квазирелигиозным процессам. Оказавшись «между двух миров», русские изгнанники испытывали закономерную потребность в преодолении возникших разграничений, в онтологических и космологических основаниях, которые могли бы выразить не только их этнокультурную идентичность, но и тоску по дореволюционному укладу, реваншистские настроения, мессианские идеи.

В то же время, само территориальное и социокультурное пространство, в котором оказались эмигранты, способствовало впитыванию принадлежащих ему образов и мотивов и формированию синкретических конструктов. Доброжелательность и гостеприимность новой родины – Китая – вызывали позитивное отношение русских изгнанников к местным культурным традициям, которые, с одной стороны, были им знакомы ввиду порубежного положения и достаточно длительных

¹ Colpe C. Syncretism [First Edition] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8927.

исторических контактов, а с другой – экзотичны и привлекательны. Всё это способствует включению архаических оснований мифологического сознания и, накладываясь на субъективное восприятие, находит особенное отражение в социополитической и художественной – литературно-публицистической – среде.

Значимость данной темы определяется не только имманентной сложностью синкретизма и фронтальной ментальности, но и тем, что, во-первых, эти явления продолжают существовать, а, во-вторых, на данный момент не получили исчерпывающего рассмотрения несмотря на то, что они привлекали и привлекают большое количество исследователей. Кроме того, долгое время архивы эмигрантов были недоступны для научного исследования, и до сих пор остаётся множество лакун, не только для исторических, филологических, этнографических исследований дальневосточной эмиграции, но также для изучения этого уникального явления с позиций религиоведения.

Степень теоретической разработанности проблемы

Особую роль в изучении процессов синкретизации в XIX – начале XX века сыграла немецкая школа диффузионизма и разработанная в её рамках теория культурных кругов (нем. *Kulturkreislehre*). Ф. Ратцель², Л. Фробениус³, Ф. Гребнер⁴ и др. изучали варианты заимствований, переносов и напластований религиозных и культурных элементов в ходе естественного развития человечества.

Изучению исторических и теоретических аспектов феномена синкретизма, исторического употребления термина, внутрирелигиозных и межрелигиозных синкретических тенденций, проблемы восприятия чужого в процессе синкретизации посвящены исследования немецких авторов – У. Бернера, Т. Зундермайера, Ф. Дрезена и др.⁵. Выдающимся является труд Р.О. Райценштайна и Г.Г. Шедера⁶,

² Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart, 1921. Bd. 1–2.

³ Frobenius L. Der Ursprung der Kultur. Berlin, 1898. Bd. 1: Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.

⁴ Graebner R.F. Methode der Ethnologie. Heidelberg: Winter, 1911; Graebner R.F. Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien // Zeitschrift für Ethnologie. 1905. Bd. 37. S. 28–53; Graebner R.F. Das Weltbild der Primitiven. München: Ernst Reinhardt, 1924.

⁵ Например: Berner U. Untersuchungen zur Verwendung des Synkretismus-Begriffes. Wiesbaden, 1982; Sundermeier Th. Synkretismus: ein religionswissenschaftlich und theologisch umstrittener Begriff // Kein anderer Name. 1999. P. 273–282; Berner U. Synkretismus: die Problematik der Grenzen zwischen und in den Religionen // Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft. 2010. Vol. 94. Iss. ½. P. 31–41; Drehsen V. Synkretismus ist nicht gleich Synkretismus: zum Kriterienproblem bei der Anverwandlung des Fremden // Die "Identität" des Glaubens in den Kulturen. 1997. P. 39–53 и др.

⁶ Reitzenstein R., Schaeder H.H. Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland. Leipzig, 1926.

раскрывающий влияние ближневосточных верований на формирование греко-римского синкретизма. Изучению античных образцов синкретизации посвящены работы П. Пакканен⁷, О.В. Богатовой⁸.

Различные формы синкретизма, его предпосылки, факторы формирования и характерные черты рассматриваются в энциклопедических статьях К. Колпе, Г. Фритца, Х. Мейнелла и др.⁹. А.П. Забияко¹⁰, Е.А. Элбакян¹¹, И.А. Левинская¹², Ю.В. Архипова¹³, Л.А. Кравчук¹⁴, К. Рудольф¹⁵, А.Н. Данненберг¹⁶, Д.М. Латышев¹⁷,

⁷ Pakkanen P. Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism. 2011. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOplPvAhXjkYsKHYbmAoAQFjAAegQIBAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokoder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3Dis-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNKWtqWav8v54ZU7> (accessed: 05.04.2016).

⁸ Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 – Всеобщая история (История Древней Греции и Рима). СПбГУ. СПб., 1998. 256 с.

⁹ Colpe C. Syncretism [First Edition] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8926–8934; Fritz G. Syncretism [Further Consideration] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8934–8938; Meynell H. Syncretism // Encyclopedia of religion and society / Eds. William H. Swatos, Jr., Peter Kivisto, Barbara J. Denison, James McClenon. Walnut Creek, Calif.: AltaMira Press, 1998; Law J., Afdal G., Asdal K., Lin Wenyuan, Moser I., Singleton V. Modes of Syncretism. Notes on Noncoherence // Common Knowledge. 2013. 20:1. P. 172–192.

¹⁰ Забияко А.П., Кравчук Л.А. Синкретические религиозные учения: история и современность // Вестник АмГУ. 2002. Вып.: Межвуз. науч. сотрудничество. С. 34–36; Забияко А.П. Синкретизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 984; Забияко А.П. Квазирелигии: сущность и типология (современные методологические подходы) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 84–91; Современные контексты магии, религии и паранормы: моногр. / Ю. М. Сердюков, А.П. Забияко [и др.]. М.: Академия, 2008. 272 с.; Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций: моногр. / А. П. Забияко [и др.]. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. 208 с.

¹¹ Элбакян Е.С. Квазирелигиозность // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. С. 649; Элбакян Е.С. Новые религиозные движения эпохи пост-модерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. № 1. С. 36–51.

¹² Левинская И.А. Синкретизм: термин и феномен // Страницы: богословие, культура, образование. 1998. № 3(4). С. 558–567.

¹³ Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры: авт. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13: Религиоведение, философская антропология, философия культуры по философским наукам. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d/?#?page=1>.

¹⁴ Кравчук Л.А. Синкретические религиозные учения: история и современность // Религиоведение. 2002. № 4. С. 141–145.

¹⁵ Рудольф К. Синкретизм – от теологического ярлыка к религиоведческому термину // Религиоведческие исследования. 2013. № 7–8. С. 195–212.

¹⁶ Данненберг А.Н. Религии переходного типа (на материале афро-кубинского религиозного синкретизма) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 34.

¹⁷ Латышев Д.М. Религиозный синкретизм: основные условия и причины возникновения // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы: Сборник научных статей. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2016. С. 299–303.

Р.А. Силантьев¹⁸, Е.В. Беляева¹⁹, Ю.В. Гаврилова²⁰, М.О. Сидакова²¹ сравнительно анализируют этапы истории изучения и употребления понятия «синкретизм» в западной и отечественной традиции, рассматривают синкретизм в историческом контексте развития и многообразия его форм.

К фундаментальным работам по изучению ранней формы синкретизма (несмотря на то, что термин как таковой в них практически не употреблялся), рассматриваемого в качестве недифференцированных представлений первобытного человека, относятся труды классиков – Л. Леви-Брюля²², Э. Тайлора²³, Дж.Дж. Фрезера²⁴, Э. Лэнга²⁵, А. Тойнби²⁶, Ш. де Бросса²⁷ и др. С мифологических позиций и в сравнительном ключе проблемам синкретизма посвящены некоторые работы М. Элиаде²⁸, Е.М. Мелетинского²⁹, А.Ф. Лосева³⁰ и др. До- и послереволюционный отечественный периоды изучения различных черт генетического синкретизма с

¹⁸ Силантьев Р.А. Афрохристианские течения // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С. 686–687; Силантьев Р.А. Корейские синкретические секты // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С. 756–757; Силантьев Р.А. Афрохристианские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983; Силантьев Р.А. Карибские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778; Силантьев Р.А. Корейские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382; Силантьев Р.А. Новозеландские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705 и др.

¹⁹ Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. Философия. Социология. Право. Психология. Педагогика. Брест. 2008. № 4. С. 45–52.

²⁰ Гаврилова Ю.В. Внешнее естественное как фактор формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 50–54; Гаврилова Ю.В. Особенности исторических форм религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 73–80; Гаврилова Ю.В. Причины формирования религиозных синкретических систем // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2015. № 6. С. 14–18; Гаврилова Ю.В. Структура факторов формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. 2010. № 22. С. 168–173.

²¹ Сидакова М.О. Проблематизация значения понятия «синкретизм» и его синонимы // Религиоведение. 2020. № 2. С. 42–52; Сидакова М.О. Интерпретация концепта «религиозный синкретизм» в западно-европейских и российских исследованиях // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 4. С. 57–67.

²² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

²³ Тайлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. / Под ред., с пред. и прим. проф. В.К. Никольского. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с.

²⁴ Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь / Пер. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

²⁵ Lang A. Myth, ritual and religion. London: Longmans, Green, 1887. 282 p.

²⁶ Тойнби А.Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ, 2009. 868 с.

²⁷ Де Бросс Ш. О фетишизме [Сб.]. М.: Мысль, 1973. 208 с.

²⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3-х томах / Пер. с фр. М.: Критерион, 2002; Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 256 с.; Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.; Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.

²⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит-ра, 2000. 407 с.

³⁰ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Директ-Медиа, 2007. 468 с.

историко-этнографических позиций отмечены работами А.Н. Веселовского³¹, В.О. Ключевского³², Вс.Ф. Миллера, С.А. Токарева³³, Л.Я. Штернберга³⁴, Н.С. Капустина³⁵, М.С. Кагана³⁶ и др.

Синкретические элементы в мифологическом мировоззрении, мифоритуальной, культовой, обрядовой практике славянской духовной культуры с историко-религиозных и мифологических позиций изучали, например, П.С. Ефименко, А.С. Фаминцын, М. Соколов, П.В. Шейн, С.В. Максимов, Е.В. Аничков, Н.М. Гальковский, Д.Г. Гумилевский, Е.Е. Голубинский, Н.И. Костомаров, Н.Ф. Сумцов, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, Н.Н. Виноградов, В.Н. Харузина, А. Ветухов, Д.К. Зеленин, И.Л. Станкевич, Б.А. Рыбаков, А.А. Кононенко, Л.Н. Виноградова, Л.А. Чёрная, И.А. Мудрова и др. Для современного этапа научных исследований синкретизма в его славянском срезе важны работы А.П. Забияко³⁷, Н.А. Криничной³⁸, В.Я. Петрухина³⁹, И. Левин⁴⁰.

Особая заслуга также принадлежит Н.М. Маторину⁴¹, одной из главных задач которого стала выработка практической методики исследования «живой религии».

³¹ *Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 373 с.

³² *Ключевский В.О.* Курс русской истории: в 3-х т. М., 1908–1916.

³³ *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.; *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира / под ред. А.Н. Красникова. М.: Республика, 2005. 542 с.

³⁴ *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. 571 с.

³⁵ *Капустин Н.С.* Особенности эволюции религии. М.: Мысль, 1984. 222 с.

³⁶ *Каган М.С.* Морфология искусства. М.: Искусство, 1972. 440 с.

³⁷ *Забияко А.П.* Народная религия // *Религиоведение: энцикл. слов.* / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2006. С. 672–667; *Забияко А.П.* Язычество: от религии крестьян до киберрелигии: Средневековая христианизация язычества и паганизация христианства: русский опыт: (ст. 2) // *Религиоведение.* 2006. № 1 С. 69–80; *Забияко А.П.* Начала древнерусской культуры: учеб. для 9–11 кл. сред. общеобраз. шк.: рек. Моск. ком. образования. М.: Пайдейя.: Московские учебники, 2002. 479 с.

³⁸ *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.; *Криничная Н.А.* Посвящение в колдуны: Историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // *Этнографическое обозрение.* 2002. № 2. С. 10–23; *Криничная Н.А.* Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. 1008 с.

³⁹ *Петрухин В.Я.* Боги и бесы русского средневековья: род и рожаницы и проблема древнерусского двоеверия. Славянский и балканский фольклор // *Народная демонология.* М., 2000. С. 315–343; *Петрухин В.Я.* Древнерусское двоеверие: понятие и феномен // *Славяноведение.* 1996. № 1. С. 44–47.

⁴⁰ *Levin E.* Dvoeverie and Popular Religion, 1991; *Levin E.* Supplicatory Prayers as a Source for Popular Religious Culture in Muscovite Russia, 1997; *Levin E.* Childbirth in Medieval Russia, 1991; *Levin E.* Lay Religious Identity in Medieval Russia: The Evidence of Novgorod Birchbark Documents, 1997; *Levin E.* From Corpse to Cult, 2003.

⁴¹ *Маторин Н.М.* К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма. Л., 1934. С. 337–358; *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе. Пятница-богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931; *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929; *Маторин Н., Невский А.* Программа для изучения «православного язычества» (религиозный синкретизм среди принявших православие народов СССР «двоеверие») // *Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М.*

Маторин выступал против активного использования термина «двоеверие», полагая, что этот синкретический феномен имеет не механически соединённые основания, а «амальгамную» природу.

Различным синкретическим образованиям, так или иначе связанных с христианством, посвящены работы, например, Г.Л. Ричарда⁴², М. Бойс⁴³, Р. Стокмана⁴⁴, Чханвон Пака⁴⁵. В работах отечественных исследователей отдельному осмыслению подлежит феномен синкретизма в среде нерусских народов, проживающих на территории России⁴⁶, а также в культурах за пределами России и особенно – на Востоке⁴⁷.

Постмодернистские тенденции в процессах синкретизации, их взаимосвязь с НРД, глобализацией, секуляризацией, универсализацией, фундаментализмом,

Шахнович, Т.В. Чумакова. СПб., 2016. С. 253–272; Маторин Н., Невский А. Программа для изучения бытового православия. Л., 1930.

⁴² Richard H.L. Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter // International Journal of Frontier Missiology. Winter 2014. No. 209.

⁴³ Boyce M. A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World // Lecture. London: London Williams's Trust, 1988.

⁴⁴ Stockman R. The Baha'i Faith and Syncretism // R. Stockman, J. Winters. Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith. Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. P. 159–162.

⁴⁵ Chang-Won Park. Cultural Blending in Korean Death Rites. London: Continuum, 2010. 228 p.

⁴⁶ См., например: Романова С.А. Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари // История христианизации народов Среднего Поволжья. Чебоксары, 1988. С. 104–112.; Мокшин Н.Ф. Религиозный синкретизм у мордвы // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 49–57; Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 51–57; Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 35–49; Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 51–57; Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Этнографическое обозрение. 1989. № 3. С. 39–48; Селёзнев А.Г., Селёзнева И.А. Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176>; Селёзнев А.Г., Селёзнева И.А. Религиозный синкретизм, народный ислам, региональные культы (теоретические заметки) // Народная культура: личность, творчество, досуг. Омск, 2003. С. 80–82; Селёзнев А.Г., Селёзнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.; Завадская Е.А. Синкретические тенденции в современном сибирском шаманизме: интервью с шаманкой Светланой Ворониной // Религиоведение. 2015. № 2. С. 148–161; Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984. 123 с. и др.

⁴⁷ См., например: Гусев И.В. Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР: на примере секты «Фалуньгун»: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 Социология культуры; Моск. гос. техн. ун-т «Станкин». М., 2004. 21 с.; Зельницкий А.Д. Китайский «религиозный синкретизм». СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2008. 139 с.; Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2005. 146 с.; Гобозова В.И. Религиозный синкретизм в истории духовной культуры Осетии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. М., 1996.; Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и обрядовой практике: авт. дисс. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / 07.00.07: Этнография, этнология и антропология. – Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v/270501/a/#?page=1>; Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отрицания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1974. 355 с. и др.

индивидуализмом рассматривают Д. Коттер⁴⁸, П. Лауде⁴⁹, Т. Сегадис⁵⁰, К. Хартни⁵¹, Л. Пенн⁵², Я. Питерс⁵³, Д. Леманн⁵⁴, У. Десси⁵⁵, Д.А. Таевский⁵⁶, Ю.В. Рыжов⁵⁷, И.В. Катерный⁵⁸, Г.Е. Боков⁵⁹, О.С. Тютина⁶⁰, О.Ю. Гудошникова⁶¹, Е.Г. Романова⁶² и др. Значительный интерес в западной науке вызывает современный религиозный синкретизм в его субъектно-индивидуальном воплощении⁶³.

⁴⁸ *Cotter J.* The New Age and Syncretism, in the World and on the Church. Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. 38 p.

⁴⁹ *Laude P.* Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal // International Journal of Social Science and Humanity. July 2013. Vol. 3. No. 4. P. 386–389.

⁵⁰ *Segady Th.W.* Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States // Free Inquiry in Creative Sociology. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 26–36.

⁵¹ *Hartney Ch.* Syncretism and the End of Religion(s) // Sydney Studies in Religion. 2008. P. 233–248.

⁵² *Penn L.* False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion. Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004.

⁵³ *Pieterse J.N.* Globalization as Hybridization. Working Paper Series. No. 152. June 1993.

⁵⁴ *Lehmann D.* Fundamentaism and Globalism. URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUNDAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf>.

⁵⁵ *Dessi U.* Japanese Religions and Globalization. L.-NY, 2013. 191 p.

⁵⁶ *Таевский Д.А.* Синкретические религии и секты: Словарь-справочник. М.: In-trada, 2001. 160 с.

⁵⁷ *Рыжов Ю.В.* Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве // Электронная библиотека Marco Benitti. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_index.shtml; *Рыжов Ю.В.* Новая религиозность в современной культуре: автореф. дисс. ... д-ра культ.: 24.00.01. М., 2007. 23 с.

⁵⁸ *Катерный И.В.* На пути к новой религиозной картине мира // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 100–102.

⁵⁹ *Боков Г.Е.* Кризис веры: утрата сакрального // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь». СПб., 2001. С. 37–39.

⁶⁰ *Тютина О.С.* Неоязыческие образования и новые религиозные движения как культурно-мировоззренческий феномен постмодерна // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 9. С. 50–53.

⁶¹ *Гудошникова О.Ю.* Развитие родовой человеческой универсальности и художественной культуры: от первобытного синкретизма к синкретизму «постмодерна» // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097>.

⁶² *Романова Е.Г.* Маргинальность Ананда Марга как специфический вариант синкретизма новых религиозных объединений XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. 30 (2). С. 108–114.

⁶³ *Batterfield H.* Reflections on Religion and Modern Individualism // Journal of the History of Ideas. Jan. Mar., 1961. Vol. 22. No. 1. Pp. 33–46; *Daiber K.-F.* Mysticism: Troeltsch's Third Type of Religious Collectivities // Social Compass. September 2002. Vol. 49. No. 3. Pp. 329–341; *Iversen H.R.* Secular Religion and Religious Secularism: A Profile of the Religious Development in Denmark since 1968 // Nordic Journal of Religion and Society. 2006. No. 2. Vol. 119. Pp. 75–92; *Cohen A., Hill P.* Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants // Journal of Personality. August 2007. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 709–742; *Madsen R.* The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today // American Journal of Sociology. March 2009. Vol. 114. No. 5. Pp. 1263–1301; *Stark R.T.Jr.* Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities. Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. Pacific University [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://commons.pacificu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1201&context=spp>; *Griebel J.* Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices [Электронный ресурс]. Abstract of Thesis for the Degree of Master of Arts. Baylor University, 2011. URL: https://baylor-ir.tdl.org/baylor-ir/bitstream/handle/2104/8143/Jenna_Griebel_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y; *Levin Yu.* Pluralism, Individualism and Religious Liberty [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/corner/374081/pluralism-individualism-and-religious-liberty-yuval-levin>; *Stewart E.* Individualism Increases Religious Pluralism [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch/>, etc.

Диалог Востока и Запада (прежде всего в его философском измерении) с компаративистских и кроскультурных позиций рассматривает А.С. Колесников⁶⁴, отмечая не только взаимный интерес восточных и западных философов и учёных к культурному, религиозному, философскому наследию, но и симпатии к нему и взаимопроникновение элементов этого наследия во взгляды и работы некоторых исследователей (например, Э.Э. Ухтомского, Б. Рассела, Фэн Юланя, Ху Ши, Нисида Китаро, П.Р. Саркара и др.). Синкретические тенденции в китайской культурной среде, религии, ментальности рассматриваются в работах Л.С. Васильева⁶⁵, А.Д. Зельницкого⁶⁶, Тань Аошуан⁶⁷, а также в классических трудах А. Масперо, В.В. Малявина, К.М. Тертицкого, А.И. Кобзева, Е.А. Торчинова и др. Народной религии и процессам соприкосновения русской и китайской культур в дальневосточном регионе и на северо-востоке Китая посвящён ряд работ А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуяна⁶⁸. Разнообразные формы синкретических оснований и маргиналий, особенности мировосприятия и миромоделирования в социокультурной и художественной среде дальневосточной диаспоры получили значительное рассмотрение в трудах А.А. Забияко⁶⁹, Г.В. Эфендиевой⁷⁰, Е.О. Кирилловой⁷¹, И.А. Дябкина⁷², О.Е. Цмыкал⁷³, К.А. Землянкой (Крыжанской)⁷⁴.

⁶⁴ Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток–Запад: Учеб. пос. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 390 с.; Колесников А.С. Методология компаративистского изучения философии и культуры Востока // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 1. С. 19–29; Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э. Ухтомский // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011. С. 156–167; Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Запад, Россия, Восток в геополитической эссеистике Э.Э. Ухтомского // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб.: Издательство А. Голода, 2012. С. 206–220; Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Россия и Восток в протоевразийстве Э.Э. Ухтомского: монография. М.: Изд-во «КноРус», 2021. 278 с.

⁶⁵ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.; Васильев Л.С. История религий Востока. М.: КДУ, 2006. 704 с.

⁶⁶ Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2005. – 146 с.; Зельницкий А.Д. Китайский «религиозный синкретизм». СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2008. 139 с.

⁶⁷ Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

⁶⁸ Забияко А.П. Русские и китайцы: перспектива рецепции китайских верований // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке: тез. докл. XII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир»: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2001. С. 85–88; Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 160–172; Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В. Народное православие русских Трёхречья // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–136; Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. № 17. С. 109–125; Забияко А.А., Забияко А.П. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трёхречья) // Emigrantologia Słowian. 2015. Vol. 1. S. 13–25; Забияко А.А., Забияко А.П. Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья // Религиоведение. 2016. № 4. С. 96–111; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 340 с.; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские в Трёхречье: частные истории

формирования маргинальной этничности (Иван Васильев) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал; кор.: О.Е. Цмыкал. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. 2018. С. 196–211; *Забияко А.А., Забияко А.П., Чжан Ж.* Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. Вып. 5. С. 135–151; *Зиненко Я.В., Цзюй Куньи.* «Мы жили в Харбине как при царской Рос-сии»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 363–371; *Чжан Жуан.* Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Благовещенск, 2019. 273 с.

⁶⁹ *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 351 с.; *Забияко А.А. М.В. Щербаков:* человек Дальневосточного фронта в поиске корня жизни // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2015. № 1 (45). С. 111–117; *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2016. 437 с.; *Забияко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169; *Забияко А.А.* Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 91–102; *Забияко А.А.* Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 160–175; *Забияко А.А.* Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290 и др.

⁷⁰ *Эфендиева Г.В.* Библийские образы и мотивы в поэзии Ольги Тельтофт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Отв. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003. С. 334–340; *Эфендиева Г.В.* Поэтическая религиозность русских поэтесс-эмигранток (по страницам харбинской лирики) // Религиоведение. 2006. № 4. С. 109–118. *Эфендиева Г.В.* Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006. 219 с.; *Эфендиева Г.В.* «Обманчиво несложная» поэтесса (о поэтическом мире Лариссы Андерсен) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Благовещенск, 2009. С. 123–135; *Эфендиева Г.В.* Религиозные основы женской лирики русского Харбина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и Международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 289–302; *Эфендиева Г.В.* Проблема этнической идентификации поэтов-эмигрантов русского Харбина // Русский язык за рубежом. 2011. № 1 (224). С. 72–78 и др.

⁷¹ *Кириллова Е.О.* Межкультурные взаимодействия в литературе русской дальневосточной эмиграции: ориентальная мифология Бориса Юльского // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 146–158; *Кириллова Е.О.* Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 2. С. 70–74; *Кириллова Е.О.* Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов): монография. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. 276 с.; *Кириллова Е.О.* Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н.А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансконтинентальности. Региональный образ священного дерева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4 (73). 156 с. С. 92–98; *Кириллова Е.О.* Переплетение культурных пространств Востока и Запада в творчестве писателя русского зарубежья Б. Юльского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 5 (74). 169 с. С. 81–89; *Кириллова Е.О.* Межкультурные взаимодействия в литературе русской дальневосточной эмиграции: ориентальная мифология Бориса Юльского // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). Сентябрь. С. 146–158; *Кириллова Е.О.* Восточные темы, мотивы, образы в творчестве поэта и прозаика русской дальневосточной эмиграции Михаила Щербакова // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы: Сб. науч. труд. по мат. Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета (Тайвань) и Дальневосточного федерального университета (Владивосток), 4–7 декабря 2014 года. Тайвань: Издательство факультета русского языка и литературы ТКУ, 2015. С. 11–31; *Кириллова Е.О.* Репрезентация сакральных китайских и тунгусо-маньчжурских образов животных и растений в творчестве русского писателя-эмигранта Б. Юльского // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 17 / под ред. Ли Симэй, Андриенко Е.В. Тайбэй, 2016. С. 135–158; *Кириллова Е.О.* Японские образы в творчестве дальневосточных писателей. Рассказ М.В. Щербакова «Иринари» // Материалы XXXIII Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). 31 августа – 1 сентября 2017 г., Владивосток. Сборник статей / отв. ред. Ларин В.Л., В. Удзимото, В.В. Кожевников. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 78–88 и др.

⁷² *Дябкин И.А.* Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья): дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. Благовещенск, 2014. 186 с. *Дябкин И.А.* Неомифологические трансформации образа разбойника в художественной этнографии Русского Харбина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2012. Вып. 9. С. 240–248; *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Образ разбойника в контексте «фронтальной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и

Перечисленные и другие работы в значительной мере поспособствовали изучению процессов синкретизации, реконструированию истории исследования феномена религиозного синкретизма, выведению общих и частных факторов его возникновения, определению различных видов и типов синкретизма, однако, на наш взгляд, многомерность и изменчивость самого феномена, а также расширение научного-теоретического горизонта, введение в научный оборот новых результатов исследований и материалов позволяют развивать и углублять исследование данной темы.

Объектом диссертационного исследования выступает феномен религиозного синкретизма в его различных проявлениях.

Предметом исследования являются религиозно-синкретические основания ментальности и культуры дальневосточной русской эмиграции на северо-востоке Китая.

социальных отношениях. Пенза-Прага: Сфера, 2011. С. 170–181; *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // *Религиоведение*. 2013. № 4. С. 139–156; *Дябкин И.А.* Религиозные коннотации образов Китая и китайцев в дальневосточном фольклоре // *Религиоведение*. 2013. № 1. С. 172–183; *Дябкин И.А.* Культурные традиции китайцев в восприятии дальневосточного писателя-эмигранта: Повесть П.А. Северного «Фарфоровый китаец качает головой» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 6. С. 161–166 и др.

⁷³ *Цмыкал О.Е.* Китай и Корея в воспоминаниях Лариссы Андерсен // *Современные проблемы науки*. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. С. 200–202; *Цмыкал О.Е.* Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. Т. 15. № 4. С. 237–243; *Забияко А.А., Цмыкал О.Е.* Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации // *Религиоведение*. 2018. № 4. С. 131–144; *Цмыкал О.Е.* Художественные искания поэтов дальневосточного зарубежья: версификационная поэтика Лариссы Андерсен // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 447–457; *Забияко А.А., Цмыкал О.Е.* Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55.

⁷⁴ *Землянская К.А.* Мистика и магия в русском Харбине 1920–1940-х гг. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. / под ред.: А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Ван Цзяньлин, на англ. О.Е. Пышняк*. Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. С. 323–335; *Крыжанская К.А.* Мистическое начало в прозе харбинских писателей // *Вестник АмГУ*. Вып. 42. Благовещенск, 2008. С. 99–101; *Крыжанская К.А.* Мультирелигиозный характер художественного пространства сборника А.П. Хейдока «Звёзды Маньчжурии» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству*. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. Вып. 8. С. 241–248; *Крыжанская К.А.* Теософия и Агни йога в творчестве А.П. Хейдока как форма этнокультурной самоидентификации // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству*. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. Вып. 8. С. 393–403; *Крыжанская К.А.* Теософские искания в харбинской культуре // *Русский Харбин, запечатлённый в слове*. Вып. 3. Литературоведческая россика: Сборник научных статей, посвящённый 95-летию Л. Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 42–47; *Крыжанская К.А.* Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // *Лосевские чтения-2010*. Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. 2010. С. 42–54 и др.

Цель диссертации – эксплицировать особенности и специфические черты религиозно-синкретических образований в дальневосточной эмигрантской среде с учётом исторических, социокультурных, политических, субъективно-индивидуальных и иных аспектов.

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) раскрыть понятие религиозного синкретизма и обозначить основные существующие типы;
- 2) обозначить особенности фронтальной ментальности русских эмигрантов и характерные черты их социокультурной жизни;
- 3) реконструировать религиозно-синкретические образы и идеи, отобразённые на страницах эмигрантской периодики в публицистических и литературных текстах;
- 4) проанализировать влияние ориентальной культуры на художественное творчество русской эмиграции восточной ветви.

Хронологические и территориальные рамки исследования

История русской эмиграции на северо-востоке Китая в целом охватывает временной период с конца XIX века до середины XX века, поэтому в нашем исследовании мы ориентируемся на эти временные рамки. Несмотря на существование большого количества оазисов русского присутствия в Китае (Пекин, Шанхай, Мукден, Дайрен, Порт-Артур, Чаньчунь, Цицикар, Хайлар, Трёхречье и др.) наше внимание обращено, прежде всего, на Харбин – изначально основанный русскими как станция строящейся Китайско-Восточной железной дороги, город становится связующим звеном и крупнейшим центром русской эмиграции.

Источниковая база исследования

Основными источниками диссертационного исследования выступают художественные и публицистические тексты дальневосточных эмигрантов, архивные материалы (прежде всего, периодические издания) Центра изучения дальневосточной эмиграции (г. Благовещенск), Центральной научной библиотеки ДВО РАН (г. Владивосток).

Методологические основы исследования

В ходе работы над диссертационным исследованием автор ориентировался на общенаучные принципы: принцип детерминизма, принцип соответствия, принцип системного подхода. В соответствии с поставленными задачами автором был использован комплексный методологический подход, включавший такие методы научного познания как сравнительно-религиоведческий анализ, герменевтический и текстологический методы (прежде всего – метод структурного анализа (по Ю.М. Лотману) с учётом биографического, исторического, культурного контекстов), дескриптивный метод, метод исторической реконструкции, индуктивный и дедуктивный методы, а также ряд других, позволивших в совокупности достичь поставленной цели исследования.

Научная новизна исследования заключается в:

- 1) выявлении основных модификаций религиозного синкретизма и обосновании исторической преемственности, темпоральной и онтологической обусловленности и фундаментальности синкретизма для человеческого мировосприятия;
- 2) уточнении определения фронтальной ментальности и вычленении характерных особенностей ментальности русских эмигрантов;
- 3) экспликации основных религиозно-синкретических образов и тем, отражённых в периодических изданиях русской эмиграции;
- 4) выявлении ключевых ориентальных мотивов, выраженных в художественно-этнографических произведениях русских эмигрантов в связи с особенностями их индивидуального мировоззрения;
- 5) внедрении в научный оборот новых письменных источников в ракурсе религиоведческого исследования;
- 6) создании с позиций религиоведения общей картины религиозно-синкретических тенденций в среде восточной русской эмиграции с учётом социокультурных, исторических, онтологических, темпоральных и субъективно-индивидуальных аспектов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве теоретико-методологической основы диссертации выступает операционализированное применительно к контексту исследования определение религиозного синкретизма: религиозный синкретизм – это форма бытия религиозных явлений, содержанием которой выступает сопряжение в целостность разнородных религиозных компонентов или сущностно разнородных компонентов религиозного и нерелигиозного характера. Предельным основанием религиозного синкретизма является стремление человека выйти за границы наличествующих обстоятельств религиозной жизни и бытия, преодолеть объективно данную или субъективно переживаемую раздробленность существования и создать целостность, устраняющую противоречия. Религиозный синкретизм, производный от экзистенциально важных интенций человека, сопровождает всю историю религии, варьируясь в разных модификациях. К основным модификациям (формам) религиозного синкретизма относятся: 1) синкретизм, связанный с выделением человечества из природы, формированием границ между человеком и окружающим миром и, как следствие, со стремлением преодолеть эти границы; 2) синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозными системами и направленный на преодоление религиозных границ, создание непротиворечивой религиозной целостности; 3) синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозной системой, с одной стороны, и обособившимися от неё философскими, политическими, художественными, иными системами, с другой стороны; эта модификация допускает тотальный синтез религиозных, философских, эстетических, социальных, научных и прочих компонентов с целью создания универсальной духовной целостности.

2. Русские дальневосточники и эмигранты являются носителями особой, фронтальной ментальности как особого мировосприятия, присущего индивидуальному и коллективному сознанию в его в глубинном измерении, облечённого в особую культурную картину мира, связанного с историческим временем, географическим положением, этническими и социальными группами, и представляющего собой идейно-психологическую формацию, включающую специфические эмоцио-

нальные реакции и предрасположенность к процессам маргинализации и синкретизации. Условия фронтальной окраины способствуют тому, что вектор культурного развития на Дальнем Востоке отклоняется от магистрали центра и тяготеет к местным особенностям, условиям и законам, сохраняя витальность и творческий потенциал. Русская эмиграция в Китае – это «Россия в миниатюре», сложное образование, сохранившее родной язык и культуру, но приобретшее инокультурные и фронтальные особенности. Фронтальное положение эмиграции стимулировало процессы синкретизации и накладывало на них регионально и культурно специфические черты.

3. При сохранении православной веры в качестве опорного элемента, в экзистенциальную орбиту восточной эмиграции включается интерес к мистике, эзотерике, магии, спиритизму, спиритуализму, гороскопам, гаданиям, ясновидению, предсказаниям и т.д., что было не только соответствием общеевропейским настроениям и отголосками дореволюционной культуры, но и результатом порубежного положения эмигрантов и влияния особой социокультурной и исторической реальности. Этот интерес выражался в двух основных аспектах – практическом, к которому относятся всевозможные эзотерические услуги, и теоретическом, прежде всего выражавшемся в форме публикаций, где основными семантическими доминантами становятся спиритизм и спиритуализм; магия и мантика; суеверия; иерофания, мистический и религиозный опыт.

4. Фронтальное положение эмигрантов заставляет их обратить внимание на особенности культуры народов, проживавших на Дальнем Востоке в целом и на северо-востоке Китая в частности, и изложить их не только в научных этнографических очерках, но и художественно осмыслить в литературном творчестве. Стремление русских эмигрантов к преодолению границ с восточной культурой выливается в разнообразные художественно-этнографические произведения. В них раскрываются сюжеты, образы и реалии корейской, японской, китайской, маньчжурской и других культур: хунхузничество, тигриная мифология, мифы о женьшене, деификация героев, сакрализация и мифологизация пространства (особенно – в таёжной мифологии), легенды о духах, драконах, оборотнях (прежде всего, лисах),

буддийские, даосские, синтоистские образы и божества и многое другое, к чему нередко примешиваются различные европейские мистические и мифологические реминисценции.

Научно-практическая значимость исследования

Научно-практическая значимость исследования заключается в нескольких аспектах: создании показательной картины преемственности исторических форм религиозного синкретизма через осмысление процессов синкретизации в среде восточной русской эмиграции с позиций религиоведения; расширении и углублении знаний об историко-культурных процессах на Дальнем Востоке в первой половине XX века; формировании панорамного описания особенностей культуры дальневосточной эмиграции сквозь призму ряда феноменов: религиозного синкретизма, фронтальной ментальности, индивидуальной религиозности и др.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы как основа для дальнейшего развития данной темы, для разработки учебных пособий, рабочих программ по таким дисциплинам как феноменология религии, сравнительное религиоведение, история и теория мировой культуры, культурная антропология и ряда других, а также для подготовки спецсеминаров, открытых лекций и проведения экскурсий в залах Научного музея АмГУ.

Апробация диссертации

Основные положения диссертационного исследования были представлены на обсуждении на кафедре религиоведения и истории Амурского государственного университета.

Промежуточные результаты диссертационного исследования были представлены на следующих **научных конференциях**:

1. Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистическое содержание принципа свободы мысли, совести, религии и убеждений» (г. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 15 октября 2015 г.);

2. XII международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода» (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 18–19 мая 2016 г.);

3. Областная научно-практическая конференция «Новиковские чтения», посвящённая 125-летию основания Амурского областного краеведческого музея и 135-летию со дня рождения учёного-краеведа Г.С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 6–7 октября 2016 г.);

4. Третий конгресс российских исследователей религии: «Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы» (г. Владимир: Владимирский государственный университет, 7–9 октября 2016 г.);

5. XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (г. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 10–14 апреля 2017 г.);

6. Международный научно-практический семинар «Этнические контакты на Дальнем Востоке: история и современность» (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 14 апреля 2017 г.);

7. Российская национальная научная конференция «Современные проблемы науки» (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 22 декабря 2017 г.);

8. XIII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и этнические культуры» (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 23–25 мая 2018 г.);

9. IV Конгресс российских исследователей религии (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 24–28 сентября 2018 г.);

10. Международная междисциплинарная тунгусская конференция «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, оро-чоны и другие группы)» (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 14–16 июня 2019 г.);

11. XIV международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»: Народы и культуры Северо-Восточного Китая (г. Благовещенск: Амурский государственный университет, 17–18 сентября 2020 г.);

12. Научная конференция «Наука о религии в России: от прошлого к будущему» (г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный музей истории религии, 20–21 ноября 2020 г.);

13. Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития» (г. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 26 мая 2021 г.);

14. XIV Конгресс антропологов и этнологов России (г. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 6–9 июля 2021 г.);

15. Международная конференция online. Ностальгия: мифы, судьбы и литературный опыт русской эмиграции из цикла «Luminarze Rosyjskiej Emigracji / Великие имена русской эмиграции» (25–26 октября 2021 г.);

16. V Конгресс российских исследователей религии (г. Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии, 18–20 ноября 2021 г.).

Основное содержание диссертационного исследования **отражено в публикациях в периодических научных изданиях**, индексируемых в Scopus и Web of Science; включённых в перечень научных изданий ВАК РФ, РИНЦ⁷⁵.

⁷⁵ *Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsymkal O.E.* V. Han's Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. P. 3433–3439. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.461>. ISSN: 2357–1330; *Конталева Е.А.* Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2017. № 4. С. 62–78; *Конталева Е.А.* Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») // Религиоведение. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2018. № 2. С. 140–153; *Конталева Е.А.* Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма // Религиоведение. 2020. № 1. С. 43–66; *Конталева Е.А.* Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина) // Религиоведение. 2020. № 3. С. 45–54; *Конталева Е.А.* Этнографические изыскания П.В. Шкуркина: религиозные и культовые особенности культуры инородческих племён Китая // Религиоведение. 2020. № 4. С. 83–94; *Забияко А.П., Беляков А.Е., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И.* Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурской госуниверситет, 2016. 166 с.; *Конталева Е.А.* Историография изучения религиозного синкретизма: отечественные и зарубежные подходы // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2017; *Конталева Е.А.* Особенности религиозности в эпоху постмодернизма // Сборник материалов Российской национальной научной конференции «Современные проблемы науки», 22 декабря 2017 г., АмГУ, Благовещенск. С. 114–116; *Забияко А.П., Конталева Е.А.* Русские // Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. С. 60–78; *Забияко А.А., Зиненко Я.В., Конталева Е.А., Цмыкал О.Е.* «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан // *Emigrantologia Słowian*. Vol. 4. 2018. С. 15–28; *Конталева Е.А.* Синкретизм и идентитаризм движения ихэтуаней // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Вып. 12 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. С. 294–306; *Конталева Е.А.* Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток, 2019. С. 306–317; *Конталева Е.А.* Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. С. 402–409; *Конталева Е.А.*

1. Феномен религиозного синкретизма

1.1 Типы религиозного синкретизма: теоретические трактовки и исторический экскурс

В качестве теоретико-методологической основы, необходимой для решения основных исследовательских задач диссертации, нами были определены несколько основных форм существования феномена религиозного синкретизма и операционализировано применительно к контексту определение религиозного синкретизма. Религиозный синкретизм – это форма бытия религиозных явлений, содержанием которой выступает сопряжение в целостность разнородных религиозных компонентов или сущностно разнородных компонентов религиозного и нерелигиозного характера.

Пределным основанием религиозного синкретизма является стремление человека выйти за границы наличествующих обстоятельств религиозной жизни и бытия, преодолеть объективно данную или субъективно переживаемую раздробленность существования и создать целостность, устраняющую противоречия. Религиозный синкретизм, производный от экзистенциально важных интенций человека, сопровождает всю историю религии, варьируясь в разных модификациях.

К основным модификациям (формам) религиозного синкретизма относятся: 1) синкретизм, связанный с выделением человечества из природы, формированием границ между человеком и окружающим миром и, как следствие, со стремлением преодолеть эти границы; 2) синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозными системами и направленный на преодоление религиозных границ, создание непротиворечивой религиозной целостности; 3) синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозной системой, с одной стороны, и обособившимися от неё философскими, политическими, художест-

Китайская мифология в творчестве русского писателя-эмигранта Б.М. Юльского // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26 мая 2021 года) / М-во культуры Рос. Федерации, Краснодар. гос. ин-т культуры; ред. кол.: С.С. Зенгин, Н.А. Гангур, Н.Г. Денисов [и др.]. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 99–104.

венными, иными системами, с другой стороны; эта модификация допускает тотальный синтез религиозных, философских, эстетических, социальных, научных и прочих компонентов с целью создания универсальной духовной целостности.

Очевидно, отделение от природы, от животного мира отлагалось в раннем мировоззрении не только в позитивных идейно-психологических состояниях, но также и в негативных – оно вызывало переживания утраты родства с животным и природным окружением, связи с источниками жизни и силы. Человек стремится преодолеть возникшее разграничение с природой, вернуться в её пределы, вновь обрести некую целостность природного и человеческого бытия. Эта форма синкретизма наиболее отчётливо выражена фито- и зооантропоморфными образами в ранних формах религии (тотемизме, шаманизме и проч.), а также антропоморфизацией природы. Она сохраняется и на более поздних этапах религиозной истории. Например, в некоторых идеях даосизма, ведизма и других религий, не утративших связи с архаикой, – в идеях особой жизненной силы *ци*, источником которой является природа, зооморфных ипостасях пантеона и т.д.

Другая, исторически более поздняя модификация синкретизма – синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозными системами. Она формируется и существует на той стадии религиозной истории, когда религиозные системы догматически, культово и институционально обособляются друг от друга. Как правило, процесс религиозного обособления, дифференциации религий, внедрения извне аллохтонных религий происходит внутри относительно единого социума и культуры. В социокультурной среде он нередко порождает внутренние противоречия, переживается как разрыв с прошлым, с истоками и т.д. Возникающий и существующий в таких условиях религиозный синкретизм направлен на преодоление религиозных границ, создание непротиворечивой религиозной целостности.

Эта форма синкретизма наиболее распространена в античной древности и средневековье. Она подразумевает взаимодействие и взаимовлияние религиозных систем различного уровня и степени развития, а также соединение этих систем или отдельных религиозных элементов в некую целостность. Такая форма включает несколько измерений: сохранение элементов примитивных культов в более сложных

и развитых религиозных системах, в том числе в рудиментарном виде; воздействие развитых культов на более примитивные с сохранением основной идеи последних; взаимовлияние и взаимопроникновение нескольких развитых, сложных религий; различные религиозно-философские образования. Хотя все религиозные системы прошли через подобные процессы синкретизации в большей или меньшей степени, к числу ярких примеров воплощения этой формы синкретизма можно отнести индуизм, древнеримскую религию, вся история которой построена на конструировании новых комбинаций религиозного синкретизма, средневековые европейские этнорелигиозно разнообразные формы двоеверия и др.

Третья из выделенных нами модификаций религиозного синкретизма – синкретизм, возникающий в условиях наличия границ между религиозной системой, с одной стороны, и обособившимися от нее философскими, политическими, художественными, эстетическими, иными системами, с другой стороны. Она возникает тогда, когда разные формы общественного сознания достаточно чётко обособляются друг от друга и от религии, когда религия объективно утрачивает положение общей основы и санкции других типов мировоззрения. Но, с другой стороны, религия никогда не утрачивает стремления быть такой основой и санкцией. В религиозном сознании это стремление порождает интенцию к интеграции в новую целостность идей и практик, в которых религия играет доминирующую роль. Эта модификация допускает тотальный синтез религиозных, философских, эстетических, социальных, научных и прочих компонентов с целью создания универсальной духовной целостности. Заметным образом эта форма проявлена в религиозных исканиях конца XIX – начала XX в. (агни-йога, учение Рамакришны, религиозный универсализм, «космическая религия» А. Эйнштейна, т.д.), базовой синкретичности НРД и движений Нью-Эйдж, квазирелигиозных, ре- и неомифологических образованиях, молодёжных движениях (например, хиппи) и др. Носителем, идеалом этой формы синкретизма становится творческая личность, готовая преодолеть любые границы дифференцированного бытия – в том числе, вернуться к слиянию с природой.

Каждая из выделенных форм синкретизма, однажды возникнув, не прекращает своё существование: в зависимости от различных факторов, они могут сосуществовать или сменять друг друга в исторической перспективе. Каждой форме, помимо их природной дискретности и континуальности, в той или иной степени присущи такие дуалистические основания как естественность и искусственность, полнота и фрагментарность, экзогенность и эндогенность и др.

Данные определение и классификация представляют собой одни из многих возможных ввиду объективной сложности и многоаспектности феномена синкретизма. Выдвигая данную концепцию, мы, прежде всего, отмечаем её справедливость для европейской истории и рассматриваем её как теоретико-методологическую систему конкретного диссертационного исследования, предназначенную для более полного понимания феномена религиозного синкретизма в ментальности дальневосточной эмиграции.

Насколько известно, термин синкретизм (*synkrētismós*) впервые появляется у Плутарха в отношении критян, которые, несмотря на привычные междоусобицы, спланивались перед лицом внешнего врага⁷⁶. Латинизированное Эразмом Роттердамским понятие *syncretismus* (которое он использовал для обозначения сменяющихся коалиций периода религиозных войн или утверждения необходимости сплочения гуманистов против своих идейных врагов) получает осмысление в трудах западных христианских богословов⁷⁷. Позднее этот термин претерпевает значительные изменения, а в научный оборот истории религии понятие синкретизма входит благодаря исследователям XIX века, которые использовали его в целях определения специфических качеств и особенностей первобытного мышления.

Как само определение, так и границы его применения в религиоведении остаются предметом дискуссии, чему причиной не только объективная сложность самого феномена, но и тот факт, что все религиозные течения и традиции в какой-то мере являют собой синкретические конструкции в результате длительного

⁷⁶ Colpe C. Syncretism [First Edition] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8926.

⁷⁷ Fritz G. Syncretism [Further Consideration] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8934.

исторического взаимодействия и взаимовлияния. Понятие религиозного синкретизма включает в себя целый «конгломерат феноменов»⁷⁸, а также имеет точки соприкосновения с *эklekтизмом* в его философском понимании и противопоставляется по содержанию *религиозному плюрализму*, который предполагает многообразие сосуществующих, но не смешивающихся между собой религиозных традиций.

Исторически религиозный синкретизм можно разделить на несколько основных типов, хотя любое деление в определённой степени условно и представляет собой сложную задачу. В разное время исследователи предлагали различные классификации, включавшие, например, такие формулировки: «естественный», «первичный», «генетический», «искусственный», «иллюзорный», «антагонистический», «смешанный», «синергетический», «постмодернистский» и др.; в определении синкретизма включались такие термины, как «бриколаж», «мозаичность», «эklekтизм», «амальгамность», «нерасчленённость», «синтез», «гибридизация», «интеграция»... Подобная неопределённость свидетельствует о значительной сложности феномена, а также о наличии большого количества аспектов и особенностей, которые часто соотносятся не с одним, а с несколькими «типами» синкретизма. К тому же, нередко различные типы синкретизма, несмотря на их стадиальность, могут существовать параллельно или соподчинённо, т.к. в ходе исторического развития религиозный синкретизм претерпевает качественные изменения, но полностью не исчезает ввиду «<...> исторической преемственности и многокомпонентности религиозных феноменов»⁷⁹.

Однако, прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению типов религиозного синкретизма, обратимся к фундаментальным свойствам человеческого сознания и мышления, в котором возникают синкретические формы.

Разнообразные формы религиозного синтеза можно наблюдать уже на ранних этапах человеческой истории, в начале зарождения религиозных представлений. Развитие представлений об окружающей действительности начинается

⁷⁸ Михельсон О.К. Синкретические религии // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3664464.

⁷⁹ Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. Философия. Социология. Право. Психология. Педагогика. Брест. 2008. № 4. С. 45.

примерно 200–40 тысяч лет назад⁸⁰ во время *сапиентации* – появления человека современного типа (раннего *Homo sapiens*). Важнейшей его чертой становится способность к *абстрактному мышлению*, что определяет возможность постижения окружающего мира в отвлечённых формах: в сознании человека постепенно обретают очертания магические, мифологические и религиозные идеи и образы.

Одной из важнейших особенностей, определяющей динамическую природу сознания, является его *пограничный характер*: «Сознание как форма психического отражения находится на стыке (в месте соединения и различения) субъекта и объекта, индивидуального и коллективного, природного и культурного, непосредственно-чувственного и общественно-исторического опыта в содержании и структуре психического отражения, в психике человека»⁸¹. Этот «стык» фундирует само человеческое мировосприятие.

В период первобытнообщинного строя зарождающиеся религиозные верования находились между собой в неразрывном единстве и не существовали в чистом, «беспримесном состоянии». Более того, «нерасчленённый коллективизм первобытного общества переносится на природу, природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями в родовой общине, путём олицетворения, антропоморфизма, аниматизма»⁸². Наличие естественных синкретических оснований в религиозных верованиях на заре становления человеческих обществ широко подтверждается данными истории, археологии, культурной антропологии. Несмотря на это, употреблять понятие синкретизма для описания первых религиозных представлений можно с обозначенным выше условием: синкретизм первобытного мышления обусловлен *самим мышлением* и его *естественными особенностями*.

Итак, само существование синкретизма тесно связано с особенностями человеческого сознания в целом и религиозного сознания в частности. Одним из важнейших факторов их формирования является сама природа (в том числе,

⁸⁰ Деревянко А.П. Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(47). Новосибирск, 2011. С. 22.

⁸¹ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001. С. 10.

⁸² Яблоков И.Н. Мифологическое мышление // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006.

биологическое начало человека)⁸³. Творческая потенция сознания *неоантропа* складывалась в естественных условиях под воздействием диалектического единства природных и социальных факторов. Жизнедеятельность раннего человека как микрокосма органично встраивалась в макрокосмическую реальность, выступавшей в качестве обуславливающего начала и неотъемлемой части жизни, служащей фундаментом, материалом и сценой для разыгрывания первых ритуальных действий. Согласно марксистскому определению религии, «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»⁸⁴. В *imago mundi*⁸⁵ первобытного человека деревья, камни, облака, дождь, ветер и т.д. становятся живыми представителями сакрального пространства реальности и непосредственными участниками ритуалов.

Сенсуалисты⁸⁶ полагали, что *синтетическое функционирование сознания* определяет мышление, память и воображение в зависимости от данных эмпирического опыта. Тезис «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах»⁸⁷, который был выдвинут ещё Т. Гоббсом и П. Гассенди, получил широкое распространение в работах Дж. Локка. В соответствии с этим тезисом человек не может вообразить ничего, что не является результатом его индивидуального чувственного опыта: то есть, если разложить *любой* фантастический образ на простые элементы, станет очевидно, что каждый из этих элементов является объективной частью перцептивной реальности.

⁸³ См. например: *Анучин В.Г.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982. Идея о влиянии окружающей среды на становление психологических и физических особенностей человека, культуры, социально-политического устройства общества и проч, также находит отражение, например, в философской концепции «*географического детерминизма*» (Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер и др.), в марксизме (К. Маркс, Ф. Энгельс).

⁸⁴ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Соч. 2-изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 299.

⁸⁵ *Лат.* «картина мира».

⁸⁶ *Сенсуализм* – направление в теории познания, рассматривающее данные чувственного опыта основной формой познания. Среди представителей сенсуализма и разделяющих его положения можно назвать Эпикура, Э.Б. де Контильяка, Т. Гоббса, П. Гассенди, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, Л. Фейербаха и др.

⁸⁷ Ориг. *Nihil est in intellectu quod non antea fuerit in sensu* (нет ничего в сознании, чего раньше не было в ощущениях). Данное выражение также получило развитие в трудах Г.В. Лейбница, прибавлявшему к нему «*nisi intellectus ipse*» – «кроме самого сознания».

Однако Д. Юм, стоявший на позициях эмпиризма, выдвинул мысль о том, что сознание обладает естественной и необходимой творческой потенцией к выходу за границы чистой эмпирии и наращиванию неочевидных смыслов и значений, не выявленных непосредственно в акте восприятия. Имея тесную взаимосвязь с фантазиями, гносеологический процесс обладает значительными возможностями *конструирования реальности* в самых разных вариантах на основе «сырого материала» чувственного опыта. Юм особо подчёркивал как разницу, так и взаимосвязь между *впечатлениями* как результатом эмпирии и *идеями* (своего рода «синтетическими суждениями») как следствием работы сознания: у любой идеи можно обнаружить связь с породившим её впечатлением. Юм полагал, что все представления о божественном «...есть не что иное, как *сочетание идей*, которые мы приобретаем благодаря размышлениям над действиями нашего собственного ума»⁸⁸.

Потребность человека в религиозном *творчестве*, имеющую в своём основании стремление к антропоморфизму, отмечал и Л. Фейербах. Вслед за сенсуалистами Фейербах провозглашает эмпирию единственным реальным источником познания – следовательно, отрицает существование сверхчувственного, выводя начало религиозных представлений не из окружающей человека природной среды, а из его *собственной природы*: «Бог есть разум, выражающий и утверждающий себя в качестве высшего существа»⁸⁹. Боги – «*потребность мышления*», *продукты рационального творения, плоды фантазии*, феномен объективации человеком своей собственной сущности, отчуждения от неё и поклонения ей же.

Справедливым будет отметить, что упомянутый выше географический детерминизм не прекращает своё влияние на раннем этапе человеческой истории. Не только природа и её объекты подвергаются сакрализации, но и более поздние, развитые образы божеств и инобытийных существ принимают облик или наделяются качествами растений, животных, природных явлений, играющих особую роль в жизнедеятельности человека⁹⁰. Существуют известные примеры прямой

⁸⁸ Юм Д. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1996. С. 669.

⁸⁹ Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1995. С. 53.

⁹⁰ Гаврилова Ю.В. Структура факторов формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. 2010. № 22. С. 169.

взаимосвязи между наиболее оптимальными или, наоборот, непригодными условиями для жизни и той ролью, которую они играют в религиозных представлениях.

Сама идея существования сакральной реальности, отличной от обыденного мира, изначально строится на бинарных оппозициях (по К. Леви-Строссу): небо-земля, жизнь-смерть, день-ночь и т.д. Одними из важнейших двоичных комбинаций экзистенциальной мирорефлексии становятся оппозиции сакральное-профанное, своё-чужое и мы-они. Этот дуализм, возникший на самых ранних этапах человеческой истории и являющийся неотъемлемой частью мышления *homo religiosus*, определяет сложность человеческого мировосприятия и сохраняется и в последующие эпохи, и в настоящее время. По мнению М. Элиаде, даже нерелигиозный человек демонстрирует «крипторелигиозное» поведение: если первобытный человек сакрализует окружающее его пространство, а с развитием общества чётко отделяет священное и мирское измерения, то человек секулярной эпохи обнаруживает «<...> “святые места” его личной вселенной <...>: родной пейзаж, место, где родилась первая любовь, улица или квартал первого иностранного города, увиденного в юности <...>»⁹¹. В его сознании, по мнению Элиаде, эти места обладают тем же свойством «единственности», уникальности, инаковости, что и сакральное пространство для религиозного человека.

Таким образом, можно говорить о том, что религиозное мышление формируется под влиянием по крайней мере трёх основных факторов: окружающей природной среды как «внешнего естественного», биологического начала человека как «внутреннего естественного» и социального взаимодействия⁹², что определяет его изначальную, природную сложность как системного образования. Сложность религиозного мышления, вырастающая на почве символизма, метафоричности и полисемантизма, а также естественных особенностей функционирования самого сознания, с одной стороны, имманентна ему, а с другой – становится необходимой в

⁹¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 24.

⁹² Гаврилова Ю.В. Внешнее естественное как фактор формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 51.

ходе его дальнейшего развития и потребности в преодолении различных антиномий⁹³, к которым сознание раннего *Homo sapiens* не было чувствительно.

1.2 Религиозный синкретизм в фокусе отечественных и зарубежных исследований

На раннем этапе становления человеческой культуры формируется форма синкретизма, которая часто исследователями называется архаической, первобытной, генетической, первичной и т.п. Как правило, она подразумевает специфическую нерасчленённость первобытного сознания, слабую дифференциацию культа, практик, их тесную взаимосвязь со всеми сферами человеческой жизнедеятельности: так, религиозная практика древности соединяла магию, рисунки, танцы, музыку, песнопения и все варианты раннего словесного творчества⁹⁴. Это синкретизм «допонятийного мышления», «естественный синкретизм», который отличается изначальной целостностью представлений человека о мире и его месте в нём и широко представлен в проторелигиях и мифоритуальных комплексах: тотемизме, фетишизме, анимизме, магии, динамизме и т.д. Миф и ритуал являлись составляющими синкретической модели, противоречивой в своём единстве.

«Синкретический монолит», характерный для первобытного общества, определяет стадию развития и специфические черты этого общества, в котором любая деятельность и поведенческая активность является внутренним модусом процесса жизнедеятельности в целом⁹⁵. Человек не противопоставляет себя субъективно природе, а, напротив, объективно ей принадлежит: природе приписывается сверхчеловеческое, а человеку – сверхприродное⁹⁶. Более того, при своём рождении архаическое сознание «<...> парадоксально воспринимает мир, с одной стороны, как более высокое по разуму существо, создателя, с другой – как равного себе»⁹⁷.

⁹³ *Ополев П.В.* Сложность как предмет религиозного сознания // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 1. С. 158.

⁹⁴ *Забияко А.П.* Синкретизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 984.

⁹⁵ *Фетискин В.В.* Первобытный синкретизм // Философия и общество. 2002. № 2 (27). С. 121–137.

⁹⁶ *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 287.

⁹⁷ *Першин Ю.Ю.* Архаическое сознание: сущность и принципы: автореф. дисс.... д-ра филос. наук; 09.00.13. Омск, 2014. С. 11.

Синкретическое мышление раннего *Homo sapiens* субъективирует предметы и явления перцептивной реальности и создаёт эффект абсолютной справедливости и закономерности взаимосвязи объективных жизненных реалий и внутренних психических построений. Постепенно на этой базальной особенности строится общинно-родовое мифологическое мышление, не исключающее при этом гибкости и многообразия проявлений *индивидуальности* раннего человека, а вместе с ней – и постепенного отграничения от природы. Когда человек постепенно перестаёт непосредственно зависеть от природы, он начинает выступать не как природное, а как социально-креативное начало, в том числе, обожествляя созданные им предметы и тем самым косвенно поклоняясь своему могуществу и своей собственности в отчуждённой форме⁹⁸. Но отделённость от природы, формирование границ между ранним человеком и окружающим миром – это утрата, конец «золотого века», вызывающая стремление преодолеть возникшее разграничение. Ярче всего это стремление воплотилось в зоо- и фитоантропоморфизме ранних религиозных представлений, а также обратном процессе – антропоморфизации природы.

В XIX веке, в период становления дисциплин, подходящих к вопросу изучения религиозных верований с сугубо научной точки зрения – антропологии религии, социологии религии, истории религии, феноменологии религии, этнографии, культурной антропологии, – ранний синкретизм вызывает к себе повышенный интерес со стороны научного сообщества – прежде всего, у классиков, в рамках эволюционной теории и теории анимизма.

Анимистические представления широко распространены в религиозных традициях, у некоторых народов они существуют и поныне. В качестве рудиментов или в видоизменённой форме в результате эволюционного развития анимистические представления сохраняются и в мировых религиях. В рамках анимистической теории Э. Тайлор выражает идею общего синкретизма и преемственности религиозных верований: *«нет человеческой религии, которая стояла бы совершенно отдельно от других: мысли и принципы современного христианства имеют*

⁹⁸ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 143.

умственные нити далеко позади <...> в самых первых начатках человеческой цивилизации, и, может быть, даже самого существования человека»⁹⁹. Тайлор также отмечает дальнейшую *синкретическую трансляцию* анимистических верований.

В основе религиозного синкретизма древности, по мнению Лэнга, лежат «сверхнормальные феномены»¹⁰⁰, являющиеся объектами религиозного переживания и опыта: галлюцинаций, транса, экстаза, телепатического видения и пр. Сравнивая христианство и примитивные религии с эволюционистской точки зрения, он делает вывод о том, что «большинство заповедей Декалога и многие элементы христианской этики обнаруживают своё божественное санкционирование в религии дикарей»¹⁰¹.

По мнению Дж. Фрэзера, отправной точкой развития религиозного знания и главным свидетельством генетического синкретизма и неразделённости первобытного сознания и природы является магия: «дикари регулярно исполняли магические церемонии... для вызывания дождя и размножения растений и животных, которыми они кормились»¹⁰². Фрэзер уподобляет тотемизм социальной магии, имеющей целью воздействие на природу и изобилие продуктов потребления первобытного человека – растений и животных. На похожих позициях стоял Б. Малиновский.

Эта форма синкретизма тесно связана с пралогическим мышлением. Леви-Брюль, предложивший данную формулировку, полагал, что первобытное сознание *нечувствительно* к эмпирическому знанию и логическим противоречиям, а сами «первобытные люди ощущают себя в непосредственном и постоянном контакте с невидимым миром»¹⁰³, из чего следует не только особая форма архаического детерминизма, но и присущие этому мышлению законы: *закон партиципации (сопричастия)*, означающий, что объект для первобытного человека может быть одновре-

⁹⁹ Тайлор Э. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. С. 137.

¹⁰⁰ Лэнг Э. Становление религии // Религиоведение. Хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 389.

¹⁰¹ Там же. С. 401.

¹⁰² Фрэзер Дж. Предисловие ко второму изданию «Золотой ветви» // Религиоведение. Хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 411.

¹⁰³ Леви-Брюль Л. Мистический опыт и символы первобытных людей // Религиоведение. Хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 635.

менно и самим собой, и чем-то иным (тотемист может одновременно считать себя и человеческим существом, и животным), и *закон билокации*, то есть представления о возможности нахождения одного объекта в двух местах одновременно.

В качестве одного из свойств раннего синкретизма выступает, например, *тотемистическая инверсия* (по К. Леви-Строссу¹⁰⁴), при которой ассоциация и связь человека с тотемом у некоторых племён осуществлялась через опосредованные, двойственные и тройственные логические схемы, имевшие «поливалентную природу». Так, например, в качестве тотема одним из племён был выбран пеликан – потому, что он долго живёт. Следовательно, не сама птица была подлинным тотемом клана, а долголетие.

Леви-Стросс отмечает крайне сложные переплетения между объектами первобытного познания. Примитивное общество может отнести орла или белку к деревьям, т.к. они там обитают; олень символически может означать мир и т.д. Примечательной чертой генетического синкретизма древности Леви-Стросс видит *крайнюю осведомлённость первобытных народов о видах, классах, типах животных и растений, соотнесение их с частями человеческого тела*. Такого рода синкретизм встречается в мифологических комплексах и более развитых цивилизаций – например, в мифах о первочеловеке, творящем из своего тела вселенную (китайский Паньгу, индийский Пуруша, германо-скандинавский Имир и др.). В условиях низкой развитости языка в первобытном сознании могло происходить и прямое отождествление с тотемом: «я – медведь», «я – гора» и т.п. Подобные реминисценции характерны и для *таёжной мифологии*, отражённой в художественно-этнографических произведениях дальневосточных эмигрантов.

На схожих синкретических основаниях возникает и культ фетишей, который одним из первых с позиций сравнительного религиоведения рассматривал Ш. де Бросс. Несмотря на крайне широкую трактовку фетишизма и включение в него зоолатрии, тотемистических представлений, культа небесных светил и прочее, Де Бросс полагал, что, будучи одной из древнейших религиозных форм, в ходе

¹⁰⁴ *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.; *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Вост. лит-ра, 1995. 536 с.

истории фетишизм становится неотъемлемой частью более развитых религиозных культов: «Вследствие подобного смешения фетишизма с так называемым политеизмом <...> и находят у язычников разных четвероногих, птиц, рыб, растения и травы, посвящённые определённым богам, которые заняли их место»¹⁰⁵.

В рамках отечественной науки ранняя форма религиозного синкретизма изучался, прежде всего, этнографами и антропологами. Исследования этой области также получают распространение в XIX веке. Наибольшее внимание в отечественной науке уделяется синкретизму именно в *русском* сознании или же в сознании народов, проживающих на территории России.

Большой вклад в этом отношении был сделан Л.Я. Штернбергом, который с позиций эволюционизма изучал особенности культуры и верований (представления о сверхъестественных «хозяевах», «избранничестве», схема этапов эволюции верований) тунгусо-маньчжурских, а также коренных народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе, амурских айнов, гиляков, орочей. Штернберг, как и Тайлор, пришёл к выводу о том, что анимизм – это «универсальное мировоззрение первобытных народов»¹⁰⁶. Исследователь полагал, что анимизму предшествует аниматизация, «приписывание всему жизни, разума и воли» как следствие религиозного творчества первобытного человека»¹⁰⁷.

Говоря о проблеме «минимума» религии и его редуцирования к анимизму, фетишизму или магии, С.А. Токарев¹⁰⁸ приходит к выводу, что ни один из перечисленных «минимумов» не может быть выделен в отдельную форму религии в виду того, что все они появляются как на ранних, так и на поздних этапах развития религиозных представлений и являются *неотъемлемой частью всякой религии*, особенно её поздних и сложных вариантов.

Естественные синкретические элементы содержались в мифологическом мировоззрении, мифоритуальной и культовой практике, демонологии, обрядовой и

¹⁰⁵ Де Бросс Ш. О фетишизме [Сб.]. М.: Мысль, 1973. С. 74.

¹⁰⁶ Шахнович М.М. Л.Я. Штернберг и «наука о религии» // Лев Штернберг – гражданин, учёный, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е.А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 194.

¹⁰⁷ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Институтов народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Сидовича, 1936. С. 367.

¹⁰⁸ См. подробнее, например: Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

лечебной практике и во многих других аспектах духовной культуры Руси¹⁰⁹. Несомненно, всё это, с одной стороны, наложило отпечаток на русскую ментальность, а с другой – сама русская (славянская) ментальность, складывавшаяся в определённых исторических, географических, социальных и иных условиях, явилась причиной возникновения упомянутых выше феноменов.

Позднее эта тема поднималась в историко-этнографических работах А.Н. Веселовского (который в том числе предложил теорию синкретизма архаического творчества), В.О. Ключевского, Вс.Ф. Миллера, М.С. Кагана и др. Большинство советских исследователей разрабатывали концепции религиозного синкретизма в рамках изучения первобытной религии. Особая заслуга здесь принадлежит В.Р. Кабо, обстоятельно исследовавшему особенности первобытного мышления и сознания и их синкретически обусловленную взаимосвязь с религией, культурой, искусством¹¹⁰.

Таким образом, и в зарубежной западной, и в отечественной науке интерес к ранней форме синкретизма и особенностям первобытного мышления зарождается в XIX веке. На Западе данная модификация синкретизма раскрывается в этнографических работах преимущественно эволюционистской направленности; исследования чаще всего базируются на изучении жизни племён, сохранивших перво-

¹⁰⁹ См. например: *Ефименко П.С.* О Яриле, языческом божестве русских славян. СПб.: Тип. Майкова, 1868. 36 с.; *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1884. 331 с.; *Соколов М.* Старорусские солнечные боги и богини, историко-этнографическое исследование. Симбирск: Тип. А.Т. Токарева, 1887. 181 с.; *Шейн П.В.* Великорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: в 2-х т. СПб., 1898–1900; *Максимов С.В.* Крестная, неведомая и нечистая сила. СПб., 1903. 526 с.; *Аничков Е.В.* Язычество и древняя Русь. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 386 с.; *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: (по старинным рукописям и современным записям) // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 1–56; *Харузина В.Н.* Заметки по поводу употребления слова фетишизм // Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2; *Харузина В.Н.* К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4; *Ветухов А.* Заговоры, заклинания. Обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1907. 126 с.; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 501 с.; *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.; *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М.: Индрик, 1994. 400 с.; *Станкевич И.Л.* Первобытное мифологическое мировоззрение и культовая практика. Ярославль: ЯГУ, 1994. 56 с.; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.; *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.; *Криничная Н.А.* Посвящение в колдуньи: Историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 10–23; *Чёрная Л.А.* История культуры Древней Руси. М.: Логос, 2007. 288 с.; *Мудрова И.А.* Словарь славянской мифологии. М.: Центрполиграф, 2009. 240 с. и многие другие.

¹¹⁰ См. например: *Кабо В.Р.* Природа и первобытное сознание // Природа. 1981. № 8. С. 88–95; *Кабо В.Р.* Синкретизм первобытного искусства (По материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 275–299; *Кабо В.Р.* Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга, 2002 и др.

бытнообщинный строй. В отечественной традиции этот феномен подвергается рассмотрению на страницах этнографических штудий через призму русской культуры и культуры коренных народов.

Вторая из выделенных нами модификаций религиозного синкретизма имеет в научной литературе различные названия: «вторичный», «антагонистический», «смешанный», «механический», «искусственный» и др. А. Тойнби также называет его «иллюзорным», формирующимся «в эпоху распада цивилизаций», представляющим собой «явление не столько религиозной, сколько политической природы, прикрытое религиозной маской» и выражающимся в «вербальном уравнивании» имён богов¹¹¹. Тем не менее, эта «иллюзорность», конечно, не распространяется на всю данную форму синкретизма.

Синкретизация является фундаментальным основанием возникновения и развития не только политеистических, но и монотеистических верований, несмотря на то что последние стремились соблюдать догматику в «беспримесном состоянии»¹¹². Древнейшие культы Западной Европы, Египта, Малой Азии, Палестины, Месопотамии, Индии и т.д. имеют схожие черты и все восходят к первоисточнику – *синкретической проторелигии*. Синкретизация была присуща политеистическим религиям древности, что особенно заметно, например, в вавилонской, древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской религиях. Ни иудаизм, ни христианство, ни ислам не избежали включения чужеродных элементов в свой религиозный корпус. В иудаизме прослеживаются элементы шумеро-вавилонских и хеттских верований; в христианстве – иудаизма, маздаизма, зороастризма, античной философии; в исламе – ряда религий Аравийского полуострова (иудаизм, христианство, маздаизм и др.). Распространение буддизма создало основу для возникновения синкретических культурных комплексов буддийской культуры. В средневековой Европе проявлением религиозного синкретизма стало возникновение огромного количества еретических течений, а также распространения особой отрасли знания –

¹¹¹ Тойнби А.Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве / Пер. с англ. К.Я. Кожурин. М.: АСТ, 2009. 868 с.

¹¹² Забияко А.П. Синкретизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 984.

алхимии; в эпоху Возрождения мы наблюдаем синтез античного и христианского мировосприятия и т.д.¹¹³.

Чрезвычайно важными основаниями для развития данной формы религиозного синкретизма также становились государственная политика, миграционные и колонизационные процессы, миссионерство, аккультурация (инкультурация, в том числе в контексте миссионерского метода), социально-политические кризисы и др. Ярким, хотя и дискуссионным, примером может служить феномен русского двоеверия, сложившегося в ходе христианизации Руси и наложения православных догматов на канву языческих верований. Феномен двоеверия и народного христианства тесно связан с народным календарём, демонологией, народной медициной, фольклором и сохраняется в русской культуре до сих пор в виде празднования Масленицы, Святочной недели, вере в домовых, знахарстве и пр. (особенно – в народной и изолированной среде, например, в среде эмигрантов)¹¹⁴.

Соединение монотеистических и языческих верований также характерно, например, для коренных народов Сибири и Дальнего Востока. С началом русской экспансии и распространения православия в отдалённые края Российской Империи в XVII–XIX веках запускается процесс активного культурного влияния. Известно, что многие народы после христианизации просто включали в свой пантеон православных святых в качестве «новых богов» или «духов-помощников» и просили у них помощи и удачи в делах – в охоте, рыбалке и т.д.¹¹⁵

В рамках отечественной науки большое количество работ, затрагивающих вопрос данной формы религиозного синкретизма, вполне закономерно посвящено

¹¹³ *Архинова Ю.В.* Синкретизм в структуре культуры: авт. дис. канд. филос. наук. 09.00.13: религиоведение, философская антропология, философия культуры по философским наукам. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2005. С. 10.

¹¹⁴ *Забяко А.П., Забияко А.А.* Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья // *Религиоведение*. 2016. № 4. С. 107.

¹¹⁵ См., например: *Забяко А.П., Конталева Е.А.* Православие // *Народы и религии Приамурья*. Благовещенск, 2017. С. 262; *Воронкова Е.А.* Религия амурских эвенков // *Эвенки Приамурья: оленяя тропа истории и культуры* / А.П. Забияко [и др.]. Благовещенск, 2012. С. 244.

явлениям, так или иначе связанным с христианством: двоеверию¹¹⁶, сектантству и различным течениям в православии¹¹⁷.

Феномен двоеверия, как уже было отмечено выше, представляет собой предмет научной дискуссии. Прежде всего, само понятие «двоеверие», предложенное ещё Феодосием Печерским, ставится под сомнение¹¹⁸. Целесообразно отметить, что понятие двоеверия чаще всего сводится к православно-языческому синкретизму и в общем смысле определяется как «...совокупность разнообразных форм религиозного, чаще христианско-иноверного, синкретизма, возникающего в материальной и духовной культуре народов обычно в период смены мировоззренческих парадигм»¹¹⁹. Термин не получает общенаучного признания прежде всего потому, что те явления, которые к двоеверию причисляются, вместо подразумеваемой двойственности демонстрируют внутреннюю целостность единого мировоззрения и отражают многовекторный процесс, показывающий, как «<...> множество различных мировоззрений может удерживаться в рамках одной культуры»¹²⁰.

¹¹⁶ См., например: *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: в 2-х т. Харьков, М., 1913–1916; *Рязановский Ф.А.* Демонологии в древнерусской литературе. М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1915 (обл. 1916). 126 с.; *Успенский Б.А.* К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 1. Языческие рефлексy в славянской христианской терминологии. 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Вторичные моделирующие системы. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1979. С. 54–63; *Богораз-Тан В.Г.* Христианство в свете этнографии. М.-Л.: Госиздат, 1928. 160 с.; *Хамайко Н.* Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // *Ruthenica*. К.: Институт історії України НАН України, 2007. № 6. С. 86–114; *Бернштам Т.А.* Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. № 1. С. 91–100; *Живов В.М.* Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 306–316; *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.; *Педро Ю.В.* Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 293–296 и др.

¹¹⁷ См., например: *Айвазов И.Г.* Христовщина. Материал для исследования русских мистических сект (в 2-х т.). Петроград, 1915; *Будкевич Т.И.* Обзор русских сект и толков. Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. 607 с.; *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. 576 с.; *Реутский Н.В.* Люди божьи и скопцы. М.: Тип. Грачева и Ко, 1972; *Коновалов Д.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза // Богословский вестник. 1907–1908. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. 256 с.; *Волков Н.Н.* Секта скопцов / Под ред. и с пред. Н.М. Маторина. Л.: ОГИЗ-Прибой, 1931. 168 с.; Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов / Под ред. А.И. Клибанова. – М., 1974, и др.

¹¹⁸ См., например: *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: «Индрик», 2003. 624 с.; *Он же.* Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М., 1987. С. 50–53; *Живов В.М.* Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Philologia slavica*. М., 1993. С. 50–60; *Петрухин В.Я.* Язычество славян в свете междисциплинарных исследований // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 244–251; *Он же.* Древнерусское двоеверие: понятие и феномен // Славяноведение. 1996. № 1. С. 44–47; *Он же.* Боги и бесы русского средневековья: род и рожаницы и проблема древнерусского двоеверия. Славянский и балканский фольклор // Народная демонология. М., 2000. С. 315–343 и др.

¹¹⁹ *Иванова И.И.* Двоеверие // Энциклопедия религий. М., 2008. С. 353.

¹²⁰ *Педро Ю.В.* Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 294.

В связи с этим логичнее говорить не о двоеверии, а о *народной религии*. Особая заслуга в изучении народного православия – «живой религии» – принадлежит Н.М. Маторину¹²¹. Одной из главных задач для исследователя стала выработка «методологии и эффективных практических методик исследования “живой” религии»¹²², а также составление методических пособий. Методические указания по изучению бытовой религиозности Н.М. Маторин разрабатывал, прежде всего, с позиций этнографии и выступал против активного использования термина «двоеверие», полагая, что синкретизм в православной среде является не «механическим соединением двух вер», а своего рода *«амальгамой, синкретическим, но в то же время целостным мировоззрением»*. В методических рекомендациях по изучению синкретичности народного православия он обращал особое внимание на такие явления, как восприятие образов Богородицы, Иисуса Христа, святых, православный анимизм, религиозно-окрашенные манипуляции на производстве, магические вкрапления в православном культе, особенности отношения к рождению и смерти, целительные практики и др.

Н.Н. Маторин отмечает неизменную важность «...вскрытия тех материальных предпосылок в изменении общественных отношений, которые обуславливают различные формы религиозного синкретизма»¹²³. А формы он выделяет следующие:

1. Проникновение элементов примитивных культов (анимизма, фетишизма, магии) в более сложные и развитые (христианство, ислам, буддизм).
2. Противоположное воздействие более сложных культов на более примитивные с сохранением основной концепции последних (например, буддизм или христианство и шаманизм).

¹²¹ См., например: *Маторин Н.М.* К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма. Л., 1934; *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе. Пятница-богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931; *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929; *Маторин Н., Невский А.* Программа для изучения «православного язычества» (религиозный синкретизм среди принявших православие народов СССР «двоеверие») // Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. СПб., 2016. С. 253–272; *Маторин Н., Невский А.* Программа для изучения бытового православия. Л., 1930.

¹²² *Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Н.М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. 2012. № 4. С. 193.

¹²³ *Маторин Н.М.* К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма // Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. СПб., 2016. С. 275–276.

3. Взаимовлияние и взаимопроникновение нескольких развитых, сложных религий (христианство, буддизм, ислам)¹²⁴.

При изучении всех приводимых им форм религиозного синкретизма исследователь считал необходимым привлечение широкого пласта этнографических данных, материалов фольклористики, учёт исторических, социально-экономических, политических, географических и иных особенностей среды обитания той или иной культуры.

Значительное внимание народной религии уделял Д.К. Зеленин, особое внимание обращая на русскую народную погребальную обрядность; народные космогонические представления и народную демонологию (особенно – русальную обрядность) и др.¹²⁵ Также в этнографическом ключе данную форму религиозного синкретизма изучали, например, Л.Н. Виноградова и Е.Н. Елеонская¹²⁶; видными, хотя и спорными, являются работы Б.А. Рыбакова¹²⁷.

Отдельному осмыслению в работах отечественных исследователей подлежит феномен синкретизма в среде нерусских народов, проживающих на территории России¹²⁸, а также в культурах за пределами России и особенно – на Востоке¹²⁹.

¹²⁴ Маторин Н.М. К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма // Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. СПб., 2016. С. 278.

¹²⁵ См., например: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 501 с.; Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М.: Индрик, 1994. 400 с.; Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

¹²⁶ Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.; Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М.: Индрик, 1994. 272 с.

¹²⁷ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.; Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

¹²⁸ См., например: Романова С.А. Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари // История христианизации народов Среднего Поволжья. Чебоксары, 1988. С. 104–112.; Мокшин Н.Ф. Религиозный синкретизм у мордвы // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 49–57; Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 51–57; Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 35–49; Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 51–57; Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Этнографическое обозрение. 1989. № 3. С. 39–48; Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176>; Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Религиозный синкретизм, народный ислам, региональные культы (теоретические заметки) // Народная культура: личность, творчество, досуг. Омск, 2003. С. 80–82; Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.; Завадская Е.А. Синкретические тенденции в современном сибирском шаманизме: интервью с шаманкой Светланой Ворониной // Религиоведение. 2015. № 2. С. 148–161; Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984. 123 с. и др.

¹²⁹ См., например: Гусев И.В. Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР: на примере секты «Фалуныгун»: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 Социология культуры; Моск. гос. техн. ун-т «Станкин». М., 2004. 21 с.; Зельницкий А.Д. Китайский «религиозный синкретизм». СПб: Изд-во СПбГУСЭ,

На Западе данная форма синкретизма начинает активно изучаться также с XIX века. Особую роль в этом процессе сыграла немецкая школа *диффузионизма* и разработанная в её рамках теория культурных кругов (нем. *Kulturkreislehre*). Диффузионисты – к примеру, Ф. Ратцель¹³⁰, Л. Фробениус¹³¹, Ф. Гребнер¹³² – изучают варианты заимствований, переносов и наложений религиозных и культурных элементов в ходе естественного развития человечества.

В современной западной науке интерес к этой форме синкретизма не угасает, затрагивая обширный пласт исторических примеров культурной диффузии и синкретизации. Рассматриваются исторические типы синкретизации: мистицизм и культ святых в авраамических религиях, а также распространение в их среде идей фундаментализма¹³³, путём сравнительного анализа предпринимаются попытки дать определение синкретизму, выявить его характерные черты, определить этапы исторических трансформаций религиозного синтеза, рассматриваются проблемы национальной идентичности, толерантности и мультикультурализма¹³⁴ и многое другое.

Понятие религиозного синкретизма нередко получает *широкое и простое* определение: так, П. Пакканен, обращаясь к политеистической греко-римской религии, прослеживая параллели и внутренние связи между образами божеств,

2008. 139 с.; *Зельницкий А.Д.* Формы «религиозного синкретизма» в Китае: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2005. 146 с.; *Гобозова В.И.* Религиозный синкретизм в истории духовной культуры Осетии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. М., 1996.; *Барццы П.М.* Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и обрядовой практике: авт. дисс. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / 07.00.07: Этнография, этнология и антропология. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v/270501/a/#?page=1>; *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1974. 355 с. и др.

¹³⁰ *Ratzel F.* Anthropogeographie. Stuttgart, 1921. Bd. 1–2.

¹³¹ *Frobenius L.* Der Ursprung der Kultur. Berlin, 1898. Bd. 1: Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.

¹³² *Graebner R.F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg: Winter, 1911; *Graebner R.F.* Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien // Zeitschrift für Ethnologie. 1905. Bd. 37. S. 28–53; *Graebner R.F.* Das Weltbild der Primitiven. München: Ernst Reinhardt, 1924.

¹³³ *Maroney E.* Religious Syncretism. SCM Press, 2006, 207 p.

¹³⁴ *Stewart Ch.* From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder. Routledge International Handbook of Diversity Studies. 2015. Pp. 355–362; *Stewart Ch.* Relocating Syncretism in Social Science Discourse. Syncretism in Religion. Eds. Anita Maria Leopold, Jeppe Sinding Jensen. London: Routledge, 2005; *Stewart Ch.* Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture. The Creolization Ladder. Studies on Mixed Identities and Cultures. Pp. 289–305; *Stewart Ch.* Individualism Increases Religious Pluralism. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch/>; *Stewart Ch., Shaw R. (eds).* Syncretism/Anti-Syncretism. The Politics of Religious Synthesis, 1994; *Lord J.* Anthropological Case Study of Religious Syncretism in Bolivia: Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. December 7, 2009. URL: http://ir.library.oregonstate.edu/xmlui/bitstream/handle/1957/14125/Lord_Jonathan.pdf?sequence=1, etc.

сопоставляя эллинистическую религию с западным христианством и посвящая целый раздел синкретизации образов Деметры и Исиды, говорит о синкретизме как о «действующем *сосуществовании* разных форм религиозных традиций»¹³⁵. Г.Л. Ричардом также выдвигается идея о присущей синкретизму «ловкости» или «хитрости» (англ. «*trickiness*»)¹³⁶.

Безусловно, значительным материалом для изучения данной формы синкретизма в западной традиции служит христианство и многообразие его взаимосвязей как внутренних, так и внешних – например, с восточными религиями¹³⁷. Особое внимание уделяется политическим, социальным, экономическим и культурным факторам, воздействовавшим на процесс взаимовлияния, синкретизации, унификационизма¹³⁸. В целом данная форма религиозного синкретизма выступает одним из важнейших исторических культурных факторов для большого количества этнических общностей и религиозных систем. Культурно-религиозная диффузия позволила выработать новые системы мировоззрения, которые, в свою очередь, задали новый виток развития в контексте общемирового исторического процесса.

Таким образом, эту модификацию религиозного синкретизма можно определить как взаимодействие и взаимовлияние религиозных систем различного уровня и степени развития, а также соединение этих систем или отдельных религиозных элементов в некую целостность. Этой форме синкретизма присуща как антагонистичность, так и аналогичность или родственность элементов, гетерогенность и «метисация». Он включает следующие основные измерения: сохранение элементов примитивных культов (анимизма, фетишизма, тотемизма, магии) в более сложных

¹³⁵ Pakkanen P. Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism. 2011. P. 135–136. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOpltPvAhXjkYsKHmAoAQFjAAegQIB-BAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokorder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3Dis-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNKWtqWav8v54ZU7>.

¹³⁶ Richard H.L. Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter // International Journal of Frontier Missiology. Winter 2014. No. 209. P. 210.

¹³⁷ Boyce M. A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World // Lecture. London: London Williams's Trust, 1988; Stockman R. The Baha'i Faith and Syncretism // Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith / R. Stockman, J. Winters. Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. Pp. 159–162; Chang-Won Park. Cultural Blending in Korean Death Rites. London: Continuum, 2010. 228 p.

¹³⁸ Bentley J. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. Oxford: Oxford University Press, 1993. 220 p.; Chrystides G.D. Unificationism: A Study in Religious Syncretism // Religion: Empirical Studies / Ed. Steven J. Sutcliffe. London: Routledge, 2004.

и развитых религиозных системах, в том числе в рудиментарном виде; воздействие сложных культов на более примитивные с сохранением основной концепции последних; взаимовлияние и взаимопроникновение нескольких развитых, сложных религий.

Третья модификация религиозного синкретизма в большинстве современных работ связывается с эпохой постмодернизма и глобализации и имеет название «постмодернистского», «синергетического», «коллажного» и даже «бриколажного» синкретизма¹³⁹. Основная идея в этом отношении заключается в том, что корни особенностей мышления самой эпохи уходят в деконструкционные процессы в гносеологии. Постмодернизм «полностью стирает грань между прежде самостоятельными сферами духовной культуры»¹⁴⁰, позволяя увеличить внутреннюю свободу человека, и предоставляет благодатную почву для дальнейшего развития синкретизма, который в данном случае характеризуется произвольным хаотичным смешением фрагментов множества религиозных элементов. Субъектом синкретизма выступает *индивид как носитель личной свободы*¹⁴¹, *Homo faber*¹⁴². Такое определение подводит нас к феномену «конструирования веры» – личной, индивидуализированной религиозной системы. На данном этапе синкретизации происходит *тотальное смешение* религиозных верований, мифологических и философских систем, художественных интерпретаций и научных теорий – то есть, количество возможных элементов ничем не ограничено.

Однако, нельзя утверждать, что данная форма религиозного синкретизма относится исключительно к постмодернистской эпохе. Стремление к индивидуализации является, по Э. Фромму, одной из двух базовых противоположных потребностей человека (вместе со стремлением к «укоренению», т.е. принадлежности к группе). Примеры подобного «постмодернистского» богоискательства и «конструирования веры» мы так или иначе обнаруживаем на протяжении всего периода

¹³⁹ Строева О.В. Модели производства современной культуры: бриколаж и деконструкция. Наскальная живопись мегаполисов // *Философия и общество*. 2014. С. 136.

¹⁴⁰ Малахов В.С. Постмодернизм // *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 444.

¹⁴¹ Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма // *Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. Философия. Социология. Право. Психология. Педагогика*. Брест. 2008. № 4. С. 45.

¹⁴² Лат. «Человек творящий».

существования индивидуально-личностного сознания человека. Безусловно, степень этого конструирования зависела от множества факторов и на самых ранних этапах могла быть фрагментарной, однако уже с периода античности нам известны проявления вольнодумства в самом широком его смысле. Заметным образом эта форма проявлена в свободомыслии XVIII века, в базовой синкретичности НРД и движений Нью-Эйдж, квазирелигиозных, ре- и неомифологических образованиях, молодёжных движениях (например, хиппи) и др.

На позднем этапе истории, в XIX–XX веках появляются религиозные системы, в которых синкретизм изначально играет ключевую роль. К таким системам можно, например, отнести движение толстовства, учение Рамакришны и т.д. Синтез буддизма, христианства, ислама, конфуцианства, даосизма и др. с традиционными верованиями наблюдается в Корее (например, течения Као-Дай, Хоа-Хао, чхондогё, Церковь Объединения и др.)¹⁴³, различные синкретические культы, сочетающие положения буддизма, индуизма, ислама и традиционных верований имеются в Индонезии¹⁴⁴; на Карибских островах распространены синкретические вудуизм, сантерия, палерия, шангоизм, растафарианство¹⁴⁵; синтез верований народа маори и положений протестантизма мы обнаруживаем в Новой Зеландии¹⁴⁶; значительные процессы синкретизации протекают в отношении африканских традиционных верований и христианства¹⁴⁷ и т.д.

В XX–XXI веках особое значение начинают приобретать религиозно-философские синкретические учения с уклоном в мистицизм, оккультизм, спиритуализм, гностицизм, эзотерику и т.д., которые в целом можно охарактеризовать как

¹⁴³ *Силантьев Р.А.* Корейские синкретические секты // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С. 756–757; *Силантьев Р.А.* Корейские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382.

¹⁴⁴ Кулланда С.В. Индонезийские синкретические секты // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2010295.

¹⁴⁵ *Силантьев Р.А.* Карибские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778.

¹⁴⁶ *Силантьев Р.А.* Новозеландские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705.

¹⁴⁷ *Силантьев Р.А.* Афрохристианские течения // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С. 686–687; *Силантьев Р.А.* Афрохристианские синкретические культы // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983.

НРД или нью-эйдж: теософия, Агни-йога (оба движения были популярны в эмигрантской среде – так, маньчжурский центр рериховского движения располагался в Харбине), Викка, англиизм и прочие¹⁴⁸. Нередко подобные движения (например, Аум Синрикё, Фалуныгун, Радастея и др.) имеют признаки деструктивных культов.

В целом же, эта форма синкретизма возникает в результате постепенного отграничения религии от философии, политических и социальных теорий, права, эстетики и проч. сфер духовной культуры и последующего стремления человека преодолеть возникшие границы.

Разбирая понятие синкретизма и приводя многочисленные исторические примеры, К. Хартни приходит к выводу о том, что «...некоторый уровень синкретизма присущ любой вере»¹⁴⁹. Значительную роль в современном процессе синкретизации автор отводит глобализации, вводя понятие *сверх-веры* (ориг. «*über-faith*»): «Возможно, это и означает глобализация в конечном счёте...слияние религий мира в одну сверх-веру, соединение компонентов [религий] в угоду различным нравам времени»¹⁵⁰. Похожие идеи развивает и Л. Пенн, делая значительный акцент на движении нью-эйдж и особенно – на теософии Е. Блаватской и её производных¹⁵¹.

С позиции консервативного католицизма рассматривает современный процесс синкретизации Д. Коттер¹⁵². В католической среде в целом уделяется значительное внимание вопросам глобализации и её взаимосвязям с различными сферами человеческого существования – культуры, религии, образования, права и т.д. Особое место здесь занимает Папская академия общественных наук (*итал.* Pontificia Accademia delle Scienze Sociali). Академия выпускает сборники пленарных сессий и научных трудов, содержащих результаты исследований вопроса глобализации¹⁵³.

¹⁴⁸ Кравчук Л.А. Синкретические религиозные учения: история и современность // Религиоведение. 2002. № 4. С. 142.

¹⁴⁹ Hartney Ch. Syncretism and the End of Religion(s) // Sydney Studies in Religion. 2008. P. 238.

¹⁵⁰ Hartney Ch. Syncretism and the End of Religion(s) // Sydney Studies in Religion. 2008. P. 247.

¹⁵¹ Penn L. False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion. Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004.

¹⁵² Cotter J. The New Age and Syncretism, in the World and on the Church. Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. 38 p.

¹⁵³ См. например: Globalization, Ethical and Institutional Concerns // Seventh Plenary Session, 25–28 April 2001. Acta 7. Eds. E. Malinvaud and L. Sabourin. Vatican City, 2001. 408 p.; Globalization and education // The proceedings of a Joint Working Group, 16–17 November 2005. Casina Pio IV. Vatican City, 2006. 290 p. и др.

Некоторые из возможных последствий глобализации и революции в среде СМИ в период последних десятилетий, касающиеся формирования религиозного самоопределения и практик, рассматривает П. Лауде. Автор подчёркивает роль индивидуализма как ценности и коммуникации как принципа истины в формировании нового религиозного сознания: «Две высших ценности, т.е. *индивидуальное* и *коммуникация*, становятся главными источниками религиозной идентичности»¹⁵⁴. Автор утверждает, что эти преобразующие векторы поспособствовали возникновению религиозного опыта, которому не нужны посредники. И нео-евангелическое христианство, и реформисты традиционного ислама, по мнению Лауде, являют свидетельство таких преобразований.

Т. Сегеди в сравнительно-религиоведческом ключе исследует зависимость изменений в среде религии от глобализации, а также акцентирует внимание на том, что «микро» перемены в религиозной принадлежности повлекли за собой количественные изменения в религиозном поиске. По мнению автора, в современном мире «в поиске новых религиозных направлений сегодня есть варианты, которые даже не существовали несколько десятилетий назад»¹⁵⁵.

Я. Питерс рассматривает понятия гибридизации и глобализации, их связь с общественно-политическими процессами, рассуждает над возможными вариантами развития этих процессов и результатов такого развития в будущем. Питерс определяет гибридизацию в культурной среде как «<...> способы, которыми формы отделяются от существующих практик и перекомбинируются с новыми формами в новых практиках»¹⁵⁶, полагая, что этот принцип может быть перенесён и в сферу социальной организации.

Д. Леманн, пытаясь определить содержание двух понятий – фундаментализма и глобализма, – изучает трансформацию иудаизма, христианства и ислама в

¹⁵⁴ *Laude P.* Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal // *International Journal of Social Science and Humanity*. July 2013. Vol. 3. No. 4. P. 387–388.

¹⁵⁵ *Segady Th.W.* Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States // *Free Inquiry in Creative Sociology*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 34.

¹⁵⁶ *Pieterse J.N.* Globalization as Hybridization // *Working Paper Series*. No. 152. June 1993. P. 49. URL: <http://www.uvm.edu/rsenr/rm230/Nederveen%20Pieterse.pdf>.

двух аспектах: транснациональной доступности этих религий и роли глобализма в их воображаемых проекциях во времени и пространстве¹⁵⁷.

У. Десси рассматривает влияние глобализации на японскую культуру и религии, их связь с инклюзивизмом и эксклюзивизмом¹⁵⁸. Синкретизму уже самой глобализации посвящена, например, работа П. Тренора¹⁵⁹.

Значительный интерес в западной науке вызывает современный религиозный синкретизм в его субъектно-индивидуальном воплощении¹⁶⁰.

В отечественной науке по причине относительной новизны и очевидной сложности явления особое внимание уделяется теоретическим выкладкам, попыткам определить понятийный аппарат и т.п. Вышеупомянутый Н.М. Маторин выстраивает структуру феномена и определяет синкретизм как взаимопроникновение религий, различающихся по степени своего развития¹⁶¹. Г.Е. Кудряшов вводит понятие *полисинкретизма*, т.е. многократного напластования различных учений и культов¹⁶². Д.А. Таевский рассматривает религиозный синкретизм как феномен религиозной жизни XX века, возникший в качестве ответа на религиозную потребность современного человека¹⁶³. Уделяя внимание факторам, причинам, условиям

¹⁵⁷ Lehmann D. Fundamentalism and Globalism. 1998. URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUN-DAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf>.

¹⁵⁸ Dessi U. Japanese Religions and Globalization. London and New York: Routledge, 2013. 191 p.

¹⁵⁹ Treanor P. World-Nationalism: Normative Globalism as Pan-Nationalism. 2001. URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/world.nation.html>.

¹⁶⁰ Batterfield H. Reflections on Religion and Modern Individualism. *Journal of the History of Ideas*. Jan. Mar., 1961. Vol. 22. No. 1. Pp. 33–46; Daiber K-F. Mysticism: Troeltsch's Third Type of Religious Collectivities. *Social Compass*. September 2002. Vol. 49. No. 3. Pp. 329–341; Iversen H.R. Secular Religion and Religious Secularism: A Profile of the Religious Development in Denmark since 1968. *Nordic Journal of Religion and Society*. 2006. No. 2. Vol. 119. Pp. 75–92; Cohen A., Hill P. Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants. *Journal of Personality*. August 2007. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 709–742; Madsen R. The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today. *American Journal of Sociology*. March 2009. Vol. 114. No. 5. Pp. 1263–1301; Stark R.T.Jr. Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities. Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. Pacific University. 2009. URL: <http://commons.pacificu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1201&context=spp>; Griebel J. Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices: Abstract of Thesis for the Degree of Master of Arts. Baylor University, 2011. URL: https://baylor-ir.tdl.org/baylor-ir/bitstream/handle/2104/8143/Jenna_Griebel_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y; Levin Yu. Pluralism, Individualism and Religious Liberty. 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/corner/374081/pluralism-individualism-and-religious-liberty-yuval-levin/>; Stewart E. Individualism Increases Religious Pluralism. 2015. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch>, etc.

¹⁶¹ См. подробнее: Маторин Н.М. К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма // Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М. Шахнович М.М., Т.В. Чумакова. СПб., 2016.

¹⁶² См. подробнее: Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1974. 355 с.

¹⁶³ Таевский Д.А. Синкретические религии и секты: Словарь-справочник. М.: Intrada, 2001. 160 с.

и закономерностям синтеза и интеграции религий, Ю.В. Гаврилова полагает, что религиозный синкретизм является *и процессом, и результатом*¹⁶⁴.

Данная форма синкретизма тесно связана с индивидуальным и обыденным уровнями религиозного сознания. Обыденное религиозное сознание характеризуется «...повышенной “чувствительностью” и интенсивной изменчивостью», чему способствует наличие значительного многообразия религиозных идей, условия существования и индивидуальные психологические особенности людей, их субъективный опыт¹⁶⁵. Носители обыденных знаний, как правило, «в своей повседневной жизни не “рассуждают” по их поводу и не могут поместить их перед собой как “предмет”, анализировать их...»¹⁶⁶, т. е. такое сознание не отличается глубокой рефлексией. Оно занимает роль посредника между общественным и индивидуальным сознанием, мифологическим и научным мировоззрением, бессознательным и рефлексивным модусами человеческого сознания. Двойное положение обыденного сознания – принадлежность к индивидуальному уровню психики и связь с социальными представлениями – определяет его социальную природу, нерациональный и гибкий характер и близость мифологическому уровню отражения действительности¹⁶⁷. Никакая идеология не может быть воспринята обыденным сознанием без искажений. Это связано, в том числе, с основной функцией индивидуального сознания: обеспечением самоопределения и индивидуального пути взаимодействия личности с общественной средой. В результате формируется картина мира, к противоречиям которой обыденное сознание, будучи медиатором между индивидуальным и общественным, не чувствительно.

Большое внимание в отечественной науке уделяется проблеме изменения особенностей религиозного сознания в современных условиях социокультурных трансформаций¹⁶⁸. Е.С. Элбакян выделяет следующие характеристики «новой

¹⁶⁴ Гаврилова Ю.В. Причины формирования религиозных синкретических систем // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2015. № 6. С. 14–18.

¹⁶⁵ Там же. С. 16.

¹⁶⁶ Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 7.

¹⁶⁷ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001. С. 92.

¹⁶⁸ Омарова З.У. Трансформация религиозного сознания: современный аспект, 1999. URL: http://e-notabene.ru/fir/article_185.html; Можейко Л.Н. Новое религиозное сознание в социокультурном контексте трансформирующегося общества: автореф. дис... канд. филос. наук: 24.00.01. Гродно: Гродненский гос. ун-т, 2004. 21 с.; Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/>

религиозности»: вытеснение религиозности квази-религиозностью; эклектичное сочетание восточной и западной традиций в религии, философии, культуре, повседневной жизни; смещение акцентов с бытия на сознание (личностное отношение к миру) и сближение человека с богом через принятие человеком на себя функций демиурга; своеобразная деантропоморфизация бога в результате увлечения мистическими практиками; секуляризация организационных и культовых оснований; замена мистической сути религии на мистификацию; виртуализация религии; тесная взаимосвязь с глобализационными процессами¹⁶⁹.

Ю.В. Рыжов даёт такое определение «новой» религиозности: «Новая религиозность – это качественно новый (т.е., радикально отличающийся от исторически сложившихся, традиционных для данного общества религий) тип религиозности, характерный для современного этапа развития культуры»¹⁷⁰. Проводя параллели между новой религиозностью и архаическим мифом, Рыжов отмечает не только их историческую преемственность, но и структурное сходство и общность «некоторых элементов картин мира»¹⁷¹. Однако, несмотря на это и то, что данный термин, пусть и в несколько ином смысле, употребляли мыслители XIX–XX века – Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, О. Шпенглер, П. Сорокин и др., автор настаивает на его принципиальном отличии в реалиях современности.

d?#?page=1; *Шелест О.А.* Становление новых типов религиозности в условиях социокультурных трансформаций: автореф. дис... канд. социол. наук; ИФ НАН РБ. Минск, 2006. 20 с.; *Рыжов Ю.В.* Новая религиозность в современной культуре: автореф. дисс. ... д-ра культ.: 24.00.01. М., 2007. 23 с.; *Гёзалян И.Г.* Трансформация религиозности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 152–157; *Каргина И.Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // Вестник МГИМО. Социология. 2012. № 2. С. 186–193; *Махова М.Н.* Некоторые философско-мировоззренческие основания современного религиозного сознания // Царскосельские чтения. 2012. № XVI. Т. III. С. 217–222; *Яковенко И.А.* Тенденции развития религиозного сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Майкоп, 2012. 24 с.; *Акаев В.Х., Дохаева А.Б.* Культурный синкретизм: о противоречивом единстве религиозного и светского аспектов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 26–30; *Силантьева М.В.* Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект, 2012; *Эйзенштадт Ш.* Новые религиозные конstellляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 1 (30). С. 33–56; *Гришаева Е.И., Фархитдинова О.М., Хазиев Г.П.* От секулярного к постсекулярному: эклектичность религиозного сознания верующих в современной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. Т. 2. С. 143–152.; *Бандеров И.И., Бик-Булатов А.Ш.* Концепция духовного синкретизма // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 6 (156). С. 37–42. и др.

¹⁶⁹ *Элбакян Е.С.* Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. № 1. С. 38–39.

¹⁷⁰ *Рыжов Ю.В.* Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006. 328 с. URL: http://www.bineti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷¹ *Рыжов Ю.В.* Новая религиозность в современной культуре: автореф. дисс. ... д-ра культ. М., 2007. С. 18.

По мнению Рыжова, «<...> носитель данного типа сознания встречается сегодня в исторических традициях. Он надел крест, не верит в Бога, но взыскует оперативных таинств при помощи «привязывания» к себе ангела-хранителя... Он покупает книги о диагностике кармы, читает “Отче наш” и “Харе Кришна” для улучшения пищеварения, рассуждает о типологическом сходстве традиций кастанедовского Дона Хуана и исихазма, запросто общается с космическим логосом и архонтами кубического дифференциала»¹⁷². Источники религиозного поиска в этом случае расширены до предела: они охватывают всю человеческую историю и культуру, а доступ к ним значительно облегчается современными технологиями.

Определённую проблему представляет тот факт, что носителей индивидуальной религиозности обычно нельзя объединить в какую-то религиозную общность, а также выявить какие-либо сложные, иерархически организованные религиозные институты – их попросту нет. Человек, который причисляет себя к «религиозным индивидуалам», исповедует своеобразную «народную религию», которая соединяет «элементы теософии, оккультизма, буддизма, йоги и др. и, благодаря своей внутренней аморфности, открытости и терпимости представляет собой привлекательную альтернативу историческому христианству»¹⁷³. Человек обращается к Богу, которого создаёт сам, которого находит не в церкви, а внутри себя.

Основные черты индивидуальной религиозности включают:

1) разобщённость, или деиерархизацию, что выражается в отсутствии сакрального, доктринально и идеологически закреплённого ядра представлений, а также наличии множества объектов поклонения, которые могут быть неформально упорядочены с субъективной точки зрения человека;

2) «детотализацию», т.е. отсутствие видимого, воспринимаемого извне единства;

¹⁷² Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷³ Катерный И.В. На пути к новой религиозной картине мира // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». СПб., 2001. С. 102.

3) максимум веротерпимости и толерантности по отношению к другим религиозно-мифологическим традициям, культам и практикам, но зачастую – антихристианскую направленность;

4) эзотеричность;

5) телеологичность, проявляющуюся в поисках новых смыслов человеческого существования, подчас иллюзорных, но не менее приемлемых для современного человека;

6) «многомерность» и «полирелигиозность», выражающиеся в признании всех форм духовного опыта равноценными, а также наделение древних суеверий тем же статусом, что и традиционных религий;

7) повышенный интерес к древним мифам и истории, попытки возвести свои корни к глубинам прошлого.

Можно выделить следующие причины развития данной формы религиозного сознания:

1) последствия Первой и Второй мировых войн, отразившиеся в духовной культуре такими явлениями, как экзистенциальная философия, неохристианские, неориенталистские культы, возрождение интереса к эзотерическим и оккультным системам;

2) воинствующий атеизм и религиозные преследования XX века;

3) сдерживаемое религиозное возрождение;

4) кризис религиозности в её традиционном понимании;

5) возрастающее искажённое восприятие христианства и других мировых религий;

6) феномен молодёжной «контркультурной» революции XX века, отличающийся отрицанием общепринятой морали и религии, и одновременно – новым поиском «экстаза», «богослияния», запредельности посредством различных экспериментов по расширению сознания;

7) возникновение и распространение новых религиозных движений и культов, движений нью-эйдж;

8) процессы секуляризации, глобализации и универсализации¹⁷⁴.

В том числе, к вышеперечисленному можно отнести неудовлетворённость человека реальной жизнью и, как следствие, поиск религиозной альтернативы; стремление к духовному плюрализму, индивидуальности, личному выбору и т.д.

Особое внимание феномену «новой религиозности» уделяли Е.Г. Балагушкин, В.И. Гараджа, Я. Кантеров, Е.И. Парнова, Е.А. Торчинов, Е.В. Панкратова, Е.С. Элбакян и др. Г.Е. Боков указывает на мировоззренческий кризис, охвативший всё человечество, говорит о «религиозной агонии», об отдалении и обособлении современного человека от большинства. Сегодня человек, прогрессируя в своём развитии, сталкивается со своей психикой, которая требует либо религиозного удовлетворения, либо создания новых ценностей¹⁷⁵. Интересна точка зрения А. Авиловой, которая применяет к феномену индивидуальной религиозности понятие «пост-нью-эйдж», а её носителей называет «религиозными индивидуалами» и «ре-индивидуалами», отмечая их «продолжительное духовное бродяжничество» в попытках разрешить внутриличностный конфликт, что в итоге способствует формированию многомерного, сложноструктурированного, синкретического мировоззрения¹⁷⁶.

Возникает вопрос о взаимосвязи между новым сознанием и мифотворчеством, разнообразие современных форм которого мифотворчества актуализирует дискуссию о месте мифа в культуре. В плеяде различных подходов – натуралистического (А. Кун, Ф.М. Мюллер), антропологического (Э. Тайлор, Э. Лэнг), социологического (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль), структуралистского (К. Леви-Стросс), семиотического (Р. Барт), символического (Э. Кассирер), демифологизационного (Р. Бультман, Р. Барт, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) и др. – для нашего исследования важнейшей является концепция *ремифологизации*, приверженцы которой

¹⁷⁴Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷⁵Боков Г.Е. Кризис веры: утрата сакрального // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». СПб., 2001. С. 37–39.

¹⁷⁶См. например: Авилова А. Иной выбор // Либеральная религия. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/9241.html>; Авилова А. О «Нью-Эйдже» – «Новом веке» // Либеральная религия. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/8266.html>; Авилова А. Оказалось ли «безрелигиозное христианство» несостоятельным или оно еще не состоялось? // Центр Востока и Запада. URL: <http://www.meso Eurasia.org/archives/2828>; Авилова А. Религиозные индивидуалы // Алла Авилова. Офиц. сайт. URL: http://russian.avilova.com/index.php?option=com_content&view=article&id=59:artikelen&catid=48:artikelen&Itemid=66.

(Э. Кассирер, К. Хюбнер, М. Элиаде и др.) полагали, что в *культурах, переживающих кризис, происходит процесс возвращения к мифу, возрождения и создания новой мифологии*. Корни этого процесса уходят в *романтизм*, а с начала XX века ремифологизационные настроения становятся значительными в искусстве, литературе, общественной и политической мысли. В массовой культуре нередко наблюдается проявление религиозного синкретизма в его неомифологическом аспекте, взаимосвязи мифологии и искусства, литературы (особенно таких жанров, как фантастика, фэнтези, магический реализм)¹⁷⁷.

Очевидно, что, употребляя термин «религиозный синкретизм», необходимо помнить, что данный феномен в исторической и современной действительности гораздо сложнее, чем может быть представлен в теоретических выкладках и классификациях.

Важно отметить, что всё вышерассмотренное справедливо, прежде всего, для европейской ментальности. Изложенный материал, работы и подходы большинства перечисленных исследователей имеют отношение к европоцентристским основаниям, а сами исследователи в своём большинстве являются носителями европейского мышления и европейской рефлектирующей традиции, в том числе и отечественные авторы.

Однако восточная ментальность отличается от западной разительным образом. Восток шёл своим путём и, будучи более склонным к традиционализму и фундаментализму, не имел, по сути, резко выраженных оппозиций между историческими этапами религиозного синкретизма. Основополагающей психологической

¹⁷⁷ Чернышева Т.А. Фантастика и современное натурфилософское творчество // *Художественное творчество*. Сборник. Л., 1983. С. 58–76; *Она же*. Природа фантастики. Иркутск: Издательство Иркут. ун-та, 1985. 336 с.; Савельева Е.Н. Религиозные кинематографические модели как фактор толерантности современной культуры // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 301. С. 46–49; Смазнова О.Ф. Время и этос мифа. Диалектика мифотворчества в русской литературе XIX–XX веков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 324 с.; Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высш. школа, 2008. 400 с.; Жуков А.В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2010. № 3. С. 27–33; Тютина О.С. Неязыческие образования и новые религиозные движения как культурно-мировоззренческий феномен постмодерна // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2012. № 9. С. 50–53; Андреева О.С. Родовой синкретизм как проявление синкретичности авторского сознания в художественной литературе // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. № 12 (31). URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxxi/36004>; Гудошникова О.Ю. Развитие родовой человеческой универсальности и художественной культуры: от первобытного синкретизма к синкретизму «постмодерна» // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097> и др.

предпосылкой восточной ментальности является её меньший по сравнению с западом эгоцентризм и большая интроверсия, вызывающая к жизни «архаические мыслительные образования»¹⁷⁸, отчего наибольшую близость восточная ментальность демонстрирует по отношению к ранней форме синкретизма. Восток не преодолел мифологического восприятия мира, отношения к нему как к «магическому космосу». Стремительности и порыву западной культуры противоположна гибкость Востока, его установка на «созерцательность, интуитивно-мистическое слияние с бытием»¹⁷⁹, обуславливающая синкретические основания.

Всё это характерно и для китайской культуры и важно для её понимания. На протяжении всей истории Китая мы наблюдаем примат философских или религиозно-философских, нежели чисто религиозных систем, что стимулировало ослабление жёсткости границ общественного восприятия. Практически все духовно-философские учения Китая обозначались термином «цзяо» (教, *jiao*). Наибольшее распространение получает учение о «сань цзяо» (三教, *sanjiao*) – «трёх наставлениях», постулирующее тождественную доктринальную и мировоззренческую ценность конфуцианства, даосизма и буддизма, которые и сами по себе не избежали собственной исторической синкретизации. Если в среде интеллектуальной элиты всё же подчёркивалась самобытность каждого из учений, то в народном сознании, где различные религиозные идеи могли свободно сосуществовать в сознании человека, не вызывая никаких внутренних противоречий, эти учения не разделялись¹⁸⁰. Ранняя форма синкретизма прослеживалась и в некоторой степени *фетишистском* отношении китайцев к даосским и буддийским божествам: ничто не мешало китайцу разбить домашнего идола в случае неокказания божеством помощи, неисполнения просьбы¹⁸¹. В равной степени ничто не мешало ему включить в круг

¹⁷⁸ Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994. С. 108–118.

¹⁷⁹ Худолей Н.В. Восток и Запад: Культура, ментальность, литература (на примере сравнительного анализа художественных текстов средневековья) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 8. С. 231–235.

¹⁸⁰ Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае.: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. С. 4.

¹⁸¹ Васильев Л.С. История религий Востока. М., 2006. С. 626–627.

«помощников» и других божеств или, позднее, христианских святых. Так случилось, например, со святым Николаем Чудотворцем (Мирликийским)¹⁸².

Многовековые синкретические наслоения колоритно проявились, например, в восстании ихэтуаней, которое, тем не менее, главной своей причиной имело не реакцию на инициальные вкрапления христианских идей в традиционные даосско-буддийские представления, а негативное отношение к иностранному влиянию и присутствию «белых дьяволов» в Китае в целом¹⁸³. Насильственное обращение в веру, борьба на именно религиозной почве были фактически не свойственны Китаю: в основном религиозно-философские системы служили подспорьем в *политических* распрях, являясь закономерным продолжением идеи единства политической и сакральной власти императора – *вана*. Например, легизм сыграл одну из главных ролей в возвышении Цинь Ши-хуан ди и Мао Цзэдуна. Последнему удалось создать в нерелигиозном государстве синкретический религиозный культ харизматического лидера, что также было связано с «биполярной» структурой китайской культуры: рациональный конфуцианский полюс интенсивнее действовал во времена устойчивости и сильной централизованной власти, а утопический и мистико-магический и откровенно религиозный даосско-буддийский полюс выступал основанием в периоды кризиса и неопределённости. В конце XIX – начале XX веков северо-восточная часть Китая оказалась под сильным иностранным влиянием. После Синьхайской революции возникшую идеологическую и религиозную лакуну китайцы пытались восполнить с помощью давно знакомого им христианства. Показательные примеры обращения в новую веру были в том числе даны сверху – например, создатель и лидер партии Гоминьдан Сунь Ятсен обращается в христианство (в форме конгрегационализма), его преемник Чан Кайши принимает методизм. В некоторой степени такая позиция была продиктована политическими

¹⁸² Известна история о старом китайском рыбаке, который чуть не утонул на р. Сунгари. Вспомнив о том, что русские Харбина просят помощи перед иконой св. Николая Чудотворца в рост, висящей в здании железнодорожного вокзала, он взмолился: «Старика вокзала, помогай!». После чудесного спасения он бросился на вокзал благодарить старца, а затем крестился. Также, когда советские служащие КВЖД хотели убрать из зала вокзала икону, за неё вступились китайцы. См., например: *Гартунг Т.С.* Воспоминания детства // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сб. науч. труд. / ред. кол.: А.М. Буяков, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. Владивосток, 2018. С. 42; *Петров В.* Город на Сунгари. Вашингтон, 1987. С. 35.

¹⁸³ См. например: *Конталева Е.А.* Синкретизм и идентитаризм движения ихэтуаней // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Благовещенск, 2018. Вып. 12. С. 294–306.

соображениями и выступала дополнительным оппозиционным средством по отношению к насаждавшемуся японцами культу богини Аматаэрасу и «яматоизму» и синтоизму в целом в период существования марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В подобном кризисном положении оказалась и русская эмиграция в Китае. Негативные социополитические процессы на рубеже XIX–XX веков породили в эмигрантской среде закономерную «защитную» реакцию. На всех исторических этапах в периоды упадка и напряжённости наблюдалось задействие архаических принципов мышления и рост интереса к альтернативным духовным системам, мистическим знанию и практикам, оккультным наукам и проч., а также распространение большого количества таких вариативных систем: спрос рождал предложение. Не избежала этого и русская эмиграция на северо-востоке Китая: потребность в иных духовных основаниях, в преодолении порубежного существования начала эманировать в разные синкретические формы, где далеко не последнее место заняло и литературно-художественное творчество.

2. Религиозный синкретизм в ментальности восточной русской эмиграции

2.1 Специфика фронтальной ментальности. Социокультурные особенности жизни русских эмигрантов в Китае

Процессы, протекавшие в русской эмиграции, и её интенции, направленные на понимание этих процессов через осмысление этнокультурной сущности и перцептивных и рефлексивных особенностей мышления русского человека, совпали по времени со становлением научного изучения такого феномена как ментальность, когда европейские учёные обратили внимание на малоизученную, ранее выпадавшую из поля их интересов область истории и культуры¹⁸⁴.

На рубеже XIX и XX веков гуманитарное знание находилось в депрессивном состоянии, вызванном глубоким кризисом, причиной которому была не только научная революция в естествознании, но также события и результаты Первой мировой войны. Представители гуманитарной области начинают искать пути выхода из сложившейся кризисной ситуации, способы нового осмысления истории, предпринимают попытки вернуть гуманитарным дисциплинам способность конкурировать с «настоящей» наукой. В процессе критики позитивистов за позицию игнорирования влияния мировоззрения историка на его исследования, рождается идея создания «тотальной» истории, включающей данные смежных наук – социологии, этнографии, географии, антропологии и др., которая бы учитывала все существующие виды общественных связей и раскрывала бы исторические факты с точки зрения глубинных структур, выраженных, прежде всего, в *ментальности* того или иного народа и эпохи.

Первой школой, где начинается серьёзное научное изучение феномена ментальности, становится французская школа «Анналов»¹⁸⁵ (или, как они сами себя

¹⁸⁴ См.: *Конталева Е.А.* Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая.* Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. С. 402–409.

¹⁸⁵ Основополагающие работы: *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

предпочитали называть, «представителей новой науки»), название которой происходит от наименования «Анналы экономической и социальной истории» (фр. *Annales d'histoire économique et sociale*) – журнала, основанного в 1929 году французскими медиевистом М. Блоком и новистом Л. Февром. Поставив мышление человека выше событий политической истории, они выдвинули идею включения истории как социальной науки в культурный контекст, где психологические факты и свойства человеческого сознания становились историческими сведениями: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нём сведения»¹⁸⁶. Помимо представителей первого поколения – М. Блока и Л. Февра, – в школу «Анналов» также входили Ф. Бродель, Э. Лабрус (второе поколение); Л. Ле Гофф, Ж. Дюби, Ф. Арьес, Э. Ле Руа Радюри (третье поколение). Иногда к так называемому «четвёртому поколению» относят Б. Лепти, Ж. Ревеля, Ж.-К. Шмидта и др.

В разных формах вопросами ментальности занимались Э. Дюркгейм («религиозная ментальность», «групповая ментальность»), Л. Леви-Брюль («коллективные представления»), М. Мосс (впервые использовал понятие «менталитет» для передачи выражения «образ мыслей»), О. Шпенглер («душа культуры»), Э. Фромм («социальный характер»), Э. Касирер, Й. Хёйзинга, Э. Панофски, М. Фуко и др.

В России знания и размышления о русской ментальности, пусть и без употребления самого термина, начали аккумулироваться в рамках русской религиозной философии ещё со времени митрополита Илариона («Слово о законе и благодати») и позднее были развиты, например, И.В. Киреевским, П.А. Флоренским, К.С. Леонтьевым и др.¹⁸⁷ Попытки научного изучения ментальности отмечались в 50-х–60-х годах (например, Тартуско-московская семиотическая школа, исследования М.М. Бахтина), однако одним из первых серьёзно работать над этой темой в 80-х годах XX века начал А.Я. Гуревич¹⁸⁸, известный своими работами по

¹⁸⁶ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 38.

¹⁸⁷ Козина Т.Н. Русская ментальность: архетипический подход // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 3(11). С. 9–12.

¹⁸⁸ См., например: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб., 2014; *Он же*. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М., 1989. С. 75–89;

медиевистике. В разной степени феномена ментальности касались, например, Ю.М. Лотман, А.С. Панарин, А.В. Кантор, Г.С. Кнабе, П.С. Гуревич, А.Ф. Лосев и др.

Указание представителями «новой исторической науки» на связь истории с ментальностью, безусловно, подчёркивает взаимный характер этой связи: исторические события не только влияют на формирование специфической ментальности той или иной эпохи, но и происходят по причине особенностей этой ментальности – то есть, ментальность есть не только «отражающее, но и порождающее сознание»¹⁸⁹.

Интерсубъективные основания ментальности, которые осознаются человеком только выборочно, связывают высокорационализированные формы сознательной деятельности – такие как наука, философия, политическая идеология, религия и др. – с бессознательными структурами, культурными кодами – то есть, технически ментальность находится между сознательным и бессознательным. «Бинарные» оппозиции (естественное и цивилизованное, природное и культурное, рациональное и эмоциональное, индивидуальное и общественное и др.) на уровне ментальности наслаиваются и растворяются в её структурах, проявляясь на архетипическом уровне в различных знаковых системах, традициях, верованиях и т.д.¹⁹⁰

В этом отношении становится ясно, что ментальность – это действительно «<...> не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приёмов сознания»¹⁹¹, своего рода «собственный психологический аппарат цивилизации».

Существует большое количество определений ментальности. Само понятие происходит от латинского «*mens*» (позднелатинского «*mentalis*» – «умственный»; фр. «*mentalité*» – «видение мира») и означает «ум», «мышление», «образ мыслей»,

Он же. Категории средневековой культуры. М., 1984; Гуревич А.Я., Шульман В.И. Ментальность, менталитет // Культурология XX в. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. и др.

¹⁸⁹ Горбенко А.Ю., Дёмина Е.В. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. Вып. 4 (169). С. 16.

¹⁹⁰ Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 526; Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М., 1989. С. 75–89.

¹⁹¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб., 2014. С. 76.

«душевный склад». Имеется значительное количество подходов, определяющих содержание этого понятия, например:

- описательные, перечисляющие компоненты ментальности;
- нормативные, акцентирующие регулятивную функцию феномена;
- структурные, отмечающие особенности внутренней организации компонентов ментальности;
- генетические, делающие упор на происхождении менталитета;
- психологические, оперирующие такими категориями, как мышление, архетипы, смыслы, мотивы, убеждения, эмоции, потребности, идеалы, склонности, стереотипы и т.д.;
- исторические, акцентирующие влияние исторической эпохи на сознательное и бессознательное в психике индивидов и группы¹⁹².

Подобное многообразие и неопределённость обусловлены не только многослойностью самого пространства существования и бытия человека и недостаточной изученностью феномена ментальности, но и его собственными неоднозначностью и «диффузионным» характером: ментальность не очерчена в той или иной исторической эпохе чётко – напротив, она расплывчата и присутствует в ней повсюду. Более того, будучи неотъемлемым компонентом социальных структур, ментальность «впитывает» их особенности, что означает существование различий в ментальностях разных социальных слоёв и групп, принадлежащих одной и той же исторической эпохе. Ментальность представляет собой «*метаязык культуры*», который обретает реальные очертания в табу, ритуалах, обычаях, традициях, нормах и ценностях и т.д.¹⁹³; это – привычки сознания, культурный код, матрица восприятия реальности.

Понятие ментальности не тождественно менталитету. Несмотря на общие основания, между ними существует различие: ментальность менее стабильна, менее определённа, более многогранна, глубже связана с бессознательным уровнем

¹⁹² См. подробнее, например: Магомедова Э.А., Юсупов Ю.Г. Проблема ментальности в гуманитарном знании: основные подходы // Юг России: экология, развитие. 2011. № 1. С. 25–30.

¹⁹³ Яковенко И.Г. О природе ментальности // Артикульт. 2018. № 1 (29). С. 141.

психики и архетипическими формами мышления, имеет более тесные связи с определённой эпохой, социальными стратами и в целом отличается большей эмоциональной окрашенностью, ориентацией на категориально-символическое мировосприятие. Менталитет имеет всеобщий, общечеловеческий характер; характеризуется большей константностью, продолжительностью и может быть выражен как тесно связанный с традицией и типом общественного развития комплекс интеллектуальных, эмоциональных, социокультурных характеристик и установок, которыми обладает народ, нация, этническая или социальная группа¹⁹⁴. И, тем не менее, ментальность и менталитет имеют неразрывную взаимосвязь, образующую «целостный ментальный комплекс». Такой комплекс формирует российский менталитет: будучи феноменом «<...> суперэтнического, цивилизационного масштаба, [он] взаимодействует с ментальностью этносов, субэтносов, других социальных образований, объединяя их общие свойства <...>»¹⁹⁵.

В нашей работе мы определяем *ментальность* как особое мировосприятие, присущее индивидуальному и коллективному сознанию в его в глубинном измерении, облечённое в особую культурную картину мира, связанное с историческим временем, географическим положением, этническими и социальными группами, и представляющее собой идейно-психологическую формацию, включающую специфические эмоциональные реакции. Иначе говоря, ментальность – это особое мировосприятие человека или группы, обусловленное эмпирически, темпорально и онтологически, в котором значительное место занимает бессознательное.

Для нашего исследования важнейшим представляется экспликация данного понятия в контексте реального его существования и словоупотребления.

Русские эмигранты в некоторой степени предвосхитили тенденцию, расцвет которой отстоял от них на несколько десятков лет вперёд: через осмысление этнографических материалов о народах, населявших Маньчжурию и русский Дальний Восток, размышления о роли материальной и духовной культуры, изучение

¹⁹⁴ Емелькина И.В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. С. 15–16, 24; Васильева Г.М. История европейской ментальности: учеб. пос. Новосибирск: НГУЭУ, 2011. С. 20.

¹⁹⁵ Емелькина И.В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. С. 20.

маргинализации сознания эмигрантов и полукровцев и др., они предоставили первые изыскания для понимания феномена «русская эмиграция»¹⁹⁶. Вот что, например, писал Н.А. Байков, один из самых известных и ярких представителей натурализма и этнографии среди эмигрантов: «Обыкновенно тех, кто решался ехать в эти “гиблые места”, провожали, как на тот свет! И не даром, так как люди, забравшиеся на Дальний Восток, почти никогда не возвращались к себе на родину и, постепенно теряя с нею связь, становились “камчадалами”, т.е. людьми со своей особенной психологией и мировоззрением»¹⁹⁷.

Дальневосточники и эмигранты становились носителями особой, *фронтальной ментальности*, то есть «духовной формации, выражающей идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья»¹⁹⁸. Слово «фронт» заимствовано, прежде всего, из американских социополитических реалий и «теории границы» (англ. frontier thesis) XIX века, созданной Ф. Тёрнером в ходе развития отношений США с фронтальной зоной – зоной Дикого Запада. Типологически любое порубежье имеет общие черты – это места царствования особого духа, романтизированная дикая экзотика, зоны специфических условий с низкой плотностью населения и, как правило, богатыми природными ресурсами, суровые края со своими законами, отстоящие от цивилизованного центра, куда стекаются люди особого склада и ментальности. Фронтальной зоне и фронтальной ментальности присущи такие понятия как свобода, надежда, индивидуализм, упрощение (институтов, норм и т.д.), конфликтность ввиду огрубения нравов, возврата к более «дикому» состоянию, материализм и жажда наживы и др.¹⁹⁹ Однако важнейшей характеристикой порубежья является его неопределённость, неустойчивость, проявляющаяся в законах, нормах и логике жизни.

¹⁹⁶ *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. С. 9–10.

¹⁹⁷ *Байков Н.А.* Ланцепупы // У костра. Тяньцзинь, 1939. С. 46.

¹⁹⁸ *Забияко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII начала XX в. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 10.

¹⁹⁹ См. подробнее, например: *Забияко А.П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2010. С. 5–23; *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

Формирование и существование ментальности – длительный процесс. В этом смысле дальневосточная фронтальная ментальность – молодое, не обременённое длительной исторической традицией явление, религиозная составляющая которого формировалась «без значительного влияния конфессиональных институтов, во многом *стихийно*, по “самомышлению”»²⁰⁰. Низкая религиозность населения и невозможность обеспечения духовного единства дальневосточников влекли за собой достаточную широту религиозной свободы, обуславливавшую секулярные и внеинституциональные религиозные основания дальневосточной ментальности, которые были внутренне неоднородны, восприимчивы к усвоению инокультурных образцов и природно склонны к синкретизации²⁰¹.

Дальневосточный фронт представлял собой вольницу, которую цивилизованный запад страны воспринимал как «крамольную окраину», в которой, тем не менее, виделись перспективы развития. В онтологическом срезе противопоставление центра и периферии – классическая, универсальная мифологема, связанная с горизонтальным разделением пространства и такими категориями как «мы» / «они» и «своё» / «чужое». В мифологическом сознании центр – это место знакомое, безопасное; владения порядка; жизнь здесь обыденная и понятная. Периферия же, напротив – место неприветливое, опасное; царство хаоса, где бытие – сверхъестественно и непонятно. Если центр – это «креативный ресурс всего благого, истинного и прекрасного», то периферия – «косность, мертвящая бездеятельность»²⁰². Тем не менее, иногда провинция может сохранять витальность и творческий потенциал благодаря носителям особого духа – людям авантюрного склада, жизнелюбивым и жизнестойким, «пассионарного» типа. Большинство прибывших на Дальний Восток переселенцев можно было отнести именно к такому типу личностей. Эту интенцию они сохранили и в эмиграции.

²⁰⁰ *Забияко А.П.* Особенности дальневосточной ментальности и теории интерпретации религиозных новообразований // Современные контексты магии, религии и паранауки / Ю.М. Сердюков, А.П. Забияко, Р.А. Кобызов [и др.]. М.: «Academia», 2008. С. 72.

²⁰¹ Там же. С. 75.

²⁰² *Забияко А.П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2010. С. 6.

Условия окраины и порубежья способствовали тому, что вектор культурного развития новых русских насельников отклонялся от магистрали центра и тяготел к местным особенностям, условиям и законам. Более того, как отмечал Н.А. Байков, в представлениях местных и тех, кто уже обвыкся на новом местопребывании, высококультурные представители цивилизованного центра выступали как люди «“глупые” и “неразвитые” с точки зрения “закона тайги”»²⁰³. Однако, будучи носителями русской культуры, дальневосточные поселенцы не могли избежать её «культурного принуждения», выражавшегося прежде всего в том, что «<...> творец, будучи оригинальным автором того или иного «послания», не может не выразить его в “коде” заранее заданной ему языковой системы и культурной традиции, которая ставит ему определенные границы. От того, что сам он этих ограничений не ощущает и не осознает, они не делаются менее существенными»²⁰⁴. Наиболее важным в этом отношении является факт *логоцентричности* русской культуры, где слово представляет собой «экспликатор народной ментальности» и «носитель духовного и творческого потенциала»²⁰⁵. Не случайно русские изгнанники старались прежде всего сохранить язык и во многом именно поэтому в том же Харбине «писали все» – и профессиональные литераторы, и простые рабочие КВЖД. Через слово находили выражение и культурный код, и ментальность – и общая русская, и дальневосточная фронтальная, которая была подвержена процессам маргинализации и синкретизации.

Русская эмиграция в Китае – это «перенесённая в Китай Россия в миниатюре», сложный конструкт, сохранивший родной язык и культуру, но приобретший инокультурные особенности. Приток русских в Поднебесную (особенно – на восток и северо-восток: Харбин, Шанхай, Циндао и др.) усиливается в конце XIX – начале XX века, что ведёт к формированию крупнейшей русской диаспоры за рубежом, отличающейся отсутствием «этнической избирательности», разнообразием социального положения, вероисповедания, языков и т.д. Всё это способствует

²⁰³ Байков Н.А. Ночь у костра // У костра. Тяньцзинь, 1939. С. 26.

²⁰⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб., 2014. С. 80.

²⁰⁵ Костина А.Г. Логоцентризм в русской ментальности: к вопросу о значении слова в русской культуре // Записки Горного института. 2006. № 1. С. 269.

формированию особого культурного пространства и возникновению специфических форм общественно-культурного бытия.

Под русской диаспорой мы в данном случае подразумеваем сообщество индивидов, которые связаны между собой русской культурной традицией и, проживая за пределами России в статусе этнического меньшинства, разделяющих чувства групповой солидарности, коллективные представления и опыт жизнестроительства вне родины в условиях чуждой, инокультурной среды²⁰⁶. Русская община в Китае – это «формация социально-религиозно-политического быта»²⁰⁷, уже в самой своей основе сочетающая несколько векторов. Характерными чертами русской диаспоры в Китае стали её многочисленность, нечувствительность к национальным различиям внутри общины, сопротивление ассимиляции, подверженность ностальгии и мифологизации образа России, а также создание особой, уникальной внутренней культурной среды, которая была обусловлена как вышеперечисленными характеристиками, так и социальным составом диаспоры. Несмотря на относительную нечувствительность к национальному составу диаспоры (все выходцы из России в основном причислялись к русским), Харбин поистине был «плавильным тигелем», в котором столкнулись идентичности различных народов – украинцев, поляков, евреев, татар, немцев, армян и многих других. Русские в Маньчжурии фактически утратили свой прежний статус титульной нации, государствообразующего этноса, целостность этнического сознания, власть над территорией и т.д., что не могло не сказаться на их мироощущении и не породить различного рода попытки восстановить прежнее положение²⁰⁸.

История русских в Китае начинается, по крайней мере, с первой половины XIV века, что было связано с монгольским присутствием на Руси и завоевательной политикой хана Хубилая, основавшего империю Юань, куда была включена

²⁰⁶ *Забияко А.П.* Диаспоры как фактор цивилизационных взаимодействий // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск, 2015. Вып. 11. С. 13.

²⁰⁷ *Хисамутдинов А.А.* Русская диаспора на Дальнем Востоке: от общин в Китае и Японии до Америки и Австралии // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии. Благовещенск, 2012. С. 206.

²⁰⁸ *Забияко А.П.* Диаспоры как фактор цивилизационных взаимодействий // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск, 2015. Вып. 11. С. 20.

территория Китая. Русские отряды базировались в Пекине, в Маньчжурии²⁰⁹. Тем не менее, начало процесса непосредственно *русской диаспоризации* в Китае связано с событиями XVII века и формированием в Пекине небольшой общины из защитников Албазинской крепости, согласившихся перейти на службу Цинской империи²¹⁰. Русское население Китая в том числе имело периодические вливания в лице беглых каторжников, перебежчиков, промысловиков, золотодобытчиков, крестьян, купцов, ремесленников, священников и миссионеров, а также старообрядцев²¹¹.

В дореволюционный период приток русского населения в Китай был связан с торгово-промышленной деятельностью российских подданных – прежде всего, И.Я. Чурина²¹². С началом строительства Китайско-Восточной железной дороги в конце XIX – начале XX века центром русской эмиграции на северо-востоке Китая становится раскинувшийся посреди маньчжурской тайги г. Харбин. В 20–30-е годы XX века северо-восток Китая становится пристанищем для множества выходцев из бывшей царской России самого разного толка: торговцев, промышленников, рабочих, крестьян, представителей интеллигенции и дворянства, казачества, бывших офицеров, уголовников и многих других. По-настоящему мощный миграционный поток, давший начало новому витку харбинского домостроительства и жизнеустройства, возникает после 1917 года, когда в Маньчжурию переселяется несколько десятков тысяч человек. Прежде всего, это были так называемые «белые эмигранты» – политические фигуры (военные руководители Г.М. Семёнов, Б.В. Анненков, М.К. Дитерихс и др.), государственные и общественные деятели (Д.Л. Хорват, Н.В. Устрялов, Н.Л. Гондатти и др.), части армий А.В. Колчака, Р.Ф. Унгерна, В.О. Каппеля и т.д. С 1920 года миграционный поток усиливается

²⁰⁹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М., 1997. С. 95.

²¹⁰ Забияко А.П., Черкасов А.Н. Православие на Амуре в XVII веке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 270–271.

²¹¹ Головин С.А. Итоги начального этапа деятельности русской духовной миссии в Китае в XVIII – начале XIX столетий (1715/16–1807) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2013. С. 29; Василенко Н.А. Об основных этапах миграционного движения из России в Китай в дооктябрьский период (по материалам китайских публикаций) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 5. С. 229–236.

²¹² Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамутдинова. Шанхай, 2010. С. 24, 26; Леошко С.С. Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина // Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 15–68.

дальневосточными старообрядцами²¹³. В 1929 году после карательных экспедиций красноармейцев в Харбин прибывают беженцы (в основном, казаки и крестьяне) из Трёхречья – северо-восточного района современной Внутренней Монголии (округ Хулун-Буир (Хулуьбэр, Барга))²¹⁴.

Помимо непосредственной политической обстановки, приток русского населения происходит по ряду других причин. Во-первых, попасть в открытые китайские порты (такие как Шанхай, Тяньцзинь, Циндао) было проще, чем в Японию, Европу, Америку, Австралию и другие места расселения беженцев. Во-вторых, Маньчжурия ещё с XVII века имела связи с Российской Империей и населением Восточной Сибири (Албазинская эпопея, Желтугинская республика, строительство КВЖД, аренда русскими Ляодунского полуострова и др.). В начале XX века Маньчжурия фактически находилась во власти военного правителя Чжан Цзолия, который создавал приемлемые условия для русских казаков, принимая их на службу в армию и полицию. В-третьих, само возникновение одного из главных центров русского зарубежья – Харбина (1898–1902 гг. – станция Сунгари первая) – ввиду строительства КВЖД было изначально связано с присутствием русских, которые ещё до 1917 года успешно обосновались на новом месте. Харбин как крупнейший центр эмиграции оказывается связующим звеном с другими оазисами русского зарубежья – Шанхаем, Пекином, Мукденом, Дайреном, Порт-Артуром, Чаньчунем, Цицикаром, Трёхречьем, Хайларом и др., а также с местами расселения русских в Монголии, Европе, США, Канаде, Австралии и Латинской Америке²¹⁵. Этому странному – «чисто русскому городу, с русскими постройками, русским колоритом, но на китайской земле»²¹⁶, было суждено стать эмигрантам «нежной мачехой», приютившей многочисленных носителей «русского духа» более чем на пятьдесят лет и поистине превратившейся в «русскую Атлантиду».

²¹³ Курто О.И. Российская историография русского присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. 2012. С. 301.

²¹⁴ Урбански С. Русские казаки в Маньчжурии // Восточная коллекция. 2014. № 3(58). С. 121.

²¹⁵ Ракунов В.А. Эмиграция белых войск из России в Китай и её военные последствия (1918–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук.; 07.00.02 Отечественная история; МосГУ. М., 2011. С. 14.

²¹⁶ Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1987. С. 8.

А.А. Хисамутдинов выделяет следующие категории в социальном составе русской диаспоры, отмечая их характерные черты:

1. Служилые люди. Как правило, это так называемое «потерянное поколение», наиболее тяжело переживавшее современные им социальные и политические неурядицы. В их среде, по мнению автора, наблюдались наиболее отчётливые признаки экзистенциального кризиса, выразившиеся в «психологической надломленности», личных и семейных трагедиях, пьянстве, случаях самоубийства и т.д. Бывшие белые офицеры и казаки в основном подвизались на службе в китайской армии, охране, занимались физическим трудом.

2. Административные служащие и аристократия, судьба и настроения которых во многом были схожи с военными. Аристократическая прослойка дальневосточной эмиграции в период её расцвета не имела в своём составе громких знатных имён Российской Империи²¹⁷.

3. Предприниматели, рабочие и мелкие служащие, составлявшие морально устойчивую категорию людей, которые были готовы «всё начать с нуля».

4. Молодёжь и студенты (успевшие застать гражданскую войну и те, кто был в слишком юном возрасте или родился уже в Китае) – группа, представители которой в своём большинстве демонстрировали наибольшие способности к приспособлению в новых условиях и в дальнейшем хорошо устроились в Америке, Австралии и других странах рассеяния русской диаспоры.

5. Представители искусства и интеллигенции, ставшие основными хранителями русской дореволюционной культуры²¹⁸.

Отдельным, шестым пунктом А.А. Хисамутдинов справедливо выделяет категорию женщин, которые, хотя входили и в другие категории, всё же представляли собой отдельную, менее защищённую группу. В тяжёлых условиях выживания они нередко соглашались на самую чёрную работу, в некоторых случаях – проституцию. Многие молодые девушки выходили замуж за гораздо более взрослых

²¹⁷ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С. 124.

²¹⁸ *Хисамутдинов А.А.* Русская диаспора на Дальнем Востоке: от общин в Китае и Японии до Америки и Австралии // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии. Благовещенск, 2012. С. 213–214.

мужчин, заключали браки с местным населением. Последнее, безусловно, является предметом, требующим отдельного исследования. Такие союзы порождали особую «культурную гибридность», формируемую синтезом культур отца и матери и особенно проявившуюся у потомков русско-китайских браков. Существующая дихотомия «своё»–«чужое» причудливым образом встраивалась в синкретическую картину мира полукровцев, создавая уникальную культурную структуру, позволяя пройти путь от этнофолического «ламоза»²¹⁹ (так поначалу называли русских китайцы) до «элосыцзу» (кит. 俄罗斯斯族人, «элосыцзу жэнь», общеупотребимое именование потомков русских в Китае). До сих пор в Китае существуют места (например, г. Пекин, г. Харбин, Синьцзян-Уйгурский автономный район (Урукчи, Кульджи, Чугучак), особенно – район Трёхречья во Внутренней Монголии и др.), где сохраняются реликты русско-китайской культуры²²⁰.

Тем не менее, русско-китайские браки были не столь многочисленны; часто женщины в таких браках оставались верны русской культурной и религиозной традиции, воспитывали в русском и православном духе детей, способствовали обращению мужей в православие. По мнению харбинской поэтессы А. Паркау, прежде всего перед русской женщиной стояла задача «<...> воспитать русских детей, любящих Родину, не стыдящихся своего звания – “эмигрантов” – и знающих русский язык и русскую историю. Её задача – охранять и беречь нашу прекрасную старую культуру, наш быт и наше искусство, чтобы через детей передать их той России, которая будет в состоянии их от нас принять и к ним приобщиться. А это должно когда-нибудь случиться!»²²¹. С такой позицией были солидарны и другие: например, О. Скопиченко («Для русской женщины эти обязанности заключаются, по

²¹⁹ Например, А. Несмелов в рассказе «Ламоза» через образ Вана – воспитанного в китайской семье русского мальчика Серёжи с печальной судьбой – живописует сложные взаимоотношения между «китаизированными» русскими и китайцами, проблему идентичности, дихотомию «своё»–«чужое» и т.д.: Несмелов А. Ламоза // Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, 2006. С. 509–516.

²²⁰ См. например: Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2016. 480 с.; Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуан. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. № 17. С. 109–125; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.; Чжан Жуан. Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Благовещенск, 2019; Забияко А.А., Забияко А.П., Чжан Ж. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. Вып. 5 С. 135–151.

²²¹ Смотри женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. № 47 (17 нояб.). С. 24–25.

моему мнению, в сохранении всего русского, что успела или сумела она получить от Родины)), В. Янковская («Считаю обязанностью женщины помнить Россию: матери должны беречь детей от космополитизма <...>»)²²². В этих словах, несомненно, отражается один из главных векторов восточного русского зарубежья – стремление к сохранению своей культурной идентичности: дореволюционных порядков, приверженности православию, «русскости» и т.д. Порубежное положение эмигрантов и их «психологическая бездомность», потеря физической связи с родной вызывали стремление сохранить связь духовную.

Несмотря на обилие представленных в Харбине исповеданий, именно православная вера и церковь как центры «духовного притяжения» стали связующими звеньями для русских изгнанников. Одним из первых начал издаваться журнал «Китайский благовестник» (был создан в 1904 г. как «Известия Братства Православной Церкви в Китае», в 1907 г. переименован), прежде всего имевший целью сплотить русскую диаспору на почве православной культуры, во многом став её символом²²³. С самого начала истории Харбина и до 1940-х годов повсеместно активно велось строительство храмов: Свято-Николаевский собор, Иверская церковь, церковь Успения Пресвятой Богородицы, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, Алексеевская церковь и др. Визитной карточкой Харбина становится церковь в честь Святой Софии премудрости Божией (Софийский собор)²²⁴. Русские по дореволюционному широко отмечали православные праздники: Рождество, Крещение, Пасху, Радуницу, Троицу и др.

Социальная, политическая, религиозная, научная, культурная жизнь этого странноприимного города была ключом: действовали театры и оперные театры; театральные и балетные студии; балетные студии, давал концерты Харбинский симфонический оркестр; особенно популярен был, как тогда говорили, «джасс» – именно в Харбине начинал свой творческий путь джаз-музыкант О.Л. Лундстрем,

²²² Смотри женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. № 47 (17 нояб.). С. 24–25.

²²³ Пелевина О.В. Русские в Китае в начале XX в. в описаниях авторов журнала русского зарубежья «Китайский благовестник» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Благовещенск, 2018. Вып. 12. С. 132–139.

²²⁴ Лешошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003. С. 111–136; Троицкая С. Русский Харбин: Воспоминания. Брисбен, 1995.

действовал коллектив Д. Соколова и др.²²⁵ В Харбине даже был цирк, причём в отдельном, постоянном здании, а не в «палатке»²²⁶. С гастролями в Харбин приезжали многие именитые артисты – Ф.И. Шаляпин, А.Н. Вертинский, Л. Липковская, А. Мозжухин, И. Козловский, П. Лещенко, В.Ф. Комиссаржевская и др.

Юное поколение воспитывалось в любви к России и русской традиции не только из-за ностальгии по потерянному миру, но и потому, что харбинцы искренне надеялись вернуться на свою настоящую родину, хотя, ввиду изначального расселения русских по линии КВЖД – «полосе отчуждения», – эта территория становится для них новым домом, фактически «государством в государстве». При этом в сознание и сердца сыновей и дочерей «горчайшей беженской беды» (А. Несмелов) так или иначе проникал Китай – их новое пристанище, – о чём многие из эмигрантов ностальгически писали с других концов света уже после харбинского «исхода». Этому романтическому восприятию не помешали многочисленные перипетии их китайской жизни: усложнение статуса после революции и фактическое гражданско-правовое «сиротство», хронические безработица и безденежье, захватнические акты китайских милитаристов, незащитность перед китайскими полицейскими, чиновниками, разбойниками-хунхузами или большевиками, междоусобные распри юга и севера Китая, политические инсинуации американцев и даже оккупация Маньчжурии Японией²²⁷.

Вопрос политической идентичности, обострившийся после заключения в 1924 году соглашения между Китаем и СССР, по которому на КВЖД разрешалось работать только китайским и советским гражданам²²⁸, а также после череды арестов эмигрантов в июле-августе 1929 года китайскими властями²²⁹, способствовал

²²⁵ Хисамутдинов, А.А. Русские музыканты в Китае. Владивосток, 2015.

²²⁶ Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1987. С. 26.

²²⁷ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) Хабаровск, 2008. С. 14–15.

²²⁸ Китай отказался предоставить бывшим подданным Российской Империи экстерриториальные права. В среде русских эмигрантов произошёл раскол: часть русских принимает советское гражданство, чтобы сохранить работу на КВЖД, другие становятся китайскими подданными, третьи остаются в статусе апатридов. См. подробнее, например: Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 32. С. 66–83.

²²⁹ Результат политического противостояния СССР и Китая. Заключённые были помещены в Сумбейский концентрационный лагерь, однако уже к концу декабря того же года были выпущены и восстановлены на службе. См.: Кротова М.В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый исторический вестник. 2013. С. 33–47.

распространению дезинтеграционных процессов в эмиграционной среде, шпионии, появлению и развитию различных политических объединений, для которых при всём их различии (подчас диаметрально) общим основанием был поиск выхода из сложившейся в России ситуации.

Трудное положение 1920–30-х годов многих вынуждало искать лучшей жизни в Северной и Южной Америке, Австралии, реже – в СССР, Канаде, Европе²³⁰. После установления в 1932 году марионеточного государства Маньчжоу-Го начался отток русских из Харбина и полосы отчуждения, который усилился после продажи СССР прав на КВЖД Японии (1935 год). Непростым было положение эмигрантов и после 1937 года, когда Япония развязала новую войну против Китая.

В 1945 году, когда вместе с китайской армией советские войска освободили Маньчжурию от японских оккупантов и пришли в Харбин, положение эмигрантов значительно усложнилось. Отряды СМЕРШа обвиняли их в шпионаже и сотрудничестве с Японией и Америкой, арестовывали и в бесчисленных эшелонах отправляли в концентрационные лагеря в СССР, где позже многие были преданы смертной казни.

К 1954 году, когда после смерти И.В. Сталина отношения с Китаем стали портиться, русские эмигранты оказываются на практически былинном распутье: налево пойдёшь – на целину уедешь (как правило, в Казахстан), прямо пойдёшь – в лагерь угодишь, направо пойдёшь – на других континентах жизнь начнёшь. Много харбинцев перебралось в Казахстан, ещё больше – уехало в Америку, Австралию, Бразилию, Индию. К 1967 г. в Харбине осталось всего около 150 русских²³¹.

И, тем не менее, в воспоминаниях многих харбинцев их жизнь в промежутка х потрясений была «благословенной»; они жили там «тихой, спокойной, нормальной, неторопливой жизнью, жили “как у Христа за пазухой”... росли, учились,

²³⁰ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С. 135–136.

²³¹ *Хисамутдинов А.А.* Русские в Китае, Корее, Японии и на Тихоокеанском побережье США. Владивосток, 2015. С. 52.

женились, обзаводились семьями...»²³². Харбин и в лихие годы удивительным образом оставался островком размеренности и спокойствия.

Одной из важнейших особенностей русской эмиграции стало сохранение языка – в «Харбине на улицах преобладала русская толпа, звучала русская речь. В живоносном источнике, откуда, как по артериям, текли жизненные оплодотворяющие соки, на Китайской Восточной ж. д., вся полнота власти, вся направляющая и руководящая политика была в русских руках»²³³. Во всех населённых пунктах, где проживали русские, существовала печатная продукция. В период с 1918 по 1945 год только в Харбине выходило 115 газет, 275 журналов и 190 одноразовых публикаций, транслирующих самые разнообразные темы²³⁴. Среди наиболее распространённых изданий можно назвать харбинские газеты «Заря», «Рупор», «Гун-Бао», «Наш путь» (издавалась в Харбине, затем – в Шанхае); шанхайские журналы «Нация», «Прожектор», «Парус»; харбинские журналы «Луч Азии», «Вестник Маньчжурии» (бывший «Харбинский вестник», издававшийся ещё до революции) и, конечно, «Рубеж», один из самых любимых еженедельников харбинцев. Были и детские издания: «Ласточка», «Юный читатель Рубежа», «Крошка» и др. Все эти издания имели большое значение для идейного объединения бывших российских подданных на чужой земле.

Немаловажной особенностью дальневосточной эмигрантской литературы является её *свобода*: писатели и поэты не были ограничены в выражении своих чувств и мыслей ни режимом, ни идеологией – ничем, кроме своих *внутренних установок и переживаний*. Социокультурная среда Харбина породила плеяду самых разнообразных художников слова: А. Несмелова, А. Ачаира, В. Перелешина, Н. Щёголева, Л. Ещина, Г. Гранина, О. Тельтофт, Л. Хаиндрову, А. Паркау, Н. Резникову, Е. Рачинскую, И. Орлову, М. Колосову, Л. Андерсен, М. Шапиро, Я. Ловича, А. Хейдока, К. Сабурова и многих, многих других. Дальневосточные писатели, поэты, журналисты формировали различные литературные кружки, среди которых осо-

²³² Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1987. С. 10.

²³³ Лидин Н. Русская эмиграция на Д.В. // Русские записки. Париж-Шанхай, 1937. Ч. 1. С. 314.

²³⁴ Хисамутдинов А.А. Русские в Китае, Корее, Японии и на Тихоокеанском побережье США. Владивосток, 2015. С. 25.

бенно выделялся харбинский литературно-художественный клуб «Молодая Чураевка» А. Ачаира (Грызова).

Многие из писателей и поэтов (например, Н.А. Байков, П.В. Шкуркин, Б.М. Юльский, В.Н. Март, М.В. Щербаков и др.) были, в том числе, исследователями, натуралистами, переводчиками, востоковедами и, проникаясь традициями и бытом Маньчжурии, облекали этнографические материалы в художественную форму. К этнографическим темам обращался и А. Несмелов; интерес к китайской культуре и философии ярко выражен у В. Перелешина (одного из немногих эмигрантов, хорошо знавшего китайский язык, занимавшегося переводческой деятельностью), П.А. Северного, А. Ачаира, А. Паркау, Н. Светлова, К. Батурина, И.И. Серебренникова и др.

Однако при старорежимном, дореволюционном характере Харбина и общей тенденции сохранения «русскости», национального самосознания в эмигрантской среде, харбинское пространство русской диаспоры быстро мифологизировалось, маргинализировалось в условиях обретённой замкнутости этого «сказочно-утопического пристанища для всех страждущих и нуждающихся»²³⁵. Харбинская интеллигенция была наиболее «пластичным» слоем, живо реагируя на новую среду и адаптируясь к ней быстрее прочих. Имея за спиной традиции дореволюционной культуры, где в высших кругах были популярны мистицизм и оккультизм в формах масонства, спиритизма, медиумизма, хиромантии и, конечно, теософии и её версии «более высокого порядка» – антропософии, в новой, «китайской» жизни русская диаспора сохраняла настроения серебряного века (китайский исследователь Ли Яньлин даже говорит о «Харбинском серебряном веке»²³⁶), пронизанного мистическими аллюзиями. Художественные мистификации и тяга к модернистским приёмам отражались, в том числе, и в использовании огромного количества псевдонимов²³⁷. Находясь «меж двух миров», культурное пространство восточной ветви

²³⁵ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 15.

²³⁶ Ли Яньлин. О литературе русской эмиграции в Китае // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Харбин-Владивосток. 2019. С. 13.

²³⁷ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 6; Хисамутдинов А.А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае:

русской эмиграции откликалось как на китайскую традицию и культуру, так и на повсеместный подъём интереса к сверхъестественному и мистическому в разнообразных проявлениях: спиритомании и египтомании, ясновидения, гадательных и оккультных практик, создания теософских (теософических) кружков и пр. В 1920-х–40-х годах среди жителей Харбина было большое количество сочувствующих и интересующихся различными проявлениями мистического, а иногда пробовавших и развивать в себе особые способности²³⁸.

Всё это создавало особое, синкретическое мироощущение эмигрантской жизни и самого пространства русской диаспоры. Двойственное положение Харбина – «путаного города» (С. Алымов) всевозможных контрастов – между Россией и Китаем, Азией и Европой, между «белыми» и «красными», его внутренняя противоречивость, а также множественность его художественных образов («восточная Москва», «восточный Петербург», «восточный Чикаго», «восточный Сан-Франциско», «восточный Париж», «восточный Клондайк», «восточный Сион»²³⁹), сходящиеся в одном измерении, не могли не вылиться в синкретический сплав, как в обыденном мировосприятии, так и в креативном осмыслении, которое, безусловно, было романтическим и ремифологизированным.

Таким образом, формирование социокультурной среды русской эмиграции происходило под влиянием дальневосточной фронтальной ментальности, которая, будучи молодым в эволюционно-историческом смысле явлением, способствовала «стихийности» религиозного сознания, широте религиозной свободы, неоднородности религиозных оснований и обуславливала восприимчивость дальневосточных насельников к усвоению инокультурных образцов и податливость процессам синкретизации.

Пространство русского жизнестроительства на китайской земле было также уникальным. Здесь проявлялась стадильная архетипность русского человека как

материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях С. 95–138.

²³⁸ Землянская К.А. Мистика и магия в жизни русского Харбина 1920–1940-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. С. 324.

²³⁹ Забияко А.А. Русский город в сердце Маньчжурии: художественный образ Харбина // Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 142.

человека мессианского, борющегося ради высшей идеи и цели – воссоздать нарушенную целостность «расколотого мира» и освятить его²⁴⁰. «Мифологическая ситуация безвременья», возникшая в Харбине, позволила русским изгнанникам вернуться к «золотому веку», обратить время вспять. Это, по сути, был осевой момент в истории восточного русского зарубежья, содержащий в себе двойственное, синкретичное восприятие времени и истории: на христианское линейное время накладывалось мифологическое циклическое. Русская эмиграция переживала историю, противостоя ей, следуя, фактически, по пути мифологического сознания. «Возврат во времени» обеспечивал порядок и выполнял для русских изгнанников космологическую функцию. В этом отношении мировосприятие русской диаспоры, с одной стороны, сближалось с архаическим, характеризующимся естественными синкретическими основаниями и отношением к окружающей реальности, а с другой – приобретало ярко выраженный мозаичный характер. Наибольшее отражение этот феномен получил в творческой и социополитической среде, полной метафор, метонимий и аллегорий, ставшей для этого «мифологического» сознания своеобразной эманацией.

2.2 Религиозный синкретизм в формах литературно-публицистического творчества

2.2.1 Синкретическая инобытийность на страницах эмигрантской периодики. Мистика и эзотерика в публицистических и рекламных текстах

Во всех местах расселения русских эмигрантов в Китае существовали органы печати, выпускавшие самые разнообразные издания. Особенно богатым на печатную продукцию был Харбин. На страницах выпускаемых там газет и журналов (по некоторым оценкам, их количество в общей совокупности доходило до 4 тыс. и более²⁴¹) наряду с новостями, статьями о моде, политическими лозунгами,

²⁴⁰ См. подробнее: *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 2000. 443 с.

²⁴¹ *Хисамутдинов А.А.* Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. Религиоведческие исследования. 2016. С. 154.

этнографическими заметками, полезными советами, различными обзорами и многим другим печатались материалы, содержащие элементы мистики, оккультизма, фольклора, мифологии, философии, религиозных мотивов и т.д.

Интерес к мистике в среде эмигрантов был, с одной стороны, отголоском до-революционных нравов, утраченных в результате большевистского переворота, тоской по былому (в царской России был подъём спиритуализма, оккультных практик и мантики; эмигранты с самого начала совершенно свободно продолжали традицию святочных гаданий; проявляли интерес к славянской мифологии и демонологии²⁴² и т.д.), а с другой – откликом на новую волну общеевропейского интереса к мистическим, оккультным и инобытийным элементам жизни, возникшую после Первой мировой войны.

В общем смысле мистика (мистицизм) – это «вера в возможность непосредственного духовного общения человека с таинственными метафизическими силами (Бог, безличный абсолют, первосущность мира, духи и пр.) путём, выходящим за пределы естественных человеческих способностей»²⁴³. Понятие мистики включает не только практику и индивидуальный опыт общения с инобытийной реальностью, но и разнообразные религиозные и философские учения, которые по-разному представляют эту реальность и рассматривают варианты соприкосновения с ней. Безусловно, в русской духовной культуре мистика существовала и в дохристианскую эпоху: более того, языческие представления о мистическом, на которые накладывается христианская традиция, породили «культурно-исторический опыт духовного двойничества»²⁴⁴.

Расцвет интереса к мистицизму, мистике и эзотерике в философской и общественной среде Российской Империи приходится на XIX век, хотя предпосылки возникают ещё в XVIII веке, когда мистика выходит за рамки богословских штудий и непосредственно религиозных практик (к примеру, исихазма). По мнению

²⁴² Например: *Логинов В.* Демонология Руси // Гун-бао. 1931; *Тэффи.* Ведун // Заря. 1931. № 64. С. 3; *Она же.* Ведьма // Заря. 1931. № 69. С. 3; № 70. С. 3; *Она же.* Нежить // Заря. 1931. № 167. С. 4; *Она же.* Оборотни // Заря. 1931. № 189. С. 3; *Рамбаев Вл.* Домовой: Рассказ о необычайном // Рубеж. 1939. № 13. С. 1, 4, 6–7 и др.

²⁴³ *Тажуризина З.А.* Мистика // Религиоведение: энциклопедический словарь. 2006. С. 642.

²⁴⁴ *Кравченко В.В.* Мистицизм в русской духовной культуре XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1998. С. 363.

Е.А. Торчинова, именно традиция исихазма впоследствии повлияла на распространение мистики в народной среде. На рубеже XVIII–XIX веков исихазм возрождается в традиции старчества²⁴⁵, которое было художественно осмыслено, например, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Кроме того, со второй половины XVIII века в Россию проникают идеи масонства, розенкрейцерства, герметизма, каббалы и др.; распространяются протестантские течения; осуществляется перевод работ немецких и французских философов и религиозных мистиков (прежде всего, Я. Бёме, И.Г. Юнга-Штиллинга, Ж.-М. Гюйон, К. Эккартсгаузена и др.)²⁴⁶.

В XIX веке подъём интереса к мистицизму был связан с личностью императора Александра I, на чьи личные взгляды повлияла победа над Наполеоном, создание А.Н. Голициным и Р.А. Кошелевым «Библейского общества», общение с «проповедницей мистического христианства» баронессой фон Криденер, а также с Е.Ф. Татариновой – представительницей духовного христианства среди русской аристократии.

Бесспорно, значительное влияние на развитие интереса к мистике, особенно в среде русской интеллигенции, оказала теософия, синтезировавшая элементы различных восточных учений. Особенное развитие в России получила теософия Е.П. Блаватской: возможно, в том числе потому, что это движение в мессианском духе стремилось к всеобщему объединению духовных движений, созданию «всеобщего братства»²⁴⁷. В начале XX века в России распространяются филиалы Международного теософского (теософического) общества; теософские кружки существовали и в Харбине. В эмигрантскую среду теософские идеи проникали в том числе через, например, Н.К. Рериха, Г.Д. Гребенщикова. Последний оказал особенное влияние на одного из самых известных в русском Харбине художников слова – А. Ачаира, что выразилось в конечном итоге не только в наименовании созданной им литературной организации «Молодая Чураевка» (по названию романа Гребенщикова – «Чураевы»), но и в творчестве поэта – например, в «Лаконизмах»,

²⁴⁵ Торчинов Е.А. Пути запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. 2017. С. 490.

²⁴⁶ Исакова Н.В., Ембулаева Л.С. К вопросу о традиции мистицизма в России // Научный журнал КубГАУ. № 134(10). 2017. С. 4. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf>.

²⁴⁷ Овсиенко Ф.Г. Теософия // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. С. 1257.

которые представляли собой в некотором роде квинтэссенцию воззрений Ачаира, взращённых на почве идей Агни-йоги (Живой этики) Рериха и сибирского регионализма Гребенщикова²⁴⁸.

Н.К. Рерих – особая фигура для русских эмигрантов. Первое его появление в Харбине в 1934 году, по воспоминаниям одного из самых верных его почитателей – писателя-мистика Альфреда Хейдока, – произвело эффект «разорвавшейся бомбы». Рерих к тому времени был широко известен русской эмиграции, являлся почётным членом ХСМЛ и был встречен с необычайной теплотой и восхищением: в «паломничестве» к дому, где остановился Рерих с сыном, участвовали не только представители интеллигенции – харбинские писатели, поэты, общественные деятели, художники и т.д., но и обычные, простые люди²⁴⁹.

В русской среде также были популярны учения Г.И. Гурджиева и А.Н. Шмидт. Последнюю высоко ценили русские мыслители, которые и сами – по-разному, но обращались к подобным темам (С. Булгаков, Н.А. Бердяев, А. Белый и др.). Особое место занимала антропософия Р. Штейнера: ещё в 1906 году его идеи активно начали продвигать Д. Мережковский и Н. Минский, в 1913 году в Москве открывается Русское антропософское общество²⁵⁰. Приезжали с лекциями и иностранные оккультисты (например, Г. Мёбес, Папюс (Ж.А.В. Анкосс) и др.)²⁵¹. С 1909 по 1916 гг. в Санкт-Петербурге ежемесячно издавался «журнал оккультных наук» «Изида», который был печатным органом мартинистов²⁵².

Вероятно, интерес к подобным учениям среди русского населения был инерционным – это часть процесса ремифологизации, который возникает в Европе ещё

²⁴⁸ Забияко А.А. Китайская философия, регионализм и теософия: «Лаконизмы» Алексея Ачаира // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 196–222.

²⁴⁹ См. подробнее, например: Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М.: Издательство Духовной Литературы; Сфера, 2001. 576 с.

²⁵⁰ См. подробнее, например: Шахматова Е.В. Антропософское движение в советский период: власть и художественная интеллигенция // Религиоведение. 2020. №. 2. С. 23–28.

²⁵¹ Крыжанская К.А. Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // Лосевские чтения-2010. Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. 2010. С. 43.

²⁵² Мартинизм (от имени Л.К. де Сен-Мартена – родоначальника второго направления движения и ученика М. де Паскуалли, основателя первого направления) – мистико-эзотерическое движение, зародившееся в XVIII веке во Франции. Мартинизм сочетал идеи христианства, масонства, гностицизма, учения Э. Сведенборга и Я. Бёме, магии, алхимии, каббалы и др. См., например: Пахомов С.В. Мартинизм // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. С. 781–782.

в эпоху Ренессанса, но особый «импульс» получает в период расцвета романтизма²⁵³. Последний, в свою очередь, вместе с оккультизмом выделяется из оформившегося в ту же эпоху западного эзотеризма²⁵⁴. Причиной этому во многом послужил рост научного знания (особенно – теория о происхождении видов Ч. Дарвина) и мощный процесс секуляризации, который поставил перед человеком XIX столетия задачу поиска возможности осуществить синтез между новой наукой, рационализмом и секулярными и духовными основаниями. Неудивительно, что восточная эмиграция органично влилась в процесс решения такой задачи.

Кроме того, само население Дальнего Востока, частью которого были и русские изгнанники, было крайне пёстрым как в религиозном отношении, так и в социальном. В некоторых религиозных системах, представленных на отдалённых землях бывшей Российской Империи (например, в духовном христианстве), особое значение придавалось мистическим переживаниям. В социальном отношении лидировали, во-первых, служилые люди, где, как известно, исторически были обусловлены не только относительно низкая религиозность и распространённость православия в его народной форме, но и наличие в составе казачьих формирований представителей, например, буддизма и иудаизма, а также восприятие казаками верований коренных народов Дальнего Востока; во-вторых – крестьяне, в среде которых издавна была сильна вера в мистическое, были особенно популярны легенды, персонажи демонологии и т.д.

В Приамурье также получили распространение гадатели и прорицатели, а «генетический» синкретизм народной религиозности нередко позволял вере в мистическое вылиться в причудливые и даже курьёзные формы. Так, в 1916 году в местной газете был описан случай «поклонения святому яйцу»: «11 мая солдатка, жительница коммуны Мария Солоненко, 30 лет, сварила 3 яйца, дала 2 яйца своей дочери, которая их скушала, а третье яйцо положила на окно. Ночью Солоненко захотелось пить, и она вошла в ту комнату, где на окне оставила яйцо. Солоненко

²⁵³ *Забияко А.П.* Ремифологизация // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. С. 1073.

²⁵⁴ *Носачев П.Г.* Оккультизм и романтизм как две формы «секуляризованного эзотеризма» XIX – начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 207.

заметила, что яйцо издаёт настолько яркий свет, что в комнате стало светло. Об этом «чуде» Солоненко заявила соседям, и вскоре масса жителей села явилась на поклонение святому яйцу. На следующий день местный священник, узнав о том, что сельчане собираются в квартире Солоненко для поклонения “священному яйцу”, явился туда для проверки столь необычайного явления и констатировал, что яйцо (тухлое) подаёт фосфорический свет. Священник приказал уничтожить “чудо”. Односельчане отказались. Появление священника в доме Солоненко породило всевозможные толки. Жители стали массами стекаться из ближайших сёл на поклонение “святому яйцу”»²⁵⁵.

Прослойка интеллигенции и мещан активно интересовалась спиритизмом и синкретическим учением толстовства. На амурской сцене было множество постановок и фильмов на мистическую тематику: «Вампиры», «Колдунья. Драма из польской жизни», «Кухня ведьмы», «Печать проклятия», «Пиковая дама», «Фауст», «Русалка», «На грани трёх проклятий» (с А. Вертинским), «Масоны», «Граф Калиостро» и многие другие²⁵⁶.

Итак, заинтересованность в мистическом среди эмигрантского сообщества была детерминирована и пространственно, и темпорально, но, тем не менее, нельзя однозначно заявлять, что все публикации на подобную тематику были именно откликом на обозначенные выше тенденции и предпосылки. Более справедливым будет отметить, что среди художественных и публицистических текстов необходимо различать работы самих дальневосточных эмигрантов и эмигрантов-западников, произведения других писателей (европейских, советских, иных), републикации из зарубежных дореволюционных или современных изданий. Очевидно, что не все они совпадают по временному срезу, а также не могут быть безоговорочно отнесены к исключительно репрезентативным текстам. Тем не менее, все изученные публикации обладают общим основанием – религиозно-мистическим контентом,

²⁵⁵ Поклонение яйцу // Благовещенское утро. 1916. № 131. С. 4. Цит. по: *Крыжанская К.А.* Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // Лосевские чтения-2010. Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. 2010. С. 48.

²⁵⁶ *Крыжанская К.А.* Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // Лосевские чтения-2010. Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. 2010. С. 49.

который, несомненно, был востребован эмигрантским сообществом. Интерес к мистике заключался в двух основных аспектах – практическом и теоретическом. К первому относятся эзотерические услуги (прежде всего, различные виды мантики), ко второму – публикации на мистическую тематику.

При сохранении православной веры в качестве опорного элемента, в экзистенциальную орбиту восточной эмиграции включался интерес к общению с духами, новостям из области иррационального, тяга к тайнам, загадкам и сенсационным открытиям, гороскопам, гаданиям, ясновидению, и, конечно, предсказаниям судьбы, где особое место занимали вопросы о судьбе России. Этому есть логическое объяснение: самосознание русских эмигрантов, обусловленное реалиями жизненных условий, коренилось не только в их идентичности, но также искало новые основания. Возрастание интереса к «нетрадиционным» способам взаимодействия с действительностью и влияния на неё исторически отмечалось во время кризисных и переломных моментов функционирования общества или жизни индивида. В сложные времена, с которыми столкнулись русские изгнанники, им были необходимы дополнительная поддержка, вера в то, что они не беспомощны перед молохом времени и истории, надежда на благополучный исход и обретение утраченного мира и покоя.

Достаточно скоро на такой запрос появляются и предложения – ведь харбинцы, по заявлению В. Раевской, «наряду со своей культурностью, оказались очень суеверным народом»²⁵⁷. В 20-е – 30-е гг. XX столетия в эмигрантской среде особенно начинают процветать представители «царства призрачных надежд» (В. Деспотули) – хироманты, физиогномики, гадатели по картам, почерку, голосу, фотокарточкам, воде, зеркалам, бобам, «камушкам», на кофейной гуще и др. Популяризировались колдуны, чародеи, телепаты, френологи, астрологи и гипнотизёры, а также идея самогипноза²⁵⁸. Количество гадателей особенно возрастает в 30–

²⁵⁷ Раевская В. Харбинские колдуньи и ведьмы. Знаменитости без имён с Зеленого базара // Заря. 27 ноября 1938. С. 7.

²⁵⁸ Землянская К.А. Мистика и магия в жизни русского Харбина 1920–1940-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. С. 327.

40-е гг., когда положение эмигрантов усложняется и становится более трудным ввиду японской оккупации и начала Второй мировой войны.

Информацию о себе, как правило, гадалки размещали в формате объявлений в газетах, реже – журналах. Одной из таких газет была, к примеру, «Заря» – одно из старейших периодических изданий Харбина, основанное М.С. Лембичем и Г.Н. Шипковым и выходившее в период с 1920 по 1945 год²⁵⁹ (помимо харбинской «Зари», в разное время газета выпускалась в Шанхае («Шанхайская Заря») и в Тяньцзине («Наша Заря»))²⁶⁰. Своей популярностью газета была обязана выверенной издательской политике, которая принимала во внимание специфику русской диаспоры и её культурные и духовные запросы; кроме того, читателей подкупала оперативность и объективность в подаче информации, а также охват большого разнообразия тем и проблем дальневосточной и международной жизни²⁶¹. В газете печатались материалы не только местных журналистов и авторов, но и из других регионов и стран на самую различную тематику: русские праздники и традиции, новости и события в инокультурных, но в какой-то мере причисляемых к русской эмигрантских диаспорах (польской, грузинской, еврейской и проч.), музыкальные, театральные и иные анонсы, политические известия (в том числе из СССР), медицинские указатели, и, конечно, всевозможные объявления – в том числе, предложения оккультных и магических услуг²⁶².

К числу наиболее известных представителей рынка оккультных услуг можно отнести, например, А.И. Банасевич, М. Тарновского и др.²⁶³ Нередко совмещались несколько видов мантики и подходов, например: «Хиромантка Д.Г. Фуртуянова. Изучившая: хиромантию, френологию, психологию и графологию. Узнаю способности, наклонности, таланты и характеры. Даю полезные советы как обойти

²⁵⁹ Хисамутдинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. 2016. № 2. С. 156 (154–167).

²⁶⁰ Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Revue des études slaves. 2001. Т. 73. Вып. 2–3, С. 423 (405–445).

²⁶¹ Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская газетная группа «Заря» и ее деятельность в Китае в первой половине XX в. // Медиаскоп. 2012. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1118>.

²⁶² Утияма-Валуева Н. Русская газета «Заря» в Харбине // Известия Восточного института. 2003. № 7. С. 71–76.

²⁶³ Например: Хиромант-окультист М. Тарновский... // Заря. 1929. № 5. С. 16; Хиромантка А.И. Банасевич... // Заря. 1930. № 315. С. 12; Гадалка Ахматова гадает на картах и предсказывает судьбу на 1934 год... // Заря. 1934. № 2. С. 7; Всероссийская известная хиромантка А.К. ... // Заря. 1927. № 175. С. 4; Знаменитый психо-графо-френолог «Диамантис»... // Заря. 1927. № 144. С. 6; Раевская В. Харбинские колдуны и ведьмы. Знаменитости без имён с Зелёного базара // Заря. 27 ноября 1938. С. 7 и др.

несчастные удары судьбы. Узнаю: пропажи и счастливую удачу в предпринятом деле. Гадаю по методу знаменитых предсказательниц Де Кеб и Ле Норман, а также известного русского профессора френопсихолога и хироманта Трупорупа»²⁶⁴.

В народной среде также были популярны нетрадиционные методы лечения болезней: так, «предсказательница» из Модягоу, помимо раскрытия тайн судьбы, предлагала через «внушения и заговор» излечить «<...> с корнем все застарелые болезни, подагру, ревматизм, паралич, венерическ[ие болезни], в особенности сифилис, половое бессилие, запой, пьянство и курение, дурные привычки у детей и отсталых учеников<...>», а также помочь желающим родить ребёнка²⁶⁵.

Безусловно, вызывали у харбинцев интерес астрологические прогнозы, которые наиболее часто можно было увидеть на страницах печатных изданий в начале и конце года²⁶⁶. Большое внимание уделялось вопросу о судьбе России. Нередко можно было прочесть последующие комментарии журналистов относительно того, какие из предсказаний сбылись, а какие – нет: «Предсказания противоречивы, но читателю предоставляется сделать выбор. А для проверки в его распоряжении имеется 365 дней...»²⁶⁷. Далеко не всегда модные мистические темы воспринимались всерьёз; встречались и сатирические, ироничные произведения в жанре фельетона, в основу которых ложились события жизни жителей запада и самих эмигрантов; статьи, в которых мистика рационально объяснялась, подвергалась сомнению или же вовсе порицалась²⁶⁸. Например, можно было встретить такие ироничные

²⁶⁴ Хиромантка Д.Г. Фортуянова... // Заря. 1930. № 315. С. 12.

²⁶⁵ Предсказательница... // Заря. 1922. № 262. С. 3.

²⁶⁶ Например: *Савский Гр.* Что сулят нам звёзды?.. Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. 1939. № 1 (570). С. 9; <Б.п.> Ясновидящие обещают в новом году крупные события // Заря. 1934. №1. С. 17; *Н.П.В.* Предсказания о России на 1935 год у парижских профессоров-прорицателей // Заря. 1935. №14. С. 2; *Савский Г.* Что обещает Новый Год?.. Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 9; *Кряжев В.* Что ждёт вас в этом месяце? Предсказания голливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 21–22; <Б.п.> Предсказание на 1931 год // Рупор. 1931. 1 января. С. 14; <Б.п.> Что Вам готовит судьба... // Рупор. 1935. 1 января. С. 19; *Лозанов А.* Новый год – по... кофейной гуще // Рупор. 11 января 1935. С. 5; <Б.п.> Предсказание на 1931 год // Рупор. 1 января 1931. С. 14; <Б.п.> Что Вам готовит судьба... // Рупор. 1 января 1935. С. 19; <Б.п.> Что ждёт Россию в 1935 году? Шесть парижских астрологов и гадалок о будущем нашей Родины // Рупор. 1935. № 14. С. 2; *Талызин М.* Свет и тени (что можно ожидать от 1931 года) // Гун-бао. 1 января 1931. С. 1–2; <Б.п.> Когда родился Христос. Во французском журнале «Месяц» напечатана статья, касающаяся «рождения и смерти Спасителя по астрономическим данным» // Рупор. 16 января 1935. № 12 и др.

²⁶⁷ <Б.п.> Что ждёт Россию в 1935 году? Шесть парижских астрологов и гадалок о будущем нашей Родины // Рупор. 1935. № 14. С. 2.

²⁶⁸ Например: *Дон-Аминадо.* Спиритический сеанс // Заря. 1931. № 291. С. 4; *Ренников А.* Спиритический случай: Маленький фельетон // Заря. 1933. № 133. С. 2; <Б.п.> К суду за колдовство! // Заря. 16 ноября 1930; *Донбровская Р.*

зарисовки: «Десятки рук стучат в калитку, десятки голосов умоляют невидимую хозяйку пустить их во дворик. <...> Из соседнего окна отворяется форточка и мужской голос кричит: “Хозяйка-то в трубу на метле вылетела, долго ждать на морозе, ко мне зайдите, погадаю”»²⁶⁹.

Ещё одной значимой для харбинского общества и для нашей темы газетой была «Гун-Бао» (от кит. 公报 *gongbao* – «вестник», «ведомости», «известия») – русское издание китайской газеты «Харбин Гун-Бао». Газета выходила с 1926 по 1937 г. и включала еженедельные приложения. Директором «Гун-Бао» являлся Гуань Хун-И, а в числе русских редакторов были А.И. Вейс, А.И. Мелик-Вартаньянц, Г.Г. Сатовский-Ржевский, В.Н. Иванов, М.П. Головачев и др.²⁷⁰ «Гун-Бао», имевшая в основном общественно-политическую направленность и изначально созданная в надежде «содействовать взаимоотношению между двумя соседними великими народами»²⁷¹, включала разные материалы: это были произведения местных и зарубежных авторов, статьи на разнообразную тематику, советы по хозяйству, медицинские указатели и многое другое, в том числе – публикации на мистические, эзотерические, религиозные темы²⁷². Встречались и тексты, так или иначе соотносившиеся с идеями Н. Рериха, чрезвычайно популярными в Харбине²⁷³. Ввиду русско-китайского происхождения газеты, на её страницах появлялись материалы, связанные с китайской духовной культурой²⁷⁴.

Множество таких текстов можно было обнаружить, например, в журнале «Вестник Азии», несмотря на его научную направленность. История начала публикаций переводов письменных и устных памятников китайской духовной культуры связана с 28 апреля 1914 года, когда Общество русских ориенталистов, которое

Дифамация и суеверие // Гун-бао. 20 февраля 1931. С. 3; <Б.п.> Нью-Йорк погибнет в 2200 году // Гун-бао. 12 апреля 1931; <Б.п.> Алхимик XX века // Гун-бао. 7 января 1931 г. С. 11 и др.

²⁶⁹ Раевская В. Харбинские колдуньи и ведьмы. Знаменитости без имён с Зелёного базара // Заря. 27 ноября 1938. С. 7.

²⁷⁰ Хисамутдинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. 2016. № 2. С. 156.

²⁷¹ Русско-китайская газета «Гун-Бао» // Возрождение. 26 дек. 1926. Вып. 2. № 572. С. 3.

²⁷² Например: <Б.п.> Гороскоп // Гун-Бао. 1931; <Б.п.> Как дожить до ста лет // Гун-Бао. 1931; <Б.п.> Мрачные предсказания мадам Фрейя // Гун-Бао. 1931; С. 4; Логинов В. Демонология Руси // Гун-Бао. 1931 и др.

²⁷³ Например: Логинов В. Сибирское областничество // Гун-Бао. 26 февраля 1931; Горшков М. Алтай // Гун-Бао. 1931; Горшков М. К 25-летию юбилею литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова // Гун-Бао. 4 апреля 1931 и др.

²⁷⁴ Например: Аракин Я. Новый год в Японии и Китае // Гун-Бао. 1 января 1931 г.; Логинов В. Ба-гуа // Гун-Бао. 5 апреля 1931 г. С. 12.

выпускало журнал, пригласило китайских артистов из Фудзядзяна устроить представление китайской оперы в здании Железнодорожного собрания. Перед началом спектакля состоялось выступление китаевода П. Гладкого, посвятившего доклад китайскому театру; зрителям были розданы переводы трёх пьес²⁷⁵. После успеха спектакля в нескольких номерах журнала были напечатаны переводы пьес «Третья жена воспитывает сына»²⁷⁶ (кит. 三娘教子 *San Niang jiaozi*), «Кунчэнцзи»²⁷⁷ («Манёвр в пустом городе», кит. 空城计 *Kongchengji*) и «Улун юань»²⁷⁸ («Двор чёрного дракона»; кит. 乌龙院 *Wulong yuan*), а также статья П. Гладкого «Китайский театр, его происхождение, историческое развитие и современное состояние»²⁷⁹. Это положило начало публикации множества переводов других китайских произведений, выполняемых такими исследователями китайской культуры как И.Г. Баранов, П.В. Шкуркин, В. Стромиллов и др., что в целом свидетельствует о наличии не только научного интереса к востоку, но и обычной симпатии по отношению к реалиям и мифотворчеству в китайской культуре.

Как и в других местах рассеяния русских эмигрантов, журналов в Харбине и остальных центрах дальневосточной эмиграции издавалось гораздо меньше, нежели газет. Это было связано с очевидной причиной – газету выпустить было дешевле. Тем не менее, журналы в Харбине печатались, и, пожалуй, самым популярным изданием был «Рубеж», который выходил с 1926 по 1945 г. (с 1929 г. – еженедельно). Задуманный как литературный журнал, «Рубеж» не был таковым в строгом смысле слова: помимо стихотворений, рассказов местных авторов и переводных текстов его страницы также содержали злободневные фельетоны, карикатуры и фото-очерки, новости местные и зарубежные, кулинарные, косметические, модные советы, статьи о знаменитостях, обзоры научных открытий и новинок, театральные, музыкальные и кино-обзоры, конкурсы, информация о книжных

²⁷⁵ *Diao Shaohua*. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // *Revue des études slaves*. 2001. Т. 73. Вып. 2–3, С. 416 (405–445).

²⁷⁶ *Баранов И.Г.* Третья жена воспитывает сына. Китайская пьеса (перевод с китайского) // *Вестник Азии*. 1914. № 23–24. С. 82–91. Эта пьеса более известна на русском в таком переводе: «Как Саньян воспитывала детей».

²⁷⁷ *Куй Дантин*. Кунчэнцзи // *Вестник Азии*. 1914. № 25–27. С. 36–38.

²⁷⁸ *Куй Дантин*. Улун юань // *Вестник Азии*. 1914. № 25–27. С. 39–46.

²⁷⁹ *Гладкий П.* «Китайский театр, его происхождение, историческое развитие и современное состояние» // *Вестник Азии*. 1914. № 25–27. С. 22–35.

новинках, крестословицы, объявления и многое другое. По сравнению с газетами, объявлений об эзотерических услугах на страницах «Рубежа» значительно меньше, и, тем не менее, иногда они также встречаются²⁸⁰. Как и в других изданиях, эти тексты соседствовали с материалами, посвящёнными религии – в первую очередь, православию, что особенно заметно в специальных выпусках (рождественский, пасхальный «Рубеж»).

Гораздо чаще объявлений в журнале «Рубеж» можно встретить разнообразных статьи – от обзорных до критических – на тему мистики и эзотерики. Одной из наиболее популярных тем становится мантика в её разнообразных проявлениях. Например, в статье Ю. Клеменса читателю предлагается проверить, есть ли у него «признаки счастья» – черты и знаки из области хиромантии и физиогномики: чистый высокий лоб, брови в форме дуги, округлённый подбородок, склонность к полноте, равенство указательного пальца среднему, расположение линий на ладони и проч.²⁸¹ В другой статье рассказывается – со значительной долей иронии – о возможности гадания по линиям ступней²⁸². Были популярны графология²⁸³ и карточные предсказания судьбы²⁸⁴.

Астрология распространена не меньше, и, конечно, харбинцы интересуются судьбой России: «<...> Тот же Джемс Росс, говоря о России, поясняет: “Летом 1939 года должны вспыхнуть восстания. Я склонен предположить и государственный переворот; во всяком случае до 1944 года весь строй России изменится, потому что это год, год влияния Меркурия, сулит ей небывалый расцвет” <...>»²⁸⁵. Судьба других стран и их лидеров также не оставалась без внимания, особенно оно уделялось

²⁸⁰ Например: М-ме В. Сеюу... Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. 1928. № 41. С. 14; <Б.п.>. Профессор черной магии (Индия) // Рубеж. 1934. № 34 (343). С. 25; <Б.п.>. Хиромантка-окультистка. Друг тоскующих... // Рубеж. 1934. № 43 (352). С. 8 и др.

²⁸¹ Клеменс Ю. Признаки счастья. Проверьте, есть ли они у вас // Рубеж. 1939. № 12 (581). С. 9–10.

²⁸² Денис В. Судьба – по линиям ног!.. Новый способ гадания // Рубеж. 1938. № 21 (538). С. 15.

²⁸³ Клеменс Ю. Сравните ваши почерки раньше свадьбы...Графология предсказывает счастливые и неудачные браки // Рубеж. 1929. № 28 (77). С. 5–6.

²⁸⁴ Заглянем в будущее?.. Новая игра, соединенная с гаданием // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 19.

²⁸⁵ Савский Гр. Что сулят нам звёзды?.. Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. 1939. № 1 (570). С. 9–10.

политическим вопросам²⁸⁶. Беспокоит харбинцев и личное зодиакальное благополучие²⁸⁷.

Не отстают от астрологов и гадалей ясновидящие. Любопытно, что информация о них нередко представлена в виде ознакомительных, просветительских и в целом не критических заметках и очерках – даже упоминается помощь провидцев правосудию²⁸⁸, однако встречаются и скептические статьи²⁸⁹. Что касается колдовства, суеверий и прочего, то в большинстве случаев тексты имеют критический характер: «Сколько ни разоблачали этих “ясновидящих”, вроде приезжавшей и к нам на Дальний Восток Жанны Дюкло²⁹⁰, – каждый новый сеанс ясновидения привлекает новые толпы жаждущих за свой полтинник приобщиться к чуду. “Ведь существуют же настоящие ясновидящие!” – говорят они. Да, существуют, но их очень мало на свете, и они не лезут на эстраду»²⁹¹. С немалой долей иронии относятся к суевериям: например, к числу тринадцать²⁹².

В том или ином виде на страницах журнала «Рубеж» отражается общеевропейское увлечение спиритизмом. Отмечается особенный всплеск интереса к обрядам во время Святков: «В праздничные дни многие любят погадать, и никогда не устраивается так много спиритических сеансов, как во дни Святков»²⁹³.

²⁸⁶ Например: *Приват М.* Папа – король Италии?.. Сенсационные предсказания знаменитого астролога по звёздам римского неба // Рубеж. 1934. № 23 (332). С. 3; *Каржевин А.* Знаки зодиака мрачны, но... не будем унывать! Новый букет политических предсказаний // Рубеж. 1934. № 5 (314). С. 4–5; *Савский Г.* Что обещает Новый Год?.. Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 9 и др.

²⁸⁷ *Кряжев В.* Что ждёт вас в этом месяце? Предсказания голливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 21–22.

²⁸⁸ Целитель душ // Рубеж. 1928. № 8. С. 3; *Шмидт М.* Ясновиденье через руки // Рубеж. 1928. № 38. С. 11; *Каржевин А.* Ясновиденье на службе у правосудия // Рубеж. 1938. № 1 (518). С. 22–23; *С-н И.* Феномен или шарлатан? Человек, который буквально видит насквозь // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 7; Сибрэр Г. Богиня... в нижней юбке. Разоблачённые тайны загадочного «вуду» // Рубеж. 1931. № 22. С. 7–8.

²⁸⁹ *Дюкро Ж.А.* Близка «великая кара!»... Ужасы надвигаются на мир... // Рубеж. 1933. № 42 (299). С. 12–13; *Дюкро Ж.* Как выглядит Сатана? // Рубеж. 1933. № 45 (302). С. 5 и др.

²⁹⁰ Жанна Дюкло – мнемотехник, выступавшая в 1920-х годах. Мнемотехника как номер утвердилась первоначально на эстраде (в театрах варьете) во 2-й половине XIX века, позже стал исполняться в цирках. Номер подавался как «чтение мыслей на расстоянии», исполнители назывались «ясновидящими». См.: Дмитриев Ю.А. Мнемотехника // Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/234.htm>.

²⁹¹ *Шмидт М.* Чёрная магия для всех... Пифии и астрологи на подмостках монмартрских кафе // Рубеж. 1937. № 1 (466). С. 17.

²⁹² *Русланова Л.* «Хороший день – пятница, тринадцатого числа!..». Члены «Клуба Противников Суеверий» не боятся никаких дурных примет // Рубеж. 1935. № 22 (383). С. 6–7; *Россов Ю.* Бойтесь ли Вы тринадцатого числа? О пред-рассудках и суевериях // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 11–12.

²⁹³ *Клеменс Ю.* Хотите стать медиумом? «Спиритический сеанс» – лучшее развлечение на Святках // Рубеж. 1939. № 2. С. 9.

Одним из показательных примеров такого любопытства по отношению к спиритам служит статья Г. Каленберга о П.Л. Керран (англ. Pearl Lenore Curran), якобы посредством спиритического сеанса через доску Уиджа установившей контакт с духом Пэйшенс Ворт (англ. Patience Worth²⁹⁴) – девушки из XVII века. Результатом такого контакта стало «сотрудничество» с духом, который диктовал миссис Керран рассказы и стихи на староанглийском языке, которым сама спиритуалистка не владела. Автор передаёт удивительные подробности жизни П. Керран и задаётся вопросом о том, что на самом деле с ней произошло: «Доктор Принс <...> верит в теорию о бессознательных воспоминаниях из ещё недостаточно изученной подсознательной области. Масса интересных мыслей возникает в связи с “Делом Пэйшенс Ворт”»²⁹⁵. Это «дело» до сих пор волнует учёных²⁹⁶.

Мистический опыт иерофании в виде соприкосновения с миром духов отражён, например, в заметке о призраке Рудольфа Валентино, который якобы блуждает по своей вилле «Соколиное гнездо»: «Садовник <...> отказался от службы <...> заявив, что его постоянно пугают звуки невидимого оркестра, чьи-то шаги, смех и говор многочисленных голосов... Его слова подкрепляются заявлениями и других слуг <...> каждый из них якобы видел по несколько раз своего покойного хозяина на лужайке около дома»²⁹⁷. Яворский С. сообщает о теофании: «Недавно всю Европу, весь мир облетела новость о чуде явления Богородицы трём детям»²⁹⁸. Заметим, что, если в сообщении о призраке Валентино В. Кряжев допускает иронию («<...> суеверие царит в нём [мире артистов] безраздельно, и никакие доводы

²⁹⁴ В отношении имени Пэйшенс Ворт любопытна этимология: с англ. *patience* означает «терпение» или «пасьянс», а *worth* – «стоящий», «ценный», «достойный».

²⁹⁵ Каленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. 1928. № 14. С. 3–4.

²⁹⁶ Несмотря на то, что среди них были те, кто склонялся к спиритуалистической версии, большинство исследователей, анализируя жизнь и личностные особенности миссис Керран, в разное время выдвигали предположения о том, что Пэйшенс Ворт могла быть продуктом богатого воображения Перл Керран, частью её личности, альтер-эго, «социально приемлемым способом выразить себя», результатом диссоциативного и иных расстройств личности и т.п., однако однозначного ответа до сих пор нет. См. подробнее, например: *Yost C.S. Patience Worth. A Psychic Mystery.* NY, 1916. 296 p.; *Cory Ch.E. Patience Worth // Psychological Review.* 1919. P. 397–407; *Caroll R.T. Patience Worth // The Skeptic Dictionary.* 1994. URL: <http://www.skeptdic.com/patienceworth.html>; *Caroll R.T. Pearl Curran (Patience Worth) and the Fantasy-Prone Personality Label // The Skeptic Dictionary.* URL: <http://skeptdic.com/essays/patienceworthfpp.html>; *Nickell J. Ghost Writer? The Channeling of «Patience Worth» // Skeptical Inquirer.* May/June 2012. Vol. 36. No. 3. P. 15–17, etc.

²⁹⁷ Кряжев В. Легенда о призраке Рудольфа Валентино // Рубеж. 1928. № 33. С. 11.

²⁹⁸ Яворский С. Дети, видевшие Богоматерь // Рубеж. 1933. № 20 (277). С. 5.

рассудка не способны разбить слагающихся таинственным шёпотом легенд»), то в заметке Яворского мы такого не наблюдаем.

Таким образом, при стремлении русских эмигрантов сохранить православную веру как основу этнической и культурной идентичности, очевидным становится неподдельный интерес к мистическим, эзотерическим идеям и практикам, спиритизму, спиритуализму и др. Спрос рождает предложение – и все эти темы находят отражение в объявлениях, заметках, обзорных статьях и других публицистических текстах на страницах периодической печати. Популярность подобных идей в общественной среде, с одной стороны, рудиментарно отражала архаические способы осмысления действительности, особенно выразившихся в интересе к магии и мантике как способах влиять на окружающую действительность, а с другой – была сознательным откликом на не только общеевропейские и дореволюционные настроения Серебряного века, но и порубежное положение эмигрантов, а также особую социокультурную и историческую реальность, в которой они оказались.

2.2.2 Религиозно-мистические и эзотерические основания художественных текстов на страницах журнала «Рубеж»

Зёрна мистических идей проникают не только в общественную и политическую жизнь и не становятся исключительно темой публицистических статей: совершенно закономерно они оседают в одной из самых благоприятных для них почв – литературном творчестве. Одним из наиболее показательных в отношении процессов синкретизации и мировоззренческого плюрализма в среде дальневосточной эмиграции нам представляется журнал «Рубеж». В «Рубеже» публиковались многие харбинские художники слова – А. Ачаир, А. Несмелов, Н.А. Байков, В. Логинов, Е. Рачинская, Л. Хаиндрова, М. Колосова, Л. Андерсен, В. Перелешин, Н. Резникова, В. Янковская, А. Хейдок, В. Обухов, Я. Лович и многие другие; в журнале размещались переводы, републикации и прочее. Кроме того, журнал был ориентирован на разные слои населения и был чрезвычайно популярен не только в Харбине, Шанхае, Тяньцзине и Китае в целом, но и в других центрах рассеяния

русских изгнанников и местах пребывания соотечественников: Париже, Берлине, Варшаве, Праге, Риге, Софии, Бухаресте, Сараево и др.²⁹⁹

Само возникновение журнала под руководством Е.С. Кауфмана в 1926 году было не случайным и, более того, закономерным: «Необходимость существования в эмиграции еженедельного литературно-художественного журнала совершенно очевидна: держа русскую читательскую аудиторию в курсе событий современной мировой жизни, он призван теснее увязать читательскую массу с русской культурой, с русским литературным творчеством»³⁰⁰. Журнал действительно оказался «на рубеже» «между славным прошлым и сумбурным настоящим» (В. Берникова): если до прихода к власти большевиков в Харбине в основном проживали представители рабочего класса, военные, предприниматели, то в послереволюционное время в эмиграции оказались представители самых разных социальных групп, в том числе аристократии и интеллигенции, для которых литературные устремления, чтение и обсуждение книг были одним из способов сохранения связей с прежней жизнью, поддержания имевшегося уровня культуры и просто жизненной привычкой и необходимостью.

При этом доступность печатных изданий была ограничена: если не считать личные собрания и общественные библиотеки с обширными фондами, которых было немало, книги были редки и дороги. В этот период печатная деятельность на территории России была приостановлена, а открыть собственное издательство было сложно ввиду положения эмигрантов и нехватки средств. Русские, оторванные от родины и попавшие в инокультурную среду, ощущали «психологическую бездомность» и острую потребность в сохранении культурной идентичности, упрочении связей с русской культурой и литературой³⁰¹. Харбин был богат творческими

²⁹⁹ Приветствия «Рубежу» // Рубеж. 1938. № 14 (531). С. 8–10, 12–13.

³⁰⁰ Кауфман Е.С. 10 лет // Рубеж. 1938. № 14 (531). С. 5 (5–6).

³⁰¹ Подробнее см.: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 18–51; Эфендиева Г.В. Что читал русский Харбин? (о литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930-х гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 182–194; Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко А.А., А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамудинов / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 141–359; Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография. Новосибирск: Издательство Сибирского

людьми, особенно литературной молодёжью – писателями и поэтами, для которых еженедельный «Рубеж» стал реальной возможностью регулярно печататься. Более того, в скором времени значительную часть населения Харбина охватывает жажда творчества – «писали все», – возможно, потому что душевным потрясениям от внезапного статуса эмигранта и тоске по родине нужен был какой-то практический выход.

Значительную часть художественных текстов в журнале «Рубеж» можно оценить с позиции религиозного синкретизма. В целом в отношении сюжетного и смыслового наполнения текстов можно условно выделить несколько основных тем – условно, прежде всего, потому, что художественные произведения синкретически сочетали различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные элементы. Переплетение действительности и легенды, проникновение фантастического в обыденное, субъективность и относительность времени, рассмотрение реальности с точки зрения наивного восприятия «примитивного» человека, возможность и способность соприкосновения героев с инобытийной реальностью, культурный контекст повествований позволяет нам соотнести многие из произведений с таким жанром, как *магический реализм*.

Семантически тексты можно разделить на: 1) раскрывающие спиритические мотивы – встреча с духами, призраками; 2) содержащие магические идеи и отсылки к разнообразным мантическим практикам, гипнозу; 3) реконструирующие суеверные представления различных народов; 4) посвящённые теме соприкосновения с инобытийной божественной реальностью – иерофании, мистическому и религиозному опыту.

1. Общение с духами, призраками. Спиритомания

Тексты, посвящённые теме общения с инобытийной реальностью в форме духов и призраков, составляют одну из наибольших групп. На страницах «Рубежа» разворачиваются различные сюжеты об опасных покойниках-визитёрах,

отделения Российской академии наук, 2016. С. 3–20; 58–84; Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Книжные свидетели былых времен (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. Хабаровск, ДВГНБ, 2017. С. 437–445.

тревожащих живых³⁰²; о неприкаянных душах, привязанных к месту или вещи³⁰³; о духах, просящих или предупреждающих о чём-либо, являющихся в момент смерти тела³⁰⁴. К этой группе относятся и оригинальные произведения харбинских писателей, и переводные тексты.

Легенды и поверья о визите покойника известны многим народам с древнейших времён. Начиная с ранних этапов своей культурной истории, человек предпринимает попытки ограничить возможности умерших с помощью разнообразных ритуалов, особых способов захоронения, сопроводительных обрядов и т.д., связанных не только с желанием помочь умершим с переходом в иной мир и обеспечить их дальнейшее инобытийное существование, но и со страхом перед усопшими. А. Несмелов в рассказе «Болезнь Нины Павловны» чётко обозначает эту амбивалентность: «Никому не показалось странным, что кроткий Сергей Александрович, которого все так искренне жалели и чью смерть от сердца оплакали, – вдруг превратился в духа вредоносного и страшного, против которого надо было применять эти жуткие заклинания»³⁰⁵.

В народных представлениях славян покойники делились на две категории: «чистые», т.е. умершие своей смертью и обычно называемые «родителями», и «нечистые», «заложные» покойники («мертвяки»), к которым относили тех, кто умер неестественной, преждевременной смертью и/или вёл несправедную жизнь (опойцы, самоубийцы, проклятые, некрещёные дети и др., а также колдуны). Отношение к этим двум группам умерших отличалось коренным образом. Первых – родителей – почитали, вторых считали опасными существами, способными посещать живых и даже вредить им ввиду обладания неизрасходованной жизненной

³⁰² Например: Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 1–2, 4–6, 10–12; Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 1–4, 6–8, 10; Мэзон А. В двенадцать часов / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. 1937. № 1 (466). С. 22, 24, 26–30; Каленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. 1928. № 14. С. 3–4; Кряжжев В. Легенда о призраке Рудольфа Валентино // Рубеж. 1928. № 33. С. 11.

³⁰³ Например: Беррэс. Четвёртая стена // Рубеж. 1928. № 15. С. 10–11; Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. 1937. № 8 (473). С. 1–4, 6–8, 10–11.

³⁰⁴ Например: Товнед В. Возвращение моряка / пер. с англ. О. Любимова // Рубеж. 1937. № 4 (469). С. 15–18, 20; Ирви В. Видение / пер. Г. Орг // Рубеж. 1944. № 4 (809). С. 15–16, 18; Борис Л. Нездешняя // Рубеж. 1944. № 3 (808). С. 16, 18, 20; Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. 1937. № 23 (488). С. 1–6; Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 22, 24, 26–28.

³⁰⁵ Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 1.

силой. Вместе с тем, в суеверном страхе перед покойниками мало анимистических элементов, т.к. «боялись не души или духа мертвеца, а его самого»³⁰⁶.

Визитёрство умерших нередко было обусловлено сохранившимися связями с живыми и посюсторонним миром: сильной привязанностью к близким; не исполненной последней волей усопшего; долгом; неулаженной ссорой; чувством мести и т.п, а также неточным исполнением каких-либо погребальных обрядов. Схожие доминанты прижизненной привязанности мы наблюдаем, например, в рассказе Беррэса «Четвёртая стена»³⁰⁷, повествующем об артисте, чей призрак бродит по коттеджу, в котором он любил останавливаться при жизни; рассказе И. Сабуровой «Санта-Луара»³⁰⁸ о призраке моряка, желающего вернуть принадлежащее ему Евангелие. Указанные причины определяют тот факт, что и чистые покойники могли стать так называемыми «непритомниками» – нечистыми усопшими, посещающими живых в неурочное время и опасными тем, что могут увести за собой близкого человека. В список причин их «хождения» также входит тоска живых³⁰⁹.

А. Несмелов реконструирует эти представления в рассказе. Тоска по мужу является одной из причин «болезни» Нины Павловны и вызывает ночные видения, которые плохо сказываются на психическом и физическом состоянии героини: «Нина Павловна не решалась уже оставаться одной в комнате даже днём: страх совершенно парализовал её волю, все движения её души протекали под вызванной им депрессией. Пошатнулось и физическое здоровье»³¹⁰. Как правило, медицинские методы лечения в таких случаях не помогают: отступление болезни Нины Павловны совпадает с моментом, когда в её душе не остаётся любви к мужу, а только ненависть из-за того, что после смерти он причинил ей столько мучений, и понимание, что в его «укоризненном взгляде <...> не было ничего, кроме зависти и злобы к ней, здоровой, молодой, красивой, *остающейся жить*»³¹¹ (здесь и далее курсив мой. – Е.К.).

³⁰⁶ Токарев С.А. Религия в истории народов мира / под ред. А.Н. Красникова. М.: Республика, 2005. С. 197–198.

³⁰⁷ Беррэс. Четвёртая стена // Рубеж. 1928. № 15. С. 10–11.

³⁰⁸ Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. 1937. № 8 (473). С. 1–4, 6–8, 10–11.

³⁰⁹ Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 118.

³¹⁰ Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 3.

³¹¹ Там же. С. 6.

Пользуясь композиционным приёмом «рассказ в рассказе», А. Несмелов вплетает в сюжетную канву историю об Аулу – туземке, чей муж Катулу умер и теперь она считается нечистой, *табу*: «...По обычаям племени, после смерти Катулу жена его Аула, оплакивавшая мужа и прикасавшаяся к его трупу, была объявлена табу и на семь дней заключена в хижину, выстроенную нарочито для запрещённых, на противоположном берегу реки»³¹². Эту историю читает в книге Нина Павловна и обнаруживает поразительное сходство между описываемыми в ней событиями и своим недавно пережитым опытом общения с мертвецом. Перечисляемые Несмеловым действия в отношении женщины-табу – отселение, запрет на выход из хижины до захода солнца, на принятие пищи руками, на произнесение имени покойного, на общение с соплеменниками и др. – действительно имели место в культурах различных племён Полинезии, Меланезии и части Африки³¹³.

Не только в культурах первобытных народов, но и в традициях развитых цивилизаций ограничителями возможностей перемещения покойников нередко выступали природные элементы, чаще всего – вода (так, Несмелов упоминает реку как границу между женщиной-табу и остальным племенем), или огонь, известный своей очистительной силой. Важно было и место захоронения, которое зачастую находилось на достаточно большом расстоянии от места обитания живых. Так, на Руси «нечистых» умерших хоронили не на кладбище, а на месте их смерти, на границах полей, обочинах дорог и особенно – перекрёстках; нередко их вообще избегали зарывать в землю, а относили подальше в овраги, оставляли в лесу, в болотах и т.д., а также в особых «убогих домах» – скудельницах³¹⁴. Это соответствует мифическим представлениям о центре и периферии как оппозиции «своё–чужое»³¹⁵. Мир «своего» является упорядоченным, понятным, благим; это место обитания

³¹² Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 6.

³¹³ Подробнее об этом можно прочесть у классиков, например: *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклин. М.: Политиздат, 1980. 703 с.; *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: АСТ, 2009. 317 с.; *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с. и др.

³¹⁴ См. подробнее, например: *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 88–128.

³¹⁵ Это характерно не только для самого места захоронения, но и для всей погребально-обрядовой деятельности по разграничению живых и мёртвых.

живых. Мир «чужого» – опасный мир хаоса; место обитания богов, мёртвых, духов и т.д., находящееся за пределами территории обычных живых людей.

Кроме этого, уже похороненных покойников могли выкапывать и переносить на новое место, переворачивать их в могиле и заливать её водой (особенно во время засух, неурожаев), вбивать осиновые колья в грудь, гроб или в могилу. Последний ритуал отражает в своём рассказе Несмелов: старушка-кормилица Аграфена, взяв «грех на душу», вбивает в могилу Сергея Александровича «огромный карандаш, который кто-то подарил Серёже незадолго до его смерти», что и обнаруживает Нина Павловна, когда приходит на могилу мужа. Сопоставив факты, она понимает, что именно этот ритуал поспособствовал её внезапному исцелению.

Известно, что нередко дух приходит к живым вскоре после смерти тела и иногда становится предвестником кончины другого человека. Так, рассказ Я. Ловича «Влюблённый призрак»³¹⁶ повествует о докторе Павловском, человеке до глубины души рациональном, который, узнав о неизлечимой болезни – недавно развившемся пороке сердца, – понял, что его «вдруг затопили мысли такого порядка, который ему был всегда чужд и даже глубоко противен: мистика, потустороннее, вопросы бытия, вопросы мироздания»³¹⁷. Однажды ночью Павловский просыпается от грозы, которой боится; сердце его бешено колотится. И оно начинает биться ещё чаще, когда, собираясь зажечь свет, он вдруг слышит женский голос и различает в комнате женский силуэт. Как становится ясно из дальнейшего диалога, это его бывшая студентка Сурова, безответно влюблённая в Павловского. В четверть четвёртого утра девушка прощается с доктором и исчезает, будто и не было. Через некоторое время Павловскому звонят из больницы и сообщают, что Сурова отравилась сулемой³¹⁸, и смерть наступила около двенадцати часов ночи. Сердце доктора не выдерживает, и он падает замертво.

Очевидно, что Я. Лович транслирует обозначенную выше идею о том, что духи умерших способны к визитёрству и общению с живыми, особенно при

³¹⁶ Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 1–4, 6–8, 10.

³¹⁷ Там же. С. 1.

³¹⁸ Хлорид ртути, очень ядовитое соединение.

наличии глубоких личных чувств. Схожие доминанты прижизненной привязанности мы наблюдаем в вышеупомянутом рассказе Беррэса «Четвёртая стена»³¹⁹; А. Мэзон «В двенадцать часов»³²⁰; В. Товненд «Возвращение моряка»³²¹; И. Сабуровой «Санта-Луара»³²². К этой же группе относятся тексты, отсылающие читателя к теме о спиритических сеансах. Одним из интересных примеров является рассказ М. Бауэн «В новогоднюю ночь»³²³, фабула которого при «призрачной» доминанте синтезирует мифологические и фольклорные мотивы, раскрывая представления о пограничной зоне, сакральном времени, переходном моменте (в данном случае, новогодней ночи), в течение которого возможно соприкосновение посюсторонней и инобытийной реальности.

Не остаётся без внимания и вопрос околосмертного опыта и переселения душ, мистических превращений: «Рубеж» предлагает читателю сюжеты о выходе из тела и последующем возвращении³²⁴, обмене телами³²⁵. Так, главный герой рассказа Б. Юльского «Катастрофа», Андрей Петрович Гурьев, после крушения поезда приходит в себя в больнице, где из зеркала на него глядит «совсем чужое лицо» и «новая, незнакомая и чужая оболочка»: каким-то образом он оказался в теле своего попутчика, инженера Виктора Хижина. Гурьев пытается жить его жизнью, однако сознание законного хозяина всё ещё внутри тела и иногда прорывается наружу. Отправившись однажды в свою прежнюю квартиру, он узнаёт, что умер. После он отправляется на кладбище, где умирает возле своей могилы уже в облике Хижина.

Идейное содержание рассказа Юльского соотносится с представлениями об одержимости в её анимистическом понимании, т.е. в форме проникновения в человека духа или божества и использования тела в своих³²⁶. В еврейском фольклоре и в каббалистической традиции существует представление о *диббуках* (*дибуках*) – злых духах, духах умерших людей, которые вселяются в живого человека, но не

³¹⁹ Беррэс. Четвёртая стена // Рубеж. 1928. № 15. С. 10–11.

³²⁰ Мэзон А. В двенадцать часов / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. 1937. – № 1 (466). С. 22, 24, 26–30.

³²¹ Товненд В. Возвращение моряка / пер. с англ. О. Любимова // Рубеж. 1937. № 4 (469). С. 15–18, 20.

³²² Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. – 1937. – № 8 (473). – С. 1–4, 6–8, 10–11.

³²³ Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 22, 24, 26–28.

³²⁴ Кент А. В четвёртом измерении // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 16–20.

³²⁵ Юльский Б. Катастрофа // Рубеж. 1934. № 43 (346). С. 1–3, 6, 8, 10.

³²⁶ Забияко А.П. Одержимости состояние // Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 718–719.

сливаются с его первоначальной сущностью, а только подавляют её. Диббуком становится душа, утратившая способность к переселению в силу своей греховности, либо в случае незаконченного предназначения. Диббуки также могут вселяться в тех, кто впал в тайный грех³²⁷. В целом, начиная с XVI века, образ диббука весьма популярен в литературе³²⁸.

Тему околосмертного опыта затрагивает рассказ А. Кента «В четвёртом измерении»³²⁹, знакомя читателя с историей двух молодых людей – парня и девушки, убитых током в разных местах примерно в одно время, встретившихся в виде бесплотных духов и возвращённых врачами к жизни, а после нашедших друг друга в реальности.

2. Магия, мантика, гипноз

На страницах «Рубежа» неоднократно можно встретить самые разнообразные магические идеи. Например, рассказ П. Михайлова «Лекарка-ворожея»³³⁰ (из цикла «Тибет») отражает идеи не только народного целительства, знахарства, но и древних мантических практик. По сюжету, богатый тибетец Тамба отправляется к старухе-знахарке подлечиться. Произведённый над Тамба ритуал включал использование туши, палочки, которой тушь точечно наносилась на тело больного, и бумажных свечей, прикрепляемых на месте этих точек. После лечения Тамба попросил старуху поворожить: лекарка «вытащила <...> баранью лопатку <...> погладила её, постучала в её бугорки, потом подняла её обеими руками к своему лбу, закрыла глаза и так долгое время молчала...»³³¹. По окончании старуха сказала, что его удача ушла от него вместе с женой – именно она приносила ему счастье и успех. Через два дня суеверный Тамба вернул жену.

Гадание на лопатках (чаще – бараньих, но также могли использоваться бизоньи, оленьи, тюленьи, заячьи, птичьи и др.) уходит корнями в глубокую древность и встречается у многих народов – особенно у кочевых, занимавшихся ското-

³²⁷ Диббук // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://eleven.co.il/judaism/mystic-kabbalah-magic/11427/>.

³²⁸ Например, к одной из известных драм относится «Дибук» («Меж двух миров»), которая была написана С.А. Анским, этническим евреем, и трижды экранизирована), музыкальном искусстве (одноимённый балет Л. Бернштейна), кинематографе (особенно часто эту идею эксплуатируют современные фильмы ужасов).

³²⁹ Кент А. В четвёртом измерении // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 16–20.

³³⁰ Михайлов П. Лекарка-ворожея // Рубеж. 1945. № 10 (851). С. 6,10,12.

³³¹ Там же. С. 10.

водством. В китайской культуре уже с эпохи неолита были известны как пластромантия (гадание на панцирях черепах), так и гадание на костях животных. Гадательная практика включала в себя различные манипуляции с лопаткой, которая символически делится на несколько частей – секторов, каждый из которых отвечает за определённую сферу. В зависимости от цели гадания – на погоду, будущее, здоровье, судьбу – её могли окуривать дымом (нередко – можжевельным), варить (так называемое «белое» гадание; смотрели на получившийся цвет, наличие пятен и др.), нагревать на огне («чёрное» гадание; интерпретировали трещины), бросать через плечо. Также встречается вариант гадания на старой кости, обнаруженной в лесу, степи и т.д. На лопатки могли наноситься различные знаки и надписи: например, особая система иероглифических знаков *цзягувэнь* («письмена на черепашьих панцирях и костях»), считающаяся древнейшим образцом китайской письменности³³².

Гадательным практикам, ясновидению и предсказаниям будущего, зодиакальной тематике, гороскопам, хиромантии, экстрасенсорике посвящено большое количество статей журнала³³³. Встречающиеся нечастые объявления также предлагают услуги магов и гадателей³³⁴. Алхимические мотивы рассказов «Рубежа» связаны с дихотомией молодость–старость и сводятся к поиску возможности либо

³³² См. например: *Тайлор Э.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.; *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.; *Бадмаев А.А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 255–263 и др.

³³³ Например: <Б.п.>. Целитель душ // Рубеж. 1928. № 8. С. 3; *Шмидт М.* Ясновиденье через руки // Рубеж. 1928. № 38. С. 11; *Дюкро Ж.А.* Близка «великая кара!»... Ужасы надвигаются на мир... // Рубеж. 1933. № 42 (299). С. 12–13; *Каржевин А.* Знаки зодиака мрачны, но... не будем унывать! // Рубеж. 1934. № 5 (314). С. 4–5; *Приват М.* Папа – король Италии?.. Сенсационные предсказания знаменитого астролога по звёздам римского неба // Рубеж. 1934. № 23 (332). С. 3; С-н И. Феномен или шарлатан? Человек, который буквально видит насквозь // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 7; <Б.п.>. Заглянем в будущее?.. Новая игра, соединённая с гаданием // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 19.; *Шмидт М.* Чёрная магия для всех... Пифии и астрологи на подмостках монмартрских кафе // Рубеж. 1937. № 1 (466). С. 17; *Каржевин А.* Ясновиденье на службе у правосудия // Рубеж. 1938. № 1 (518). С. 22–23; *Денис В.* Судьба по линиям ног!.. Новый способ гадания // Рубеж. 1938. № 21 (538). С. 15; <Б.п.>. Что сулят нам звёзды?.. Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. 1939. № 1 (570). С. 9; *Клеменс Ю.* Признаки счастья. Проверьте, есть ли они у вас // Рубеж. 1939. № 12 (581). С. 9–10; *Савский Г.* Что обещает Новый Год?.. Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 9; *Кряжев В.* Что ждёт вас в этом месяце? Предсказания холливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 21–22.

³³⁴ Например: *Хелтлей Р.* Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. 1928. № 41. С. 14; <Б.п.>. Профессор черной магии (Индия) // Рубеж. 1934. № 34 (343). С. 25; <Б.п.>. Хиромантка-окультистка. Друг тоскующих // Рубеж. 1934 г. № 43 (352). С. 8.

обратить время вспять и вернуть молодость³³⁵, либо наоборот – состарить тело за одну ночь³³⁶.

Частью магических практик является вера в существование и использование волшебных предметов – амулетов и талисманов. Одним из наиболее часто встречающихся на страницах «Рубежа» образов является камень. Представление о камне как сосредоточии могущественной, чудодейственной силы встречается в самых разных культурных традициях. Сама роль камня чаще имела магический, нежели религиозный характер. Культ камней включал разные формы их почитания: камни, связанные с погребальными обрядами и представлениями о загробном мире (особенно – в мегалитических культурах); камни, имеющие отношение к родильной обрядности (особенно – способствовавшие оплодотворению: например, портакары в армянской традиции); камни, действие которых связано с лечебной магией (например, безоары, чашечники, в углублениях которых собиралась вода, считавшаяся целебной, и др.); небесные камни: камни-метеориты, почитавшиеся как символы плодородия, и громовые стрелы³³⁷, считавшиеся оружием божественного происхождения и нередко применявшиеся для защиты от молнии; камни-апотропеи (например, куриные боги); камни, представлявшие собой вместилища и жилища духов, богов, предков, или их воплощения, а также – места теофании (например, следовики) и др.³³⁸ Сюжет об исполняющем желания камне, полученном людьми от богини за усердные молитвы, разворачивается в рассказе А. Лугового «Седьмая милость богини»³³⁹.

Особые свойства приписывались и разным драгоценным и полудрагоценным камням: нефриту – «камню жизни» в Китае; киновари (особенно – в даосской алхимии); опалу, который, по народным убеждениям, приносит несчастье; алмазу (в буддийской, индуистской традициях); рубину (один из наиболее известных камней в индийской, греческой, римской, и других культурах, а также в средневековой

³³⁵ Гиббс Ф. Ключ жизни // Рубеж. 1942. № 41 (765). С. 18–20, 22–27.

³³⁶ Бэдд У.А. В тупике / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. 1939. № 51 (620). С. 8, 10–11, 14.

³³⁷ К громовым стрелам относят, как правило, три типа камней (окаменелостей): *фульгуриты*, образовавшиеся в результате удара молнии в песок; наконечники стрел эпохи каменного века и *белемниты* окаменевшие останки одноимённых моллюсков эпохи мезозоя. Последние – самый распространённый вид громовых стрел.

³³⁸ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. С. 208–228.

³³⁹ Луговой А. Седьмая милость богини // Рубеж. 1938. № 3 (520). С. 1–11.

эзотерике) и многим другим³⁴⁰. Главный герой рассказа Н.А. Протопопова «Камни живут...»³⁴¹, получает в дар от цыганки за спасение младенца из горящего дома суперик – «простенькое дешёвое серебряное колечко с вделанным в него некрупным агатом». По словам цыганки, камень этот – особенный и будет талисманом для хозяина, предупреждая его об опасностях. Когда герой, будучи в гостях, рассказывает эту историю и подтверждает её примерами из собственной жизни, хозяин дома приносит мешочек с камнями и рассказывает о мистических свойствах каждого из них.

Китайские мотивы придают особый колорит рассказу Д. Коллинза «Кристалл смерти», где сюжет строится вокруг камня в форме сердца кроваво-красного цвета, который, как гласит легенда, приводит своих владельцев к трагической гибели: «Через пять дней мы узнали легенду Кристалла Смерти. Она гласила: “В этом году дикое племя северян снова атаковало сторожевую башню Южного Прохода, и стрелы с камнями варваров превратили день в ночь. Их отбросили прочь, и тела их мёртвых устилали всю долину. Но снова они пришли, и был великий бой. Когда начальник стражи был убит, стража башни бешено атаковала нападающих. Чен-ли прыгнул на Хана Кала и без оружия, только силою своих рук, вырвал из груди варвара сердце. Затем дымящейся кровью врага он наполнил кристальный фиал, а хитроумный мастер обделал его в форме сердца и запечатал после того, как гравёры выгравировали на нем иероглиф, а священники клана Ти наложили на него заклятие, что всякий владеющей им закончит жизнь свою, упав с высоты”»³⁴².

История о нефритовом диске – камне богини, исполняющем желания, разворачивается на страницах рассказа Э. Джемсона «Любовный талисман»³⁴³. Рассказ «Месть фараона»³⁴⁴, раскрывающий читателю историю о Каирской археологической экспедиции, участникам которой мстит дух фараона Бадарха за то, что они потревожили его покой и взяли кольцо, помимо прочего, связан с новой волной

³⁴⁰ См. подробнее, например: *Кунц Дж. Ф.* Драгоценные камни в мифах и легендах. М.: Центрполиграф, 2008. 320 с.

³⁴¹ *Протопопов Н.А.* И камни живут...// Рубеж. 1945. № 8 (849). С. 10–13.

³⁴² *Коллинз Д.* Кристалл смерти / пер. с англ. Н. Добек // Рубеж. 1936. № 21 (434). С. 20. (14–18, 20.)

³⁴³ *Джемсон Э.* Любовный талисман / пер. с англ. Т. Беяева // Рубеж. 1933. № 21 (278). С. 16–18, 20.

³⁴⁴ <Б.п.>. Месть фараона / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. 1928. № 48. С. 12,14.

египтомании, возникшей после обнаружения Говардом Картером гробницы фараона Тутанхамона в 1922 году.

3. Суеверия, поверья, предрассудки. Демонология

Известно, что суеверия, будучи остаточными элементами первобытных верований, ведут свою историю с глубокой древности и занимают значимое место во многих культурах. Нередко суеверные настроения захватывают общество в периоды острых социальных кризисов. В журнале «Рубеж» можно обнаружить произведения и статьи (в том числе, просветительско-ознакомительного характера)³⁴⁵, строки которых передают поверья и суеверия, бытовавшие не только в русской, но и в других культурах.

Одним из крупнейших представителей мистической литературы, заслуживающим отдельного комплексного исследования, является Альфред Хейдок³⁴⁶, чья крайняя, живая увлечённость идеями Н. Рериха и Е. Блаватской, а также природная склонность к «экстатическим путешествиям» и потребность в присутствии мистического и необычайного в жизни не могли не проявиться в его творчестве³⁴⁷.

Так, рассказ А. Хейдока «Ночной поезд»³⁴⁸, опубликованный в «Рубеже» в 1934 году, отсылает читателя к идее о *джеттаторе* (с итал. «человек, насылающий проклятие»)³⁴⁹. Главный герой рассказа, от лица которого ведётся по-

³⁴⁵ Например: *Арт. Глаз. Проклятие йога* // Рубеж. 1928. № 47. С. 10; *Дюкро Ж. Как выглядит Сатана?* // Рубеж. 1933. № 45 (302). С. 5; *Русланова Л. «Хороший день пятница, тринадцатого числа!..»*. Члены «Клуба Противников Суеверий» не боятся никаких дурных примет // Рубеж. 1935. № 22 (383). С. 6–7; *Россов Ю. Бойтесь ли Вы тринадцатого числа? О предрассудках и суевериях* // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 11–12; *Яворский С. Жертвы ужасного психоза. Вера в ведьм стоила миллионов жизней* // Рубеж. 1945. № 3 (844). С. 8–9.

³⁴⁶ См. например: *Хейдок А. Огонь у порога. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. 802 с.*; *Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы. Владивосток: Рубеж, 2011. 336 с.*

³⁴⁷ См. например: *Забияко А.А. Китай, Рерих и мистический реализм: Альфред Хейдок // Русский ХаринбнЖ опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Лешоко, А.А. Хисамутдинов. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 227–242*; *Забияко А.А. «В прошлой жизни я был русским»: теософия и мистический реализм под звёздами Маньчжурии (Альфред Хейдок) // Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография / А.А. Забияко. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2016. С. 264–282*; *Крыжанская К.А. Мультирелигиозный характер художественного пространства сборника А.П. Хейдока «Звёзды Маньчжурии» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 241–248*; *Крыжанская К.А. Теософия и Агни йога в творчестве А.П. Хейдока как форма этнокультурной самоидентификации // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 393–403*; *Белозубова Н.И. Опыт рецепции восточной философии в прозе А. Хейдока (на материале сборника рассказов «Звёзды Маньчжурии») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. Вып. 5. С. 325–329 и др.*

³⁴⁸ *Хейдок А. Ночной поезд* // Рубеж. 1934. № 34 (343). С. 1–2, 4, 8.

³⁴⁹ Особое развитие эта идея получила в одноимённой пьесе аргентинского драматурга Грегорио де Лаферрере.

вестование, и его попутчик подозревают друг друга в том, что один из них — джеттаторе, так как всегда, когда они оказываются вместе в одном поезде, происходит крушение. Однако позже они приходят к выводу, что никто из них не является джеттаторе — напротив, они оказываются на местах катастроф не случайно, но потому, что «там полезны» и, более того, направляются кем-то свыше.

В тексте поднимается тема соприкосновения с инобытийной реальностью: главный герой, отстав от поезда, придя к *перекрёстку* и сев на *придорожный камень*, повстречал старика, одетого в нечто похожее на монашескую рясу. Старик будто «благословлял землю, по которой ходил <...> и со всех сторон сбегались к нему розовые, синенькие, зелёные души цветов»³⁵⁰. Как только он ушёл, вокруг потемнело, зашумел ветер, забеспокоились птицы. Герой увидел приближающегося во мраке всадника, и, почуввав неладное, специально отправил его в сторону, противоположную той, куда ушёл старик. Позже герой, догнав поезд, расскажет своему попутчику, что «видел святого и видел демона».

Неслучайно обозначенная встреча происходит на перекрёстке, образ которого играет значительную роль во многих культурах. Место пересечения дорог, которые и сами по себе нередко наделяются особым, сакральным смыслом, характеризуется полярностью семантических полюсов и воспринимается неоднозначно, подчас двояко. Общим для многих культур является то, что распутье — это «символ ориентированной по сторонам света эманации святого», точка пересечения мира живых и мёртвых (выше мы уже упоминали использование перекрёстков для избавления от «непритомников»), сосредоточение нечистой силы (например, персонажей низшей демонологии в славянской традиции), место установления связей со сверхъестественным. Крест как символ высших сакральных ценностей обладает не только глубоким мифопоэтическим, но и ритуальным значением: расстань часто служит местом отправления колдовских, магических обрядов — как целительных, так и злонамеренных³⁵¹. На перекрёстке может произойти передача тайного

³⁵⁰ Хейдок А. Ночной поезд // Рубеж. 1934. № 34 (343). С. 4.

³⁵¹ См. подробнее, например: Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. 1008 с.; Она же. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.; Разинов Ю.А. Символика перекрёстка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия

знания – именно после происшествия на распутье герою «Ночного поезда» открылся «прекрасный мир, светящийся кристаллами древних сказаний, заколдованный лес необычайных возможностей». Росстани обычно имеют отличительные, сакральные метки – чаще всего, камни, отмечающие границу между мирами. На Руси после принятия христианства такие камни, столбы постепенно были вытеснены сооружениями культового характера.

Мотив соприкосновения с инобытийной реальностью в форме нечистой силы прослеживается в рассказе В. Перелешина «Замок белой женщины»³⁵², посвящённом легенде о Констанции Гаммерштейн – девушке удивительной красоты, брошенной своим жестоким мужем в темницу, сошедшей там с ума, заключившей сделку с дьяволом и являющейся теперь живущим в замке. Описывая сцену обнаружения мужем преображённой Констанции, Перелешин наполняет текст различными образами, подчёркивающими связь девушки с колдовским, мистическим, сверхъестественным миром: Эбергард Гаммерштейн увидел жену в окружении змей, крыс, летучих мышей, сов, ящериц и жаб; у ног её лежали «череп, глаз, ржавый кинжал, вязанка прутьев и сухих листьев, корни мандрагоры, волчий зуб, кости и камни; подле них высилась большая чаша с человеческой кровью...»³⁵³.

В мифологических и фольклорных представлениях многих народов (особенно – христианизированных) змеи, жабы, ящерицы имеют хтоническую природу и нередко выступают как приспешники ведьм и колдунов, равно как и летучие мыши, в народном сознании отождествляющиеся с образом вампира, ночного кошмара. Ржавый кинжал, вероятно, отсылает к представлениям о всевозможных жертвоприношениях на ведьминских шабашах; кости, камни, корни мандрагоры, волчий зуб также являются магическими предметами. Образ волка неоднозначен, но во многих мифологических традициях (особенно – в славянской) волк являлся представителем потусторонних, демонических сил. Части тела волка часто служили в качестве амулетов, наделялись лечебными свойствами. Корень мандрагоры,

«Философия. Филология». 2010. С. 123–130; *Плотникова А.А.* Перекрёсток // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М: Междунар. отношения, 2002. С. 360–361; *Топоров В.Н.* Крест // Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 2. К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 12–14 и др.

³⁵² *Перелешин В.* Замок белой женщины // Рубеж. 1936. № 20 (433). С. 4,6, 8–10.

³⁵³ Там же. С. 8.

ввиду своего особенного, похожего на человека, строения, а также психотропного воздействия на человеческое сознание с древности использовался в народной медицине, магии, колдовстве, а позже – в алхимических опытах. В европейской традиции мандрагору иногда называли «свечой дьявола», «цветком ведьмы». Вязанка прутьев и сухие листья, вероятно, аллюзия на костры инквизиции.

Одним из самых неоднозначных предметов у ног героини является череп. Будучи одним из наиболее распространённых образов, череп входит в основную матрицу символов жизни и смерти. С древнейших времён череп использовался в различных ритуальных целях, в религиозных, магических, колдовских обрядах. Череп занимает особое место в христианской традиции – голова Адама изображается у ног Христа, означая спасение и освобождение от смерти. Возможно, это в каком-то смысле справедливо и для Констанции – будучи при смерти в темнице, она заключает сделку с дьяволом и, умерев как человек, «воскресает» как инобытийное существо.

К этому корпусу текстов также можно отнести рассказ Хелтлей Р. «Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло»³⁵⁴, посвящённый числу тринадцать, и рассказ В. Рачинской «Скрипка Паганини»³⁵⁵, в котором автор переплетает биографические сведения о Паганини с суеверными представлениями о нём как о «дьявольском музыканте», играющем «колдовскую музыку». Стоит отметить, что слухи о дьявольском таланте Паганини действительно ходили при жизни и после смерти маэстро³⁵⁶.

4. Религиозные мотивы. Боги и божества

Тема соприкосновения с божественной реальностью задаёт два противоположных направления семантики текстов: первое раскрывает древние, языческие,

³⁵⁴ Хелтлей Р. Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло // Рубеж. 1928. № 29. С. 1–3.

³⁵⁵ Рачинская В. Скрипка Паганини // Рубеж. 1936. № 22 (435). С. 1–3, 6, 8–10.

³⁵⁶ Во многом этому способствовали уникальные слух и манера игры, обусловленная врождённым недугом, отчего конечности его были удлинены, а соединительные ткани обладали необычной мягкостью, что заставляло его неестественно изгибать шею и левую руку во время игры. Природная бледность, худоба и нежелание развенчивать ходившие слухи окончательно завершали образ «вампира со скрипкой». К тому же, маэстро не был в добрых отношениях с церковью: при жизни католики обвиняли Паганини в ереси, а после смерти епископ Ниццы запретил хоронить музыканта в освящённой земле. См. подробнее: *Тибальди-Къеза М.* Паганини / пер. с ит. И. Константиновой. М.: Молодая гвардия, 2008. 388 с.

мрачные образы³⁵⁷, второе – передаёт чувства благоговейного трепета и божественной любви³⁵⁸.

В рассказе В. Кадашева «Истукан над провалом»³⁵⁹ затрагиваются мотивы идолопоклонства, жертвоприношений, божественной андрогинии. Герои рассказа держат путь через Красную Степь: мёртвую землю, где вставал «тёмный и древний ужас» и «памятью тёмной веры оставались каменные старые боги, любившие алую кровь жертвы и сладострастие весенних праздников»³⁶⁰. По мере продвижения путникам приходится остановиться на ночлег у Чёртова Провала, над которым возвышается идол, имеющий признаки мужского и женского пола, «без глаз, без носу, с низким обезьяньим лбом, с едва намеченными в камне, будто связанными, ногами»³⁶¹.

Как известно, мотив божественной андрогинии – архаическое представление о божественном гермафродитизме – широко распространён во множестве религий. В своей основе эта идея сводится к наделению такого божества абсолютным могуществом, восприятию его как «последней реальности», не допускающей ограничения никакими атрибутами, в том числе, мужское-женское (особенно это касается демиургов)³⁶². Однако колдовским чарам язычества противопоставляется православная вера: ночью в пустыне раздаётся «пронзительный, металлически-трубный вскрик», и Эсмеральда – девушка главного героя – впадает в своеобразный транс. Наваждение исчезает, как только кочевник Лизимах (носящий библейское и исторически известное имя), прошептав, что так «колдуны чаромутят старых богов», кричит: «Мать Пресвятая Богородица, помилуй!»³⁶³.

³⁵⁷ Например: *Кадашев В.* Истукан над провалом // Рубеж. 1935. № 15 (376). С. 1–2, 4–5, 6, 8; *Букэн Дж.* Роцца Астарты / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. 1941. № 9 (682). С. 15–18; *Сибрэр Г.* Богиня... в нижней юбке. Разоблаченные тайны загадочного «вуду» // Рубеж. 1931. № 22. С. 7–8.

³⁵⁸ Например: *Рамбаев В.* Тия божественная // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 1–2, 4–6, 8; <Б.п.>. Брамин великого духа / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. 1928. № 47. С. 11, 14; *Яворский С.* Дети, видевшие Богоматерь // Рубеж. 1933. № 20 (277). С. 5.

³⁵⁹ *Кадашев В.* Истукан над провалом // Рубеж. 1935. № 15 (376). С. 1–2, 4–5, 6, 8.

³⁶⁰ Там же. С. 4.

³⁶¹ Там же.

³⁶² См. подробнее: *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. С. 123–205; *Он же.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. С. 383–385.

³⁶³ *Кадашев В.* Истукан над провалом // Рубеж. 1935. № 15 (376). С. 6.

Вероятно, сюжет рассказа Кадашева также отсылает читателя к древним шаманским и экстатическим ритуалам: в ходе одной из экспедиций в Красную Степь главный герой обнаруживает племя, сохранившее идолопоклонство. От них он увозит предметы культа: «Рогатые тиары, фартуки с ременными висюльками, стилизующими змей, семихвостые бичи, бубны...»³⁶⁴. Эти предметы соотносятся с шаманскими атрибутами и уходят корнями в глубокую древность: например, рогатые тиары связаны с почитанием рогатого бога, образ которого является одним из древнейших (такой головной убор входил в число атрибутов Энлиля – одного из трёх великих богов шумеро-аккадской мифологии; известнейшим, хотя и не представляющим в окончательной ясности для исследователей, является рогатый бог кельтов Кернунн (Цернуннос) и др.). В основном такие божества были связаны с плодородием, земледельческим циклом и сочетали в себе архетипические черты умирающего и воскресающего бога, что также определяет экстатическую специфику их культа. Как и фигура рогатого бога, образ змеи появляется уже на самых ранних этапах развития культурной истории человечества и связан с «плодородием, землёй, женской производящей силой, водой, дождём, с одной стороны, и домашним очагом, огнём (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой»³⁶⁵. В развитых мифологических системах образ змеи в основном имеет отрицательную коннотацию.

Совсем другое настроение – чувство пылающей любви, трепета при соприкосновении с божественным – передаёт рассказ В. Рамбаева «Тия божественная»³⁶⁶, знакомящий читателя с культурой андских цивилизаций. Судьба главного героя – Михаила Геннадьевича Гаршина – оказывается связана с Тиауанако – городом, когда-то населённом великанами, «городом мёртвых... священным городом Тии!»³⁶⁷.

³⁶⁴ Там же. С. 8.

³⁶⁵ Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. А–К. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 468.

³⁶⁶ Рамбаев В. Тия божественная // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 1–2, 4–6, 8.

³⁶⁷ Тиауанако – древнее городище общей площадью 450 тыс. кв. км., находящееся в Боливии на южном берегу оз. Титикака на горной равнине Альтиплано, окружённой вершинами Кордильер. Поселение являлось центром государства Пукина и сосредотачивало духовную и политическую жизнь андской цивилизации. Оригинальное название города неизвестно; Тиауанако он был назван позже инками; в академической среде это же название закрепилось за городом и культурой в 1957 г. На сегодняшний день Тиауанако занимает важное место в духовной культуре современных аймара и с 2000 г. является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. См. подробнее, например: *Стингл М.*

Тиахуанако (Тиауанако, Тиуанако, Тиуанаку, Тиванака, также – Тайпикала; ориг. *Tiwanaku*) имел огромное значение в мифологической картине мира инков, считавших его местом происхождения своего первого легендарного правителя Манко Капака. Одной из главных проблем реконструкции истории поселения и его жителей является отсутствие письменных источников. Информация о городе передавалась в рамках устной традиции – в легендах, песнях и т.д. Пришедшие и разграбившие город испанцы записывали и переводили информацию со слов индейцев, однако нередко переводы были неточными, что обусловило возникновение большого количества домыслов и легенд о поселении: индейцы верили, что город построили вымершие великаны (все постройки и статуи в городе – впечатляющих размеров); европейцы – что он имеет древнейшее происхождение (разброс в датировках – от 12–17 тысяч лет³⁶⁸ до 1500 года до н.э.³⁶⁹).

Услышав легенду о древнем городе от старого индейца по имени Нао, Гаршин загорается желанием увидеть город великанов воочию, и они отправляются в путь. На месте Гаршин и Нао видят «колоссальные каменные здания, сложенные из целых гранитных глыб <...> Огромные арки, необычные сооружения...»³⁷⁰. В конце концов, они подходят к храму и одновременно – усыпальнице Тии, королевы и повелительницы города. По легенде, великаны «считали её божеством и поклонялись ей».

Святыни в Тиауанако, действительно, было достаточно: в том числе, существовал и полуподземный храм. Вероятно, какие-то из культовых мест могли стать прототипом храма, описываемого в рассказе.

Спустившись в усыпальницу, путники оказываются в зале, где обнаруживают множество коленопреклонённых великанов, обращённых в одну сторону – жрецов, воинов и рабов Тии, добровольно ушедших вслед за своей повелительницей. Представления о том, что истуканы Тиауанако суть жившие здесь ранее

Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. М.: Прогресс, 1983. 182 с.; *Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990. 407 с.; *Бушинелл Д.* Перу. От ранних охотников до империи инков. М.: Центрполиграф, 2003. 192 с.; *Куприенко С.А.* Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма. К.: Видавель Куприенко С.А., 2013. 418 с. и др.

³⁶⁸ По А. Познанскому, боливийскому исследователю, историку и археологу австрийского происхождения.

³⁶⁹ Согласно большинству исследователей.

³⁷⁰ *Рамбаев В.* Тия божественная // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 4.

великаны, обращённые в камень по воле божества, мы обнаруживаем, например, у индейцев аймара³⁷¹.

На троне герой различает силуэт женщины в белых одеждах и, подойдя ближе, заглядывает ей в лицо: «Во мне совершался какой-то внутренний переворот. Слезы счастья, неизъяснимой любви и сладкой грусти подступали к моим глазам... Человеческий язык слаб и бессилён и нет в нём слов, которыми можно было бы достойно описать её красоту»³⁷². Переполюющие героя чувства, невозможность их рационально объяснить и выразить увиденное словами говорят нам о соприкосновении Гаршина с инобытийной реальностью – о мистическом опыте. При изучении Тиауанако было обнаружено, что ни одна из каменных фигур никогда не изображала женщину, несмотря на то что некоторые из идолов были посвящены, скорее всего, богиням. Рамбаев представляет Тию в виде некоего «живого» силуэта женщины во плоти, а не каменной статуи – этим он подчёркивает её сущностное отличие от каменных «рабов», действительное божественное присутствие, реальность мистического опыта героя.

Гаршин приходит в себя в хижине индейского колдуна и знахаря. В течение месяца тот поил героя снадобьями, лечил заклинаниями и гипнозом и заставил забыть произошедшее. Всю последующую жизнь героя мучает томительная тоска и смутное ощущение «неведомого зова», пока однажды в Харбине он не заходит в книжную лавку, не берёт парижские русские газеты и не читает в одной из них о Тиахуанако. В этот момент воспоминания возвращаются к нему и единственной для него целью и желанием становится отправиться к божественной Тии. Похожие мотивы «памяти и забвения»³⁷³ широко представлены в мифологическом, эпическом, сказочном и народном творчестве.

Как мы отмечали ранее, некоторые тексты могут быть отнесены к такому синкретическому жанру как магический реализм, который, зародившись в 1920-е годы в среде латиноамериканской литературы (пожалуй, самым ярким примером

³⁷¹ *Стингл М.* Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / Пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. М.: Прогресс, 1983. С. 132.

³⁷² *Рамбаев В.* Тия божественная // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 8.

³⁷³ См. подробнее: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. С. 117–140.

жанра является роман Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества»), постепенно пересёк её границы и распространился дальше. В общем смысле под магическим реализмом подразумевается метод включения автором в реалистическую картину мира магических (мистических) элементов, и в этом отношении часть рассмотренных выше примеров может быть соотнесена именно с этим жанром. Однако, ввиду наличия у него ряда специфических черт, как то: отсутствие объяснения фантастического; насыщенность символами, образами, упор на перцептивные и экзистенциальные переживания героев; относительность и условность времени, пространства; чередование и смешение реальностей; поэтизация образа нации, народа; ретропричинность; повествование в форме притчи; одиночество героев; смешение несовместимых компонентов – европейских, азиатских, африканских и т.д.; включение мифологических, фольклорных, легендарных элементов; открытый финал и др.³⁷⁴, далеко не каждое произведение на страницах «Рубежа» может быть расценено как непосредственно, а не косвенно относящееся к жанру магического реализма.

В качестве примера можно назвать рассказ Р.Г. Керка «Люди из страны Нод»³⁷⁵, перевод которого был осуществлён В. Перелешиним. Рассказ наполнен библейскими аллюзиями и персонажами: Каин в образе рабочего, лежащего в госпитале – Кэйна, Ева – мисс Мартино, которая ухаживает за Кэйном и видит каинову печать, Самаэль – ангел смерти, пришедший, чтобы умертвить Кэйна. В иудейской демонологии Самаэль нередко отождествляется с дьяволом, именно ему приписывается ответственность за грехопадение Евы, которая, по мнению некоторых каббалистов, родила от него Каина³⁷⁶. Название рассказа также отсылает нас к библейскому сюжету о земле Нод – месте «к востоку от Эдема», куда был изгнан Каин после убийства Авеля. Если учесть, что в оригинале рассказ написан на английском языке, то становится интересным тот факт, что в англоязычной среде «земля Нод» может иметь иносказательный смысл: так, выражение «отправиться в землю Нод» (ориг. англ. *«to go off to the land of Nod»*) является перифразом словосочетания

³⁷⁴ См., например: *Кислицын К.К.* Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.

³⁷⁵ *Керк Р.Г.* Люди из страны Нод / пер. с англ. В. Перелешин // Рубеж. 1934. № 47 (356). С. 16–19.

³⁷⁶ *Папаян А.А.* Самаэль // Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 2. К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 397–398.

«пойти спать» (от англ. *to nod off* – дремать, причём нередко – непреднамеренно)³⁷⁷. В рассказе происшествие с мисс Мартино – видение Самаэля, каиновой печати, ощущение пролитой жидкости из чаши ангела смерти на руку героини, отчего та отнялась – обсуждают три специалиста-психопатолога, один из которых считает всё произошедшее именно сном, а другой – видением. Автор не даёт точного ответа, случилось ли всё на самом деле или, действительно, было проявлением «сильнейшей истерии».

Среди опубликованных рассказов, содержащих отсылки к различным мистическим и оккультным идеям, особняком стоят те, в композиционных частях которых (чаще – в прологе, завязке) мы наблюдаем мистические ноты, но в кульминации или развязке становятся очевидны совершенно обыденные, рациональные причины описываемых событий. К таким текстам можно, например, отнести переводные рассказы О. Кука «Белая яхта»³⁷⁸; С. де Вере «Слепая ревность»³⁷⁹; М. Хэнсома «Башня монахов»³⁸⁰.

Несмотря на стремление русской диаспоры сохранить православную веру и культуру «в условиях обрётённой замкнутости этого сказочно-утопического пристанища для всех страждущих и нуждающихся»³⁸¹ само пространство Харбина мифологизировалось и маргинализировалось. Возрастание интереса к «нетрадиционным» способам взаимодействия с действительностью и влияния на неё исторически отмечалось во время кризисных и переломных моментов функционирования общества или жизни индивида. В сложные времена, с которыми столкнулись русские изгнанники, им были необходимы дополнительная поддержка, вера в то, что они не беспомощны перед молохом времени и истории, надежда на благополучный исход и обретение утраченного мира и покоя.

Порубежное, неопределённое положение русской эмиграции давало импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, возможностей – пусть и

³⁷⁷ Также некоторыми ранними авторами земля Нод могла интерпретироваться как противоположная Эдему, «место ссылки», земля вне присутствия Бога.

³⁷⁸ Кук О. Белая яхта / пер. с англ. Е. Александрова // Рубеж. 1937. № 12 (477). С. 14–18, 20.

³⁷⁹ Де Вере С. Слепая ревность / пер. с англ. Беляева Т. // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 14–18, 20.

³⁸⁰ Хэнсом М. Башня монахов / пер. с англ. А. Тушканова // Рубеж. 1939. № 22 (591). С. 17–20.

³⁸¹ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 15.

иллюзорных – изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, как в общественной, так и в литературно-художественной среде.

Несомненно, нельзя утверждать, что все публикации на подобную тематику в изданиях русского Харбина были именно откликом на тенденции и предпосылки – культурные особенности серебряного века, волну возросшего интереса к спиритуализму, египтомании, ясновидения, моды на мистическое и т.д., но они обладали общим основанием – религиозно-мистическим контентом, который, несомненно, был востребован эмигрантским сообществом. Особое место занимали вопросы о судьбе России. Благодаря удалённости от западного центра, относительной свободе слова, культурной открытости дальневосточным художникам слова удавалось создавать синкретические конструкты, отвечавшие как настроениям эпохи и окружавшей их социокультурной реальности, так и субъективному видению авторов, через творческую потенцию выражая их опыт, знания и художественные потребности.

Основными семантическими доминантами публицистических и литературных текстов в рассмотренных нами образцах периодической печати Харбина выступают общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, гадание на камнях, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия – вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., разнообразные религиозные мотивы. Газетные издания содержали большое количество объявлений с предложением эзотерических услуг. Нередко встречаются тексты скептического, критического и иронического содержания. Если публицистические статьи, фельетоны и прочее освещают, как правило, какую-то одну тему, то художественные тексты часто сочетают в себе различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные идеи, являясь особым синкретическим конструктом, базирующемся не только на общих, господствующих в обществе того времени ориентирах – символизму и мистицизму, тяге к

индивидуализму и иррационализму, но и на субъективном видении и личностных предпочтениях авторов.

2.3 Ориентальные образы и мотивы в художественно-этнографических произведениях русских эмигрантов

Несмотря на изначальное «отчуждённое» расселение русских в Китае и взятый ими курс на сохранение идентичности, их «культурная отзывчивость», безусловно, повлияла на восприятие ими китайской действительности. Русские поселенцы были носителями особого рода ментальности – фронтальной. Они были потомками или продолжателями дела дальневосточных первопоселенцев, в социально-психологическом плане представлявших собой неоднородный и противоречивое образование, которому были свойственны романтизм, авантюризм, открытость и восприимчивость к инокультурным паттернам³⁸². Эмигранты были людьми порубежья в самых разных его смыслах – пространственном, темпоральном, онтологическом и т.д.³⁸³ Пространственное измерение восточной эмиграции определило взаимодействие культур – прежде всего, русской и китайской, а также способствовало активизации процессов синкретизации.

Интерес к Китаю и востоку в целом активизируется ещё в середине XIX века, закономерно усиливаясь вместе со строительством КВЖД и заметным присутствием в Китае русских. Тогда же начинаются и первые этнографические изыскания, проводимые русскими переводчиками. В 1908 году было основано Общество русских ориенталистов (ОРО), членами которого в основном были люди, знавшие китайский язык. В 1922 году открылось Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК). ОРО начинает выпускать журнал «Вестник Азии», а ОИМК в 1925 году становится редактором «Вестника Маньчжурии». В этих и других изданиях печатаются известные этнографы: П.В. Шкуркин, Н.А. Байков, П.М. Гладкий,

³⁸² *Забяко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII начала XX в. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 33.

³⁸³ *Забяко А.П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2010. С. 5–7.

И.Г. Баранов, Н.П. Автономов, И.А. Добровольский, А.Д. Спицин, И.А. Лопатин, Т.П. Гордеев, А.Е. Герасимов, В.В. Поносков, М.В. Яковлев, Я.И. Аракин, Е.Е. Яшнов и многие другие³⁸⁴.

Фронтирное положение эмигрантов не могло не заставить их обратить внимание на разнообразные, в чём-то диковинные этнографические особенности местных народов, а некоторым исследователям и писателям (прежде всего, П. Шкуркину, Н. Байкову, М. Щербакову, Б. Юльскому, В. Марту и др.) – художественно изложить эти особенности на бумаге. Судьба каждого из них по-разному привела их к восточной, прежде всего, китайской теме, но объединяющим началом выступал живой интерес к Китаю, индивидуальная потребность в изучении китайских традиций, религий, быта, а также – в *преодолении границ* между культурами. Так постепенно складывается *художественная этнография* восточной эмиграции, которая подразумевает «художественное освоение автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определённого этноса, населяющих определённые географические пространства»³⁸⁵.

Одной из наиболее выдающихся фигур в художественной этнографии стал Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943) – офицер, переводчик-востоковед, преподаватель, один из основателей Общества изучения Маньчжурского края и член Общества русских ориенталистов. Самостоятельно выучив китайский язык, он в разное время при разных обстоятельствах тесно соприкасался с китайской культурой и её носителями: в путешествиях, во время научных командировок, в ходе совместной работы, военной службы, переводческой и преподавательской деятельности³⁸⁶.

³⁸⁴ См. подробнее., например: *Хисамутдинов А.А.* Русские этнограф-эмигранты в Маньчжурии, их труды и судьбы // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 2. С. 62–75.

³⁸⁵ *Забияко А.А.* От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // *Забияко А.А., Забияко А.П., Легошкова С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Монография / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 244. Также подробнее см.: *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А.* Эвенки Приамурья: оленяя тропа истории и культуры. Благовещенск, 2012. С. 270–275; *Забияко А.А.* Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // *Традиционная культура Востока Азии*. Благовещенск, 2014. С. 270–290.

³⁸⁶ См. подробнее, например: *Хисамутдинов А.А.* Жизнь и приключения синоведа П.В. Шкуркина [Электронный ресурс] = 汉学家П.В. 什库尔金: 生活和历险: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>; *Он же.* Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // *Известия Восточного института*. 1996. № 3. С. 150–160; *Забияко А.А.* Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивили-

Уже в начале своего пребывания на Дальнем Востоке (он приезжает в 1889 году) Шкуркин начинает переводить и фиксировать корейские, китайские, маньчжурские сказания, легенды, мифы, в дальнейшем перелагая их в своих произведениях³⁸⁷.

Расцвет творческой и научной деятельности Шкуркина приходится на период пребывания в Харбине. В 1913 году П.В. Шкуркин уходит со службы в отставку, приезжает в центр русской культуры в Маньчжурии и становится переводчиком на КВЖД. В это время он занимается этнографическими изысканиями: например, в 1913–1915 годах в журнале «Вестник Азии» Шкуркин публикует этнографические заметки о *лоло* (историческое наименование народностей Восточной и Юго-Восточной Азии, проживающих на территории Китая в провинциях Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу и в Гуанси-Чжуанском автономном районе, также во Вьетнаме (провинции Хазянг, Каобанг, Лаокай) и Тайланде)³⁸⁸. Шкуркин также отмечал Тибет, Бирму (Мьянму) и Лаос. В настоящее время *лоло* больше известны как народ *и, ицзу* (кит. 彝族 *yizu*), включающий в себя множество племён.

Шкуркин приводит сведения о различных племенах инородцев, которые, как оказалось, не были ассимилированы китайской культурой (действительно, до середины XX века инородцы сохраняли независимость от китайских властей, а также хранили этнокультурные традиции (в том числе, рабство и деление на касты)). Эти народы, хотя и впитали китайские элементы, тем не менее, оставались в достаточной степени самобытными. Шкуркин, опираясь на различные материалы (в частности, на переводы китайских источников проф. Ивановским, а также работы

зационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 186–196 и др.

³⁸⁷ Например: Шкуркин П.В. Ло-ло: китайская легенда / Пер. с кит. Хабаровск, 1910; *Он же*. Белая Змея: Кит. легенда. Хабаровск, 1910; *Он же*. По Востоку. В 2 ч. Харбин, 1912; *Он же*. Груша // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 36–41; *Он же*. Лисицы // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 69–84; *Он же*. Ло-ло. Инородцы Юго-Западного Китая. Харбин, 1916; *Он же*. Портрет // Вестник Азии. 1917. № 41. С. 1–21; *Он же*. Одежда // Вестник Азии. 1917. № 41. С. 48–52; *Он же*. Китайские легенды. Харбин, 1921; *Он же*. Легенды Востока. Харбин, 1922; *Он же*. Легенды из истории Китая. Харбин, 1922; *Он же*. Китайские сказки. Харбин, 1923; *Он же*. Богиня луны и лунный заяц // Вестник Азии. 1924. № 42. С. 352–361; *Он же*. Хунхузы: (Этногр. рассказы) // Изв. ОИМК. 1924. № 4. С. 36–57; *Он же*. Очерки даосизма. I–III. Харбин, 1926; *Он же*. Игроки: Кит. быль. Харбин: 1926; *Он же*. Корейские сказки. Шанхай, 1941 и др.

³⁸⁸ Крюков М.В. Ицзу // Народы и религии мира / Глав. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 203.

М. Поло, Э. Реклю, К. Лежандра и др.), в сравнительном ключе раскрывает особенности некоторых племён в части языка, внешнего вида, быта, ментальности, религиозных верований, свадебной обрядности, культа, мантических практик и др.³⁸⁹

Вскоре Шкуркин обращается к литературному осмыслению этнографических сведений: «Китайские легенды» (1921 г.), дополненные этнокультурными заметками автора, становятся одной из его первых художественно-этнографических работ³⁹⁰. Этнографические материалы, которые Шкуркин излагает в художественной, подчас – новеллизированной форме, опираются в его работах не только на фактографию и погружение автора в глубины китайской ментальности, но и на его собственное осмысление и видение.

Одной из главных тем художественной рефлексии П. Шкуркина выступает *хунхузничество*³⁹¹. Хунхузы (от кит. 红胡子, *honghuzi* – «краснобородый») – бандиты, преступники, промышлявшие разбоем на территориях Маньчжурии, Кореи, Монголии и восточных границ российского Дальнего Востока во второй половине XIX – первой половине XX века³⁹². Интерес писателя к этой теме был во многом обусловлен его деятельностью как полевого офицера, боровшегося с хунхузничеством на территориях Дальнего Востока. Образ хунхузов постепенно приобрёл мифологические черты, чему способствовало не только поведение и облик разбойников (покраска бород в красный, использование масок и т.д.), но и само пространство, в котором они действовали: маньчжурская тайга представлялась сакральным местом, где действуют свои законы, находятся различные звери и растения, которым приписываются сверхъестественные свойства – прежде всего, тигр, женьшень: «Горы покрыты непроходимыми лесами, и в этих лесах растёт таинственная волшебная трава орхой-да или жэньшэнь, способная влить новую жизнь больному телу. Но горе тому смельчаку, который, <...> найдя [корешок], бросится

³⁸⁹ См. подробнее: Шкуркин П.В. Лоло (Старое и новое об инородцах юго-западного Китая) // Вестник Азии. Харбин, 1913. № 16–17. С. 59–98; Шкуркин П.В. «Лоло». Старое и новое об инородцах юго-западного Китая // Вестник Азии. Харбин, 1915. № 34. Кн. 2. С. 72–163; Контаева Е.А. Этнографические изыскания П.В. Шкуркина: религиозные и культовые особенности культуры инородческих племён Китая // Религиоведение. 2020. № 4. С. 83–94.

³⁹⁰ Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин: Типо-Литография т-ва «ОЗО», 1921. 161 с.

³⁹¹ Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; *Он же*. Игроки: Китайская быль. Харбин, 1926.

³⁹² См. подробнее, например: Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. 280 с.

тотчас вырывать его из земли, забыв от радости, что сначала следует помолиться и возблагодарить духов гор и владыку здешних мест – грозного амба-лао-ху! Тотчас неведомо откуда появится страшный лао-ху (тигр со священным иероглифом “ван” (князь) на лбу <...>»³⁹³. В рассказе «В гостях у хунхузов» Шкуркин пишет о тайге следующее: «Немая, жуткая тишина действовала на душу и превращала безмолвный лес в какой-то *таинственный храм невидимого бога...*»³⁹⁴ и, заявляя о небеллетристической этнографичности своих рассказов, тем не менее, не может полностью отказаться от мифологизации образа и жизни хунхузов.

Несмотря на сложившийся образ хунхуза как «кровожадного разбойника, жестокого грабителя, вора, вероломного обманщика, человека-зверя, чуждого всякого понятия чести, ненавидящего иностранцев (особенно русских) и т.д.», писатель нередко подчёркивает положительные качества – «верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине», отсутствие подлости и предательства, стремление сохранить честь и исполнить долг и т.д.³⁹⁵. Шкуркин в целом, в отличие от, например, Н. Байкова, демонстрирует положительный интерес по отношению к хунхузам, в некоторой степени даже романтизирует их, сравнивая с поэтическими образами духовно-рыцарских орденов времён средневековья и передавая эти настроения прежде всего через фигуры разбойничьих атаманов: справедливого Чжана Лао-эра («Отплата»); строгого, дисциплинированного и мудрого Фа-фу («В гостях у хунхузов»), Хань Дэн-цзюй («Маньчжурский князёк») и др. Конечно, Шкуркин не мог полностью избежать изображения «демонических» черт хунхузов и описания царящей в некоторых группах жестокости: так, в рассказе «Отплата» рассказывается о зверском убийстве Мити – маленького сына казака по фамилии Бухрастов³⁹⁶.

³⁹³ Шкуркин П.В. Маньчжурский князёк // Хунхузы. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. С. 64.

³⁹⁴ Шкуркин П.В. В гостях у хунхузов // Хунхузы. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. С. 47.

³⁹⁵ Шкуркин П.В. Хунхузы. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. С. 9–10.

³⁹⁶ Шкуркин П.В. Отплата // Хунхузы. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. С. 11–18.

Шкуркин передаёт синкретические воззрения хунхузов: например, описывает их жилое помещение, где изображён Гуань-ди (кит. 關帝 Guan di), возле которого находятся благовония и «стол для восьми духов» – «ба сянь чжоцзы»³⁹⁷ (кит. 八仙桌子 *baxian zhuozi*). Культ Гуань-ди, являвшегося реальным военачальником по имени Гуань Юй и позднее превратившегося в божество войны и богатства, наряду с элементами буддизма, конфуцианства и даосизма (восемь духов (бессмертных), упоминаемых Шкуркиным, относятся как раз к даосской мифологии), издавна был органично включён в синкретическую народную религию китайских крестьян, где его часто называли просто – «лао-е», т.е. «господин»³⁹⁸.

Китайской культуре и религиозной традиции в принципе свойственно мифологизировать и обожествлять исторических персонажей, в особенности героев, полководцев, военачальников и т.п. (культы Шан-ди, Нефритового императора, мэнь-шэней и др.). Неудивительно, что этот процесс в его неомифологическом ключе происходил и позднее, в том числе, рассматриваемый нами период, и не мог не быть воспринятым художественным сознанием литераторов: для Шкуркина хунхуз становится легендарным героем, а его образ приобретает культовый характер, встраиваясь во «фронтирную мифологию» автора. Шкуркин, следуя по пути мифологического построения, передаёт особенности мировоззрения таёжного человека, которое схоже с миропониманием человека первобытного. Так, в рассказе «Маньчжурский князёк» сама Маньчжурия предстаёт в рассказе как «чудной, сказочный» край, где в горном озере живёт дракон, расплавленные вырывающимся из гор пламенем камни текут вниз, в лесах растёт таинственная волшебная трава (женьшень), а пространством ведают духи гор и властелин-тигр. Главные же герои рассказа – дед Хань Бэнь-вэй и внук Хань Дэн-цзюй – приобретают черты архетипических культурных героев.

Один из ярких примеров подобного мифологизирования, деификации человека также описан, например, Н.А. Байковым: из реальных фигур таёжных

³⁹⁷ Шкуркин П.В. В гостях у хунхузов // Хунхузы. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. С. 49.

³⁹⁸ Рифтин Б.Л. Гуань-ди // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М., 2006. Т. 2. Мифология. Религия. С. 420–422.

охотников Дорошина и Бобошина постепенно сформируется почитаемый китайцами фантастический образ Бобошки, изображаемого в кумирнях в виде тигроголового великана: «В одной из кумирен, на перевале хребта Лао-э-лина, над алтарём, где жгут курительные свечи, было изображение Бобошина в виде фантастического великана с головою тигра; иероглифическая надпись гласила следующее: “Моуцзы Бобошка. Повелитель тигров. Самый большой и могучий человек Шу-хая”³⁹⁹. Сердце и душа великана”»⁴⁰⁰. Интересно в данном случае именование Бобошки «Моуцзы». Сложно сказать, что именно имелось в виду китайскими звероловами, но известно, что во II – нач. III в. н.э. существовал буддийский философ, бывший конфуцианец по имени Моу-цзы (кит. 牟子 *Mou Zi*), который был одним из апологетов буддизма и для защиты учения использовал в том числе даосские термины и традиционную китайскую фразеологию⁴⁰¹.

Взгляд Шкуркина на хунхузничество в контексте межэтнических, межкультурных взаимоотношений субъективно мифологизирует его, выстраивая синкретический образ⁴⁰². И, хотя многие дальневосточные писатели касались этой разбойничьей темы (Н. Байков, А. Несмелов, Б. Юльский, И. Штейнберг и др.), именно Шкуркин, в виду индивидуальных особенностей, представляет хунхузов в наиболее привлекательном виде – как людей, в душе которых есть место и доброте, и мудрости, и благородству, – и старается изобличить причины самого их появления.

По-своему тему хунхузничества раскрывает Николай Аполлонович Байков (1872–1958) – военный, натуралист и писатель, проведший 14 лет в Маньчжурии, собирая научный материал, участвуя в охоте на тигров, борясь с хунхузами как командир Заамурского полка⁴⁰³. Он стоял у истоков изучения фронтальной мен-

³⁹⁹ Кит. 树海 *shu hai* – «лесное море». Так местные жители называли маньчжурскую тайгу.

⁴⁰⁰ Байков Н.А. Тигрица // В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 539.

⁴⁰¹ Янгутов Л.Е. Моу-цзы // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. 2006. С. 357.

⁴⁰² См. например: Дябкин И.А. Неомифологические трансформации образа разбойника в художественной этнографии Русского Харбина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2012. С. 240–248.

⁴⁰³ Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: повесть; Чёрный капитан: роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. С. 9–52; Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисмутдинова. Шанхай, 2010. С. 15.

тальности, застав таёжное пространство Северо-Востока Китая и социокультурные процессы, протекавшие там, в аутентичном виде.

Несмотря на то, что Байков ещё с начала 1900-х годов создавал различные очерки о Маньчжурии, славу ему принесла изданная в 1914 году книга «В горах и лесах Маньчжурии»⁴⁰⁴. Эта внушительная по объёму публикация включила в себя и самые ранние очерки – в чистом виде натуралистические («Флора и фауна»; «Добывание пантов», «Змеи и их приручение», «Зоография» и др.), и более поздние, где мышление и интерес учёного сталкивается с художественным видением писателя и объединяет этнографические, натуралистические, художественно-поэтические и даже мифологические элементы («За хунхузами», «Тигровьи ночи», «Тайга шумит», «Корень жизни» и др.). Особое внимание он – сам человек порубежья – отводит рассмотрению вопросов этнического самосознания, подмечая этнокультурные, социокультурные, религиозные основания и переходя в попытке понять их фронтирную природу «от позитивизма до теософии, от панмонголизма до нищестанства»⁴⁰⁵.

Портрет хунхузов у Байкова – портрет двойственный, строящийся на близком знакомстве писателя с краснобородыми разбойниками и глубоким понимании самого феномена хунхузничества. Тем не менее, в отличие от Шкуркина, Байков более строг к хунхузам, к их образу жизни. Чаще всего хунхузы предстают в его текстах как совершенно «дикие люди», встреча с которыми для русского человека знаменует непременно ужасную гибель. Они способны на зверства и жестокость: так, поймав старика Лу-фа-бина – охотника за женьшенем, – они, в целях выведать у него, где он прячет корни, подвергают его жестокой, смертельной пытке: «Быстро сняли с его ног кожаные бродни, подняли шаровары выше колен и положили голые ноги старика пятками на горячие угли. Сначала пошёл дым, затем распространился смрад от горелой кожи и мяса»⁴⁰⁶. Писатель показывает неприглядные отношения между самими хунхузами: пытаясь завладеть драгоценными корнями, они убивают

⁴⁰⁴ Байков Н. В горах и лесах Маньчжурии. Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрут, 1914. 464 с.

⁴⁰⁵ Забияко А.А. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 162.

⁴⁰⁶ Байков Н.А. Роковой корешок // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 74.

друг друга, последний владелец – хунхуз Ван-до – погибает в крушении джонки, и корни попадают к бедной корейской семье – «тихому, *честному* народу», глава которой вылавливает труп Ван-до своими рыбацкими сетями. Здесь очевиден и морализаторский, философский посыл, и реминисценция архетипического фольклорного мотива бескорыстия, простоты, чистоты души, когда главное сокровище достаётся социально и экономически обездоленному герою, не ищущему наживы специально.

Помимо своеобразных хитросплетений мышления и верований таёжного люда, Байков демонстрирует и собственное синкретическое мировоззрение: в текстах уживается анимистическое мировосприятие и христианские взгляды, языческий фатализм и научный скепсис, которые во многом были определены не только особенностями его личности, но и эпохой, ознаменовавшейся переходом к осмыслению самой природы мифа⁴⁰⁷. Фатализм, особое отношение к судьбе, яркие образы, иллюстративно живописующие рок и фортуны, вероятно, имеют под собой более глубокие основания, нежели простое желание передачи этнографического материала. Эмигранты в каком-то смысле переживали обряд перехода – экзистенциальную ситуацию, в которой происходит процесс смерти и возрождения, и которому сопутствуют такие категории как «судьба», «рок», «предопределение» и др., прочно укоренившиеся и в какой-то степени даже определявшие эмигрантское сознание⁴⁰⁸.

Байков, как и Шкуркин, отмечает тайгу как особое пространство, где всё «располагало к размышлению и душу наполняло какое-то чувство мира и успокоения. Мысль уносилась далеко в это глубокое голубое небо, являлось смутное сознание своего ничтожества и бесконечности вселенной, создавалось представление о Боге, о мировой безграничной воле»⁴⁰⁹. Писатель воспринимает тайгу как сакральное место, обладающее собственной волей, отзывающееся на действия

⁴⁰⁷ *Забияко А.А.* «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 125–126.

⁴⁰⁸ Там же. С. 124.

⁴⁰⁹ *Байков Н.А.* В лесах Чапи-Гоу // В горах и лесах Маньчжурии. Петроград, 1914. С. 79.

человека: так, описывая молитву старого китайца Саланцзыра, Байков отмечает, что «<...> с ним вместе молилась дремучая старая тайга, напевая свою торжественную суровую песню»⁴¹⁰. Для Байкова тайга была не только местом, «где царит ещё древний языческий бог первобытных лесов», она имела и натуралистически-философское, даже экзистенциальное измерение, будучи воспринимаема им как «океан вечного движения материи», где «жизнь оканчивается смертью, смерть вызывает жизнь»⁴¹¹. При этом писатель, «сердце которого билось далеко в России», подчёркивает чужеродность этого пространства, вызывающего у него тоску по родине: «Эта необыкновенная обстановка среди чужой, дикой, но прекрасной и величественной природы навевала чудные грёзы и уносила в мир воспоминаний, образов и картин давно минувшего. Вставали передо мной берега родного Днепра; тихие, мирные сёла и хутора приветливой Украины; зубчатые стены старинного Кремля московского; города и деревни Руси православной <...>»⁴¹².

Для носителей дальневосточной фронтальной ментальности тайга действительно была священным локусом, «стирающим этническое своеобразие» и заставляющим сакрализовать не только её пространство, но и обитателей⁴¹³. В пространстве Шу-Хая «люди и звери сохранились в первозданной обстановке дикой пустыни»; человек «влачит жалкое существование, ведя неустанную борьбу с дикой природой»⁴¹⁴, а перцепция дальневосточными таёжниками окружающей действительности приближена к мировосприятию природы первобытным человеком.

Таёжные звероловы мифологизируются Байковым, противопоставляются европейским охотникам, индийским шикари и т.д. и наделяются специфическими чертами, представая людьми, которые имеют «особые нервы, особую психику и исключительную натуру»⁴¹⁵; описания людей часто приобретают зооморфные черты: «рачы глаза», «бычачья шея», «орлиные глаза», солдаты, напоминавшие медведей и т.д.

⁴¹⁰ Байков Н.А. В лесах Чапи-Гоу // В горах и лесах Маньчжурии. Петроград, 1914. С. 100.

⁴¹¹ Байков Н.А. За хунхузами // В горах и лесах Маньчжурии. Петроград, 1914. С. 113.

⁴¹² Байков Н.А. Встреча Нового года // В горах и лесах Маньчжурии. Петроград, 1914. С. 138.

⁴¹³ Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. №. 2. С. 155.

⁴¹⁴ Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. С. 99.

⁴¹⁵ Байков Н.А. Ночь у костра // У костра. Тяньзинь, 1939. С. 32.

Полумистическое восприятие тайги Байковым передаётся и на образ тигра, что не удивительно. Маньчжурская тайга представляла собой совершенно дикое место, «лихолесье», где тигров было едва ли не больше, чем людей. Заядлый охотник Байков тесно общался с местными звероловами, в дневных походах и ночами у костра или на тёплом кане так или иначе впитывая и перенимая их благоговейное, смешанное с ужасом отношение к хозяину тайги – «великому Вану».

Ещё в более ранних работах Байков, в 1910–1914 годах обучивший подчинённую ему роту ходить на тигра в одиночку, за что рота была прозвана «тигриной», раскрывал не только натуралистические аспекты «тигриной темы», но и религиозные, суеверные: о приписывании китайской медициной частям тела тигра чудодейственных сил и сверхъестественных свойств даже, к примеру, отпечаткам тигриных лап; о вере китайцев и других народов, населяющих Маньчжурию, в то, что тигр, отмеченный иероглифом «ван» (кит. 王 *wang*), представляет собой вторичное воплощение души человека, искупающей свои грехи или грехи рода; о табуировании имени животного (в данном случае, слова «тигр» (кит. 老虎 *laohu*) и эвфемистической его замене: например, «он» «хозяин», «властелин», «великий старец» (Да Лао-цзы; 大老子 *Da Lao Zi*), исторически распространённом и среди других народов; об использовании тигриных когтей, зубов, костей, шкуры в качестве амулетов; о принесении хозяину тайги человеческих жертв и др.⁴¹⁶

Байков передаёт в текстах суеверия и поверья, связанные с тигром. Так, в очерке «Жертва горному духу», он рассказывает о ритуальной казни китайца – принесение его в жертву Вану путём привязывания к стволу дерева (зимой) – за нарушение законов тайги. После свершения казни, Байков и Бобошин убивают тигра-людоеда, а весной, когда Байков возвращается к фанзе старика Тун-Лина, где всё произошло, тот рассказывает легенду: «Душа человека, съеденного Ваном, <...> витает здесь же, недалеко от того места, где разорвано его тело. Она переселилась

⁴¹⁶ См., например: *Байков Н.А.* Маньчжурский тигр // Общество изучения Маньчжурского края. Секция естествознания. Харбин, 1925. Вып. 1. 17 с.; *Он же.* В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934 и др.

в птицу Цяор⁴¹⁷, которая летает в горах, по вершинам вековых кедров и жалобно стонет, называя своё имя. Увидеть её простому человеку нельзя, это доступно только великому праведнику и безгрешному, с чистым непорочным сердцем.

Если ты пойдёшь на этот крик из любопытства, он заведёт тебя в глубину тайги, ты заблудишься и попадёшь в лапы Горного Духа. Птица эта хранит золото и жэнь-шэнь и приводит к Вану обречённого человека. На том месте, где разорван человек, из крови его вырастает весною красный мак – это великий талисман и лекарство от болезней»⁴¹⁸. Писатель упрощает старика отвести его к дереву. Когда они приходят, повсюду видны красные маки. Старик совершает молитву, и вдруг слышится крик «неведомой птицы», которую Байков, как ни старался, не смог разглядеть. Байков никак не объясняет этот эпизод (как и многие другие подобные) и, возможно, причиной тому является его сложное, синкретическое сознание. Так и к вышеупомянутому Акидину Бобошину, образ которого был мифологизирован китайцами, Байков нет-нет, да отнесётся как к чудо-человеку: «<...> мне казалось, что среди этих грозных звуков разбушевавшейся стихии я слышу густой бас своего приятеля, Бобошки, и вижу его колоссальную фигуру на горном перевале Лао-Лина»⁴¹⁹.

Байков создал большое количество произведений – как художественных, так и чисто этнографических или натуралистических, но главной его работой, безусловно, считается «Великий Ван»⁴²⁰. Отмечая корни культа тигра (и других представителей кошачьих в разных регионах мира) в мистическом настрое «полудикого народа» (периода архаики), писатель, тем не менее, наделяет тигров, внушающих «обаяние и мистический ужас» народам Восточной Азии, антропоморфными чертами: они действуют и помышляют, как люди, «напевают любимую песенку», строят планы, любят своих детьми, способны чувствовать зависть, могут

⁴¹⁷ Кит. 雀儿 *qiaor* – птичка, пташка, воробушек. В очерке «Легенда дремучего леса» Байков приводит более полную легенду о птице. См.: Байков Н.А. Легенда дремучего леса // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 50–51.

⁴¹⁸ Байков Н.А. Жертва горному духу // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 14.

⁴¹⁹ Байков Н.А. Встреча с хунхузами // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 48.

⁴²⁰ Байков Н.А. Великий Ван. Харбин: Изд. «Наука», 1938. 226 с.

ставить материнские чувства выше зова природы и способны даже на рефлекссию: «<...> мозг её [маленькой тигрицы] работал усиленно, переваривая как в котле пережитые впечатления дня. В уме её складывались уже определённые заключения, фиксируя конкретные очертания и формы»⁴²¹.

Сам Великий Ван выступает в роли культурного героя, жизни и происхождению которого присущи необычайные мотивы: так, смерть отца Вана, корейского тигра, умершего на вершине священной горы Бай-Тоу-шань в пещере Великого Духа Дракона, ознаменовалась землетрясением и волнением священных вод небесного озера. Сам же Великий Ван является воплощением души праведного человека, которая после смерти тигра переходит в цветок лотоса, «невидимый для смертных, и пребывает в нём до полного очищения и слияния с мировой душой Вселенной»⁴²².

Конечно, не обошёл вниманием Байков и легенды о корне жизни – женьшене. Он был одним из первых, кто опубликовал материал по женьшеню⁴²³, включив туда и научные изыскания, и мифологические представления относительно этого растения: «Среди китайцев живёт поверье, что раннею весной, когда наливаются бутоны его цветов, оно издаёт особый белый свет; бывает это только в одну ночь в начале мая и, тогда-то именно выкопанный корень имеет чудесную силу не только врачевать болезни, но и воскрешать мёртвых. Добыть корень в эту ночь очень трудно, так как его стерегут дракон и тигр, и всякого осмелившегося приблизиться к цветку, они разрывают»⁴²⁴. Любой русский человек заметит в этом пассаже сходство с народными представлениями о цветке папоротника, которые в разных формах бытовали в Восточной (Россия, Украина, Белоруссия, Польша и др.) и Северной Европе (Эстония, Латвия, Литва, Швеция и др.).

Этнографические изыскания Н.А. Байкова в большинстве своём имели стихийный характер, не будучи подкреплёнными какими-либо теоретическими

⁴²¹ Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. С. 87.

⁴²² Там же. С. 95.

⁴²³ Байков Н.А. Корень жизни // В горах и лесах Маньчжурии. Харбин, 1914. С. 440–463; *Он же*. Корень жизни (Женьшень). Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1926.

⁴²⁴ Байков Н.А. Роковой корешок // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 72.

выкладками, которые будут созданы позднее. Тем не менее, именно эта непосредственность, непредвзятость фактически сыграла роль своеобразной феноменологической редукции, позволив Байкову собрать и передать мифологические представления таёжников, создать их уникальный этно-, социокультурный и этнорелигиозный образ. С другой стороны, подобная открытость и восприимчивость писателя сформировала в его сознании собственные синкретические образы, переданные им в текстах, где, отражая сложносоставные представления китайцев и маньчжуров, в которых смешивались Конфуций, Лао-цзы, духи гор и лесов, создавались неомифологические герои (Бобошка), Байков и сам поддавался этим настроениям. Более того, в японской культуре образ самого писателя, именуемого «Байков-о» («Мудрый старец Байков») ввиду его удивительного проникновения в понимание специфики пространства Дальнего Востока и особенностей его жителей, приобрёл архетипические черты старого мудреца и превратил фигуру Байкова в «мифологему дальневосточного фронта»⁴²⁵.

Интересной представляется фигура и творчество Михаила Васильевича Щербакова, который, окончив Императорское высшее техническое училище (МВТУ им. Н.Э. Баумана) по направлению физики, сочетал в себе качества писателя, переводчика, журналиста, фотографа и путешественника дальневосточной эмиграции, с детства изучал английский, немецкий и французский языки⁴²⁶.

В 1920 году, после учёбы во Франции и работы в Корее, он приезжает во Владивосток, где занимается редакцией промонархических изданий («Русский край», «Крестьянская газета»). Там же, во Владивостоке, он знакомится с другими значимыми деятелями дальневосточной эмиграции, организаторами и участниками литературного клуба «Салон поэтов» – с Л. Ещиным, А. Несмеловым, Б. Бетой, Вс. Н. Ивановым, М. Урванцевым и др., а также с одним из самых известных исследователей дальневосточного края – В.К. Арсеньевым⁴²⁷.

⁴²⁵ *Забияко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 159.

⁴²⁶ *Колесов А.* Чёрная серия Михаила Щербакова // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 6.

⁴²⁷ *Забияко А.А.* М.В. Щербаков: человек Дальневосточного фронта в поиске корня жизни // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2015. № 1 (45). С. 112.

Незадолго до вступления Красной армии во Владивосток, Щербаков уезжает, отправляясь в путешествие по Дальнему Востоку: Корею, Японию, Сингапуре и, конечно, Китаю (Гонконгу). Был он и на островах Тихого океана (например, о. Пасхи), Шри-Ланке.

Писатель ещё во Владивостоке учит китайский язык и читает много литературы, посвящённой востоку Азии. Много внимания Щербаков начинает уделять переводческой деятельности: позднее этот его интерес выльется, например, в «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского», куда войдут истории из жизни «китайских замечательных людей» (например, Ли Бо) и зарисовки китайской жизни. Объектом его переводческого интереса становится также творчество его современника Лу Синя (Чжоу Шужэня)⁴²⁸. В это же время творческое сознание Щербакова начинают занимать проблемы этнического самосознания полукровцев, а также тема восприятия русским сознанием быта и образа жизни китайцев, японцев, корейцев и других местных дальневосточных народов⁴²⁹, которую он поднимает во многих своих произведениях («Корень жизни», «Паршивый уголь», «Иринари», «Озеро богача» и проч.).

Находясь под впечатлением от своих эмпирических перцепций, он создаёт стилизованные вариации восточной национальной поэзии, публикуя их в альманахе «Китай» (Шанхай, 1923 г.), «Врата» (Шанхай, 1935), «Отгул» (Шанхай, 1944).

Книга стихов «Отгул» становится, фактически, итогом его поэтической работы, в ориентальных мотивах которой находят отражение экзотические пейзажи, таинственность, мистика, дихотомия добра и зла, жизни и смерти, взаимосвязь прошлого и настоящего, мифологическая образность: в произведениях Щербакова перед читателями предстают греческие (например, «Неизвестность», «Маги»; любовные «Двенадцать строк пропели мне...», «Ты вся, как терпкое вино...»), японские («Соответствие», «Японский храмик», «Танка»), египетские («Скарабей»),

⁴²⁸ Один из крупнейших деятелей в истории Китая XX века, который, в свою очередь, живо интересовался западным европейским и русским культурным наследием, через переводы знакомя китайскую аудиторию с Байроном, Пушкиным, Лермонтовым, Мицкевичем, Гоголем, Чеховым, Арцыбашевым, Луначарским, Фадеевым и др. См. *Сорокин В.Ф.* Лу Синь // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. 2008. С. 335–337.*

⁴²⁹ *Забияко А.А.* М.В. Щербаков: человек Дальневосточного фронта в поиске корня жизни // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2015. № 1 (45). С. 112–113.

китайские («Жень-шень», «Фонтан»), мистические и эзотерические («Чёрная месса», «Вампир»), христианские («Выздоровленье», «Vitraig de Notre-Dame»), индуистские («Ганеша»), шаманские («На севере (Бубен)») и другие образы. Так, «Песня о камне», посвящённая О. Тельтофт, вобрала в себя многие перечисленные выше мотивы: в строках «Песни», помимо фетишистских и эзотерических представлений о свойствах различных камней, предстают образы дольменов, мумий, колдунов, бесов и ангелов тьмы, олимпийских богов и др.

Через эту мифологическую образность Щербаков в том числе выражает и сожаление по утраченной «русской Атлантиде» – императорской России. Вот отрывок из его стихотворения «Неизвестность», посвящённого в 1922 году одному из величайших поэтов русского зарубежья – А. Несмелову:

Улисса дом манил во мраке
И Пенелопа за станком,
Мы, Одиссеи без Итаки,
Каким прельстимся маяком? <...>
Нам каждый берег будет чуждым,
Ненужной каждая земля,
Пока под облаком жемчужным
Не заблестят кресты Кремля⁴³⁰.

Мировосприятие Щербакова, его индивидуальное сознание ориентировано не только на легендарные, мифологические мотивы, но и на *волшебство в целом*: «<...> если вам удалось *создать в душе волшебный мир* – храните его бережно, всеми силами, не сдёргивайте с него покрывала! Даже если он только мираж и обман. Ибо *жизнь без иллюзий слишком сера*»⁴³¹. Логично, что эта интенция получает значительный импульс в произведениях Щербакова, поддаваясь общему настроению темпорального и пространственного мифологизирования и эксплицируясь на страницах его работ, для которых при всём многообразии сюжетов и образов объединяющим началом становятся, как отмечает А.А. Забияко, «<...> мифология и мифологические воззрения самых разных народов, населяющих Дальний Восток:

⁴³⁰ Щербаков М.В. Неизвестность // Жёлтое море, 1922. Цит. по: Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с. С. 286.

⁴³¹ Щербаков М.В. Волшебный мир // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 283–284.

китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека»⁴³².

Безусловно, одним из главных произведений Щербакова является новелла «Корень жизни». Как и многие дальневосточные писатели-эмигранты, Щербаков не может обойти столь знаковую тему, где человек европейской культуры, безусловно, отметит параллели между священным женьшенем и, например, мандрагорой, которой издавна приписывались похожие свойства.

Женьшень в тексте Щербакова выступает фактически как самостоятельный персонаж – «уродец с перевитыми и скрещёнными ногами», с «тонкой шейкой и сморщенной головой сверху туловища», которые «донельзя напоминали человеческие»⁴³³, – влияющий на судьбы алчных и охочих до богатства людей. Текст передаёт особое отношение местных к женьшеню: ему, безусловно, приписывается магическая сила; описываются ритуалы и молитвы, подчинённые закону тайги и обращённые как к самому корню, так и к охраняющему его Духу гор Шань-Е, животным воплощением которого является свирепый Великий Ван – тигр, символ возмездия за несправедный образ жизни: «<...> и услышал он звук, заледенивший кровь в его жилах: над тайгой, мощно сотрясая мрак, прокатился глухой рёв с клочущими переливами, похожий на отдалённый гром, – рёв рыжего корейского тигра, властелина и царя тайги»⁴³⁴.

Новелле о женьшене Щербаков (сродни, например, Байкову⁴³⁵) придаёт морализаторский, философский посыл через реминисценцию архетипического фольклорного мотива бескорыстия, простоты, чистоты души как условий получения главного сокровища – в данном случае, корня жизни. Щербаков противопоставляет фигуры Ли Фу-линя и Цзян Куя: если первый, будучи истинным женьшеньщиком, долго и трудно искал и собирал корень на склонах сопок, то второй предпочитал более быстрый и лёгкий способ добычи – убийство и завладение. Но в дальнейшем

⁴³² *Забияко А.А.* Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия. В 4 т. Т. 1. Проза. В 3 ч. Ч. 1. (А–К) / сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. 370 с. С. 28.

⁴³³ *Щербаков М.В.* Корень жизни // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 18–19.

⁴³⁴ Там же. С. 27.

⁴³⁵ *Байков Н.А.* В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. 247 с.

ни ему, ни другим алчным героям не удаётся воплотить в жизнь свои мечты: все они – охотник на «голубых фазанов» (сборщиков женьшеня) Цзян Куй, кореец Ким, охотник на тигров Николай Тимофеевич последовательно умирают от «женьшеневого рока», карающего нечистых на руку людей. В итоге корень оказывается в руках аптекаря Гун Зюй-куна, отнявшего его у «белого дьявола» Николая Тимофеевича. Однако читатель понимает, что история не окончена, и что «злокозненный» корень ещё сыграет роль в судьбе китайского знахаря: ведь, продав свою лавку, он возвращается на родину, к могилам предков, что символически можно истолковать как намёк на традиционный китайский культ «возвращения мёртвых», когда покойник должен вернуться на родину⁴³⁶.

Этот же мотив «чистого сердца», образы духов-охранителей (гениев), ритуалистику сбора корня жизни Щербаков повторяет и в стихотворении «Женьшень» (1924 г.):

Того, кто *волей твёрд и помыслами чист*,
Проводят *гении* лесистым Дя-Дянь-Шанем
В извилистую падь, в затерянных полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист.

Но *злобны демоны*, *слуга их – тигр – когтист*:
Не торопись звенеть серебряным даяном
Под вязью вывески торговца *талисманом*,
Где *тайных зелий* дух и прянен, и душист.

Сложив фанзу, *постись!* Из недр росток Жень-Шеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный небом срок.

И в *мглистый час Быка*, *созвездиям покорен*,
С *молитвой праотцам бери олений рог*
И рой *таинственный, подобный людям*, Корень⁴³⁷.

Щербаков встраивает в свои тексты элементы культур не только китайской, японской, корейской, коренных народов Сибири и Дальнего Востока – нередко он переплетает этнографические заметки с мистическими элементами: так, в рассказе «Джонни, молодой мамонт», Щербаков живописует бытовую и культовую стороны

⁴³⁶ *Забяко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169. С. 161.

⁴³⁷ Цит. по: Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 290.

жизни коряков (культура этого северного народа также описывается, например, в повести «Чёрная серия»), добавляя фантастическую сюжетную линию с ожившим мамонтом. В рассказе «Утёс дракона» один из героев – Сергей Елагин, переживший крушение джонки, сталкивается с ожившим мифическим зверем – драконом, встреча с которым в итоге стоит ему жизни. Любопытно, что дракон, будучи восточным, в рассказе предстаёт чудовищем, вызывающим совершенно европейские чувства – отвращение и ужас; описывая дракона, герой говорит о «гигантском длинном косматом рыле», «нестерпимом смраде», «невыносимом зловонии», «пристальной холодной злобе», «серповидных клыках» и т.д.⁴³⁸ Как правило, в отличие от восточноазиатской традиции, в западноевропейской картине мира дракон выступает более поздним, развитым образом змея – хтоническим чудовищем, в схватку с которым обычно вступают герои. Справедливости ради стоит отметить, что и в восточной мифологической традиции есть подобные сюжеты (например, синтоистский Ямато-но ороги), но всё же в целом и для Японии, и для Кореи, и тем более для Китая образ дракона не несёт столь отрицательных коннотаций. Часто драконы выступают в качестве божеств, связанных с водой – дождём, водоёмами; в Китае дракон также символизирует светлое начало (*ян*) и императорскую власть.

В рассказе «Священный остров», который наполнен прежде всего чисто этнографическими замечаниями о священном острове Путу (Путошань, кит. 普陀山, *Putuo Shan*), известном в Китае и китайском буддизме как место просветления бодхисаттвы Гуаньинь (Авалокитешвары), Щербаков приводит одну многочисленных версий истории о земном воплощении богини, где дракон выступает уже помощником Мио-Шэнь (Мяо Шань, кит. 妙善 *Miao Shan*, земное имя Гуаньинь): посланный Небом в ответ на её молитвы, дракон пробивает колодезь в скале рядом с кухней буддийского монастыря, куда Мио-Шэнь отправил отец, наказав настоятельнице возложить на дочь непосильные хозяйственные обязанности. В целом же в рассказе Щербаков подчёркивает важность религии в культурной и бытовой традиции Китая, к которой может прикоснуться любой человек: «Священный Остров –

⁴³⁸ Щербаков М.В. Утёс дракона // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 95–96.

настоящий клад, ибо там он не только встретит прекрасные образцы храмового зодчества и буддийской религиозной скульптуры, но и будет сталкиваться на каждом шагу с самой квинтэссенцией народной жизни – с её религиозной стороной»⁴³⁹.

В небольшой этнографической зарисовке «Поэма огня», входящей в «Шанхайские наброски», писатель, спустившись «к самым недрам Праматери Азии, к самым её истокам», атмосферно живописует увиденные ритуальные действия в «Радужной кумирне» – «Хон [Хун] мяо», – где в горящем огне «воплотилась древняя вера китайской женщины», которая в ночь на китайский Новый год пришла молить божества об удаче в делах, о детях или лёгких родах⁴⁴⁰. Щербаков отмечает эклектичность храма: там расположены фигура богини Гуаньинь, находящаяся в нише по центру; в малом приделе – божество-чадовспомогатель; в большом приделе – сонм даосских и буддийских божеств (бог-акушер Лао-е, богиня оспы Хуа, тысячерукая Гуаньинь, бог правосудия и многие другие). Щербакову в текстах свойственно смешивать, сопоставлять и противопоставлять европейские, западные и иные культурные элементы восточным азиатским. Вот и здесь он сравнивает огненное действо с «ночью творения, когда Слово носилось над кипящей и неустроенной землёй», с капищем «финикийского Молоха или мексиканского Кетцалькоатля»; разношёрстный пантеон называет «азиатским Олимпом».

Феномен Радужного храма (кит. 虹廟 *hong miao*) на Восточной Нанкинской улице в Шанхае (сейчас – даосский образовательный центр и библиотека) органично вошёл в контекст синкретического, многокомпонентного художественного сознания Щербакова. Изначально храм возникает в качестве частной буддийской молельни, посвящённой богине Гуаньинь, но позднее к главному алтарю добавляются и другие, посвящённые даосским и местным божествам: богу богатства, богу смерти, хранителям неба, земли и воды, богу-хранителю Шанхая и даосским звёздным божествам⁴⁴¹.

⁴³⁹ Щербаков М.В. Священный остров // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 353.

⁴⁴⁰ Щербаков М.В. Поэма огня // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 148.

⁴⁴¹ Князева К. Радужный храм на Нанкинской улице // Магазета. URL: <https://magazeta.com/arc-rainbow-temple/>.

Японские мифические существа у Щербакова предстают, к примеру, в образе лисицы-оборотня Иринали⁴⁴² в одноимённом рассказе, передающем историю Петра Фаддеича – бывшего русского капитана дальнего плавания, а ныне – приказчика в лавке японских древностей, волею судьбы поддавшегося на провокацию «католика и нехристя» англичанина. Утащив с «молеленки» посреди рисовых полей божка – фигурку лисы Иринали, божества богатства и домашнего благополучия, Пётр Фаддеич лишается удачи и покоя – лисица начинает преследовать его и требовать вернуть божка назад.

В другом рассказе – «Озеро богача» – Щербаков передаёт корейскую легенду, связанную с мифологизацией и антропоморфизацией ландшафта – в частности, озера и гор. Образ горы является важной частью не только восточной культуры – это универсальная мифологема, архетип, символизирующий собой мировую ось, соединяющую нижний, средний и верхний миры. Любопытно, что в приведённой Щербаковым легенде явно проступают христианские аллюзии. Сюжет строится вокруг трёх действующих лиц: жестокосердного богача, его добросердечной невестки и святого – монаха-буддиста, пришедшего за подаянием. В отличие от богача, его невестка с состраданием относится к нищему монаху, за что он решает помочь ей в ответ: просит её утром собрать вещи и вместе с сыном уйти от жестокого свёкра назад к себе в деревню, но ни в коем случае не оборачиваться. Любопытство пересиливает женщину, и она, услышав шум за спиной и поглядев через плечо, превращается в камень – почти как ветхозаветная жена Лота, обратившаяся в соляной столп по пути из Содома.

Как и многие литературные деятели эмиграции, Щербаков не был рождён на Дальнем Востоке, но, тем не менее, не сумел избежать влияния этого особенного, *фронтирного* пространства, чутко отозвавшись «жаждущей волшебства» душой не только на дикие, экзотические реальные и мифологические образы и сюжеты. Постоянно так или иначе сопоставляя китайскую культуру с более понятной и близкой ему западной, укладывая восточную легенду о женьшене в европейскую

⁴⁴² В японской культуре это синтоистское божество изобилия, злаков и лис зовётся Инали и является одним из главных. Изображается в облике как мужчины, так и женщины, а в качестве посланников использует лис (*кицунэ*).

строгую форму сонета, называя буддийский и даосский пантеон «азиатским Олимпом», сравнивая Гуаньинь с западными мадоннами, а тщательно вымощенные дорожки буддийского монастыря – с египетской работой, Щербаков не может устоять от очарования Востока. Чего только стоит его рассказ «По древним каналам», представляющий собой умиротворяющую зарисовку Сучоу (Сучжоу) – выхваченные и облечённые в строки кадры китайской жизни и, фактически, некую «прозаическую оду» китайской культуре, вызывающей отклик в душе русского человека: «Я не видел Венеции, но мне почему-то кажется, что Сучоу сильнее, подлиннее неё. Да простит мне кощунство Жемчужина Адриатики, но ведь она ещё слишком молода и всё-таки уже мертвец. А древний Сучоу живёт со страшной интенсивностью, как жил тысячелетия раньше, чем родился Христос. Каждый вершок грязной поверхности каналов потребен и бороздится ежедневно, дышит и живёт. И от этой тысячелетней настоенности быта исходит и бьёт в голову крепкий, острый откус жизни, отгул своеобразной *и не чуждой нам, русским, культуры*»⁴⁴³.

В произведениях Щербакова западное идёт рука об руку с восточным, мистическое и религиозное – с обыденным, романтизированное и благородное нередко противопоставляется низменному. К ориентальной направленности его прозы и поэзии добавляются экзистенциальные мотивы тоски по родине. Многие из его рассказов не имеют однозначно завершённого финала – вместо точки ставится запятая, и это – один из характерных знаков, указывающий на воспринимаемую писателем эфемерность бытия в целом и эмигрантской жизни в частности, её неопределённость и непредсказуемость.

Ориентальные и мистические мотивы, восток и запад, реальность и инобытийность смешиваются в творчестве Бориса Михайловича Юльского – русского писателя-эмигранта, о жизни которого до сих пор известно не много. В 1919 году Юльский оказывается вместе с семьёй в Маньчжурии, а в 1921 году – в Харбине⁴⁴⁴.

⁴⁴³ Щербаков М.В. По древним каналам // Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 371.

⁴⁴⁴ Человек, ушедший на русский восток. Жизнь и проза Бориса Юльского // Борис Юльский. Зелёный легион: Повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 4. 560 с.

Несмотря на то, что первое известное своё произведение Юльский публикует ещё в 1933 году (рассказ «Чёрт» в № 35 журнала «Рубеж»), его путь в литературу начинается в 1938 году, когда он начинает служить в лесной полиции. Богатый эмпирический опыт соприкосновения с инокультурной средой в её первозданном виде находит отражение в жанре художественной этнографии: на страницах произведений Юльского вместе с реальными людьми – хунхузами, таёжными охотниками, военными – оживают персонажи китайской и синкретической фронтальной мифологии: лисы, тигры, драконы и др. Как и многие другие писатели-эмигранты, Юльский поддаётся этой «фронтальной магии», культурным, религиозным, мифологическим, психологическим установкам, нравственно-этическим нормам и специфическим реалиям и художественно осваивает их, «“олитературивая” фактический материал вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой и т.д.»⁴⁴⁵

Сюжетика у Юльского и вправду была авантюрная: с установкой на Д. Лондона, Ф. Купера и Д.О. Кервуда, только вместо Клондайка и Америки в качестве места действия выступала Маньчжурия с «её тиграми, тайгой и охотничьей романтикой»⁴⁴⁶. Служба в лесной полиции в глухом местечке Тоогэн предполагала активное взаимодействие с краснобородыми разбойниками – хунхузами. В это время он не только открывает для себя неподдельные, дикие китайские реалии, но и тесно соприкасается с «русским миром в его дальневосточном выражении», что значительно повлияет не только на его творчество, но и на мировоззрение (существуют сведения о том, что Юльский даже принял сторону монархизма). Все эти переживания и перцепции лягут в основу рассказов, которые позднее составят цикл «Зелёный Легион».

Юльского в высшей степени интересуют мистика и мифология посмертного существования, состояния пограничья и перехода. Вполне вероятно, что это – его индивидуальная реакция на историческую эпоху, порубежное положение русской

⁴⁴⁵ *Забияко А.А.* Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 91–92.

⁴⁴⁶ *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 25. С. 10.

эмиграции, мифологизацию самого пространства, в котором оказался и он сам. Например, тема околосмертного опыта, посмертного существования, реинкарнации раскрывается рассказ «Катастрофа»⁴⁴⁷, который мы рассматривали выше.

Мотив перерождения ярко иллюстрирован в рассказе «Возвращение г-жи Цай», в котором Юльский обращается к китайской мифологии загробной жизни. Главный герой сюжета – старик Цай, который, потеряв любимую жену, в течение пятнадцати лет находит утешение в уходе от реальности с помощью опиума. В один из дней к нему приходит необычайных размеров крыса, которая начинает навещать его каждый день. Поначалу Лао Цай настораживается и заподозривает в крысе злого духа-оборотня, но постепенно привыкает к ней и даже допускает мысль о том, что это дух его умершей жены Цзишень воплотился в зверьке. И однажды, когда господин Цай хочет уйти из жизни из-за того, что ему нечем платить за свой дом (а покинуть его он не хочет и не может, ведь это место священной памяти о дорогой Цзишень), крыса выручает его – приносит ему бриллианты. Лао Цай окончательно убеждается в идее, что крыса – воплощение его умершей жены: «Теперь я знаю, кто ты! Ты – душа моей верной, возлюбленной Цзи-шень, и ты пришла для того, чтобы быть со мною всегда и помочь мне в минуту несчастья!..»⁴⁴⁸.

Как и другие тексты Юльского, этот рассказ неоднозначен, двойственен. Кто эта крыса – просто умный зверь, по какой-то причине приходящий к Лао Цаю, дух его умершей жены или же добрый дух дома, охранявший хозяина и ушедший на небеса после исполнения своего долга, как посчитали соседи, нашедшие мёртвого старика? Известно, что в мифологической традиции Китая крыса пользуется уважением: это культурный герой, принёсший людям рис и научивший его выращивать; это умное, хитрое животное, которое первым пришло попрощаться с

⁴⁴⁷ Юльский Б. Катастрофа // Рубеж. 1934. № 43 (346). С. 1–3, 6, 8, 10.

⁴⁴⁸ Юльский Б. Возвращение г-жи Цай // Зелёный Легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 323.

Буддой; это зверёк, отождествляемый с богатством, достатком, процветанием, бережливостью и счастьем, признанный символ благосостояния в фэн-шуй⁴⁴⁹.

Писатель сочетает антопоморфизацию и психологизацию облика животного с этнографическими элементами: пока разворачивается сюжет, читатель узнаёт о вере китайцев в оборотней-лис, в духов, посмертное существование и перерождение, о том, что курение опия издревле используется китайцами для того, чтобы «посетить родину», а также «встретиться с умершими». Всё вместе придаёт тексту глубину и многозначный философский характер, а различить тонкую грань между реальным и мифологическим становится очень трудно.

Идея реинкарнации лежит и в основе сюжета рассказа «Вторая смерть Шазы», где она объединяется с одной из самых распространённых тем в художественной этнографии русского восточного зарубежья – тигриной мифологией, образом хозяина тайги – Великим Ваном, в которого хунхуз Шаза – жестокий, своевольный разбойник – перерождается после смерти.

Сюжетика Юльского нередко обретает черты мистического реализма, где инобытийность органично входит в обыденность: иногда совершенно очевидно и по-хозяйски, иногда – намёками и полутонами. В одном из первых опубликованных рассказов «Чёрт» Юльский представляет читателю историю Николая Филипповича, который после ухода жены начинает крепко выпивать и грезить о её возвращении. В один из таких эпизодов к герою является самый настоящий чёрт, который выманивает у Николая Филипповича душу в обмен на обещание вернуть жену, и исчезает, широко взмахнув перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями⁴⁵⁰. Юльский неспроста вводит это сравнение с летучей мышью, причём намеренно в европейском понимании этого существа как зловещего, связанного с тёмными силами, магией. В китайской традиции летучая мышь, напротив, олицетворяет счастье и удачу.

⁴⁴⁹ Кириллова О.Е. Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 2. С. 73.

⁴⁵⁰ Юльский Б. Чёрт // Борис Юльский. Зелёный легион. Зелёный Легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 208.

Николай Филиппович переживает горячку, находится несколько дней между жизнью и смертью и временно теряет память, забывая о мистической встрече, пока случайно не встречает «чёрта» в магазине. Герой набрасывается на человека и попадает в психиатрическую больницу, куда к нему ходит жена, которую он больше не узнаёт. Правда ли к нему пришёл чёрт и, купив душу, по-своему исполнил обещание, вернув жену после того, как герой сошёл с ума, или же всё это привиделось Николаю Филипповичу, явилось результатом глубокой душевной травмы и злоупотребления алкоголем? Юльский не даёт однозначного ответа на этот вопрос.

Мотив безумия и, вместе с тем, допущения существования инобытийной реальности, тонкого мира присутствует и в рассказе «Вода и камень», повествующем о том, как в перестрелке русский солдат Каргин убил юную хунхузку. Мучимый совестью, он начинает много пить, видеть убитую девочку и постепенно доводит себя до сумасшествия и смерти: «У стены казармы стоял Каргин. Его винтовка валялась рядом. Он уже не кричал, а только хрипел. Из глаз смотрело безумие. А на груди, у самой бороды, трепыхалась и била в лицо шуршащими крыльями огромная, вцепившаяся и запутавшаяся когтями, летучая мышь»⁴⁵¹. И снова мы видим зловещий, европеизированный образ летучей мыши, через который Юльский передаёт глубокий мистический смысл.

Герои Юльского часто безумны или находятся в пограничных состояниях, нередко эти состояния отягчены опьянением – алкогольным, наркотическим – и оканчиваются смертью. Но смерть эта не всегда означает конец: как правило, в текстах с ориентальным колоритом герои уходят в вечность, в страну духов, в «чуждую страну Запада». В общемировом значении сакральных горизонталей пространства восточное выражение «уйти на запад» безусловно, имеет параллели со многими религиозными и мифологическими традициями, в том числе, западно-европейской. И всё же, будучи неразрывно связанным с солнцем, «уход на запад» оставляет некую надежду возвращения на восток – возрождения в новой жизни, возможно, отличной от человеческой.

⁴⁵¹ Юльский Б. Вода и камень // Зелёный Легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 41.

Тексты Юльского многослойны, а его герои – многогранны, склонны к метаморфозам – не только в духовном и ментальном смысле, но и в физическом. Так, в рассказе «Путь дракона» хунхуз Лун действительно превращается в дракона (кит. 龍 *long*), а затем – в старика-китайца, выращивающего маки – «яркие, как пятна крови, цветы», по легенде, выросшие когда-то из пятен крови раненого дракона. Играя с китайским традиционным «лисыим эпосом», Юльский создаёт рассказ «След лисицы», в основу которого ложится легенда о существовании оборотней: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мёртвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить своё существование в образе оборотня-лисицы»⁴⁵². В этом рассказе вновь повторяется мотив безумия, пограничного состояния: главный герой Дима Самарин, находясь в чужеродном ему культурном пространстве, не совершает необходимых ритуалов, нарушает таёжные законы во время охоты и, убив козу, также стреляет и в лисицу, чего, по китайским поверьям делать нельзя – это большое преступление. Лисица уводит его вглубь тайги, и судьба героя становится предрешённой: заплутав, он идёт на свет показавшегося огонька, который его манил, «мелькал и погасал по мере движения Самарина, прячась за деревьями и снова показываясь»⁴⁵³. Этот лисий огонь в итоге его и погубит: лиса обернётся прекрасной девой и, напоив Самарина (снова мотив опьянения у Юльского предшествует последующему безумству), подожжёт вместе с подельниками-хунхузами фанзу вместе со связанным героем. Когда его спасут русские старообрядцы, окажется, что фанза эта горела ещё год назад, а ноги Самарин не обжёг, а обморозил – очевидно, лиса сыграла с его воображением злую шутку. Всё, что происходит с героем – фантазмагорично, переходит из одного измерения в другое, из антропоморфных ипостасей – в зооморфные и наоборот, и в итоге приведёт его к смерти: однажды на закате Самарин уйдёт вслед лисыим следам и уже никогда не вернётся.

⁴⁵² Юльский Б. След лисицы // Зелёный Легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 110.

⁴⁵³ Там же. С. 112.

Образ лисы не столь однозначен для китайской культуры, как это может показаться. Он амбивалентен. Лиса, безусловно, злонамеренный дух, оборотень, привлекающий в свои сети мужчин, чтобы питаться их энергией и переродиться, но она также может выступать и помощником человеку, и даже божеством. Более того, лиса, по китайским поверьям, хранит тайну вечной жизни. С точки зрения европейской, Юльский последовательно разворачивает в рассказе картину абсолютной фатальности, разочарования, гибели, но с восточной точки зрения становится возможной иная трактовка: Самарин как раз избавляется от страданий жизни (ещё в начале рассказа упоминается, что он спасался от «острой тоски» и низких доходов, потому и оказался в рядах лесной полиции), поддавшись лисьему очарованию и обретая покой в инобытийном мире духов⁴⁵⁴.

В целом, вплетая к сюжетную канву элементы китайских легенд и мифов, Юльский сочетает их с европейской и, в частности, русской мифологической картиной мира, по логике которой человек, соприкасающийся с миром духов, нередко обречён на потерю рассудка и смерть. В текстах писателя происходит переплетение действительности и легенды, проникновение фантастического в обыденное, субъективность и относительность времени, рассмотрение реальности с точки зрения наивного восприятия человека иной культуры (русской), возможность и способность соприкосновения героев с инобытийной реальностью. На живом материале китайской и фронтальной мифологии Юльский выстраивает свою художественную реальность в жанре магического реализма, в которую встраиваются и его богатый опыт и личные знания о культуре Востока, и патриотические настроения, и манифестации его личностных особенностей, в том числе – фатализма и стремления к экзистенциальной свободе.

Безусловно, ориентальные мотивы наличествовали не только в произведениях рассмотренных нами выше авторов – конечно, рассмотренных выборочно. Многие из писателей-ориенталистов не ограничивались прозой и создавали прекрасные образцы поэзии. Здесь можно было бы назвать ещё множество имён, в

⁴⁵⁴ Кириллова Е.О. Межкультурные взаимодействия в литературе русской дальневосточной эмиграции: ориентальная мифология Бориса Юльского // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 156.

большей или меньшей степени обращавшихся к востоку. Например, В. Перелешина – знаменитого переводчика Дао Дэ Цзина и других памятников китайской духовной культуры, который «органично воспринял китайскую стихотворную традицию»⁴⁵⁵ и сумел не только философски её осмыслить, но и сочетать с христианскими образами в собственном творчестве. В. Янковского, воспринявшего сквозь призму фронтальной ментальности таёжный быт и саму тайгу в качестве «художественной мифологемы»⁴⁵⁶. А. Несмелова – одного из самых известных поэтов русской эмиграции, которому также не были чужды ни мистическая, ни ориенталистская тематики, в том числе – в прозе (особенно в форме любимой многими писателями так называемой «тигрины» – тигриной мифологии и сюжетики»⁴⁵⁷). Наконец, В. Марта – одного из самых неоднозначных творцов в дальневосточной эмигрантской литературе, сочетавшего фронтальную мифологию и фронтальную же ментальность со специфическими личностными особенностями, пристрастиями и соцзаказом⁴⁵⁸, а также многих других: А. Ачаира, Ю. Крузенштерн, Ф. Дмитриеву, Вс. Иванова, Н. Никифорову, В. Логинова, О. Скопиченко, К. Сабурова...

Творчество каждого из них достойно отдельного изучения, но формат диссертационного исследования не позволяет нам сделать это в исчерпывающей мере и охватить всех. Однако даже на основании изученных примеров можно произвести несколько выводов. Очевидно, что русские писатели-эмигранты, попав в географическое, историческое и ментальное измерения фронта, не могли абстрагироваться от этой новой реальности и переносили её на бумагу, пропустив сквозь призму индивидуального художественного мировосприятия. Само территориальное и социокультурное пространство способствовало впитыванию принадлежащих

⁴⁵⁵ Бузев О.А. Китай в творчестве В. Перелешина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. Вып. 5. С. 303.

⁴⁵⁶ Бибик Е.Е. Человек дальневосточного фронта: В. Янковский («Нэнуни». Дальневосточная одиссея) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 205–211.

⁴⁵⁷ Забияко А.А. Человек дальневосточного фронта в поисках корня жизни (М. Щербаков, Б. Юльский, А. Несмелов) // Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография / А.А. Забияко. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2016. С. 308–338.

⁴⁵⁸ Левченко А.А., Забияко А.А. Этнические миграции и социокультурные реалии Северной Маньчжурии в первой половине XX в. (В. Март. Цикл «Жёлтые рабыни») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 337–351; Забияко А.А. От мистики востока к литературе факта (В. Март) // Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография / А.А. Забияко. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2016. С. 283–307.

ему образов и мотивов и формированию синкретических конструктов. Кроме того, доброжелательность и гостеприимность новой родины в целом развивали позитивное отношение русских изгнанников к местной культуре, которая, с одной стороны, была им знакома ввиду порубежного положения и достаточно длительных исторических контактов, а с другой – экзотична и привлекательна для дальневосточных романтиков и пассионариев. С одной стороны, фронтирное положение эмигрантов активизировало архаические пласты восприятия реальности и запускало процессы синкретизации в ходе осмысления полученного эмпирического опыта. С другой стороны, интенциональный интерес, возникший на почве контакта с местными культурными особенностями, обретает черты индивидуализированного синкретизма в его смешанной форме и выливается не только в значительный пласт научной этнографии, но и фундирует этнографию художественную, которая оформляется как в виде переводных экспликаций, так и в качестве самостоятельных произведений.

Заключение

На данном этапе исследование не может быть окончательно завершено в силу высокой сложности рассматриваемого феномена и значительного объёма материала. Ряд аспектов и проблем, не нашедших отражения в тексте, получит дальнейшее изучение и развитие. Тем не менее, исходя из вышеизложенного, мы можем сделать несколько основных выводов.

Различные формы религиозного синкретизма наблюдаются уже в период архаики, во время процесса сапиентации и развития представлений об окружающем *Homo sapiens* мире. Изучение феномена синкретизма как в зарубежной, так и в отечественной традиции начинает складываться в XIX веке в рамках эволюционизма и таких дисциплин, как этнография, антропология и социология.

Феномен религиозного синкретизма в исторической и современной действительности гораздо сложнее, чем может быть представлен в теоретических выкладках и классификациях. В широком смысле религиозный синкретизм представляет собой специфический феномен, ключевой характеристикой которого является соединение различных элементов в некую внутренне противоречивую целостность. Противоречивость этой системы более заметна со стороны наблюдателя, нежели изнутри самой системы.

В данном диссертационном исследовании для более полного понимания феномена религиозного синкретизма в ментальности дальневосточной эмиграции мы предлагаем определять религиозный синкретизм как форму бытия религиозных явлений, содержанием которой выступает сопряжение в целостность разнородных религиозных компонентов или сущностно разнородных компонентов религиозного и нерелигиозного характера. Религиозный синкретизм представляет собой особую формацию, имеющую пространственные, временные, онтологические характеристики. Он возникает в результате стремления человека преодолеть раздробленность собственного бытия и образующиеся границы природы, религии, культуры, философии, науки и проч., и создать некую целостность. Религиозный синкретизм,

производный от экзистенциально важных интенций человека, сопровождает всю историю религии, варьируясь в разных модификациях:

1) синкретизм раннего этапа человеческой истории, связанный с постепенным выделением *Homo sapiens* из природы и формированием границ между ним и окружающим миром. Это стремление человека преодолеть возникшее разграничение с природой, вернуться в её *пределы*, вновь обрести некую целостность природного и человеческого бытия, что наиболее отчётливо выражено фито- и зооантропоморфными образами и антропоморфизацией природы в ранних формах религии. Эта форма синкретизма продолжает существовать и на более поздних этапах религиозной истории.

2) Синкретизм, связанный с формированием границ религиозных систем и их последующим преодолением и характерный прежде всего для античной древности и средневековья. Эта форма подразумевает взаимодействие и взаимовлияние религиозных систем различного уровня и степени развития, а также соединение этих систем или отдельных религиозных элементов в некую целостность. Включает несколько измерений: сохранение элементов примитивных культов в более сложных и развитых религиозных системах, в том числе в рудиментарном виде; воздействие развитых культов на более примитивные с сохранением основной идеи последних; взаимовлияние и взаимопроникновение нескольких развитых, сложных религий; различные религиозно-философские образования.

3) Синкретизм, возникающий в результате постепенного отграничения религии от философии, политических и социальных теорий, права, эстетики и проч. сфер духовной культуры. Эта форма подразумевает тотальное смешение религиозных верований, мифологических и философских систем, художественных интерпретаций, научных теорий и проч. Заметным образом эта форма проявлена в свободомыслии XVIII века, в базовой синкретичности НРД и движений Нью-Эйдж, квазирелигиозных, ре- и неомифологических образованиях, молодёжных движениях (например, хиппи) и др. Данная форма оказывается тесно связана не только с гуманизмом, секуляризацией, модернизмом, постмодернизмом, глобализацией, развитием технологий и проч., но и с индивидуальной религиозностью. Носителем,

идеалом этой формы синкретизма становится творческая личность, готовая преодолеть любые границы дифференцированного бытия – в том числе, вернуться к слиянию с природой.

Каждая из модификаций, форм синкретизма, однажды возникнув, не прекращает своё существование: в зависимости от различных факторов, они могут сосуществовать или сменять друг друга в исторической перспективе. Каждой форме, помимо их природной дискретности и континуальности, в той или иной степени присущи такие дуалистические основания как естественность и искусственность, полнота и фрагментарность, экзогенность и эндогенность и др.

Ввиду объективной сложности и многоаспектности феномена синкретизма, данные определение и классификация представляют собой одни из многих возможных. Мы также отмечаем их справедливость прежде всего для европейской истории и ментальности. Восточная ментальность отличается от западной разительным образом. Восток шёл своим путём и, будучи более склонным к традиционализму и фундаментализму, не имел, по сути, резко выраженных оппозиций между историческими этапами религиозного синкретизма. Основополагающей психологической предпосылкой восточной ментальности является её меньший по сравнению с западом эгоцентризм и большая интроверсия, вызывающая к жизни, по К.Г. Юнгу, «архаические мыслительные образования», отчего наибольшую близость восточная ментальность демонстрирует по отношению к ранней форме синкретизма. Восток не преодолел мифологического восприятия мира, отношения к нему как к «магическому космосу».

Синкретизация, задействие архаических принципов мышления, рост интереса к альтернативным духовным системам, мистическим знаниям и практикам, оккультным наукам и проч., а также распространение большого количества таких вариативных систем наблюдаются на всех исторических этапах в периоды кризиса и социальной напряжённости. Это было характерно и для русской эмиграции на северо-востоке Китая, чему способствовало не только её положение и окружающая инокультурная среда, но и особый тип ментальности – фронтальной, порубежной, – носителями которой являлись русские изгнанники. Их вектор культурного

развития отклонялся от магистрали центра и тяготел к местным особенностям, условиям и законам, подвергаясь процессам маргинализации и синкретизации. «Мифологическая ситуация безвременья», возникшая в Харбине, стала осевым для русских эмигрантов моментом: они переживали историю, противостоя ей, следуя, фактически, по пути мифологического сознания, выполняя мессианскую и космологическую функцию. В той или иной форме в эмигрантской среде проявились разные формы религиозного синкретизма, которые отразились не только в социокультурной сфере, но и в литературно-художественном творчестве.

Несмотря на стремление к сохранению национальной и культурной идентичности, а также православной веры в качестве опорного элемента, в экзистенциальную орбиту восточной эмиграции включался интерес к мистике, эзотерике, магии, спиритизму, спиритуализму, гороскопам, гаданиям, ясновидению, предсказаниям и т.д., что было не только соответствием общеевропейским настроениям и продолжением тенденций дореволюционной России и серебряного века, но и результатом порубежного положения эмигрантов, особой социокультурной и исторической реальности. Этот интерес имел два основных вектора – практический, к которому относятся всевозможные эзотерические услуги, и теоретический, прежде всего выражавшийся в форме публикаций и литературно-художественного творчества, где в качестве основных тем можно выделить спиритизм и спиритуализм; магию и мантику; суеверия; иерофанию, мистический и религиозный опыт.

Маргинальное положение русских эмигрантов способствовало обращению их внимания на разнообразные, в чём-то диковинные этнографические особенности местных народов. На почве этого внимания и изначально научного и элементарно бытового интереса формировалась художественная этнография восточной эмиграции, где сквозь призму фронтальной ментальности писателей-эмигрантов раскрывались ориентальные образы и мотивы корейской, японской, китайской, маньчжурской и других культур, к которым нередко примешивались различные европейские мистические и мифологические элементы.

Таким образом, по мере развития человека и культуры, происходит эволюция форм синкретизма; однако, несмотря на их историческую преемственность и некую

«стадиальность», каждый из них, возникнув, продолжал и продолжает существовать параллельно или соподчинённо. Ввиду исторических, онтологических, темпоральных, порубежных, субъективно-индивидуальных и иных аспектов панорамные процессы синкретизации активизировались и нашли выражение во многих социокультурных сферах жизни сложной историко-культурной формации – восточной русской эмиграции.

Список использованной литературы

Источники на русском языке

1. Алхимик XX века // Гун-Бао. – 7 января 1931 г. – С. 11.
2. Аракин Я. Новый год в Японии и Китае // Гун-Бао. – 1 января 1931 г.
3. Арт. Глаз. Проклятие йога // Рубеж. – 1928. – № 47. – С. 10.
4. Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. – 1937. – № 23 (488). – С. 1–6.
5. Байков Н. В горах и лесах Маньчжурии. – Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрут, 1914. – 464 с.
6. Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. – Харбин, 1934. – 247 с.
7. Байков Н.А. Великий Ван. – Харбин: Изд. «Наука», 1938. – 226 с.
8. Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. – 528 с.
9. Байков Н.А. Корень жизни (Жень-Шень). – Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1926.
10. Байков Н.А. Маньчжурский тигр // Общество изучения Маньчжурского края. Секция естествознания. – Харбин, 1925. – Вып. 1. – 17 с.
11. Байков Н.А. У костра. – Тяньцзинь: Наше знание, 1939. – 244 с.
12. Баранов И.Г. Третья жена воспитывает сына. Китайская пьеса (перевод с китайского) // Вестник Азии. – 1914. – № 23–24. – С. 82–91.
13. Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 22, 24, 26–28.
14. Беррэс. Четвёртая стена / Бэррес // Рубеж. – 1928. – № 15. – С. 10–11.
15. Борис Л. Нездешняя // Рубеж. – 1944. – № 3 (808). – С. 16, 18, 20.
16. Борис Юльский. Зелёный легион: Повесть и рассказы. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – 560 с.
17. Брамин великого духа / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. – 1928. – № 47. – С. 11, 14.

18. Букэн Дж. Роцца Астарты / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. – 1941. – № 9 (682). – С. 15–18.
19. Бэдд У.А. В тупике / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. – 1939. – № 51 (620). – С. 8, 10–11, 14.
20. Волховской Б. Опыт // Рубеж. – 1934. – № 37 (346). – С. 1–2, 4, 6–8.
21. Всероссийская известная хиромантка А.К. ... // Заря. – 1927. – № 175. – С. 4.
22. Гадалка Ахматова гадает на картах и предсказывает судьбу на 1934 год... // Заря. – 1934. – № 2. – С. 7.
23. Гиббс Ф. Ключ жизни // Рубеж. – 1942. – № 41 (765). – С. 18–20, 22–27.
24. Гладкий П. «Китайский театр, его происхождение, историческое развитие и современное состояние» // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 22–35.
25. Горный С. Хиромантия // Рубеж. – 1938. – № 36 (553). – С. 1–4, 6, 8.
26. Гороскоп // Гун-Бао. – 1931.
27. Горшков М. Алтай // Гун-Бао. – 1931.
28. Горшков М. К 25-летнему юбилею литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова // Гун-Бао. – 4 апреля 1931.
29. Де Вере С. Слепая ревность / пер. с англ. Беляева Т. // Рубеж. – 1933. – № 25 (282). – С. 14–18, 20.
30. Денис В. Судьба – по линиям ног!.. Новый способ гадания // Рубеж. – 1938. – № 21 (538). – С. 15.
31. Джемсон Э. Любовный талисман // Рубеж. – 1933. – № 21 (278). – С. 16–18, 20.
32. Диомидов Л. У берлинских масонов. Первые снимки храма «вольных каменщиков» // Рубеж. – 1933. – № 31 (288). – С. 3.
33. Дон-Аминадо. Спиритический сеанс // Заря. – 1931. – № 291. – С. 4.
34. Донбровская Р. Дифамация и суеверие // Гун-Бао. – 20 февраля 1931. – С. 3.
35. Дюкро Ж. Как выглядит Сатана? // Рубеж. – 1933. – № 45 (302). – С. 5.
36. Дюкро Ж.А. Близка «великая кара!»... Ужасы надвигаются на мир... // Рубеж. – 1933. – № 42 (299). – С. 12–13.
37. Заглянем в будущее?.. Новая игра, соединённая с гаданием // Рубеж. – 1935. – № 30 (390). – С. 19.

38. Знаменитый психо-графо-френолог «Диамантис»... // Заря. – 1927. – № 144. – С. 6.
39. Ирви В. Видение // Рубеж. – 1944. – № 4 (809). – С. 15–16.
40. К суду за колдовство! // Заря. – 16 ноября 1930 г.
41. Кадашев В. Истукан над провалом // Рубеж. – 1935. – № 15 (376). – С. 1–2, 4–5, 6, 8.
42. Как дожить до ста лет // Гун-Бао. – 1931.
43. Каленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. – 1928. – № 14. – С. 3–4.
44. Каржевин А. Знаки зодиака мрачны, но... не будем унывать! // Рубеж. – 1934. – № 5 (314). – С. 4–5.
45. Каржевин А. Ясновиденье на службе у правосудия // Рубеж. – 1938. – № 1 (518). – С. 22–23.
46. Кауфман Е.С. 10 лет // Рубеж. – 1938. – № 14 (531). – С. 5–6.
47. Кент А. В четвертом измерении // Рубеж. – 1933. – № 22 (279). – С. 16–20.
48. Керк Р.Г. Люди из страны Нод // Рубеж. – 1934. – № 47 (356). – С. 16–19.
49. Клеменс Ю. Признаки счастья. Проверьте, есть ли они у вас // Рубеж. – 1939. – № 12 (581). – С. 9–10.
50. Клеменс Ю. Сравните ваши почерки раньше свадьбы...Графология предсказывает счастливые и неудачные браки // Рубеж. – 1929. – № 28 (77). – С. 5–6.
51. Клеменс Ю. Хотите стать медиумом? «Спиритический сеанс» – лучшее развлечение на Святках // Рубеж. – 1939. – № 2. – С. 9.
52. Когда родился Христос. Во французском журнале «Месяц» напечатана статья, касающаяся «рождения и смерти Спасителя по астрономическим данным» // Рупор. – 16 января 1935 г. – № 12.
53. Коллинз Д. Кристалл смерти / пер. с англ. Н. Добек // Рубеж. – 1936. – № 21 (434). – С. 14–18, 20.
54. Кряжев В. Легенда о призраке Рудольфа Валентино // Рубеж. – 1928. – № 33. – С. 11.
55. Кряжев В. Что ждёт вас в этом месяце? Предсказания голливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 21–22.

56. Куй Дантин. Кунчэнци // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 36–38.
57. Куй Дантин. Улун юань // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 39–46.
58. Кук О. Белая яхта / пер. с англ. Е. Александрова // Рубеж. – 1937. – № 12 (477). – С. 14–18, 20.
59. Лидин Н. Русская эмиграция на Д.В. // Русские записки. – Париж-Шанхай, 1937. – Ч. 1. – С. 311–321.
60. Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. – 1939. – № 30 (599). – С. 1–4, 6–8, 10.
61. Логинов В. Ба-гуа // Гун-Бао. – 5 апреля 1931 г. – С. 12.
62. Логинов В. Демонология Руси // Гун-Бао. – 1931.
63. Логинов В. Сибирское областничество // Гун-Бао. – 26 февраля 1931 г.
64. Лозанов А. Новый год – по... кофейной гуще // Рупор. – 11 января 1935 г. – С. 5.
65. Луговой А. Седьмая милость богини // Рубеж. – 1938. – № 3 (520). – С. 1–11.
66. Месть фараона / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. – 1928. – № 48. – С. 12, 14.
67. Михайлов П. Лекарка-ворожея // Рубеж. – 1945. – № 10 (851). – С. 6, 10, 12.
68. М-ме В. Сеюу... Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. – 1928. – № 41. – С. 14.
69. Мрачные предсказания мадам Фрейя // Гун-Бао. – 1931.
70. Мэзон А. В двенадцать часов / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. – 1937. – № 1 (466). – С. 22, 24, 26–30.
71. Н.П.В. Предсказания о России на 1935 год у парижских профессоров-прорицателей // Заря. – 1935. – № 14. – С. 2.
72. Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. – 1933. – № 22 (279). – С. 1–2, 4–6, 10–12.
73. Несмелов А. Ламоза // Собрание сочинений. – Владивосток, 2006. – Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. – С. 509–516.
74. Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. – Владивосток: Рубеж, 2006.
75. Нью-Йорк погибнет в 2200 году // Гун-Бао. – 12 апреля 1931 г.

76. Перелешин В. Замок белой женщины // Рубеж. – 1936. – № 20 (433). – С. 4,6, 8–10.
77. Предсказание на 1931 год // Рупор. – 1 января 1931 г. – С. 14.
78. Предсказательница... // Заря. – 1922. – № 262. – С. 3.
79. Приват М. Папа – король Италии?.. Сенсационные предсказания знаменитого астролога по звёздам римского неба // Рубеж. – 1934. – № 23 (332). – С. 3.
80. Приветствия «Рубежу» // Рубеж. – 1938. – № 14 (531). – С. 8–10, 12–13.
81. Протопопов Н.А. Камни живут... // Рубеж. – 1945. – № 8 (849). – С. 10–13.
82. Профессор черной магии (Индия) // Рубеж. – 1934. – № 34 (343). – С. 25.
83. Раевская В. Харбинские колдуны и ведьмы. Знаменитости без имён с Зелёного базара // Заря. – 27 ноября 1938 г. – С. 7.
84. Рамбаев Вл. Тия – Божественная // Рубеж. – 1933. – № 25 (282). – С. 1–2, 4–6, 8.
85. Рамбаев Вл. Домовой: Рассказ о необычайном // Рубеж. – 1939. – № 13. – С. 1, 4, 6–7.
86. Рачинская В. Скрипка Паганини // Рубеж. – 1936. – № 22 (435). – С. 1–3, 6, 8–10.
87. Ренников А. Спиритический случай: Маленький фельетон // Заря. – 1933. – № 133. – С. 2.
88. Россов Ю. Бойтесь ли Вы тринадцатого числа? О предрассудках и суевериях // Рубеж. – 1939. – № 30 (599). – С. 11–12.
89. Русланова Л. «Хороший день – пятница, тринадцатого числа!..». Члены «Клуба Противников Суеверий» не боятся никаких дурных примет // Рубеж. – 1935. – № 22 (383). – С. 6–7.
90. Русско-китайская газета «Гун-Бао» // Возрождение. – 26 дек. 1926 г. – Вып. 2. – № 572. – С. 3.
91. Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. – 1937. – № 8 (473). – С. 1–4, 6–8, 10–11.
92. Савский Г. Что обещает Новый Год?.. Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 9.

93. Савский Гр. Что сулят нам звёзды?... Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. – 1939. – № 1 (570). – С. 9–10.
94. Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. – 1940. – № 25. – С. 10.
95. Сибрэр Г. Богиня... в нижней юбке. Разоблачённые тайны загадочного «вуду» // Рубеж. – 1931. – № 22. – С. 7–8.
96. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. – 1934. – № 47 (17 нояб.). – С. 24–25.
97. С-н И. Феномен или шарлатан? Человек, который буквально видит насквозь // Рубеж. – 1935. – № 30 (390). – С. 7.
98. Талызин М. Свет и тени (что можно ожидать от 1931 года) // Гун-Бао. – 1 января 1931 г. – С. 1–2.
99. Тахада В., де. Забвение / пер. с англ. И. Коссова // Рубеж. – 1940. – № 25 (646). – С. 16, 18, 20.
100. Товненд В. Возвращение моряка / пер. с англ. О. Любимова // Рубеж. – 1937. – № 4 (469). – С. 15–18, 20.
101. Троицкая С. Русский Харбин: Воспоминания. – Брисбен, 1995. – 64 с.
102. Тэффи. Ведун // Заря. – 1931. – № 64. – С. 3.
103. Тэффи. Ведьма // Заря. – 1931. – № 69. – С. 3; № 70. С. 3.
104. Тэффи. Нежить // Заря. – 1931. – № 167. – С. 4.
105. Тэффи. Оборотни // Заря. – 1931. – № 189. – С. 3.
106. Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 336 с.
107. Хейдок А. Огонь у порога. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. – 802 с.
108. Хейдок А. Ночной поезд // Рубеж. – 1934. – № 34 (343). – С. 1–2, 4, 8.
109. Хелтлей Р. Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло // Рубеж. – 1928. – № 29. – С. 1–3.
110. Хелтлей Р. Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. – 1928. – № 41. – С. 14.
111. Хиромантка А.И. Банасевич... // Заря. – 1930. – № 315. – С. 12.
112. Хиромантка Д.Г. Фортуянова... // Заря. – 1930. – № 315. – С. 12.

113. Хиромантка-окультистка. Друг тоскующих // Рубеж. – 1934. – № 43 (352). – С. 8.
114. Хиромант-окультист М. Тарновский... // Заря. – 1929. – № 5. – С. 16.
115. Хэнсом М. Башня монахов / пер. с англ. А. Тушканова // Рубеж. – 1939. – № 22 (591). – С. 17–20.
116. Целитель душ // Рубеж. – 1928. – № 8. – С. 3.
117. Что Вам готовит судьба... // Рупор. – 1 января 1935 г. – С. 19.
118. Что ждёт Россию в 1935 году? Шесть парижских астрологов и гадалок о будущем нашей Родины // Рупор. – 1935. – № 14. – С. 2.
119. Шахматов С.Г. Оборотень // Рубеж. – 1945. – № 4 (845). – С. 8–13.
120. Шкуркин П.В. «Лоло». Старое и новое об инородцах юго-западного Китая // Вестник Азии. – Харбин, 1915. – № 34. – Кн. 2. – С. 72–163.
121. Шкуркин П.В. Белая Змея: Кит. легенда. – Хабаровск, 1910.
122. Шкуркин П.В. Богиня луны и лунный заяц // Вестник Азии. – 1924. – № 42. – С. 352–361.
123. Шкуркин П.В. Груша // Вестник Азии. – 1914. – № 31–32. – С. 36–41.
124. Шкуркин П.В. Игроки: Китайская быль. – Харбин: Типолитограф. Л.М. Абрамовича, 1926. – 121 с.
125. Шкуркин П.В. Китайские легенды. – Харбин: Типо-Литография т-ва «ОЗО», 1921. – 161 с.
126. Шкуркин П.В. Китайские сказки. – Харбин, 1923.
127. Шкуркин П.В. Корейские сказки. – Шанхай, 1941.
128. Шкуркин П.В. Легенды Востока. – Харбин, 1922.
129. Шкуркин П.В. Легенды из истории Китая. – Харбин, 1922.
130. Шкуркин П.В. Лисицы // Вестник Азии. – 1915. – № 35–36. – С. 69–84.
131. Шкуркин П.В. Лоло (Старое и новое об инородцах юго-западного Китая) // Вестник Азии. – Харбин, 1913. – № 16–17. – С. 59–98.
132. Шкуркин П.В. Ло-ло. Инородцы Юго-Западного Китая. – Харбин, 1916.
133. Шкуркин П.В. Ло-ло: китайская легенда / Пер. с кит. – Хабаровск, 1910.
134. Шкуркин П.В. Одеяло // Вестник Азии. – 1917. – № 41. – С. 48–52.

135. Шкуркин П.В. Очерки даосизма. I–III. – Харбин, 1926.
136. Шкуркин П.В. По Востоку. В 2 ч. – Харбин, 1912.
137. Шкуркин П.В. Портрет // Вестник Азии. – 1917. – № 41. – С. 1–21.
138. Шкуркин П.В. Хунхузы / Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. – 215 с.
139. Шкуркин П.В. Хунхузы: (Этногр. рассказы) // Изв. ОИМК. – 1924. – № 4. – С. 36–57.
140. Шмидт М. Черная магия для всех... Пифии и астрологи на подмостках мон-мартрских кафе // Рубеж. – 1937. – № 1 (466). – С. 17.
141. Шмидт М. Ясновиденье через руки // Рубеж. – 1928. – № 38. – С. 11.
142. Щербаков Михаил. Одиссей без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.
143. Эм А. Ужасное открытие // Рубеж. – 1928. – № 9. – С. 5–6.
144. Юльский Б. Катастрофа // Рубеж. – 1934. – № 43 (346). – С. 1–3, 6, 8, 10.
145. Яворский С. Дети, видевшие Богоматерь // Рубеж. – 1933. – № 20 (277). – С. 5.
146. Яворский С. Жертвы ужасного психоза. Вера в ведьм стоила миллионов жизней // Рубеж. – 1945. – № 3 (844). – С. 8–9.
147. Ясновидящие обещают в новом году крупные события // Заря. – 1934. – № 1. – С. 17.

Литература на русском языке

148. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 430 с.
149. Авилова А. Иной выбор [Электронный ресурс] // Либеральная религия. – URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/9241.html> (дата обращения: 10.02.2018).
150. Авилова А. О «Нью-Эйдж» – «Новом веке» [Электронный ресурс] // Либеральная религия. – URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/8266.html> (дата обращения: 10.02.2018).

151. Авилова А. Оказалось ли «безрелигиозное христианство» несостоятельным или оно ещё не состоялось? [Электронный ресурс] // Центр Востока и Запада. – URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/2828> (дата обращения: 10.02.2018).
152. Авилова А. Религиозные индивидуалы // Алла Авилова. – Офиц. сайт. – URL: http://russian.avilova.com/index.php?option=com_content&view=article&id=59:artikel-en&catid=48:artikelen&Itemid=66 (дата обращения: 10.02.2018).
153. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Терра.Спорт, 1998. – 544 с.
154. Айвазов Н.Г. Христовщина. Материал для исследования русских мистических сект (в 2-х т.). – Петроград, 1915.
155. Айсин К. Выдуманые божества [Электронный ресурс] // НГ Религии. – URL: http://religion.ng.ru/art/2009-02-04/7_lukianenko.html (дата обращения: 06.02.2016).
156. Акаев В.Х., Дохаева А.Б. Культурный синкретизм: о противоречивом единстве религиозного и светского аспектов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 26–30.
157. Акаев В.Х., Дохаева А.Б., Мамадиева М.Х. Синкретизм в культуре: противоречивое единство религиозного и светского аспектов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2014. – № 2 (23). – С. 65–70.
158. Акопов Г.В. Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. – Самара: Издательство ВЕК21, 2013. – 175 с.
159. Андреева О.С. Родовой синкретизм как проявление синкретичности авторского сознания в художественной литературе [Электронный ресурс] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – № 12 (31). – URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxxi/36004>.
160. Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян: в 2 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903–1905.
161. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.

162. Анучин В.Г. Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 336 с.
163. Апинян Т.А. Тоска по мифу или миф как событие современности // Философские науки. – № 11. – С. 73–83.
164. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та; Онеон, 2016. – 480 с.
165. Аринин Е.И. Эзотеризм, дименсионализм, конфессиоцентризм и религиозная идентичность // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (3–5 декабря 2009 г., г. Владимир) / Ред. С.В. Пахомов. – Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма (АИЭМ). – СПб.: РХГА, 2010. – С. 15–22.
166. Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры: авт. дисс. ... канд. фи-лос. наук [Электронный ресурс]. – 09.00.13: Религиоведение, философская антропология, философия культуры по философским наукам. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2005. – URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d/#?page=1> (дата обращения: 06.02.2016).
167. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 272 с.
168. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1994. – Т. 1–3.
169. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / Сост., подготовка текста, статья, коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – 640 с.
170. Бабаева А.В. Миф в пространстве повседневности [Электронный ресурс] // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества. – Вып. 8. – 2001. – С. 300. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/babaeva/misl8_62.html (дата обращения: 10.02.2018).

171. Бабкина Е.С. Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) на страницах периодической печати для детей и молодёжи русского зарубежья Дальнего Востока // Культура и наука Дальнего Востока. – 2016. – № 2 (20). – С. 72–75.
172. Бадмаев А.А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 255–263.
173. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 238 с.
174. Бандеров И.И, Бик-Булатов А.Ш. Концепция духовного синкретизма // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (156). – С. 37–42.
175. Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и обрядовой практике: авт. дисс. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / 07.00.07: Этнография, этнология и антропология. – Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2008. – URL: <http://cheloveknauka.com/v/270501/a/#?page=1> (дата обращения: 10.10.2016).
176. Белозубова Н.И. Опыт рецепции восточной философии в прозе А. Хейдока (на материале сборника рассказов «Звёзды Маньчжурии» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 5. – С. 325–329.
177. Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. Философия. Социология. Право. Психология. Педагогика. Брест. – 2008. – № 4. – С. 45–52.
178. Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. – 1989. – № 1. – С. 91–100.
179. Беспалова Т.В. Концепция религиозно-политического синкретизма: философско-методологический анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – Т. 7. – № 3(35). – С. 136–140.
180. Библик Е.Е. Человек дальневосточного фронта: В. Янковский («Нэнуни». Дальневосточная одиссея) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.

Исторический опыт взаимодействия культур. – Вып. 11. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 205–211.

181. Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 – Всеобщая история (История Древней Греции и Рима). – СПбГУ. – СПб., 1998. – 256 с.

182. Богораз-Тан В.Г. Христианство в свете этнографии. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 160 с.

183. Боков Г.Е. Кризис веры: утрата сакрального // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь». – СПб., 2001. – С. 37–39.

184. Борисова Л.В. Персональный миф в индексально-знаковой картине мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://mythrevol.narod.ru/Borisova.html> (дата обращения: 10.03.2019).

185. Будкевич Т.И. Обзор русских сект и толков. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. – 607 с.

186. Бузуев О.А. Китай в творчестве В. Перелешина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 5. – С. 302–308.

187. Бузуев О.А. Поэзия Арсения Несмелова: Монография. – Комсомольск-на-Амуре, 2004. – 116 с.

188. Бузуев О.А. Творчество Валерия Перелешина: Монография. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КНАГПУ, 2003. – 121 с.

189. Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. – М.: Высш. шк., 2003. – 400 с.

190. Бушнелл Д. Перу. От ранних охотников до империи инков. – М.: Центрполиграф, 2003. – 192 с.

191. Василенко Н.А. Об основных этапах миграционного движения из России в Китай в дооктябрьский период (по материалам китайских публикаций) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 5. – С. 229–236.

192. Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: КДУ, 2006. – 704 с.

193. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
194. Васильева Г.М. История европейской ментальности: учеб. пос. – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – 228 с.
195. Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Этнографическое обозрение. – 1989. – № 3. – С. 39–48.
196. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь, М., 1997. – 480 с.
197. Веселовский А.Н. Избранное: Критические статьи и заметки / Сост. Т.В. Говенько. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 496 с.
198. Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. – 373 с.
199. Ветухов А. Заговоры, заклинания. Обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1907. – 126 с.
200. Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 526.
201. Визгин В.П. Ментальность, менталитет // Современная западная философия: Словарь / Сост.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 176–178.
202. Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: (по старинным рукописям и современным записям) // Живая старина. – 1907. – Вып. 1. – С. 1–56.
203. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
204. Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мирозрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 35–49.
205. Вовченко В.А. Мистицизм, эзотеризм и оккультизм в духовной эволюции человечества // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (3–5 декабря 2009 г., г. Владимир) / Ред. С.В. Пахомов. –

Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма (АИЭМ). – СПб.: РХГА, 2010. – С. 33–46.

206. Воеводина Л.Н. Мифотворчество в XX столетии [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический журнал «Факт». – 2001. – № 9. – URL: <http://www.fact.ru/www/arhiv9s4.htm> (дата обращения: 10.10.2016).

207. Волков Н.Н. Секта скопцов / Под ред. и с пред. Н.М. Маторина. – Л.: ОГИЗ-Прибой, 1931. – 168 с.

208. Гаврилова Ю.В. Внешнее естественное как фактор формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 4 (24). – С. 50–54.

209. Гаврилова Ю.В. Особенности исторических форм религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 73–80.

210. Гаврилова Ю.В. Причины формирования религиозных синкретических систем // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2015. – № 6. – С. 14–18.

211. Гаврилова Ю.В. Структура факторов формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 22. – С. 168–173.

212. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. – М.: Мысль, 1990. – 407 с.

213. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: в 2-х т. – Харьков, М., 1913–1916.

214. Гартунг Т.С. Воспоминания детства // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сб. науч. труд. / ред. кол.: А.М. Бужков, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. – Владивосток, 2018. – С. 18–30.

215. Гёзалян И.Г. Трансформация религиозности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 1 (101). – С. 152–157.

216. Гобозова В.И. Религиозный синкретизм в истории духовной культуры Осетии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. – М., 1996.

217. Головин С.А. Итоги начального этапа деятельности русской духовной миссии в Китае в XVIII – начале XIX столетий (1715/16–1807) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2013. – С. 22–33.

218. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. – М., 1901. – Т. 1.

219. Горбенко А.Ю., Дёмина Е.В. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2015. – Вып. 4 (169). – С. 15–22.
220. Гришаева Е.И., Фархитдинова О.М., Хазиев Г.П. От секулярного к постсекулярному: эклектичность религиозного сознания верующих в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 143–152.
221. Гудошникова О.Ю. Развитие родовой человеческой универсальности и художественной культуры: от первобытного синкретизма к синкретизму «постмодерна» [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097> (дата обращения: 10.05.2019).
222. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.; СПб., 2014. – 432 с.
223. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – 350 с.
224. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – С. 75–89.
225. Гуревич А.Я., Шульман В.И. Ментальность, менталитет // Культурология XX в. Энциклопедия. – М., 2007. – Т. 1.
226. Гуревич П. С. Социальная мифология. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.
227. Гусев И.В. Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР: на примере секты «Фалуныгун»: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 Социология культуры; Моск. гос. технол. ун-т «Станкин». – М., 2004. – 21 с.
228. Данненберг А.Н. Религии переходного типа (на материале афро-кубинского религиозного синкретизма) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 3–4. – С. 34.
229. Де Бросс Ш. О фетишизме [Сб.]. – М.: Мысль, 1973. – 208 с.

230. Деревянко А.П. Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2011. – № 3(47). – С. 3–31.
231. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. – М.: Академический проект, 2017. – 416 с.
232. Диббук [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <http://eleven.co.il/judaism/mystic-kabbalah-magic/11427/> (дата обращения: 04.03.2018).
233. Дмитриев Ю.А. Мнемотехника // Большая советская энциклопедия. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/234.htm> (дата обращения: 20.12.2020).
234. Додонов Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах: Монография. – Запорожье: Тандем-У, 1999. – 264 с.
235. Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. – М.: Издательство Духовной Литературы; Сфера, 2001. – 576 с.
236. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
237. Дябкин И.А. Культурные традиции китайцев в восприятии дальневосточного писателя-эмигранта: Повесть П.А. Северного «Фарфоровый китаец качает головой» // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 6. – С. 161–166.
238. Дябкин И.А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья): дис. ... канд. филос. наук. – 09.00.14. – Благовещенск, 2014. – 186 с.
239. Дябкин И.А. Неомифологические трансформации образа разбойника в художественной этнографии Русского Харбина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2012. – Вып. 9. – С. 240–248.
240. Дябкин И.А. Религиозные коннотации образов Китая и китайцев в дальневосточном фольклоре // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 172–183.

241. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. – М.: Индрик, 1994. – 272 с.
242. Елькина Е.Е., Стерледев Р.К. Трансфизическое видение мира и человека в новых моделях познания реальности [Электронный ресурс] // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». – Выпуск № 8. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/elkina/mis18_54.html (дата обращения: 06.05.2019).
243. Емелькина И.В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2011. – 52 с.
244. Емелькина И.В. Социально-деятельностная роль российского менталитета: монография. – Саранск: Вектор – Принт, 2010. – 197 с.
245. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. – М., 2010. – 280 с.
246. Ефименко П.С. О Яриле, языческом божестве русских славян. – СПб.: Тип. Майкова, 1868. – 36 с.
247. Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М., 2002. – С. 306–316.
248. Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Philologia slavica*. – М., 1993. – С. 50–60.
249. Жуков А.В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 129–136.
250. Жуков А.В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 27–33.
251. Забияко А.А. «Живая муза с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) //

Мост через Амур. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 7. – С. 298–312.

252. Забияко А.А. «Фронтальная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XXв.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Вып. 9. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – С. 119–140.

253. Забияко А.А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. – Благовещенск: Изд-во -во Амурского гос. ун-та, 2012. – С. 336–346.

254. Забияко А.А. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия. В 4 т. / сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – Т. 1. Проза. В 3 ч. – Ч. 1. (А–К). – 370 с.

255. Забияко А.А. М.В. Щербаков: человек Дальневосточного фронта в поиске корня жизни // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 111–117.

256. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2016. – 437 с.

257. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 154–169.

258. Забияко А.А. Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 91–102.

259. Забияко А.А. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 160–175.

260. Забияко А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на

дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 186–196.

261. Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск, 2014. – С. 270–290.

262. Забияко А.А., Дябкин И.А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. – Пенза-Прага: Сфера, 2011. – С. 170–181.

263. Забияко А.А., Дябкин И.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–156.

264. Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трехречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 160–172.

265. Забияко А.А., Забияко А.П. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трёхречья) // Emigrantologia Słowian. – 2015. – Vol. 1. – S. 13–25.

266. Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В. Народное православие русских Трёхречья // Религиоведение. – 2016. – № 3. – С. 121–136.

267. Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – № 17. – С. 109–125.

268. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.

269. Забияко А.А., Забияко А.П., Чжан Ж. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – Вып. 5. – С. 135–151.

270. Забияко А.А., Зиненко Я.В., Конталева Е.А., Цмыкал О.Е. «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан // *Emigrantologia Słowian.* – Vol. 4. – 2018. – С. 15–28.
271. Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* – 2014. – № 4 (30). – С. 150–165.
272. Забияко А.А., Цмыкал О.Е. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации // *Религиоведение.* – 2018. – № 4. – С. 131–144.
273. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
274. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 351 с.
275. Забияко А.П. Диаспоры как фактор цивилизационных взаимодействий // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур.* – Благовещенск, 2015. – Вып. 11. – С. 9–21.
276. Забияко А.П. Квазирелигии: сущность и типология (современные методологические подходы) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* – 2008. – № 3. – С. 84–91.
277. Забияко А.П. «Порубежье» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко.* – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. – Вып. 9. – С. 5–23.
278. Забияко А.П., Кравчук Л.А. Синкретические религиозные учения: история и современность // *Вестник АмГУ.* – 2002. – Вып.: Межвуз. науч. сотрудничество. – С. 34–36.
279. Забияко А.П. Синкретизм религиозный // *Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян.* – М.: Академический проект, 2006. – С. 984.

280. Забияко А.П. Народная религия // Религиоведение: энцикл. слов. / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 672–667.
281. Забияко А.П. Начала древнерусской культуры: учеб. для 9–11 кл. сред. общеобраз. шк.: рек. Моск. ком. образования. – М.: Пайдейя.: Московские учебники, 2002. – 479 с.
282. Забияко А.П. Русские и китайцы: перспектива рецепции китайских верований // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в XXI веке: тез. докл. XII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир»: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2001. – С. 85–88.
283. Забияко А.П. Одержимости состояние // Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 718–719.
284. Забияко А.П. Язычество: от религии крестьян до кибер-религии: Средневековая христианизация язычества и паганизация христианства: русский опыт: (ст. 2) // Религиоведение. – 2006. – № 1. – С. 69–80.
285. Забияко А.П., Черкасов А.Н. Православие на Амуре в XVII веке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 259–271.
286. Забияко А.П. Ремифологизация // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. – С. 1073–1074.
287. Забияко А.П. Синкретизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 984.
288. Забияко А.П., Беляков А.Е., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И. Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурский госуниверситет, 2016. – 166 с., илл.

289. Забияко А.П., Воронкова Е.А., Лапин А.В. [и др.]. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 208 с.
290. Забияко А.П., Забияко А.А. Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья // Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 148–165.
291. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские в Трёхречье: частные истории формирования маргинальной этничности (Иван Васильев) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал; кор.: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. – С. 196–211.
292. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
293. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. – Благовещенск, 2012. – 383 с.
294. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2009. – 412 с.
295. Забияко А.П., Конталева Е.А. Православие // Народы и религии Приамурья. – Благовещенск, 2017. – С. 244–281.
296. Забияко А.П., Конталева Е.А. Русские // Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. – С. 60–78.
297. Забияко А.А., Цмыкал О.Е. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 45–55.
298. Завадская Е.А. Синкретические тенденции в современном сибирском шаманизме: интервью с шаманкой Светланой Ворониной // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 148–161.

299. Загороднова (Емелькина), И.В., Мочалов Е.В. Российский менталитет в социально-философском и историко-культурном осмыслении: монография. – Саранск: Красный Октябрь, 2008. – 180 с.
300. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
301. Зёдерблом Н. Становление веры в бога // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология*. – Т. 2. – М.: Канон+, 1998. – С. 262–313.
302. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 501 с.
303. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
304. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.
305. Зельницкий А.Д. Китайский «религиозный синкретизм». – СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2008. – 139 с.
306. Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – СПб., 2005. – 146 с.
307. Землянская К.А. Мистика и магия в русском Харбине 1920–1940-х гг. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. / под ред.: А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Ван Цзяньлин, на англ. О.Е. Пышняк*. – Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. – С. 323–335.
308. Земцов Б.Н. Идеология и ментальность дореволюционной российской интеллигенции // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 3. – С. 75–84.
309. Зиненко Я.В., Цзюй Куньи. «Мы жили в Харбине как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур*. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С. 363–371.
310. Иванов В.В. Змей // *Мифы народов мира: энциклопедия*. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. А–К. – С. 468–471.

311. Иванова И.И. Двоеверие // Энциклопедия религий. – М., 2008. – С. 353–354.
312. Иващенко Е.Г. «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. ст. / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2006. – С. 102–124.
313. Исакова Н.В., Ембулаева Л.С. К вопросу о традиции мистицизма в России [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. – 2017. – № 134(10). – С. 4. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).
314. Кабо В.Р. Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности. – Канберра: Ал-черинга, 2002.
315. Кабо В.Р. Природа и первобытное сознание // Природа. – 1981. – № 8. – С. 88–95.
316. Кабо В.Р. Синкретизм первобытного искусства (По материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 275–299.
317. Каган М.С. И вновь о сущности человека [Электронный ресурс] // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. – Сб. статей. – Вып I. – СПб: «Петрополис», 2001. – С. 48–67. – URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/essence.html> (дата обращения: 02.10.2018).
318. Каган М.С. Морфология искусства. – М.: Искусство, 1972. – 440 с.
319. Капран И.К. Условия жизни русских харбинцев в 1930–1940-е гг. // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. – Харбин-Владивосток, 2019. – С. 68–73.
320. Капустин Н.С. Особенности эволюции религий (на материалах древних верований и христианства). – М.: Мысль, 1984. – 222 с.
321. Каргина И.Г. Новые религиозности: социологические рефлексии // Вестник МГИМО. Социология. – 2012. – № 2. – С. 186–193.
322. Катерный И.В. На пути к новой религиозной картине мира [Электронный ресурс] // Философия XX века: школы и концепции: Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 100–102. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/katerny_iv/phillife2000_036.html (дата обращения: 12.08.2017).

323. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций: моногр. / А.П. Забияко [и др.]. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. – 208 с.
324. Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: повесть; Чёрный капитан: роман. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. – С. 9–52.
325. Кириллова Е.О. Восточные темы, мотивы, образы в творчестве поэта и прозаика русской дальневосточной эмиграции Михаила Щербакова // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы: Сб. науч. труд. по мат. Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета (Тайвань) и Дальневосточного федерального университета (Владивосток) 4–7 декабря 2014 года. – Тайвань: Издательство факультета русского языка и литературы ТКУ, 2015. – С. 11–31.
326. Кириллова Е.О. Межкультурные взаимодействия в литературе русской дальневосточной эмиграции: ориентальная мифология Бориса Юльского // Россия и АТР. – 2017. – № 3 (97). – С. 146–158.
327. Кириллова Е.О. Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 70–74.
328. Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов): монография. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – 276 с.
329. Кириллова Е.О. Переплетение культурных пространств Востока и Запада в творчестве писателя русского зарубежья Б. Юльского // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5 (74). – 169 с. – С. 81–89.
330. Кириллова Е.О. Репрезентация сакральных китайских и тунгусо-маньчжурских образов животных и растений в творчестве русского писателя-эмигранта Б. Юльского // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы:

- Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 17 / под ред. Ли Си-мэй, Андриенко Е.В. – Тайбэй, 2016. – С. 135–158.
331. Кириллова Е.О. Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н.А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – 156 с. – С. 92–98.
332. Кириллова Е.О. Японские образы в творчестве дальневосточных писателей. Рассказ М.В. Щербакова «Иринари» // Материалы XXXIII Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). 31 августа – 1 сентября 2017 г., Владивосток. Сборник статей / отв. ред. Ларин В.Л., В. Удзимото, В.В. Кожевников. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 78–88.
333. Киселев Г.С. Новая религиозность как проблема сознания [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gskiselev.com/Articles/article05_Novaja%20religioznost.html (дата обращения: 12.08.2017).
334. Киселев Г.С. Современный мир и новое религиозное сознание [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gskiselev.com/Articles/article10_Sovremennyi%20mir.html (дата обращения: 12.08.2017).
335. Кислицын К.К. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 274–277.
336. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 3-х т. – М., 1908–1916.
337. Князева К. Радужный храм на Нанкинской улице // Магазета. – URL: <https://magazeta.com/arc-rainbow-temple/> (дата обращения: 02.09.2020).
338. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. – М.: Высш. школа, 2008. – 400 с.
339. Козина Т.Н. Русская ментальность: архетипический подход // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 3(11). – С. 9–12.
340. Козлов А.С. Миф и его современные интерпретации // Вісник СевНТУ. – Вип. 102: Філологія: зб. наук. пр. – Севастополь: Вид-во СевНТУ, 2010. – С. 44–48.
341. Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Запад, Россия, Восток в геополитической эссеистике Э.Э. Ухтомского // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розен-

- берга. Труды участников научной конференции. – СПб.: Издательство А. Голода, 2012. – С. 206–220.
342. Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Россия и Восток в протоевразийстве Э.Э. Ухтомского: монография. – М.: Изд-во «КноРус», 2021. – 278 с.
343. Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э. Ухтомский // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. – СПб., 2011. – С. 156–167.
344. Колесников А.С. Методология компаративистского изучения философии и культуры Востока // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2008. – Т. 9. – № 1. – С. 19–29.
345. Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток-Запад: Учеб. пос. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 390 с.
346. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
347. Колесов В.В. Русская ментальность на фоне западноевропейской // Образ мира в зеркале языка. – 2014. – Вып. 1. – С. 5–16.
348. Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза // Богословский вестник. – 1907–1908. – Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. – 256 с.
349. Кононенко А.А. Персонажи славянской мифологии. – К.: «Корсар», 1993. – 208 с.
350. Конталева Е.А. Историография изучения религиозного синкретизма: отечественные и зарубежные подходы // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2017.
351. Конталева Е.А. Китайская мифология в творчестве русского писателя-эмигранта Б.М. Юльского // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26 мая 2021 года) / М-во культуры Рос. Федерации, Краснодар. гос. ин-т культуры; ред. кол.: С.С. Зенгин, Н.А. Гангур, Н.Г. Денисов [и

др.]. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. – С. 99–104.

352. Конталева Е.А. Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») // Религиоведение. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2018. – № 2. – С. 140–153.

353. Конталева Е.А. Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на англ.: О.Е. Цмыкал, на кит.: Ван Цзюньчжэн, Чжан Жуйян, Чжоу Синьюй и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – С. 402–409.

354. Конталева Е.А. Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина) // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 45–54.

355. Конталева Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. – 2017. – № 2. – С. 62–78.

356. Конталева Е.А. Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. – Владивосток, 2019. – С. 306–317.

357. Конталева Е.А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 43–66.

358. Конталева Е.А. Синкретизм и идентитаризм движения ихэтуаней // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Вып. 12 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал; корректура: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. – С. 294–306.

359. Конталева Е.А. Этнографические изыскания П.В. Шкуркина: религиозные и культовые особенности культуры инородческих племён Китая // Религиоведение. – 2020. – № 4. – С. 83–94.

360. Конталева Е.А. Особенности религиозности в эпоху постмодернизма // Сборник материалов Российской национальной научной конференции «Современные проблемы науки», 22 декабря 2017 г., АмГУ, Благовещенск. – С. 114–116.
361. Косарева А.Б. Психологические механизмы культуры [Электронный ресурс] // *Studia culturae*. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 135–146. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kosareva/studia01_09.html (дата обращения: 15.06.2017).
362. Костина А.Г. Логоцентризм в русской ментальности: к вопросу о значении слова в русской культуре // *Записки Горного института*. – 2006. – № 1. – С. 269–271.
363. Кравченко В.В. Мистицизм в русской духовной культуре XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.06. – СПб., 1998. – 381 с.
364. Кравчук Л.А. Синкретические религиозные учения: история и современность // *Религиоведение*. – 2002. – № 4. – С. 141–145.
365. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. – 352 с.
366. Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 632 с.
367. Криничная Н.А. Посвящение в колдуны: Историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // *Этнографическое обозрение*. – 2002. – № 2. – С. 10–23.
368. Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. – 1008 с.
369. Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов / Под ред. А.И. Клибанова. – М., 1974.
370. Кротова М.В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // *Новый исторический вестник*. – 2013. – № 35. – С. 33–47.

371. Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. – 2012. – № 32. – С. 66–83.
372. Крыжанская К.А. Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // Лосевские чтения-2010. Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. – 2010. – С. 42–54.
373. Крыжанская К.А. Мистическое начало в прозе харбинских писателей // Вестник АмГУ. – Вып. 42. – Благовещенск, 2008. – С. 99–101.
374. Крыжанская К.А. Мультирелигиозный характер художественного пространства сборника А.П. Хейдока «Звёзды Маньчжурии» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – Вып. 8. – С. 241–248.
375. Крыжанская К.А. Теософия и Агни йога в творчестве А.П. Хейдока как форма этнокультурной самоидентификации // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – Вып. 8. – С. 393–403.
376. Крыжанская К.А. Теософские искания в харбинской культуре // Русский Харбин, запечатленный в слове. – Вып. 3. – Литературоведческая россика: Сборник научных статей, посвящённый 95-летию Л. Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – С. 42–47.
377. Крюков М.В. Ицзу // Народы и религии мира / Глав. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 203.
378. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1974. – 355 с.

379. Кунц Дж.Ф. Драгоценные камни в мифах и легендах. – М.: Центрполиграф, 2008. – 320 с.
380. Куприенко С.А. Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма. – К.: Видавець Купрієнко С.А., 2013. – 418 с.
381. Курто О.И. Российская историография русского присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 1. – С. 301–308.
382. Курто О.И. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. – М.: Наука, 2013. – 375 с.
383. Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. – 576 с.
384. Кыржелев А. Религия в современном мире: итоги века [Электронный ресурс] // Центр Востока и Запада. – URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/1553> (дата обращения: 17.09.2017).
385. Ладыгина О.М. Культура мифа [Электронный ресурс]. – М: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2000. – URL: <http://www.monsalvat.globalfolio.net/rus/dominator/arthur/ladigina/ladigina01.php> (дата обращения: 17.09.2017).
386. Латышев Д.М. Религиозный синкретизм: основные условия и причины возникновения // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы: Сборник научных статей. – Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2016. – С. 299–303.
387. Леви-Брюль Л. Мистический опыт и символы первобытных людей // Религиоведение. Хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 633–656.
388. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
389. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / Пер. А.Н. Топорков, З.Н. Исидорова. – М.: Индрик, 2004. – 216 с.
390. Левинская И.А. Синкретизм: термин и феномен // Страницы: богословие, культура, образование. – 1998. – № 3(4). – С. 558–567.
391. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
392. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Вост. лит-ра, 1995. – 536 с.

393. Лешошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. – Хабаровск, 2003. – 176 с.
394. Левченко А.А., Забияко А.А. Этнические миграции и социокультурные реалии Северной Маньчжурии в первой половине XX в. (В. Март. Цикл «Жёлтые рабыни») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С. 337–351.
395. Лемешко Л.Г. Религиозный синкретизм как одна из закономерностей исторического развития религии (на материалах религиозных верований осетин) // Научный атеизм, этика, эстетика. Программа и краткое содержание докладов. 13–28 апреля 1971 г. – Л.: ЛГУ, 1971. – С. 29–40.
396. Лемешко Л.Г. Теоретический и научно-практический аспекты религиозного синкретизма (на материалах Северо-Осетинской АССР). – Л., 1974.
397. Ли Иннань. Китайцы и природа: о некоторых особенностях китайской ментальности // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. – С. 39–51.
398. Ли Яньлин. О литературе русской эмиграции в Китае // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Харбин-Владивосток. – 2019. – С. 12–15.
399. Лидин Н. Русская эмиграция на Д.В. // Русские записки. – Париж-Шанхай, 1937. – Ч. 1. – С. 311–321.
400. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / сост. Ли Янлен. – Пекин: Китайская молодёжь, 2005.
401. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 468 с.
402. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 962 с.
403. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: «Искусство-СПБ», 1996. – 848 с.
404. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1979. – 387 с.
405. Лэнг Э. Становление религии // Религиоведение. Хрестоматия / Под ред. А.Н. Красникова. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 373–405.

406. Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Книжные свидетели былых времён (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, ДВГНБ, 2017. – С. 437–445.
407. Магомедова Э.А., Юсупов Ю.Г. Проблема ментальности в гуманитарном знании: основные подходы // Юг России: экология, развитие. – 2011. – № 1. – С. 25–30.
408. Максимов С.В. Крестная, неведомая и нечистая сила. – СПб., 1903. – 526 с.
409. Малахов В.С. Постмодернизм // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001. – С. 444.
410. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: «Рефл-бук», 1998. – 304 с.
411. Маторин Н., Невский А. Программа для изучения «православного язычества» (религиозный синкретизм среди принявших православие народов СССР «двоеверие») // Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. – СПб., 2016. – С. 253–272.
412. Маторин Н., Невский А. Программа для изучения бытового православия. – Л., 1930.
413. Маторин Н.М. Женское божество в православном культе. Пятница-богородица. Очерк по сравнительной мифологии. – М., 1931.
414. Маторин Н.М. К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма // Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. – СПб.: «Наука», 2016. – 367 с.
415. Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. – М.: Акц. изд. о-во «Безбожник», 1929. – 174 с.
416. Махова М.Н. Некоторые философско-мировоззренческие основания современного религиозного сознания // Царскосельские чтения. – 2012. – № XVI. – Т. III. – С. 217–222.
417. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Вост. лит-ра, 2000. – 407 с.
418. Мелихов Г.В. Белый Харбин. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
419. Ментальность и изменяющийся мир: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с.

420. Михельсон О.К. Синкретические религии [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3664464 (дата обращения: 19.10.2017).
421. Можейко Л.Н. Новое религиозное сознание в социокультурном контексте трансформирующегося общества: автореф. дис... канд. филос. наук: 24.00.01. – Гродно: Гродненский гос. ун-т, 2004. – 21 с.
422. Мой Харбин [Электронный ресурс]. – URL: <http://myharbin.name/> (дата обращения: 16.11.2020).
423. Мокшин Н.Ф. Религиозный синкретизм у мордвы // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 49–57.
424. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 3–14.
425. Мудрова И.А. Словарь славянской мифологии. – М.: Центрполиграф, 2009. – 240 с.
426. Несмиянова О.В., Семанов А.М. Квазирелигиозность // Религиоведение: энцикл. словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 515–516.
427. Никитина Е.А. Экзистенциальные противоречия времён информационного общества [Электронный ресурс] // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. – Вып. 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – С. 364–367. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/nikitina_ea/postsoviet_40.html (дата обращения: 10.10.2016).
428. Носачев П.Г. Оккультизм и романтизм как две формы «секуляризованного эзотеризма» XIX – начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (33). – С. 204–227.
429. Овсиенко Ф.Г. Теософия // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. – С. 1256–1257.
430. Омарова З.У. Трансформация религиозного сознания: современный аспект [Электронный ресурс]. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_185.html (дата обращения: 24.09.2018).

431. Ополев П.В. Сложность как предмет религиозного сознания // Вестн. Ом. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 157–159.
432. Осокин Р.Ю. К вопросу об онтологии индивидуального [Электронный ресурс] // Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ. – СПб., 1998. – С. 99–110. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/osokin/metares06_05.html (дата обращения: 27.09.2016).
433. От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. Сборник статей / Под ред. Е.В. Дукова, Н.И. Кузнецовой. – М.: Идея-Пресс, 1998. – 400 с.
434. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 2008. – 272 с.
435. Панкратова Е.В. Религиозность и религиозная самоидентификация [Электронный ресурс]. – URL: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (дата обращения: 27.09.2016).
436. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
437. Папазян А.А. Самаэль // Мифы народов мира: в 2-х т. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. К–Я. – С. 397–398.
438. Парцвания В.В. Современная глобализация и разотчуждение человека [Электронный ресурс] // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. – Выпуск 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 246–260. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/parzv/georgia_22.html (дата обращения: 26.09.2016).
439. Пахомов С.В. Мартинизм // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. – С. 781–782.
440. Педро Ю.В. Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 293–296.

441. Пелевина О.В. Русские в Китае в начале XX в. в описаниях авторов журнала русского зарубежья «Китайский благовестник» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. – Благовещенск, 2018. – Вып. 12. – С. 132–139.
442. Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук; 09.00.13. – Омск, 2014. – 40 С.
443. Петрухин В.Я. Боги и бесы русского средневековья: род и рожаницы и проблема древнерусского двоеверия. Славянский и балканский фольклор // Народная демонология. – М., 2000. – С. 315–343.
444. Петрухин В.Я. Древнерусское двоеверие: понятие и феномен // Славяноведение. 1996. – № 1. – С. 44–47.
445. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае / В.Ф. Печерица. – Владивосток: ДВГУ, 1998. – 276 с.
446. Печерская Н.М. Историко-психологические особенности религиозно-научного эклектизма в период нового времени: автореф. дис. ... канд. псих. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 23 с.
447. Плотникова А.А. Перекрёсток // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М: Междунар. отношения, 2002. – С. 360–361.
448. Погребная Я.В. Аспекты современной мифопоэтики. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 178 с.
449. Разинов Ю.А. Символика перекрёстка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2010. – С. 123–130.
450. Ракунов В.А. Эмиграция белых войск из России в Китай и её военные последствия (1918–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук.; 07.00.02 Отечественная история; МосГУ. – М., 2011. – 25 с.
451. Реутский Н.В. Люди божьи и скопцы. – М.: Тип. Грачева и Ко, 1972.
452. Рифтин Б.Л. Гуань-ди // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – М., 2006. – Т. 2. Мифология. Религия. – С. 420–422.

453. Романова Е.Г. Маргинальность Ананда Марга как специфический вариант синкретизма новых религиозных объединений XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – 30(2). – С. 108–114.
454. Романова С.А. Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари // История христианизации народов Среднего Поволжья. – Чебоксары, 1988. – С. 104–112.
455. Рудольф К. Синкретизм – от теологического ярлыка к религиоведческому термину // Религиоведческие исследования. – 2013. – № 7–8. – С. 195–212.
456. Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамутдинова. – Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. – 572 с.
457. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
458. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
459. Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. – М.: Смысл, 2006. – 328 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml (дата обращения: 10.10.2016).
460. Рыжов Ю.В. Новая религиозность в современной культуре: автореф. дис. ... д-ра культ.: 24.00.01. – М., 2007. – 23 с.
461. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
462. Рязанова С.В. «Новая религиозность» как методологическая проблема современного религиоведения [Электронный ресурс] // Религиоведение в Перми. – URL: <http://blog.religiopolis.org/kopilov/2011/12/11/«новая-религиозность»-как-методолог/> (дата обращения: 10.10.2016).
463. Рязановский Ф.А. Демонологии в древнерусской литературе. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1915 (обл. 1916). – 126 с.
464. Савельева Е.Н. Религиозные кинематографические модели как фактор толерантности современной культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 301. – С. 46–49.

465. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. – Новосибирск: Наука, 1984. – 123 с.
466. Сатыбалдиева Р.А. Рефлексия в структуре самосознания личности [Электронный ресурс] // Вызовы современности и ответственность философа: Материалы «Круглого стола», посвященного всемирному Дню философии. – Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2003. – С. 62–69. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/satybaldieva/modphil_09.html (дата обращения: 18.06.2017).
467. Сафронова Е.С. Синто-буддийский синкретизм в Японии в VIII–XIV вв. // Вопросы научного атеизма. – М., 1974. – № 16. – С. 223–238.
468. Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176> (дата обращения: 10.10.2016).
469. Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Религиозный синкретизм, народный ислам, региональные культы (теоретические заметки) // Народная культура: личность, творчество, досуг. – Омск, 2003. – С. 80–82.
470. Селёзнев А.Г., Селезнёва И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма, 2004. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 72 с.
471. Сидакова М.О. Интерпретация концепта «религиозный синкретизм» в западноевропейских и российских исследованиях // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 57–67.
472. Сидакова М.О. Проблематизация значения понятия «синкретизм» и его синонимы // Религиоведение. – 2020. – № 2. – С. 42–52.
473. Силантьев Р.А. Афрохристианские течения // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 686–687.

474. Силантьев Р.А. Афрохристианские синкретические культы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983 (дата обращения: 18.06.2017).
475. Силантьев Р.А. Богословское моделирование. Религии в фантастике и фантастические религии [Электронный ресурс] // Богослов.ру. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/387560.html> (дата обращения: 18.06.2017).
476. Силантьев Р.А. Карибские синкретические культы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778 (дата обращения: 18.06.2017).
477. Силантьев Р.А. Корейские синкретические культы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382 (дата обращения: 18.06.2017).
478. Силантьев Р.А. Корейские синкретические секты // Народы и религии мира: Энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. Акад. Наук (Москва) / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 756–757.
479. Силантьев Р.А. Новозеландские синкретические культы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705 (дата обращения: 18.06.2017).
480. Силантьев Р.А. Религия в мире грёз [Электронный ресурс] // Богослов.ру. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/626625.html> (дата обращения: 18.06.2017).
481. Силантьев Р.А. Темные начала богоборческого трэша [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/312963.html> (дата обращения: 18.06.2017).
482. Силантьева М.В. Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. 23–25 октября 2012 года, Уфа. – Секция 15. Социология религии: традиционное и новое в жизни общества. – 2012. – Т. 6. – № 2. – С. 4794–4800.
483. Симонов В.В. (сост., отв. ред.) Общая история церкви. В 2 томах. Том 2. От Реформации к веку секулярной глобализации. XVI – начало XXI века. В 2 книгах. Книга 2. Вызов религиозного синкретизма: проблема экуменизма: XX – начало XXI

- века: учеб. пос. для вузов по специальности 030600.62 «История». – М.: Наука, 2017. – 511 с.
484. Смазнова О.Ф. Время и этос мифа. Диалектика мифотворчества в русской культуре XIX–XX веков. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – 324 с.
485. Смазнова О.Ф. Миф как этос культуры в России XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Великий Новгород, 2008. – 37 с.
486. Советов Ф.В. Интегративный потенциал русского менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук; 09.00.11 – Социальная философия. – Нижний Новгород, 2007. – 37с.
487. Современные контексты магии, религии и паранауки: моногр. / Ю. М. Сердюков, А.П. Забияко [и др.]. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
488. Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини, историко-этнографическое исследование. – Симбирск: Тип. А.Т. Токарева, 1887. – 181 с.
489. Сорокин В.Ф. Лу Синь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 335–337.
490. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка. ИОРЯС. – СПб., 1861–1864. – Т. 10. – 308 с.
491. Срезневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов. – М., 1855. – 26 с.
492. Станкевич И.Л. Первобытное мифологическое мировоззрение и культовая практика. – Ярославль: ЯГУ, 1994. – 56 с.
493. Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. – 1989. – № 4. – С. 51–57.
494. Стингл М. Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. – М.: Прогресс, 1983. – 182 с.
495. Строева О.В. Модели производства современной культуры: бриколаж и деконструкция. Наскальная живопись мегаполисов // Философия и общество. – № 2. – 2014. – С. 135–141.

496. Сумцов Н.Ф. Личные обереги от сглаза. – Харьков: тип. Губ. правл., 1896. – 20 с.
497. Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. – Харьков, 1885. – 137 с.
498. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности: Монография. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 398 с.
499. Таевский Д.А. Синкретические религии и секты: Словарь-справочник. – М.: Intrada, 2001. – 160 с.
500. Тажуризина З.А. Мистика // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 642.
501. Тайлор Э. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
502. Тайлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. / Под ред., с пред. и прим. проф. В.К. Никольского. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 568 с.
503. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
504. Таскина Е.П. Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 272 с.
505. Тибальди-Къеза М. Паганини / пер. с ит. И. Константиновой. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 388 с.
506. Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. – М., 1997. – 592 с.
507. Тойнби А. Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве / Пер. с англ. К. Я. Кожурина. – М.: АСТ, 2009. – 868 с.
508. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
509. Токарев С.А. Религия в истории народов мира / под ред. А.Н. Красникова. – М.: Республика, 2005. – 542 с.
510. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М.: «Индрик», 2003. – 624 с.
511. Толстой Н.И. Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. – М., 1987. – С. 50–53.

512. Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира: в 2-х т. – Т. 2. К–Я. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 12–14.
513. Торчинов Е.А. Пути запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб., М.: Книга по требованию, «Пальмира», 2017. – 542 с.
514. Троицкая С. Русский Харбин: Воспоминания. – Брисбен, 1995. – 64 с.
515. Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы [Электронный ресурс] // Я (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/tulchin/slinin.html> (дата обращения: 10.10.2016).
516. Тютина О.С. Неоязыческие образования и новые религиозные движения как культурно-мировоззренческий феномен постмодерна // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 9. – С. 50–53.
517. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
518. Урбански С. Русские казаки в Маньчжурии // Восточная коллекция. – 2014. – № 3(58). – С. 120–133.
519. Успенский Б.А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 1. Языческие рефлексy в славянской христианской терминологии. 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Вторичные моделирующие системы. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1979. – С. 54–63.
520. Устименко А.Л. Проблема двоеверия и идея тройственности «русской веры» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (51): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 194–198.
521. Утияма-Валуева Н. Русская газета «Заря» в Харбине // Известия Восточного института. – 2003. – № 7. – С. 71–76.
522. Учебные заведения [Электронный ресурс] // Мой Харбин. – URL: <http://myharbin.name/> (дата обращения: 18.06.2019).
523. Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1884. – 331 с.

524. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 632 с.
525. Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – М., 1995. – 425 с.
526. Фетискин В.В. Первобытный синкретизм // Философия и общество. – 2002. – № 2 (27). – С. 121–137.
527. Филарет (Гумилевский, Д.Г.) История русской церкви / Сочинение Филарета Гумилевского, архиепископа Черниговского: [в 5 периодах (988–1826)]. – 6-е изд. – СПб.: И.Л. Тузов, 1894.
528. Филатов М.В. Мессианство и мессианизм в русской религиозной философии начала XX в. // Лесной вестник. – 2002. – № 3. – С. 157–160.
529. Филлипов В.Л. Творческое мышление в системе координат смыслообразования картины мира // Вестник КемГУ. – № 3 (51). – Кемерово, ООО ПК «ОФСЕТ», 2012. – С. 257–261.
530. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь / Пер. М.К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.
531. Фрейд З. Тотем и табу. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.
532. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
533. Фрээр Дж. Предисловие ко второму изданию «Золотой ветви» // Религиоведение. Хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 406–421.
534. Фрээр Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклин. – М.: Политиздат, 1980. – 703 с.
535. Хамайко Н. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // Ruthenica. – К.: Інститут історії України НАН України, 2007. – № 6. – С. 86–114.
536. Харузина В.Н. Заметки по поводу употребления слова фетишизм // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 1–2.
537. Харузина В.Н. К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. – 1906. – № 3–4.

538. Хисамутдинов А.А. Жизнь и приключения синовега П.В. Шкуркина [Электронный ресурс] = 汉学家П.В. 什库尔金：生活和历险: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (дата обращения: 04.05.2020).
539. Хисамутдинов А.А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. – С. 95–138.
540. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: в 2 ч. – Ч. 1. – Русские в Китае. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
541. Хисамутдинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. – 2016. – № 2. – С. 154–167.
542. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.
543. Хисамутдинов А.А. Русская диаспора на Дальнем Востоке: от общин в Китае и Японии до Америки и Австралии // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 203–215.
544. Хисамутдинов А.А. Русская школа в Китае: [электронный ресурс] – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2018. – 70 с. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiu5JWq383vAhVxwosKHXvIDnkQFjAAegQIBBAD&url=https%3A%2F%2Fevols.library.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2F10524%2F60127%2F%25D1%2580%25D1%2583%25D1%2581%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25B8%25D0%25B5%2520%25D1%2588%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%258B%2520%25D0%25B2%2520%25D0%259A%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B52.pdf&usq=AOvVaw10CXT-SYe3yE_gMRVuqYsF (дата обращения: 15.05.2019).
545. Хисамутдинов А.А. Русские в Китае, Корее, Японии и на Тихоокеанском побережье США: монография [Электронный ресурс] / Науч. ред. Т.В. Прудкогляд. –

- Электрон. дан. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (дата обращения: 15.05.2019).
546. Хисамутдинов А.А. Русские литераторы-эмигранты в Китае: Материалы к словарю (1-я половина XX в.) [Электронный ресурс]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. – 127 с. – URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>.
547. Хисамутдинов А.А. Русские музыканты в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjAvurZ4M3vAhUpx4sKHb8aCyEQFjAAegQIBRAD&url=https%3A%2F%2Fevols.library.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2F10524%2F48730%2FRusskie%2520muzykanty%2520v%2520Kитайe.pdf&usq=A0vVaw0jUgIOh6CNcC8zaB5ab7BV> (дата обращения: 15.05.2019).
548. Хисамутдинов А.А. Русские этнографы-эмигранты в Маньчжурии, их труды и судьбы // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 62–75.
549. Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбков» // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 150–160.
550. Худолей Н.В. Восток и Запад: Культура, ментальность, литература (на примере сравнительного анализа художественных текстов средневековья) // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 8. – С. 231–235.
551. Цмыкал О.Е. Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 237–243.
552. Цмыкал О.Е. Китай и Корея в воспоминаниях Лариссы Андерсен // Современные проблемы науки. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. – С. 200–202.
553. Цмыкал О.Е. Художественные искания поэтов дальневосточного зарубежья: версификационная поэтика Лариссы Андерсен // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 447–457.
554. Чёрная Л.А. История культуры Древней Руси. – М.: Логос, 2007. – 288 с.
555. Чернышева Т.А. Природа фантастики. – Иркутск: Издательство Иркут. ун-та, 1985. – 336 с.

556. Чернышева Т.А. Фантастика и современное натурфилософское творчество // Художественное творчество. Сборник. – Л., 1983. – С. 58–76.
557. Чжан Жуян. Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Благовещенск, 2019. – 273 с.
558. Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская газетная группа «Заря» и её деятельность в Китае в первой половине XX в. [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1118> (дата обращения: 18.10.2020).
559. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. – М.: Наука, 1999. – № 4. – С. 24–41.
560. Шахматова Е.В. Антропософское движение в советский период: власть и художественная интеллигенция // Религиоведение. – 2020. – №. 2. – С. 23–28.
561. Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. – М.-Л.: Наука, 1965. – 211 с.
562. Шахнович М.М. Л.Я. Штернберг и «наука о религии» // Лев Штернберг – гражданин, учёный, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е.А. Резвана. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 190–199.
563. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Н.М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 191–202.
564. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Н.М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 191–202.
565. Шейн П.В. Великорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: в 2-х т. – СПб., 1898–1900.
566. Шелест О.А. Становление новых типов религиозности в условиях социокультурных трансформаций: автореф. дис... канд. социол. наук; ИФ НАН РБ. – Минск, 2006. – 20 с.
567. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 571 с.
568. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М., 2000. – 443 с.

569. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – № 1 (30). – С. 33–56.
570. Элбакян Е.С. Квазирелигиозность // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. – С. 649.
571. Элбакян Е.С. Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. – 2018. – № 1. – С. 36–51.
572. Элбакян Е.С. Религиозность // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 868–869.
573. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 256 с.
574. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
575. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3-х томах / Пер. с фр. – М.: Критерион, 2002.
576. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998. – 374 с.
577. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – 144 с.
578. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. 2-е изд. – Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 5–343.
579. Эфендиева Г.В. «Обманчиво несложная» поэтесса (о поэтическом мире Лариссы Андерсен) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. – Благовещенск, 2009. – С. 123–135.
580. Эфендиева Г.В. Библейские образы и мотивы в поэзии Ольги Тельтофт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Отв. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003. – С. 334–340.
581. Эфендиева Г.В. Поэтическая религиозность русских поэтесс-эмигранток (по страницам харбинской лирики) // Религиоведение. – 2006. – № 4. – С. 109–118.

582. Эфендиева Г.В. Проблема этнической идентификации поэтов-эмигрантов русского Харбина // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 1 (224). – С. 72–78.
583. Эфендиева Г.В. Религиозные основы женской лирики русского Харбина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и Международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 289–302.
584. Эфендиева Г.В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2006. – 219 с.
585. Эфендиева Г.В. Что читал русский Харбин? (о литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930-х гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 182–194.
586. Юм Д. Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. – М., 1996. – 733 с.
587. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. – М.: МЕДИУМ, 1994. – 294 с.
588. Яблоков И.Н. Мессианизм / Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. – М.: Гардарики, 2000. – С. 206.
589. Яблоков И.Н. Мифологическое мышление // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006.
590. Якимова С.И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Учебное пособие для преподавателей и студентов. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – 111 с.
591. Яковенко И.А. Тенденции развития религиозного сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Майкоп, 2012. – 24 с.
592. Яковенко И.Г. О природе ментальности // Артикульт. – 2018. – № 1 (29). – С. 137–145.

593. Янгутов Л.Е. Моу-цзы // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – С. 357.
594. Ястребов А.Л., Мурзак И.И. Картина мира в слове изгнанников: цитирование и создание нового философского пространства в произведениях писателей-эмигрантов (А. Хейдок, Б. Юльский, Я. Лович и др.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. ст. / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2006. – Вып. 1. – С. 122–135.
595. Ястребов А.Л., Мурзак И.И. Русская эмиграция в Китае: композиция вживания в чужой мир // Русский Харбин, запечатлённый в слове. – Вып 2: Литературоведческая россика: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2008. – С. 29–36.
596. Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // *Revue des études slaves*. – 2001. – Т. 73. – Вып. 2–3. – С. 405–445.

Литература на иностранных языках

597. Allegiance to God or to one man-made religion? // *The Washington Times Communities*. – URL: <http://communities.washingtontimes.com/neighborhood/no-2-religion-yes-2faith/2012/feb/5/allegiance-god-or-one-man-made-religion/> (accessed: 06.10.2016).
598. Archer M.S. The Impact of Globalization on Cultural Identities. A Comment on Pedro Morande's Paper // *Globalization. Ethical and Institutional Concerns Pontifical Academy of Social Sciences*. – Acta 7. – Vatican City. – 2001. – URL: <http://www.pass.va/content/dam/scienze-sociali/pdf/acta7/acta7-archer.pdf> (accessed: 08.10.2016).
599. Batterfield H. Reflections on Religion and Modern Individualism // *Journal of the History of Ideas*. Jan. – Mar., 1961. – Vol. 22. – No. 1. – P. 33–46.
600. Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence / Transl. by Rodney Livingstone. – Cambridge: Polity, 2010. – 231 pp.
601. Bentley J. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 220 p.

602. Berner U. Synkretismus: die Problematik der Grenzen zwischen und in den Religionen // Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft. – 2010. – Vol. 94. – Iss. ½. – P. 31–41.
603. Berner U. Untersuchungen zur Verwendung des Synkretismus-Begriffes. – Wiesbaden, 1982.
604. Boyce M. A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World // Lecture. – London: London Williams's Trust, 1988.
605. Carroll R.T. Patience Worth // The Skeptic Dictionary. 1994. – URL: <http://www.skeptdic.com/patienceworth.html> (accessed: 04.10.2020).
606. Carroll R.T. Pearl Curran (Patience Worth) and the Fantasy-Prone Personality Label // The Skeptic Dictionary. – URL: <http://skeptdic.com/essays/patienceworthfpp.html> (accessed: 04.10.2020).
607. Chang-Won Park. Cultural Blending in Korean Death Rites. – London: Continuum, 2010. – 228 pp.
608. Christian Deism as a Personal Religion // Christiandeistfellowship.com. – URL: <http://www.christiandeistfellowship.com/persrelig.htm> (accessed: 06.10.2016).
609. Chryssides G.D. Unificationism: A Study in Religious Syncretism // Religion: Empirical Studies / Ed. Steven J. Sutcliffe. – London: Routledge, 2004.
610. Cohen A., Hill P. Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants // Journal of Personality. – August 2007. – Vol. 75. – Iss. 4. – P. 709–742.
611. Colpe C. Syncretism [First Edition] // Encyclopedia of Religion. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. – USA: Thompson Gale, 2005. – Vol. 13. – P. 8926–8934.
612. Cory Ch.E. Patience Worth // Psychological Review. – 1919. – P. 397–407.
613. Cotter J. The New Age and Syncretism, in the World and on the Church. – Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. – 38 p.
614. Daiber K-F. Mysticism: Troeltsch's Third Type of Religious Collectivities // Social Compass. – September 2002. – Vol. 49. – No. 3. – P. 329–341.
615. Daszkiewicz W. The Dilemmas of Globalization // Journal of International Scientific Publications. Language, Individual & Society. – 2010. – Vol. 10. – URL:

- <http://www.scientific-publications.net/get/1000018/1470915893360182.pdf> (accessed: 10.11.2016).
616. Dessi U. *Japanese Religions and Globalization*. – London and New York: Routledge, 2013. – 191 p.
617. Drehsen V. Synkretismus ist nicht gleich Synkretismus: zum Kriterienproblem bei der Anverwandlung des Fremden // *Die "Identität" des Glaubens in den Kulturen*. – 1997. – P. 39–53.
618. Fritz G. Syncretism [Further Consideration] // *Encyclopedia of Religion*. Second Edition / Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. – USA: Thompson Gale, 2005. – Vol. 13. – P. 8934–8938.
619. Frobenius L. *Der Ursprung der Kultur*. – Berlin, 1898. – Bd. 1: *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*.
620. Giving up religion for individual faith. Is there a difference? // *The Washington Times Communities*. – URL: <http://communities.washingtontimes.com/neighborhood/no-2-religion-yes-2-faith/2011/jul/9/giving-religion-individual-faith-there-difference/> (accessed: 10.11.2016).
621. *Globalization and education. The proceedings of a Joint Working Group, 16–17 November 2005. Casina Pio IV*. – Vatican City, 2006. – 290 p.
622. *Globalization, Ethical and Institutional Concerns. Seventh Plenary Session, 25–28 April 2001. Acta 7* / Eds. E. Malinvaud and L. Sabourin. – Vatican City, 2001. – 408 p.
623. Graebner R.F. *Das Weltbild der Primitiven*. – München: Ernst Reinhardt, 1924.
624. Graebner R.F. *Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien* // *Zeitschrift für Ethnologierude*. – 1905. – Bd. 37. – S. 28–53.
625. Graebner R.F. *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Winter, 1911.
626. Griebel J. *Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices: Abstract of Thesis for the Degree of Master of Arts*. – Baylor University, 2011. – URL: https://baylor-ir.tdl.org/baylor-ir/bitstream/handle/2104/8143/Jenna_Griebel_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 07.05.2016).

627. Hartney Ch. Syncretism and the End of Religion(s) // *Sydney Studies in Religion*. – 2008. – P. 233–248.
628. Iversen H.R. Secular Religion and Religious Secularism: A Profile of the Religious Development in Denmark since 1968 // *Nordic Journal of Religion and Society*. – 2006. – No. 2. – Vol. 119. – P. 75–92.
629. Janson M. Unity Through Diversity: A Case Study of Chrislam in Lagos // *Africa*. – 2016. – 86(4). – P. 646–672.
630. Kim L.E. Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Central Asiatic Journal*. – Vol. 56 (2012/2013). – P. 169–202.
631. Lang A. *Myth, ritual and religion*. – London: Longmans, Green, 1887. – 282 p.
632. Laude P. Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal // *International Journal of Social Science and Humanity*. – July 2013. – Vol. 3. – No. 4. – P. 386–389.
633. Law J., Afdal G., Asdal K., Lin Wenyuan, Moser I., Singleton V. Modes of Syncretism. Notes on Noncoherence // *Common Knowledge*. – 2013. – 20:1. — P. 172–192.
634. Lehmann D. *Fundamentalism and Globalism*. – URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUNDAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf> (accessed: 07.05.2016).
635. Levin E. “Healers and Witches in Early Modern Russia” // *Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects* / Eds. Yelena Mazour-Matusevich and Alexandra Korros. – Leiden: Brill, 2010. – P. 105–133.
636. Levin E. *Dvoeverie and Popular Religion* // *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia* / Ed. S.K. Batalden. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1991. – P. 31–52.
637. Levin E. *From Corpse to Cult in Early Modern Russia* // *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars* / V.A. Kivel son, R.H. Greene (eds.). – Univ. Park: Penn State Univ. Press, 2003. – P. 81.–103.
638. Levin E. Lay Religious Identity in Medieval Russia: The Evidence of Novgorod Birchbark Documents // *General Linguistics*. – 1997. – No. 35. P. – 131–155.

639. Levin E. Supplicatory Prayers as a Source for Popular Religious Culture in Muscovite Russia // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine* / Eds. Samuel H. Baron and Nancy Shields Kollmann. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. – P. 96–114.
640. Levin Yu. Pluralism, Individualism and Religious Liberty. – URL: <http://www.nationalreview.com/corner/374081/pluralism-individualism-and-religious-liberty-yuvallevin> (accessed: 03.12.2016).
641. Lord J. Anthropological Case Study of Religious Syncretism in Bolivia: Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. – December 7, 2009. – URL: http://ir.library.oregonstate.edu/xmlui/bitstream/handle/1957/14125/Lord_Jonathan.pdf?sequence=1 (accessed: 03.12.2016).
642. Madsen R. The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today // *American Journal of Sociology*. – March 2009. – Vol. 114. – No. 5. – P. 1263–1301.
643. Maroney E. *Religious Syncretism*. – SCM Press, 2006. – 207 p.
644. Meynell H. Syncretism // *Encyclopedia of religion and society* / Eds. William H. Swatos, Jr., Peter Kivisto, Barbara J. Denison, James McClenon. – Walnut Creek, Calif.: AltaMira Press, 1998.
645. Morazzini M. Western societies: syncretism as a result of globalization and human migration. – 2015. – URL: https://www.academia.edu/11770133/Western_societies_syncretism_as_a_result_of_globalization_and_human_migration (accessed: 10.10.2016).
646. Nickell J. Ghost Writer? The Channeling of «Patience Worth» // *Skeptical Inquirer*. May/June 2012. – Vol. 36. – No. 3. – P. 15–17.
647. Pakkanen P. Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism. – 2011. – URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOpItpvAhXjkYsKHBYbmAoAQFjAAegQIBAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokorder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3DIs-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNKWtqWav8v54ZU7> (accessed: 05.04.2016).

648. Penn L. *False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion*. – Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004. – URL: https://books.google.ru/books?id=MXvBs2PqkUcC&pg=PA142&lpg=PA142&dq=Penn+L.+False+Dawn:+The+United+Religions+Initiative,+Globalism+and+The+Quest+for+OneWorld+Religion&source=bl&ots=hdRa3JVj82&sig=V2gid_e_7JTe5DVLkthnrykGRpE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjktGCwb3PAhWI8ywKHWZgDegQ6AEILjAD#v=onepage&q=Penn%20L.%20False%20Dawn%3A%20The%20United%20Religions%20Initiative%2C%20Globalism%20and%20The%20Quest%20for%20One-World%20Religion&f=false (accessed: 09.12.2016).
649. Pieterse J.N. *Globalization as Hybridization // Working Paper Series*. – No. 152. – June 1993. – URL: <http://www.uvm.edu/rsenr/rm230/Nederveen%20Pieterse.pdf> (accessed: 07.12.2016).
650. Poe M. *Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a “Pivotal Moment” // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*. – Stuttgart, 2001. – Bd. 49. – H. 3. – S. 412–429.
651. Ratzel F. *Anthropogeographie*. – Stuttgart, 1921. – Bd. 1–2.
652. Reitzenstein R., Schaeder H.H. *Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*. – Leipzig, 1926.
653. *Religions in the Modern World. Traditions and Transformations*. – London, New-York: Taylor&Francis e-library, 2005. – URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=zTksWVdnC9EC&oi=fnd&pg=PA345&dq=Lehmann+D.+Fundamentatism+and+Globalism&ots=U-WXsKTo7f&sig=SVVdYRNBv7ILTMJu7vKGuU7sDrg&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 14.09.2016).
654. Richard H.L. *Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter // International Journal of Frontier Missiology*. – Winter 2014. – No. 209. – URL: http://www.ijfm.org/PDFs_IJFM/31_4_PDFs/IJFM_31_4-Richard.pdf (accessed: 09.12.2016).
655. *Russia and Its Northeast Neighbors: China, Japan, and Korea in 1858–1945 / Ed. by Kimiitaka Matsuzato*. – NY: Lexington Books, 2016. – 222 p.

656. Segady Th.W. Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States // *Free Inquiry in Creative Sociology*. – 2012. – Vol. 40. – No. 2. – P. 26–36.
657. Stark R.T.Jr. Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities. Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. – Pacific University. – 2009. – URL: <http://commons.pacificu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1201&context=spp> (accessed: 09.12.2016).
658. Stewart Ch. From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder // *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. – 2015. – P. 355–362. – URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=az2LBQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA355&dq=Stewart+Ch.+From+Creolization+to+Syncretism:+Climbing+the+Ritual+Ladder&ots=2NXmwOJcia&sig=qy7eQdhXWHq7Yi6910EAWoU6J3A&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 03.12.2016).
659. Stewart Ch. Relocating Syncretism in Social Science Discourse // *Syncretism in Religion* / Eds. Anita Maria Leopold, Jeppe Sinding Jensen. – London: Routledge, 2005.
660. Stewart Ch. Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture // *Diacritics*. – 1999. – Vol. 29. – P. 40–62.
661. Stewart E. Individualism Increases Religious Pluralism. – 2015. – URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch/> (accessed: 09.12.2016).
662. Stockman R. The Baha'i Faith and Syncretism // R. Stockman, J. Winters. *Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith*. – Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. – P. 159–162.
663. Summary on Globalization. Main Outcomes of the Work of the PASS on Globalization / Ed. J.J. Llach. – Vatican City, 2008. – Extra Series 12. – 108 p.
664. Sundermeier Th. Synkretismus: ein religionswissenschaftlich und theologisch umstrittener Begriff // *Kein anderer Name*. – 1999. – P. 273–282.
665. Syncretism/Anti-Syncretism. The Politics of Religious Synthesis / Eds. Rosalind Shaw, Charles Stewart. – London: Routledge, 1994. – 240 p.
666. Treanor P. World-Nationalism: Normative Globalism as Pan-Nationalism. – 2001. – URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/world.nation.html> (accessed: 05.02.2017).

667. Yost C.S. *Patience Worth. A Psychic Mystery.* – NY, 1916. – 296 p.
668. Zabayko A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsmykal O.E. V. Han's Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.* – 2019. – P. 3433–3439. – URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.461>. ISSN: 2357–1330.

The Amur State University

Manuscript copyright

Kontaleva Evgeniya Alexandrovna

**RELIGIOUS SYNCRETISM IN THE MENTALITY OF
EASTERN BRANCH OF RUSSIAN EMIGRATION**

Scientific specialty

5.7.9 Philosophy of Religion and Religious Studies

Dissertation

submitted for the degree of Candidate of Philosophical Sciences

Translation from Russian

Supervisor:

Doctor of Philosophy,
Professor Andrey P. Zabayko

Blagoveshchensk

2022

Table of contents

Introduction.....	3
1. The phenomenon of religious syncretism	20
1.1 Types of religious syncretism: theoretical approaches and historical discourse	20
1.2 Religious syncretism in the focus of domestic and foreign studies	28
2. Religious syncretism in the mentality of eastern Russian emigration	54
2.1 The specifics of the frontier mindset. Socio-cultural features of the life of Russian emigrants in China	54
2.2 Religious syncretism in the forms of literary and journalistic writing	72
2.2.1 Syncretic otherness on pages of emigrant periodicals. Mysticism and esotericism in journalist and advertising texts	72
2.2.2 Religious, mystical, and esoteric references of literary texts on the pages of “Rubezh”	85
2.3 Oriental images and motifs in the literary and ethnographic works of Russian emigrants.....	106
Conclusion.....	134
List of references.....	138
<i>Sources in Russian</i>	138
<i>References in Russian</i>	146
<i>References in other languages</i>	194

Introduction

Relevance of the study

The phenomenon of syncretism, especially in its religious expression, is an extremely multifaceted, complex thing that has a dualistic nature, being at the same time not only a phenomenon or a result, but also a process¹. Having originated already at the early stages of human history, it does not disappear, transforming in accordance with the evolutionary changes of humankind and society. Having arisen once, various forms of syncretism have been continuing to exist and especially activate at times of historical and spiritual crises, which the Far Eastern emigration also experienced to a large extent.

Having actually arisen at the turn of the century, the eastern branch of Russian emigration found itself at the territorial and cultural boundary as well. This situation led to the formation of a special type of mentality – frontier, borderline mindset, the cultural vector of which deviated from the mainline of the center and was oriented towards local peculiarities, conditions and laws, undergoing processes of marginalization, syncretization, re- and neo-mythologization, and quasi-religious processes. Caught “between the two worlds”, the Russian exiles felt a natural need to overcome the differences that have arisen, to find ontological and cosmological foundations that could express not only their ethno-cultural identity, but also longing for the pre-revolutionary way of life, revanchist sentiments, messianic ideas.

At the same time, the very territorial and socio-cultural space in which the emigrants found themselves contributed to the absorption of images and motifs belonging to it and the formation of syncretic constructs. The benevolence and hospitality of the new homeland – China – caused a positive attitude of the Russian exiles to local cultural traditions, which, on the one hand, were familiar to them due to their borderline position and rather long historical contacts, and on the other hand – exotic and attractive. All this contributed to the inclusion of archaic (basic) foundations of mythological consciousness and, having been superimposed on subjective perception, found a special reflection in the sociopolitical and artistic – literary and journalistic – environment.

¹ Colpe C. Syncretism [First Edition]. Encyclopedia of Religion. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O’Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8927.

The significance of this topic is determined not only by the immanent complexity of syncretism and frontier mindset, but also by the fact that, firstly, these phenomena continue to exist, and, secondly, at the moment they have not received exhaustive consideration despite the fact that they have been attracting a large number of researchers. In addition, for a long time the archives of emigrants were inaccessible for academic study, and there are still many gaps, not only for historical, philological, ethnographic studies of the Far Eastern emigration, but also for studying this unique phenomenon from the standpoint of the study of religion.

Level of prior studies of the problem

A special role in the study of syncretization processes in the 19th – early 20th century was played by the German school of diffusionism and the theory of cultural circles developed within its framework (Germ. *Kulturkreislehre*). F. Ratzel², L. Frobenius³, F. Graebner⁴ and others studied ways of borrowings, transfers and stratifications of religious and cultural elements during the natural development of humankind.

There are researchers devoted their works to studies of the historical and theoretical aspects of the phenomenon of syncretism, the historical use of the term, intra-religious and interreligious syncretic tendencies, the problem of perception of the “other” in the process of syncretization – W. Berner, Th. Sundermeier, F. Drehsen, etc.⁵ The outstanding work of R.O. Reitzenstein and H.H. Schaeder⁶ reveals the influence of Middle Eastern beliefs on the formation of Greco-Roman syncretism. The works of

² Ratzel F. *Anthropogeographie*. Stuttgart, 1921. Bd. 1–2.

³ Frobenius L. *Der Ursprung der Kultur*. Berlin, 1898. Bd. 1: *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*.

⁴ Graebner R.F. *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Winter, 1911; *Graebner R.F. Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien // Zeitschrift für Ethnologierude*. 1905. Bd. 37. S. 28–53; *Graebner R.F. Das Weltbild der Primitiven*. München: Ernst Reinhardt, 1924.

⁵ See Berner U. *Untersuchungen zur Verwendung des Synkretismus-Begriffes*. Wiesbaden, 1982; Sundermeier Th. *Synkretismus: ein religionswissenschaftlich und theologisch umstrittener Begriff // Kein anderer Name*. 1999. P. 273–282; Berner U. *Synkretismus: die Problematik der Grenzen zwischen und in den Religionen // Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft*. 2010. Vol. 94. Iss. ½. P. 31–41; Drehsen V. *Synkretismus ist nicht gleich Synkretismus: zum Kriterienproblem bei der Anverwandlung des Fremden // Die “Identität” des Glaubens in den Kulturen*. 1997. P. 39–53, etc.

⁶ Reitzenstein R., Schaeder H.H. *Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*. Leipzig, 1926.

P. Pakkanen⁷ and O.V. Bogatova⁸ are devoted to the study of antique samples of syncretization.

Various modes of syncretism, its prerequisites, factors of formation and characteristic features are considered in the encyclopedic articles by C. Kolpe, G. Fritz, H. Meynell, etc.⁹ A.P. Zabiako¹⁰, E.S. Elbakyan¹¹, I.A. Levinskaya¹², Yu.V. Arkhipova¹³, L.A. Kravchuk¹⁴, K. Rudolf¹⁵, A.N. Dannenberg¹⁶, D.M. Latyshev¹⁷, R.A. Si-

⁷ *Pakkanen P.* Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism. 2011. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOpltPvAhXjkYsKHYbmAoAQFjAAegQIBBAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokoder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3Dis-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNWtqWav8v54ZU7>.

⁸ *Bogatova O.V.* Kul't Velikoy Materi bogov Kibely v greko-rimskoy drevnosti (K probleme religioznogo sinkretizma v antichnosti): dis. ... kand. ist. nauk [The Cult of the Great Mother of the Gods Cybele in Greco-Roman antiquity (On the problem of religious syncretism in antiquity): PhD Thesis in History]. St. Petersburg, 1998. 256 p.

⁹ *Colpe C.* Syncretism [First Edition]. Encyclopedia of Religion. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8926–8934; *Fritz G.* Syncretism [Further Consideration]. Encyclopedia of Religion. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8934–8938; *Meynell H.* Syncretism. Encyclopedia of religion and society. Eds. William H. Swatos, Jr., Peter Kivisto, Barbara J. Denison, James McClenon. Walnut Creek, Calif.: AltaMira Press, 1998; *Law J., Afdal G., Asdal K., Lin Wenyuan, Moser I., Singleton V.* Modes of Syncretism. Notes on Noncoherence. Common Knowledge. 2013. 20:1. P. 172–192.

¹⁰ *Zabiako A.P., Kravchuk L.A.* Syncretic religious teachings: history and modernity. Vestnik AmGU [Bulletin of AmSU]. 2002. No.: Mezhevuz. nauch. sotrudnichestvo. Pp. 34–36; *Zabiako A.P.* Religious syncretism. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. P. 984; *Zabiako A.P.* Quasi-religions: essence and typology (modern methodological approaches). Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2008. No. 3. Pp. 84–91; *Serdyukov Yu.M., Zabiako A.P., etc.* Sovremennye konteksty magii, religii i paranauki: monogr. [Modern contexts of magic, religion and para-science: monograph]. Moscow: Akademiya Publ., 2008. 272 p.; *Zabiako A.P., Voronkova E.A., Lapin A.V., etc.* Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy [Cyber-religion: science as a factor of religious transformations]. Ed. A.P. Zabiako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2012. 208 p.

¹¹ *Elbakyan E.S.* Quasi-religiosity. Entsiklopediya religiy [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabiako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus Publs., 2008. P. 649; *Elbakyan E.S.* New religious movements of postmodern era: dynamics of new age organizations (the case of “Radasteya”). Religiovedenie [Study of Religion]. 2018. No. 1. Pp. 36–51.

¹² *Levinskaya I.A.* Syncretism: term and phenomenon. Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie [Pages: theology, culture, education]. 1998. No. 3(4). Pp. 558–567.

¹³ *Arkhipova Yu.V.* Sinkretizm v strukture kul'tury: avt. diss. ... kand. filos. nauk [Syncretism in the structure of culture: abstract of PhD thesis in Philosophy]. Saratov: Saratovskiy gos. un-t, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d/?#?page=1>.

¹⁴ *Kravchuk L.A.* Syncretic religious teachings: history and modernity. Religiovedenie [Study of religion]. 2002. No. 4.

¹⁵ *Rudolf K.* Syncretism – from a theological label to a religious term. Religiovedcheskie issledovaniya [Religious studies]. 2013. No. 7–8. Pp. 195–212.

¹⁶ *Dannenberg A.N.* Religions of the transitional type (based on the material of Afro-Cuban religious syncretism). Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2011. No. 3–4. P. 34.

¹⁷ *Latyshev D.M.* Religious syncretism: the main conditions and causes of occurrence. Filosofiya v XXI veke: vyzovy, tsennosti, perspektivy: Sbornik nauchnykh statey [Philosophy in the 21st century: challenges, values, prospects: collection of scientific articles]. Yekaterinburg: “Maks-Info” Publ., 2016. Pp. 299–303.

lantyev¹⁸, E.V. Belyaeva¹⁹, Yu.V. Gavrilova²⁰, M.O. Sidakova²¹ considered the stages of the history of the study and use of the concept of “syncretism” in the Western and domestic tradition, in the historical context of the development and diversity of its forms in a comparative way.

The fundamental works on the study of the early form of syncretism (despite the fact that the term as such was practically not used in those works), considered as undifferentiated representations of primitive man, include the works of the classics – L. Levi-Bruhl²², E. Tylor²³, J.J. Frazer²⁴, E. Lang²⁵, A. Toynbee²⁶, Ch. De Brosses²⁷. Some works of M. Eliade²⁸, E.M. Meletinsky²⁹, A.F. Losev³⁰, etc. approaches syncretism in mythological and comparative way. The pre- and post-revolutionary domestic periods of

¹⁸ *Silantyev R.A.* Afro-Christian movements. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl. Publ., 1998. Pp. 686–687; *Silantyev R.A.* Afrokhristianskie sinkreticheskie kul'ty [Afro-Christian syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983; *Silantyev R.A.* Bogoslovskoe modelirovanie. *Religii v fantastike i fantasticheskie religii* [Theological modeling. Religions in Fiction and fantastic religions]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/387560.html>; *Silantyev R.A.* Karibskie sinkreticheskie kul'ty [Caribbean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778; *Silantyev R.A.* Koreyskie sinkreticheskie kul'ty [Korean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382; *Silantyev R.A.* Korean syncretic sects. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl. Publ., 1998. Pp. 756–757; *Silantyev R.A.* Novozelandskie sinkreticheskie kul'ty [New Zealand syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705, etc.

¹⁹ *Belyaeva E.V.* Historical types of religious syncretism. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Brest University. Series of Humanities and Social Sciences. Philosophy. Sociology. Law. Psychology. Pedagogy]. Brest, 2008. No. 4. Pp. 45–52.

²⁰ *Gavrilova Yu.V.* The external natural as a factor in the formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 4 (24). Pp. 50–54; *Gavrilova Yu.V.* Features of historical forms of religious syncretism. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2019. Vol. 14. No. 2. Pp. 73–80; *Gavrilova Yu.V.* Reasons for the formation of religious syncretic systems. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015. No. 6. Pp. 14–18; *Gavrilova Yu.V.* The structure of factors of formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 22. Pp. 168–173.

²¹ *Sidakova M.O.* Interpretation of the concept of “religious syncretism” in Western European and Russian studies. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 57–67; *Sidakova M.O.* Problematization of meaning of the concept “syncretism” and its synonyms. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020. No. 2. Pp. 42–52.

²² *Levi-Bruhl L.* *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.

²³ *Tylor E.* *Pervobytnaya kul'tura* [The primitive culture]. Ed. V.K. Nikolsky. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939. 568 p.

²⁴ *Frazer J.J.* *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden bough. Research of magic and religion]. Transl. M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat Publ., 1980. 703 p.

²⁵ *Lang A.* *Myth, ritual and religion*. London: Longmans, Green, 1887. 282 p.

²⁶ *Toynbee A.J.* *Research of history. Civilizations in time and space*. Transl. K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST Publ., 2009. 868 p.

²⁷ *De Brosses Ch.* *On fetishism*. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 208 p.

²⁸ *Eliade M.* *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected writings. Essays on comparative religion]. Moscow: Lodomir Publ., 1999. 488 p.; *Eliade M.* *Istoriya very i religioznykh idey. V 3-kh tomakh* [History of faith and religious ideas. In 3 vols.]. Moscow: Kriterion Publ., 2002; *Eliade M.* *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow, 1994. 144 p.

²⁹ *Meletinsky E.M.* *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Vost. lit-ra Publ., 2000. 407 p.

³⁰ *Losev A.F.* *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 962 p.; *Losev A.F.* *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2007. 468 p.

studying various features of genetic syncretism in historical and ethnographic spirits are marked by works of A.N. Veselovsky³¹, V.O. Klyuchevsky³², Vs.F. Miller, S.A. Tokarev³³, L.Ya. Sternberg³⁴, N.S. Kapustin³⁵, M.S. Kagan³⁶, etc.

Syncretic elements in the mythological worldview, mythological, cult and ritual practice of Slavic spiritual culture were studied from historical, religious and mythological positions, for example, by P.S. Efimenko, A.S. Famintsyn, M. Sokolov, P.V. Shein, S.V. Maksimov, E.V. Anichkov, N.M. Galkovsky, D.G. Gumilevsky, E.E. Golubinsky, N.I. Kostomarov, N.F. Sumtsov, A.N. Afanasyev, A.N. Veselovsky, N.N. Vinogradov, V.N. Kharuzina, A. Vetukhov, D.K. Zelenin, I.L. Stankevich, B.A. Rybakov, A.A. Kononenko, L.N. Vinogradova, L.A. Chernaya, I.A. Mudrova, etc. For the modern stage of academic study of syncretism in its Slavic version, the important works belong to A.P. Zabiya³⁷, N.A. Krinichnaya³⁸, V.Ya. Petrukhin³⁹, E. Levin⁴⁰.

³¹ *Veselovsky A.N.* Slavyanskije skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol'fe i Merline [Slavonic legends about Solomon and Kitovras and Western legends about Morolf and Merlin]. St. Petersburg: Tip. V. Demakova, 1872. 373 p.

³² *Klyuchevsky V.O.* Kurs russkoy istorii: v 3-kh t. [Course of Russian history: in 3 vols.]. Moscow, 1908–1916.

³³ *Tokarev S.A.* Rannie formy religii [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 622 p.; *Tokarev S.A.* Religiya v istorii narodov mira [Religion in the history of the peoples of the world]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Respublika Publ., 2005. 542 p.

³⁴ *Sternberg L.Ya.* Pervobytnaya religiya v svete etnografii: issledovaniya, stat'i, leksii [Primitive religion in the light of ethnography: research, articles, lectures]. Leningrad: Izd-vo Institutov narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. 571 p.

³⁵ *Kapustin N.S.* Osobennosti evolyutsii religiy (na materialakh drevnikh verovaniy i khristianstva) [Features of the evolution of religions (based on the materials of ancient beliefs and Christianity)]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 222 p.

³⁶ *Kagan M.S.* Morfologiya iskusstva [Morphology of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. 440 p.

³⁷ *Zabiya A.P.* Folk religion. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiya, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. Pp. 672–667; *Zabiya A.P.* Paganism: from the religion of the peasants to cyber-religion: Medieval Christianization of paganism and paganization of Christianity: Russian experience: (Article 2). Religiovedenie [Study of Religion]. 2006. No. 1. Pp. 69–80; *Zabiya A.P.* Nachala drevnerusskoy kul'tury [The origins of ancient Russian culture]. Moscow: Paideya: Moskovskie uchebniki Publ., 2002. 479 p.

³⁸ *Krinichnaya N.A.* Krest'yanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'shchiny i pover'ya Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii [The peasant and natural environment in the light of mythology. True stories, life stories and beliefs of Russian North: Studies. Texts. Commentaries]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2011. 632 p.; *Krinichnaya N.A.* Initiation into sorcerers: Historical and ethnographic basis of Russian mythological stories about the transmission and assimilation of esoteric knowledge. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2002. No. 2. Pp. 10–23; *Krinichnaya N.A.* Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora [Russian mythology. The world of images of folklore]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Gaudemaus Publ., 2004. 1008 p.

³⁹ *Petrukhin V.Ya.* Gods and demons of the Russian Middle Ages: rod and rozhanitsy and the problem of Old Russian dvoeverie. Slavonic and Balkan folklore. Narodnaya demonologiya [Folk demonology]. Moscow, 2000. Pp. 315–343; *Petrukhin V.Ya.* Old Russian dvoeverie: concept and phenomenon. Slavyanovedenie [Slavic studies]. 1996. No. 1. Pp. 44–47.

⁴⁰ *Levin E.* Dvoeverie and Popular Religion, 1991; *Levin E.* Supplicatory Prayers as a Source for Popular Religious Culture in Muscovite Russia, 1997; *Levin E.* Childbirth in Medieval Russia, 1991; *Levin E.* Lay Religious Identity in Medieval Russia: The Evidence of Novgorod Birchbark Documents, 1997; *Levin E.* From Corpse to Cult, 2003.

A special merit also belongs to N.M. Matorin⁴¹, one of whose main tasks was to develop a practical methodology for the study of “living religion”. Matorin opposed the active use of the term “dvoeverie”, believing that this syncretic phenomenon has not mechanically connected basis, but an “amalgam” nature.

Works by H.L. Richard⁴², M. Boyce⁴³, R. Stockman⁴⁴, Chang-Won Park⁴⁵ deal with various syncretic formations, one way or another connected with Christianity. In the works of Russian researchers, the phenomenon of syncretism among non-Russian peoples living in Russia⁴⁶, as well as in cultures outside Russia and especially in the East⁴⁷, is subject to a separate understanding.

⁴¹ *Matorin N., Nevskiy A.* Program for the study of “Orthodox paganism” (religious syncretism among the peoples of the USSR who adopted Orthodoxy “dvoeverie”). Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 253–272; *Matorin N., Nevskiy A.* Programma dlya izucheniya bytovogo pravoslaviya [Program for the study of popular Orthodoxy]. Leningrad, 1930; *Matorin N.M.* Female deity in the Orthodox Cult. Pyatnitsa-Theotokos. Essay on comparative mythology. Moscow, 1931; *Matorin N.M.* On the issue of methodology for studying religious syncretism in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016; *Matorin N.M.* Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraja prezhde i teper' [Religion among the peoples of the Volga-Kama region then and now]. Moscow: Akts. izd. o-vo “Bezbozhnik”, 1929. 174 p.

⁴² *Richard H.L.* Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter. *International Journal of Frontier Missiology*. Winter 2014. No. 209.

⁴³ *Boyce M.* A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World. Lecture. London: London Williams's Trust, 1988.

⁴⁴ *Stockman R.* The Baha'i Faith and Syncretism in *Stockman R., Winters J.* Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith. Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. P. 159–162.

⁴⁵ *Chang-Won Park.* Cultural Blending in Korean Death Rites. London: Continuum, 2010. 228 p.

⁴⁶ See *Romanova S.A.* Features of the formation of Orthodox-pagan syncretism of Mari. *Istoriya khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ya* [History of Christianization of the peoples of the Middle Volga region]. Cheboksary, 1988. Pp. 104–112; *Mokshin N.F.* Religious syncretism among the Mordvins. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 49–57; *Stebleva I.V.* Syncretism of religious and mythological representations of the pre-Muslim Turks. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1989. No. 4. Pp. 51–57; *Vladykin V.E.* From the history of religious syncretism among the Udmurts. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 35–49; *Stebleva I.V.* Syncretism of religious and mythological representations of the pre-Muslim Turks. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1989. No. 4. Pp. 51–57; *Velikaya N.N., Vinogradov V.B.* Pre-Islamic religious syncretism among the Vainakhs. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1989. No. 3. Pp. 39–48; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Dukhi i dushi v traditsiyakh narodnogo islama Sibiri (k izucheniyu religioznogo sinkretizma v malykh lokal'nykh kul'turnykh kompleksakh) [Spirits and souls in the traditions of the folk Island of Siberia (to the study of religious syncretism in small local cultural complexes)]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176>; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Religious syncretism, folk Islam, regional cults (theoretical notes). *Narodnaya kul'tura: lichnost', tvorchestvo, dosug* [Folk culture: personality, creativity, leisure]. Omsk, 2003. Pp. 80–82; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma [Siberian Islam: a regional version of religious syncretism]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. 72 p.; *Zavadskaya E.A.* Syncretic tendencies in the modern Siberian shamanism: interview with shaman Svetlana Voronina. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015. No. 2. Pp. 148–161; *Sagalaev A.M.* Mifologiya i verovaniya altaytsev. *Tsentral'noaziatskie vliyaniya* [Mythology and beliefs of the Altaians. Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 123 p., etc.

⁴⁷ See *Gusev I.V.* Vozdeystvie sovremennykh form religioznogo sinkretizma na dukhovnyuyu zhizn' KNR: na primere sekty “Falun'gun”: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [The impact of modern forms of religious syncretism on the spiritual life of the People's Republic of China: on the example of the Falun Gong Sect: abstract of PhD thesis in Social Sciences]. Moscow, 2004. 21 p.; *Zelnitsky A.D.* Kitayskiy “religioznyy sinkretizm” [Chinese “religious syncretism”]. St. Petersburg: SPbGUSE Publ., 2008. 139 p.; *Zelnitsky A.D.* Formy “religioznogo sinkretizma” v Kitae: dis. ... kand. filos. nauk [Forms of “religious syncretism” in China: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2005. 146 p.; *Gobozova V.I.* Religioznyy sinkretizm v

Postmodern trends in syncretization processes, their relationship with New religious movements, globalization, secularization, universalization, fundamentalism, individualism are considered by J. Cotter⁴⁸, P. Laude⁴⁹, Th.W. Segady⁵⁰, Ch. Hartney⁵¹, L. Penn⁵², J.N. Pieterse⁵³, D. Lehmann⁵⁴, U. Dessi⁵⁵, D.A. Taevsky⁵⁶, Yu.V. Ryzhov⁵⁷, I.V. Katerny⁵⁸, G.E. Bokov⁵⁹, O.S. Tyutina⁶⁰, O.Yu. Gudoshnikova⁶¹, E.G. Romanova⁶², etc. Modern religious syncretism in its subjective-individual embodiment is of considerable interest in Western science.

istorii dukhovnoy kul'tury Osetii: dis. ... kand. filos. nauk [Religious syncretism in the history of spiritual culture of Ossetia: PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 1996; *Bartsyts R.M.* Abkhazskiy religioznyy sinkretizm v kul'tovykh kompleksakh i obryadovoy praktike: avt. diss. ... kand. ist. nauk [Abkhazian religious syncretism in cult complexes and ritual practice: abstract of PhD thesis in History]. Nalchik, Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova, 2008; *Kudryashov G.E.* Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashy [Dynamics of polysyncretic religiosity: the experience of historical-ethnographic and concrete-sociological research of the genesis, evolution and death of religious remnants of the Chuvash People]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1974. 355 p., etc.

⁴⁸ *Cotter J.* The New Age and Syncretism, in the World and on the Church. Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. 38 p.

⁴⁹ *Laude P.* Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal // International Journal of Social Science and Humanity. July 2013. Vol. 3. No. 4. P. 386–389.

⁵⁰ *Segady Th.W.* Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States // Free Inquiry in Creative Sociology. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 26–36.

⁵¹ *Hartney Ch.* Syncretism and the End of Religion(s) // Sydney Studies in Religion. 2008. P. 233–248.

⁵² *Penn L.* False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion. Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004.

⁵³ *Pieterse J.N.* Globalization as Hybridization. Working Paper Series. No. 152. June 1993.

⁵⁴ *Lehmann D.* Fundamentatism and Globalism. URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUNDAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf>.

⁵⁵ *Dessi U.* Japanese Religions and Globalization. L.-NY, 2013. 191 p.

⁵⁶ *Taevsky D.A.* Sinkreticheskie religii i sekty: Slovar'-spravochnik [Syncretic religions and sects: Dictionary-reference]. Moscow: Intrada Publ., 2001. 160 p.

⁵⁷ *Ryzhov Yu.V.* Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art]. Moscow: Smysl, 2006. 328 p. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml; *Ryzhov Yu.V.* Novaya religioznost' v sovremennoy kul'ture: avtoref. diss. ... d-ra kul't. [New religiosity in modern culture: abstract of DSc Thesis in Culturology]. Moscow, 2007. 23 p.

⁵⁸ *Katerny I.V.* On the way to a new religious picture of the world. *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy ra boty sektsii molodykh uchenykh "Filosofiya i zhizn"* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers "Philosophy and Life"]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. Pp. 100–102.

⁵⁹ *Bokov G.E.* The crisis of faith: losing the sacred. *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy raboty sektsii molodykh uchenykh "Filosofiya i zhizn"* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers "Philosophy and Life"]. St. Petersburg, 2001. Pp. 37–39.

⁶⁰ *Tyutina O.S.* Neo-pagan formations and new religious movements as a cultural and worldview phenomenon of postmodernity. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera [Sborniki konferentsii SIC Sotsiosfera]*. 2012. No. 9. Pp. 50–53.

⁶¹ *Gudoshnikova O.Yu.* The development of generic human universality and artistic culture: from the primitive syncretism to "post-modern" one. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*. 2013. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097>.

⁶² *Romanova E.G.* Marginality of Ananda Marga as a specific variant of syncretism of new religious associations of the twentieth century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]*. 2018. No. 30(2). Pp. 108–114.

The dialogue of the East and the West (primarily in its philosophical dimension) is considered by A.S. Kolesnikov⁶³ from comparative and cross-cultural positions. He notes not only the mutual interest of Eastern and Western philosophers and scholars in cultural, religious, philosophical heritage, but also sympathy for it and the shared penetration of elements of this heritage into the views and work of some researchers (for example, E.E. Ukhtomsky, B. Russell, Feng Yulan, Hu Shi, Nishida Kitaro, P.R. Sarkar, etc.).

Syncretic tendencies in the Chinese cultural environment, religion, mentality are considered in the works of L.S. Vasil'ev⁶⁴, A.D. Zelnitsky⁶⁵, Tan Aoshuang⁶⁶, as well as by such classics as H. Maspero, V.V. Malyavin, K.M. Tertitsky, A.I. Kobzev, E.A. Torchinov, etc.

A number of works by A.A. Zabayako, A.P. Zabayako, Ya.V. Zinenko, Zhang Ruyang⁶⁷ is devoted to folk religion and the processes of contact between Russian and Chinese cultures in the Far Eastern region and Northeast China.

⁶³ *Kolesnikov A.S.* Filosofskaya komparativistika: Vostok–Zapad [Philosophical comparative studies: East-West]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. 390 p.; *Kolesnikov A.S.* Methodology of comparative study of philosophy and culture of the East. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2008. Vol. 9. No. 1. Pp. 19–29; *Kolesnikov A.S., Strizhak Yu.N.* Personalities of the dialogue of cultures of Russia and the East: E.E. Ukhtomsky. Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O.O. Rozenderga. Doklady, statyi, publika tsii dokumentov [The fourth Oriental readings in memory of O.O. Rosenberg. Reports, articles, publications of documents]. St. Petersburg, 2011. Pp. 156–167; *Kolesnikov A.S., Strizhak Yu.N.* West, Russia, East in Geopolitical Essayistics of E.E. Ukhtomsky. Pyatye vostokovednye chteniya pamyati O.O. Rozenderga. Trudy uchastnikov konferentsii [Fifth Oriental readings in memory of O.O. Rosenberg. Proc. of the participants of the science conference]. St. Petersburg: A. Golod Publ., 2012. Pp. 206–220; *Kolesnikov A.C., Strizhak Yu.N.* Rossiya i Vostok v protoevraziystve E.E. Ukhtomskogo [Russia and the East in proto-Eurasian thought of E.E. Ukhtomsky]. Moscow: “KnoRus” Publ., 2021, 278 p.

⁶⁴ *Vasil'ev L.S.* Istoriya religiy Vostoka [History of religions of the East]. Moscow: KDU, 2006. 704 p.; *Vasil'ev L.S.* Kul'ty, religii, traditsii v Kitae [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature” RAN, 2001. 488 p.

⁶⁵ *Zelnitsky A.D.* Kitayskiy “religioznyy sinkretizm” [Chinese “religious syncretism”]. St. Petersburg: SPbGUSE Publ., 2008. 139 p.; *Zelnitsky A.D.* Formy “religioznogo sinkretizma” v Kitae: dis. ... kand. filos. nauk [Forms of “religious syncretism” in China: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2005. 146 p.

⁶⁶ *Tan Aoshuang.* Kitayskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mental'nost' [The Chinese picture of the world. Language, culture, mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 240 p.

⁶⁷ *Zabayako A.P.* Russians and Chinese: the perspective of reception of Chinese beliefs. Kitay, Rossiya, strany ATR i perspektivy mezhtsivilizatsionnykh otnosheniy v XXI veke: tez. dokl. XII Mezhdunar. nauch. konf. “Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir” [China, Russia, the countries of the Asia-Pacific region and prospects of intercivilizational relations in the 21st century: Theses of the 12 International Scientific Conference “China, Chinese Civilization and the World”]. Izd-vo In-ta Dal'nego Vostoka RAN, 2001. Pp. 85–88; *Zabayako A.A., Zabayako A.P.* Russians in Tryokhrechy: folklore as the basis for preservation of identity in the Chinese environment. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. 2016. No. 2. Pp. 160–172; *Zabayako A.A., Zabayako A.P., Zinenko Ya.V.* Folk Orthodoxy of Tryokhrechy Russians. Religiovedenie [Study of Religion]. 2016. No. 3. Pp. 121–136; *Zabayako A.A., Zabayako A.P., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang.* Folklore of the Russian-speaking diaspora of Tryokhrechy as a basis for preserving ethnicity. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2016. No. 17. Pp. 109–125; *Zabayako A.A., Zabayako A.P.* Folklore as a basis for the preservation of Russian identity in the Chinese environment (on the materials of Tryokhrechy). Emigrantologia Slavian. 2015. Vol. 1. Pp. 13–25; *Zabayako A.P., Zabayako A.A.* Magic, demonology and visions in the religious culture of Russians in Tryokhrechy. Religiovedenie [Study of Religion]. 2016. No. 4. Pp. 148–165; *Zabayako A.P., Zabayako A.A.* Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samo-bytnosti [Russians in Tryokhrechy: the foundations of ethnic self-identity].

Various forms of syncretic foundations and marginalia, features of world perception and world modeling in the socio-cultural and artistic environment of the Far Eastern diaspora are considered by A.A. Zabyako⁶⁸, G.V. Efendieva⁶⁹,

Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017. 340 p.; *Zabyako A.P., Zabyako A.A.* Russians in Tryokhrechy: the private history of the formation of marginal ethnicity (Ivan Vasiliev). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Eds. A.P. Zabyako, A.A. Zabyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018. Pp. 196–211; *Zabyako A.A., Zabyako A.P., Zhang Ruyang.* Laomaozi, huodia, pheasant, tierda: images of mutual perception of Chinese and Russians. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2020. No. 5. Pp. 135–151; *Zinenko Ya.V., Ju Kongyi.* “We lived in Harbin as under the tsarist Russia”: socio-cultural and ethno-cultural processes of the 10–50s of the 20th century in the consciousness of Far Eastern emigrants. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. No. 11. Pp. 363–371; *Zhang Ruyang.* Fol'klor russkikh Trekhrech'ya kak osnova etnicheskoy identich-nosti (po materialam polevykh issledovaniy 2015–2019 gg.): dis. ... kand. filol. nauk [Folklore of Russian Tryokhrechy as the basis of ethnic identity (based on the materials of field studies in 2015–2019): abstract of PhD Thesis in Philology]. Blagoveshchensk, 2019. 273 p.

⁶⁸ *Zabyako A.A., Efendieva G.V.* “Chetvert' veka bezhenskoy sud'by...” (Khudo-zhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina): Monografiya [“A quarter of a century of refugee fate...” (The artistic world of Russian Harbin lyrics): Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2008. 428 p.; *Zabyako A.A., Efendieva G.V.* Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya [Between two worlds: Russian Writers in Manchuria: monograph.]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. 351 p.; *Zabyako A.A.* M.V. Shcherbakov: the man of the Far Eastern frontier in the search for the root of life. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2015. No. 1 (45). Pp. 111–117; *Zabyako A.A.* Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. 437 p.; *Zabyako A.A.* The mythology of the Far Eastern Frontier in the minds of emigrant writers. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011. No. 2. Pp. 154–169; *Zabyako A.A.* The prose of a Harbin writer Boris Yulsky in the context of literary ethnography of the Far Eastern abroad. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2015. No. 2. Pp. 91–102; *Zabyako A.A.* Religious traditions of the Far Eastern frontier in the publications of N.A. Baikov of 1901–1914. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015. No. 1. Pp. 160–175; *Zabyako A.A.* Literary ethnography of the Far East: Soviet and emigrant text. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional culture of the East of Asia]. Blagoveshchensk, 2014. Pp. 270–290, etc.

⁶⁹ *Efendieva G.V.* Biblical images and motifs in the poetry of Olga Teltoft. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2003. Pp. 334–340; *Efendieva G.V.* Poetical religiosity of Russian emigrant poetesses (according to the pages of Harbin lyrics). *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2006. No. 4. Pp. 109–118; *Efendieva G.V.* Khudozhestvennoe svoeobrazie zhenskoy liriki vostochnoy vetvi russkoy emigratsii: dis. ... kand. filol. nauk [Artistic originality of women's lyrics of the Eastern branch of Russian emigration: PhD Thesis in Philology]. Moscow, 2006. 219 p.; *Efendieva G.V.* “Deceptively simple” poetess (about the poetic world of Larissa Andersen). *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin, imprinted in word]. Blagoveshchensk, 2009. Pp. 123–135; *Efendieva G.V.* Religious bases of the women's lyrics of Russian Harbin. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the scientific school and the International science conference]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2009. Pp. 289–302; *Efendieva G.V.* The problem of ethnic identification of emigrant poets of Russian Harbin. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 2011. No. 1 (224). Pp. 72–78, etc.

E.O. Kirillova⁷⁰, I.A. Dyabkin⁷¹, O.E. Tsmyskal⁷², K.A. Zemlyanskaya (nee Kryzhanskaya)⁷³.

⁷⁰ Kirillova E.O. Eastern themes, motives, images in the work of the poet and prose writer of the Russian Far Eastern emigration Mikhail Shcherbakov. Lingvostranovedcheskie, sotsiokul'turnye i lingvisticheskie aspekty v izuchenii i prepodavanii inostrannogo yazyka i literatury: Sb. nauch. trud. po mat. Pervoy sovместной mezhdunarodnoy filologicheskoy konferen tsii Tamkanskogo universiteta (Tayvan') i Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta (Vladivostok) 4–7 de-kabrya 2014 goda [Cultural-linguistic, sociocultural and linguistic aspects in the study and teaching of a foreign language and literature: proceedings of The First Joint International Philological Conference of Tamkan University (Taiwan) and Far Eastern Federal University (Vladivostok) on December 4–7, 2014]. Taiwan: Izdatel'stvo fakul'teta russkogo yazyka i literatury TKU, 2015. Pp. 11–31; Kirillova E.O. Motifs of escape from reality, contemplation, and hermitage in the literature of the Russian diaspora of the Far East (on the example of the works of B. Yulsky). Bulletin of Cherepovets State University. 2016. No. 2. Pp. 70–74; Kirillova E.O. Intercultural interaction in the literature of the Russian Far-Eastern emigration: Oriental mythology of Boris Yulsky. Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 2017. No. 3 (97). Pp. 146–158; Kirillova E.O. Images of escapism, contemplation, and hermitry in the literature of the Russian diaspora of the Far East (on the example of the works of B. Yulsky). Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 2. Pp. 70–74; Kirillova E.O. Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B.M. Yulsky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): monografiya [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian Far East abroad (B.M. Yulsky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): monograph]. Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 2015. 276 p.; Kirillova E.O. Interweaving of cultural spaces of the East and West in the work of the writer of the Russian diaspora B. Yulsky. Vestnik Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 5 (74). Pp. 81–89; Kirillova E.O. Representation of sacred Chinese and Tungus-Manchu images of animals and plants in the work of the Russian writer-emigrant B. Yulsky. Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: Vestnik fakul'teta russkogo yazyka i literatury Universiteta kitayskoy kul'tury [Russian language and literature study and teaching problems: Bulletin of the Faculty of the Russian Language and Literature of the University of Chinese Culture]. Eds. Li Simei, Andrienko E.V. Taipei, 2016. Vol. 17. Pp. 135–158; Kirillova E.O. Creativity of the writer of the Far Eastern emigration N.A. Baikov as an example of cultural interaction in the conditions of cross-border relations. Regional image of the sacred tree. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 4 (73). Pp. 92–98; Kirillova E.O. Japanese images in the works of Far Eastern writers. The story “Irinari” by M.V. Shcherbakov. Materialy XXXIII Rossiysko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ekonomistov DVO RAN i rayona Kansay (Yaponiya). 31 avgusta – 1 sentyabrya 2017 g., Vladivostok. Sbornik statey [Proceedings of the 33rd Russian-Japanese Symposium of Historians and Economists of the FEB RAS and the Kansai region (Japan). August 31 – September 1, 2017, Vladivostok]. Eds. Larin V.L., V. Ujimoto, V.V. Kozhevnikov. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018. Pp. 78–88, etc.

⁷¹ Dyabkin I.A. Cultural traditions of the Chinese in the perception of the Far Eastern writer-emigrant: The story of P.A. Severny “The porcelain Chinese shakes his head”. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. 2015. No. 6. Pp. 161–166; Dyabkin I.A. Neomifologizm kak etnoreligioznyy fenomen kul'tury dal'nevostochnogo zarubezh'ya): dis. ... kand. filos. nauk [Neomifologizm as an ethno-religious phenomenon of the culture of the Far Eastern Abroad]: PhD Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2014. 186 p.; Dyabkin I.A. Neomythological transformations of the image of bandit in the literary ethnography of Russian Harbin. Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'-turnogo vzaimodeystviya. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Russians and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk, 2012. No. 9. Pp. 240–248; Dyabkin I.A. Religious connotations of images of China and the Chinese in Far-Eastern folklore. Religiovedenie [Study of Religion]. 2013. No. 1. Pp. 172–183; Zabiako A.A., Dyabkin I.A. The image of a bandit in the context of the “frontier mythology” of the Far Eastern emigration. Simvolicheskoe i arkhetypicheskoe v kul'ture i sotsial'nykh otnosheniyakh [Symbolic and archetypal in culture and social relations]. Penza-Prague: Sfera Publ., 2011. Pp. 170–181; Zabiako A.A., Dyabkin I.A. Transformation of plots of Chinese mythology in the works of Far Eastern writers of the 20–40s of the 20th century. Religiovedenie [Study of Religion]. 2013. No. 4. Pp. 139–156, etc.

⁷² Tsmyskal O.E. China and Korea in the memoirs of Larissa Andersen. Sovremennyye problemy nauki [Modern Problems of science]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2017. Pp. 200–202; Tsmyskal O.E. The east in the artistic consciousness of Larissa Andersen. Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2018. Vol. 15. No. 4. Pp. 237–243; Zabiako A.A., Tsmyskal O.E. Religious searches of writers of the Far Eastern emigration: metamorphoses of ethno-cultural identification. Religiovedenie [Study of Religion]. 2018. No. 4. Pp. 131–144; Tsmyskal O.E. Artistic searches of the poets of the Far Eastern abroad: versification poetics of Larissa Andersen. Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary Studies. Journalism]. 2020. Vol. 25. No. 3. Pp. 447–457; Zabiako A.A., Tsmyskal O.E. Literary ethnography in the lyrical text (poetic ethnographism of Larissa Andersen). Gumanitarnyy vector [Humanitarian vector]. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 45–55.

These and other works have greatly contributed to the study of the processes of syncretization, reconstructing the history of the study of religious syncretism, deducing general and particular factors of its occurrence, determining various forms and types of syncretism. However, in our opinion, the multidimensionality and variability of the phenomenon itself, as well as the expansion of academic and theoretical horizon, the introduction into scientific circulation of new research results and materials allow us to develop and deepen the study of this topic.

The object of the dissertation is the phenomenon of religious syncretism in its various manifestations.

The subject of the study is religious and syncretic foundations of the mentality and culture of the Far Eastern Russian emigration in Northeast China.

The purpose of the dissertation is to explicate the features and specific characters of religious and syncretic formations in the Far Eastern emigrant environment, considering historical, socio-cultural, political, subjective-individual and other aspects.

The implementation of this purpose involves solving the following ***tasks***:

- 1) revealing the concept of religious syncretism and identify the main existing types;
- 2) finding out the features of the frontier mindset of Russian emigrants and the characteristic features of their social and cultural life;

⁷³ *Zemlyanskaya K.A.* Mystic and magic in Russian Harbin of the 1920–1940s. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Ed. A.P. Zabyako, A.A. Zabyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2013. No. 10. Pp. 323–335; *Kryzhanskaya K.A.* Mysticism, palmistry, and superstition in the daily life of the Blagoveshchensk people of the 10s of the 20th century (based on the materials of the periodical press of those years). *Losevskie chteniya-2010. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Losev Readings-2010. Materials of the regional science and practice conference]. Ed. A.V. Urmanov. 2010. Pp. 42–54; *Kryzhanskaya K.A.* The mystical principle in the prose of Harbin writers. *Vestnik AmGU* [Bulletin of AmSU]. Blagoveshchensk, 2008. No. 42. Pp. 99–101; *Kryzhanskaya K.A.* Multireligious character of the artistic space of A. P. Haydock's collection "The Stars of Manchuria". *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern Borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 241–248; *Kryzhanskaya K.A.* Theosophy and Agni Yoga in the works of A.P. Haydock as a form of ethno-cultural self-identification. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 393–403; *Kryzhanskaya K.A.* Theosophical search in Harbin culture. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. No. 3. Literaturovedcheskaya rossika: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 95-letiyu L. Andersen* [Russian Harbin, imprinted in word. Iss. 3. Literary criticism of Russia: A collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of L. Andersen]. Eds. A.A. Zabyako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2009. Pp. 42–47, etc.

3) reconstruction of religious-syncretic images and ideas displayed on the pages of emigrant periodicals in journalistic and literary texts;

4) analysis of the influence of oriental culture on the artistic creativity of the Far Eastern branch of Russian emigration.

Chronological and territorial scope of the study

The history of Russian emigration in the northeast of China as a whole covers the time period from the end of the 19th century to the middle of the 20th century, so in our study we focus on these time frames. Despite the existence of a large number of oases of Russian presence in China (Beijing, Shanghai, Mukden, Dairen, Port Arthur, Changchun, Qiqihar, Hailar, Tryokhrechye, etc.), our attention is primarily focused on Harbin – originally founded by Russians as a station of the CER, the city became a link and the largest center of Russian emigration.

Source base of the study

The main sources of the dissertation study are literary and journalistic texts of Far Eastern emigrants, archival materials (primarily periodicals) of the Center for the Study of Far Eastern Emigration (Blagoveshchensk) and the Central Scientific Library of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok).

Methodological foundations of the study

During the study, the author focused on general scientific principles: the principle of determinism, the principle of conformity, the principle of a systematic approach. In accordance with the tasks set, a comprehensive methodological approach was used, which included such methods of scientific cognition as comparative religious analysis, hermeneutic and textual methods (first of all, the method of structural analysis (according to Yu.M. Lotman) taking into account biographical, historical, cultural contexts), descriptive method, method of historical reconstruction, inductive and deductive methods, as well as a number of others, which together made it possible to fulfil the purpose of the study.

The academic novelty of the study consists in:

1) identification of the main types of religious syncretism and substantiation of historical continuity, temporal and ontological conditionality and fundamentality of syncretism for human perception of the world;

2) clarification of the definition of frontier mindset and identification of the characteristic features of the mentality of Russian emigrants;

3) explication of the main religious-syncretic images and themes reflected in periodicals of Russian emigration;

4) identification of key oriental motifs expressed in the literary and ethnographic works of Russian emigrants in connection with the peculiarities of their individual worldview;

5) introduction of new written sources into academic circulation from the perspective of the study of religion;

6) development of a general picture of religious syncretic tendencies in the environment of the Far Eastern Russian emigration from the standpoint of the study of religion, considering socio-cultural, socio-political, historical, ontological, temporal and subjective-individual aspects.

Theses to be defended:

1. The theoretical and methodological basis of the dissertation is the definition of religious syncretism, operationalized in relation to the context of the study: religious syncretism is a form of existence of religious phenomena, the content of which is the conjugation of heterogeneous religious components or essentially heterogeneous components of a religious and non-religious nature into some integrity. The ultimate basis of religious syncretism is the desire of a person to go beyond the boundaries of the existing circumstances of religious life and being, to overcome the objectively given or subjectively experienced fragmentation of existence and create an integrity that eliminates contradictions. Religious syncretism, derived from existentially important human intentions, accompanies the entire history of religion, varying in different modifications. The main modifications (forms) of religious syncretism include: 1) syncretism associated with the separation of humanity from nature, the formation of boundaries between man and the

surrounding world and, as a consequence, with human desire to overcome these boundaries; 2) syncretism arising in the presence of boundaries between religious systems and aimed at overcoming religious boundaries and creating a consistent religious integrity; 3) syncretism emerging in the presence of boundaries between the religious system, on the one hand, and philosophical, political, artistic, and other systems that have separated from it, on the other hand; this modification allows for a total synthesis of religious, philosophical, aesthetic, social, scientific and other components in order to create a universal spiritual integrity.

2. Dwellers and emigrants of the Russian Far East are carriers of a special, frontier mindset as a special worldview inherent in individual and collective consciousness in its deep dimension, engaged in a special cultural worldview, which is associated with historical time, geographical location, ethnic and social groups, and representing an ideological and psychological formation, including specific emotional reactions and predisposition to the processes of marginalization and syncretization. The conditions of the frontier outskirts contribute to the fact that the vector of cultural development in the Far East deviates from the mainline of the center and tends to local peculiarities, conditions and laws, preserving vitality and creative potential (including in emigration – intentionally). Russian émigré community in China was “Russia in miniature”, a complex formation that preserved its native language and culture, but acquired foreign cultural and frontier features. The frontier position of emigration stimulated syncretization and imposed regionally and culturally specific features on the emigrants.

3. While preserving the Orthodox faith as a supporting element, Eastern emigration was interested in mysticism, esotericism, magic, spiritualism, horoscopes, fortune-telling, clairvoyance, predictions, etc., which not only went along with pan-European sentiments and echoes of pre-revolutionary culture, but also was the result of the borderline position of emigrants and the influence of a special socio-cultural and historical reality. This interest was expressed in two main aspects – practical, which included all kinds of esoteric services, and theoretical, primarily expressed in the form of publications, where the main semantic dominants are spiritism and spiritualism; magic and mantics; superstition; hierophany, mystical and religious experience.

4. The frontier situation of emigrants made them pay attention to the peculiarities of the culture of the peoples who lived in the Far East in general and in the northeast of China in particular, and present them not only in academic ethnographic essays, but also artistically comprehend in literary works. The desire of Russian emigrants to overcome the borders with Eastern culture resulted in a variety of artistic and ethnographic works. They reveal plots, images and realities of Korean, Japanese, Chinese, Manchurian and other cultures: Honghuzi, tiger mythology, myths about ginseng, deification of heroes, sacralization and mythologization of space (especially in taiga mythology), legends about spirits, dragons, werewolves (primarily foxes), Buddhist, Taoist, Shinto images and deities, and much more, which are often mixed with various European mystical and mythological reminiscences.

Research and practice results

The academic and practical significance of the study lies in several aspects: creating an indicative picture of the continuity of historical types of religious syncretism through understanding the processes of syncretization in the environment of the Far Eastern Russian emigration from the standpoint of the study of religion; expanding and deepening knowledge about historical and cultural processes in the Far East in the first half of the 20th century; forming a panoramic description of the features of the culture of Far Eastern emigration through the prism of a number of phenomena: religious syncretism, frontier mentality, individual religiosity, etc.

The materials of the study can be used as a basis for the further development of this topic, for the development of textbooks, work programs in such disciplines as the phenomenology of religion, comparative religious studies, history and theory of world culture, cultural anthropology and a number of others, as well as for the preparation of special seminars, open lectures and excursions in the halls of the Science Museum of AmSU.

Approval of the thesis

The intermediate results of this dissertation research have been presented at the following academic conferences:

1. All-Russian science and practice conference “Humanistic content of the principle of freedom of thought, conscience, religion and belief” (Moscow: Lomonosov Moscow State University, October 15, 2015);
2. XII International science and practice conference “Russia and China at the Far Eastern borders. Russian Emigration in China: The experience of exodus” (Blagoveshchensk: Amur State University, May 18–19, 2016);
3. Regional science and practice conference “Novikov Readings” dedicated to the 125th anniversary of the founding of the Amur Regional Museum of Local Lore and the 135th anniversary of the birth of a local lore scholar G.S. Novikov-Daursky (Blagoveshchensk: Amur Regional Museum of Local Lore n.a. G.S. Novikov-Daursky, October 6–7, 2016);
4. The Third Congress of Russian scholars of religion: “Academic study and conceptualization of religion in the 21st century: traditions and new challenges” (Vladimir: Vladimir State University, October 7–9, 2016);
5. XXIV International science conference of students, postgraduates and young scholars “Lomonosov” (Moscow: Lomonosov Moscow State University, April 10–14, 2017);
6. International science and practice seminar “Ethnic contacts in the Far East: History and modernity” (Blagoveshchensk: Amur State University, April 14, 2017);
7. Russian national science conference “Problems of modern science” (Blagoveshchensk: Amur state University, December 22, 2017);
8. XIII International science and practice conference “Russia and China in the far East: peoples and ethnic culture” (Blagoveshchensk: Amur state University, May 23–25, 2018);
9. The Fourth Congress of Russian scholars of religion (Blagoveshchensk: Amur state University, September 24–28, 2018);
10. International interdisciplinary Tungus conference “Social interaction, language and landscapes in Siberia and China (Evenks, Evens, Oroqens, and other groups) (Blagoveshchensk: Amur state University, June 14–16, 2019);

11. XIV International science and practice conference “Russia and China in the Far East”: Peoples and cultures of Northeast China (Blagoveshchensk: Amur state University, September 17–18, 2020);
12. Academic conference “Study of Religion in Russia: from the past to the future” (St. Petersburg: St. Petersburg State University, State Museum of the History of Religion, November 20–21, 2020).
13. International science and practice conference “Historical and cultural heritage of Russia and China: Issues in research, conservation and development” (Krasnodar: Krasnodar state Institute of culture, May 26, 2021);
14. XIV Congress of anthropologists and ethnologists of Russia (Tomsk: National research Tomsk state University, July 6–9, 2021);
15. International conference online. Nostalgia: Myths, destinies and literary experience of Russian emigration from the series “Luminarze Rosyjskiej Emigracji / Great Names of Russian Emigration” (October 25–26, 2021);
16. The Fifth Congress of Russian scholars of religion (St. Petersburg: State Museum of the History of Religion, November 18–20, 2021).

The main content of the dissertation study is reflected in **publications in periodicals** indexed in Scopus and Web of Science; included in the list of scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation and RSCI⁷⁴.

⁷⁴ *Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsymkal O.E.* V. Han’s Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. P. 3433–3439. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.461>. ISSN: 2357–1330; *Kontaleva E.A.* Religious syncretism in the interpretation of Russian and foreign researchers. *Religiovedenie [Study of religion]*. 2017. No. 2. Pp. 62–78; *Kontaleva E.A.* Occultism and mysticism in the pages of Harbin periodics (on materials of the journal “Rubezh”. *Religiovedenie [Study of religion]*. 2018. No. 2. Pp. 140–153; *Kontaleva E.A.* Religious syncretism of Harbin Russians: forms of political radicalism. *Religiovedenie [Study of religion]*. 2020. No. 1. Pp. 43–66; *Kontaleva E.A.* Religious and syncretic foundations of the mentality of Russian emigrants (on the example of literary and ethnographic prose by N.A. Baikov and P.V. Shkurkin). *Religiovedenie [Study of religion]*. 2020. No. 3. Pp. 45–54; *Kontaleva E.A.* Ethnographic studies of P.V. Shkurkin: religious and cult features of the culture of foreign tribes of China. *Religiovedenie [Study of religion]*. 2020. No. 4. Pp. 83–94; *Zabiyako A.P., Belyakov A.E., Gavrillov S.S., Kontaleva E.A., Rodionova K.I.* Etnokul’turnyy atlas Priamur’ya [Ethnocultural Atlas of the Amur Region]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskiy gosuniversitet, 2016. 166 p.; *Kontaleva E.A.* Historiography of the study of religious syncretism: national and international approaches. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma “LOMONOSOV-2017” [Materials of the International youth science forum “LOMONOSOV-2017”]*. Eds. I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. Moscow: MAKS Press, 2017; *Kontaleva E.A.* Features of religion in the era of postmodernism. *Sbornik materialov Rossiyskoy natsional’noy nauchnoy konferentsii “Sovremennye problemy nauki”, 22 dekabrya 2017 g. [Collection of materials of the Russian national scientific conference “Modern problems of science”, December 22, 2017]*. Blagoveshchensk: AmGU, 2017. Pp. 114–116; *Zabiyako A.P., Kontaleva E.A.* Russians. *Narody i religii Priamur’ya [Peoples and religion of the Amur region]*. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017. Pp. 60–78; *Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsymkal O.E.* “I do want to meet you – a living witness of the history of Harbin”: emigre archive of Valentina

1. The phenomenon of religious syncretism

1.1 Types of religious syncretism: theoretical approaches and historical discourse

As a theoretical and methodological basis necessary for solving the main tasks of the dissertation, we have identified several basic forms of the existence of the phenomenon of religious syncretism and a definition of religious syncretism operationalized in relation to the context. Religious syncretism is a form of being of religious phenomena, the content of which is the conjugation of heterogeneous religious components or essentially heterogeneous components of a religious and non-religious nature into some integrity.

The ultimate basis of religious syncretism is the desire of a person to go beyond the boundaries of the existing circumstances of religious life and being, to overcome the objectively given or subjectively experienced fragmentation of existence and create an integrity that eliminates contradictions. Religious syncretism, derived from existentially important human intentions, accompanies the entire history of religion, varying in different modifications.

The main modifications (forms) of religious syncretism include: 1) syncretism associated with the separation of humanity from nature, the formation of boundaries between man and the surrounding world and, as a consequence, with human desire to overcome these boundaries; 2) syncretism arising in the presence of boundaries between religious systems and aimed at overcoming religious boundaries and creating a consistent religious integrity; 3) syncretism arising in the presence of boundaries between the

Han. *Emigrantologia Słowian*. 2018. Vol. 4. Pp. 15–28; *Kontaleva E.A.* Syncretism and identitarianism of the Boxer movement. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian emigration in China: the exodus experience]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018. Vol. 12. Pp. 294–306; *Kontaleva E.A.* Religious syncretism in the culture of Russian emigration in Harbin. *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Favorite Harbin – the city of friendship of Russia and China]. Vladivostok, 2019. Pp. 306–317; *Kontaleva E.A.* Features of frontier mentality in the life-building and creative work of Russian emigration in Northeast China. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. *Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya*. Vyp. 13. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and Cultures of Northeast China. Vol. 13. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2020. Pp. 402–409; *Kontaleva E.A.* Chinese mythology in the work of the Russian emigrant writer B.M. Yul'sky. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Rossii i Kitaya: voprosy izucheniya, sokhraneniya i razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (26 maya 2021 goda)* [Historical and cultural heritage of Russia and China: issues of study, preservation and development: Proc. of materials of the International Science and Practice Conference (May 26, 2021)]. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2021. Pp. 99–104.

religious system, on the one hand, and philosophical, political, artistic, and other systems that have separated from it, on the other hand; this modification allows for a total synthesis of religious, philosophical, aesthetic, social, scientific and other components in order to create a universal spiritual integrity.

Obviously, separation from nature, from the animal world, was reflected in the early worldview not only in positive ideological and psychological states, but also in negative ones – it caused feelings of loss of kinship with the animal and natural environment, the fading of connection with the sources of life and strength. A person strived to overcome the differentiation with nature that had arisen, to return to its limits, to regain some kind of integrity of natural and human existence. This form of syncretism is most clearly expressed by the phyto- and zooanthropomorphic images in early forms of religion (totemism, shamanism, etc.), as well as the anthropomorphization of nature. It persists in the later stages of religious history: e.g., in some ideas of Taoism, Vedism and other religions that have not lost their connection with the archaic; in the ideas of a special life force of *qi*, the source of which is nature; zoomorphic aspects of the pantheon, etc.

Another, historically more recent modification of syncretism is a form, which arises in the presence of boundaries between religious systems. It is formed and exists at the stage of religious history when religious systems are dogmatically, culturally and institutionally isolated from each other. As a rule, the process of religious isolation, differentiation of religions, the introduction of allochthonous religions from the outside takes place within a relatively unified society and culture. In the socio-cultural environment, it often generates internal contradictions and is experienced as a break with the past, with the origins, etc. The religious syncretism that arises and exists in such conditions is aimed at overcoming religious boundaries and creating a consistent religious integrity.

This form of syncretism is most common in ancient antiquity and the Middle Ages. It implies the interaction and mutual influence of religious systems of various levels and degrees of development, as well as the connection of these systems or individual religious elements into a kind of integrity. This form includes several dimensions: the preservation of elements of primitive cults in more complex and developed religious systems, including a rudimentary form; the impact of developed cults on more primitive ones

while preserving the basic idea of the latter; mutual influence and interpenetration of several developed, complex religions; various religious and philosophical formations. Although all religious systems have gone through similar syncretization processes to a greater or lesser extent, Hinduism, ancient Roman religion, whose entire history is based on the construction of new combinations of religious syncretism, medieval European ethnoreligiously diverse forms of dualism, etc., can be considered among the striking examples of the embodiment of this form of syncretism.

The third of the modifications of religious syncretism that we have identified is one, which arises in the presence of boundaries between the religious system, on the one hand, and philosophical, political, artistic, aesthetic, and other systems that have separated from it, on the other hand. It arises when different forms of social consciousness are quite clearly separated from each other and from religion, when religion objectively loses the position of a common basis and sanctions of other types of worldview. But, on the other hand, religion never loses its desire to be such a basis and sanction. In religious consciousness, this aspiration generates an intention to form a new integrity of ideas and practices in which religion plays a dominant role. This modification allows for a total synthesis of religious, philosophical, aesthetic, social, scientific and other components in order to create a universal spiritual integrity. This form is notably manifested in the religious searches of the late 19th – early 20th centuries (Agni yoga, Ramakrishna's teaching, religious universalism, “cosmic religion” by A. Einstein, etc.), the basic syncretism of New religious movements and New Age, quasi-religious, re- and neo-mythological formations, youth movements (for example, hippies), etc. The bearer, the ideal of this form of syncretism becomes a creative person who is ready to overcome any boundaries of differentiated being – including returning to merging with nature.

Each of the singled-out forms of syncretism, having once arisen, does not cease to exist: depending on various factors, they can coexist or replace each other in the historical perspective. Each form, in addition to their natural discreteness and continuity, is more or less inherent in such dualistic foundations as naturalness and artificiality, completeness and fragmentation, exogeneity and endogeneity, etc.

These definitions and classifications represent one of many possible types of objective complexity and multidimensional phenomenon of syncretism. Putting forward this concept, we, first of all, note its validity for European history and consider it as a theoretical and methodological system of a specific dissertation study designed to better understand the phenomenon of religious syncretism in the mentality of Far Eastern emigration.

As far as it is known, the term syncretism (*synkrētismós*) was first applied by Plutarch to the Cretans, who, despite the usual internal strife, rallied in the face of an external enemy⁷⁵. The concept of *syncretismus* latinized by Erasmus of Rotterdam (which he used to denote the changing coalitions of the period of religious wars or the assertion of the need for humanists to band together against their ideological enemies) is comprehended in the works of Western Christian theologians⁷⁶. Later, this term underwent significant changes, and the concept of syncretism entered the academic circulation of the history of religion thanks to the researchers of the 19th century, who used it to determine the specific qualities and features of primitive thinking.

Both the definition itself and the limits of its application in the study of religion remain the subject of discussion, which is caused not only by the objective complexity of the phenomenon, but also by the fact that all religious trends and traditions are to some extent syncretic formations as a result of long-term historical interaction and mutual influence. The concept of religious syncretism includes a whole “conglomerate of phenomena”⁷⁷, intersects with *eclecticism* in its philosophical understanding and is opposed in content to *religious pluralism*, which presupposes a variety of coexisting, but not intermingling religious traditions.

Religious syncretism can be divided into several main historic types, although any division is to a certain extent conditional and is a difficult task. At different times, researchers have proposed various classifications, including, for example, the following notions: “natural”, “primary”, “genetic”, “artificial”, “illusory”, “antagonistic”, “mixed”,

⁷⁵ Colpe C. Syncretism [First Edition]. Encyclopedia of Religion. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O’Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8926.

⁷⁶ Fritz G. Syncretism [Further Consideration]. Encyclopedia of Religion. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O’Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. P. 8934.

⁷⁷ Mikhelson O.K. Syncretic religions. Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3664464.

“synergetic”, “postmodern”, etc.; the definitions of syncretism included such terms as “bricolage”, “mosaic”, “eclecticism”, “amalgam”, “undifferentiation”, “synthesis”, “hybridization”, “integration” ... Such uncertainty indicates a significant complexity of the phenomenon, as well as the presence of a large number of aspects and features that often correlate with not one, but several “types” of syncretism. In addition, often different types of syncretism, despite their stadiality, can exist in parallel or be subordinated, because in the course of historical development, religious syncretism undergoes qualitative changes, but does not completely disappear due to “<...> historical continuity and multicomponentness of religious phenomena”⁷⁸.

However, before proceeding to the direct consideration of the types of religious syncretism, let us turn to the fundamental properties of human consciousness and thinking, in which syncretic modes arise.

Various forms of religious synthesis can be observed already at the early stages of human history, at the beginning of the emergence of religious ideas. The development of ideas about the surrounding reality has begun about 200,000 – 40,000 years ago⁷⁹ during *sapientation* – the appearance of Modern Human (early *Homo sapiens*). The most important feature of Modern Human is the ability to *abstract thinking*, which determines the possibility of comprehending the surrounding world in abstract forms: magical, mythological and religious ideas and images gradually take shape in human consciousness.

One of the most important features defining the dynamic nature of consciousness is its *borderline character*: “Consciousness as a form of mental reflection is at the joint (at the junction and distinction) of subject and object, individual and collective, natural and cultural, direct-sensory and socio-historical experience in the content and structure of mental reflection, in the human psyche”⁸⁰. This “joint” bases the very human perception of the world.

⁷⁸ Belyaeva E.V. Historical types of religious syncretism. Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. Psikhologiya. Pedagogika [Bulletin of the Brest University. Series of Humanities and Social Sciences. Philosophy. Sociology. Law. Psychology. Pedagogy]. Brest, 2008. No. 4. P. 45.

⁷⁹ Derevyanko A.P. Formation of a modern anatomical species and its behavior in Africa and Eurasia. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, ethnography, and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, 2011. No. 3(47). P. 22.

⁸⁰ Ulybina E.V. Psikhologiya obydenного soznaniya [Psychology of common consciousness]. Moscow: Smysl Publ., 2001. P. 10.

During the period of the primitive communal system, the emerging religious beliefs were in inseparable unity with each other and did not exist in a pure, “unmixed state”. Moreover, “the undifferentiated collectivism of primitive society is transferred to nature; natural properties and connections are constructed by analogy with the participants, roles and relationships in the tribal community, through personification, anthropomorphism, animatism”⁸¹. The presence of natural syncretic foundations in religious beliefs at the dawn of the formation of human societies is widely confirmed by the data of history, archeology, cultural anthropology. Despite this, we can use the concept of syncretism to describe the first religious ideas only on the assumption of the fact that the syncretism of primitive thinking is conditioned by *thinking itself* and its *natural features*.

So, the very existence of syncretism is closely related to the peculiarities of human consciousness in general and religious consciousness in particular. One of the most important factors of their formation is nature itself (including the biological origin of human)⁸². The creative potency of the *neo-anthropic* consciousness was formed in natural conditions under the influence of the dialectical unity of natural and social factors. The vital activity of early man as a microcosm was organically integrated into the macrocosmic reality, which acted as a conditioning principle and an integral part of life, serving as a foundation, source and stage for the performance of the first ritual actions. According to the Marxist definition of religion, “<...> every religion is nothing but a fantastic reflection in the minds of people of those external forces that dominate them in their daily life – a reflection in which earthly forces take the form of unearthly ones”⁸³. In the *imago mundi*⁸⁴ of primitive man, trees, stones, clouds, rain, wind, etc. become living representatives of the sacred space of reality and direct participants in rituals.

⁸¹ *Yablokov I.N.* Mythological thinking. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Religious studies: encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006.

⁸² See *Anuchin V.G.* Geograficheskiy faktor v razvitií obshchestva [Geographical factor in the development of society]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 336 p. The idea of influence of the environment on the formation of psychological and physical characteristics of a person, culture, socio-political structure of society, etc., is also reflected, for example, in the philosophical concept of “*geographical determinism*” (Ch. Montesquieu, J.-J. Rousseau, J. Herder, etc.), in Marxism (K. Marx, F. Engels).

⁸³ *Engels F.* Anti-Duhring. Sochineniya. Vol. 20 [Writings. Vol. 20]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961. P. 299.

⁸⁴ *Lat.* “worldview”.

Sensualists⁸⁵ believed that the *synthetic functioning of consciousness* determines thinking, memory and imagination depending on the data of empirical experience. The thesis “there is nothing in the mind that would not be in the senses”⁸⁶, which was put forward by T. Hobbes and P. Gassendi, was widely used in the works of J. Locke. According to this thesis, a person cannot imagine anything that is not the result of his individual sensory experience: that is, if you decompose *any* fantastic image into simple elements, it becomes obvious that each of these elements is an objective part of perceptual reality.

However, D. Hume, who stood on the positions of empiricism, put forward the idea that consciousness has a natural and necessary creative potency to go beyond the boundaries of pure empiricism and build up non-obvious essences and meanings that are not revealed directly in the act of perception. Being closely connected with fantasies, the epistemological process has significant possibilities for *constructing reality* in a variety of ways based on the “raw material” of sensory experience. Hume emphasized both the difference and the relationship between *impressions* as a result of empiricism and *ideas* (a kind of “synthetic judgments”) as a consequence of the work of consciousness: any idea can have a connection with the impression that generated it. Hume believed that all representations about the divine “<...> are nothing but a *combination of ideas* that we acquire through reflection on the actions of our own mind”⁸⁷.

The human need for religious *creativity*, which is based on the desire for anthropomorphism, was also noted by L. Feuerbach. Following the sensualists, Feuerbach proclaims empiricism as the only real source of knowledge – hence, he denies the existence of the supersensible, deducing the beginning of religious ideas not from the natural environment surrounding humans, but from their *own nature*: “God is reason, expressing and asserting himself as a supreme being”⁸⁸. Gods are the “*need of thinking*”, *the products of*

⁸⁵ *Sensualism* is a doctrine in the theory of cognition that considers the data of sensory experience as the main form of cognition. Among the representatives of sensualism and those who share its positions are Epicurus, E.B. de Condillac, T. Hobbes, P. Gassendi, J. Locke, J. Berkeley, D. Hume, L. Feuerbach, etc.

⁸⁶ Orig. *Nihil est in intellectu quod non ante fuerit in sensu* (there is nothing in consciousness that was not previously in sensations). This expression was also developed in the writings of G.W. Leibniz, who added “nisi intellectus ipse” – “except consciousness itself”.

⁸⁷ Hume D. Sochineniya v 2-kh tomakh. Vol. 1 [Writings on 2 vols. Vol 1]. Moscow, 1996. P. 669.

⁸⁸ Feuerbach L. The essence of Christianity. Sochineniya v 2-kh t. Vol. 2 [Writings in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1995. P. 53.

rational creation, the fruits of fantasy, the phenomenon of human objectifying his own essence, alienating from it and worshipping it as well.

It is fair to note that the geographical determinism mentioned above does not cease its influence at the early stage of human history. Not only nature and its objects undergo sacralization, but also later, developed representations of deities and otherworldly beings take on the appearance or are endowed with the qualities of plants, animals, and natural phenomena that play a special role in human life⁸⁹. There are well-known examples of a direct connection between the most optimal or, conversely, unsuitable living conditions and the role they play in religious beliefs.

The very idea of the existence of a sacred reality, different from the ordinary world, is initially based on binary oppositions (according to C. Levi-Strauss): heaven-earth, life-death, day-night, etc. One of the most important binary combinations of existential reflection of the world are the oppositions sacred-profane, friend-foe and us-them. This dualism, which arose at the earliest stages of human history and is an integral part of the thinking of *Homo religiosus*, determines the complexity of human perception of the world and persists in subsequent epochs and at the present time. According to M. Eliade, even a non-religious person demonstrates a “*crypto-religious*” behavior: if a primitive person sacralizes the space around him, and, as society develops, clearly separates the sacred and the profane dimensions, then a person of the secular era discovers “<...> ‘holy places’ of his personal universe <...>: native landscape, the place where the first love was born, the street or quarter of the first foreign city seen in his youth <...>”⁹⁰. In his mind, according to Eliade, these places have the same property of “uniqueness”, exclusivity, otherness, as a sacred space for a religious person.

Thus, we can say that religious thinking is formed under the influence of at least three main factors: the natural environment as an “external natural”, the human biological principle as an “internal natural” and social interaction⁹¹, which determines its original, natural complexity as a system formation. The complexity of religious thinking, which

⁸⁹ Gavrilova Yu.V. The structure of factors of formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 22. P. 169.

⁹⁰ Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow, 1994. P. 24.

⁹¹ Gavrilova Yu.V. The external natural as a factor in the formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 4 (24). P. 51.

grows on the basis of symbolism, metaphoricalness and polysemy, as well as the natural features of functioning of consciousness itself, on the one hand, is immanent to it, and on the other hand, becomes necessary in the course of its further development and the need to overcome various antinomies⁹² to which the consciousness of early *Homo sapiens* was not sensitive.

1.2 Religious syncretism in the focus of domestic and foreign studies

At the early stage of the formation of human culture, there forms a modification of syncretism, which researchers often call archaic, primitive, genetic, primary, etc. As a rule, it means a specific integrity of primitive consciousness, weak differentiation of cult, practices, their close relationship with all spheres of human activity: thus, the religious practice of antiquity combined magic, drawings, dances, music, chants and all variants of early verbal creativity⁹³. This is syncretism of “pre-conceptual thinking”, “natural syncretism” – is distinguished by the original integrity of a person's ideas about the world and his place in it and is widely represented in proto-religions and mythological complexes: totemism, fetishism, animism, magic, dynamism, etc. Myth and ritual were components of a syncretic model, contradictory in its unity.

The “syncretic monolith” characteristic of primitive society determines the stage of development and specific features of this society, in which any activity and behavior are internal way of the life process as a whole⁹⁴. Humans do not subjectively oppose themselves to nature, but, on the contrary, objectively belong to it: the superhuman is attributed to nature, and the supernatural is attributed to human⁹⁵. Moreover, at its emergence, the archaic consciousness “<...> perceives the world paradoxically, on the one hand, as a higher-minded being, the creator, on the other hand – as something equal to it”⁹⁶. Syncretic thinking of early *Homo sapiens* subjectivizes objects and phenomena of

⁹² *Opolev P.V.* Complexity as a subject of religious consciousness. Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. 2013. No. 1. P. 158.

⁹³ *Zabiyako A.P.* Religious syncretism. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. P. 984.

⁹⁴ *Fetiskin V.V.* Primeval syncretism. Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]. 2002. No. 2 (27). Pp. 121–137.

⁹⁵ *Levi-Strauss C.* Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow: Respublika, 1994. P. 287.

⁹⁶ *Pershin Yu.Yu.* Arkhaicheskoe soznanie: sushchnost' i printsipy: avtoref. diss. ... d-ra filoz. nauk [Archaic consciousness: essence and principles: Abstract of DSc Thesis in Philosophy]. Omsk, 2014. P. 11.

perceptual reality and creates the effect of absolute justice and the regularity of the relationship between objective life realities and internal mental constructions. Gradually, community-generic mythological thinking is being built on this basal feature, while not excluding the flexibility and diversity of manifestations of early human's individuality – and with it, a gradual separation from nature. At later stages of development, when the level of craft and artistic creativity increases (for example, the development of the tool complex takes place), and humans gradually cease to directly depend on nature, they begin to act not as a natural, but as a socially creative being and deify the objects *created* by them, thereby indirectly worshipping their power and their property in an alienated form⁹⁷. But the separation from nature, the formation of boundaries between early man and the surrounding world is a loss, the end of the “golden age”, causing the desire to overcome the distinction that has arisen. This aspiration was most clearly embodied in the zoo- and phytoanthropomorphism of early religious ideas, as well as the reverse process – the anthropomorphization of nature.

In the 19th century, during the formation of disciplines suitable for the study of religious beliefs from a purely scientific point of view – anthropology of religion, sociology of religion, history of religion, phenomenology of religion, ethnography, cultural anthropology – the early syncretism aroused increased interest from the scientific community – primarily from the classics, within the framework of evolutionary theory and the theory of animism.

Animistic representations are widespread in religious traditions, and some peoples still have them today. As rudiments or in a modified form as a result of evolutionary development, animistic ideas are preserved in world religions. In the framework of the animistic theory, E. Tylor expresses the idea of a common syncretism and continuity of religious beliefs: “<...> *there is no human religion that stands completely apart from others: the thoughts and principles of modern Christianity have mental threads far behind* <...> in the very first beginnings of human civilization, and maybe even the very existence of man”⁹⁸. Taylor also notes the further *syncretic translation* of animistic beliefs.

⁹⁷ *Fromm E.* Dusha cheloveka [The soul of man]. Moscow: Respublika Publ., 1992. P. 143.

⁹⁸ *Tylor E.* Mif i obryad v pervobytnoy kul'ture [Myth and rite in primitive culture]. Smolensk: Rusich, 2000. P. 137.

Confirming Tylor's hypothesis regarding the origins of animism (the encounter of a person with supernormal experiences and phenomena⁹⁹ – sleep, hallucinations, death), E. Lang talks about the inseparability of dreams and reality in primitive consciousness and sees the origins of ideas about the soul in this inseparability. According to Lang, the religious syncretism of antiquity is based on “supernormal phenomena” that are objects of religious experience: hallucinations, trance, ecstasy, telepathic vision, etc. Comparing Christianity and primitive religions from an evolutionist point of view, he concludes that “<...> most of the commandments of the Decalogue and many elements of Christian ethics *find their divine sanction in the religion of savages*”¹⁰⁰.

According to J.J. Frazer, the starting point of the development of religious knowledge and the main evidence of genetic syncretism and the inseparability of primitive consciousness and nature is magic: “<...> savages regularly performed magical ceremonies <...> to cause rain and the reproduction of plants and animals which they ate”¹⁰¹. Frazer likens totemism to social magic, which aims to influence nature and the abundance of consumer products of primitive man – plants and animals. B. Malinovsky stood in similar positions.

This form of syncretism is closely related to the pralagic thinking. Levy-Bruhl, who proposed this formulation, believed that primitive consciousness is *insensitive* to empirical knowledge and logical contradictions, and “<...> primitive people feel direct and constant contact with the invisible world <...>”¹⁰², which implies not only a special form of archaic determinism, but also laws inherent in this thinking: *the law of participation*, meaning that an object for primitive man can be both itself and something else (totemists can simultaneously consider themselves both human beings and animals), and *the law of bilocation*, that is, the idea of the possibility of finding one object in two places at the same time.

⁹⁹ Lang A. The formation of religion. Religiovedenie. Khrestomatiya [Study of religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. P. 389.

¹⁰⁰ Lang A. The formation of religion. Religiovedenie. Khrestomatiya [Study of religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. P. 401.

¹⁰¹ Frazer J.J. Preface to the second edition of “The Golden bough”. Religiovedenie. Khrestomatiya [Study of Religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. P. 411.

¹⁰² Levy-Bruhl L. Mystical experience and symbols of primitive people. Religiovedenie. Khrestomatiya [Study of religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. P. 635.

One of the properties of early syncretism is, for example, *totemic inversion* (according to K. Levi-Strauss¹⁰³), in which the association and connection of a person with a totem in some tribes was carried out through indirect, dual and triple logical schemes that had a “polyvalent nature”. For example, a pelican was chosen as a totem by one of the tribes because it lives for a long time. Hence, it was not the bird itself that was the true totem of the clan, but longevity.

Levi-Strauss notes extremely complex interweaving between objects of primitive cognition. Primitive society can attribute an eagle or a squirrel to trees, because they live there; a deer can symbolically mean the world, etc. A remarkable feature of the genetic syncretism of antiquity, Levi-Strauss sees *the extreme awareness of primitive peoples about the species, classes, types of animals and plants, their correlation with parts of the human body*. This kind of “primary” syncretism is found in mythological complexes of more developed civilizations – for example, in myths about the first man who creates the universe from his body (Chinese Pangu, Indian Purusha, German-Scandinavian Ymir, etc.). In conditions of low language development, direct identification with the totem could occur in primitive consciousness: “I am a bear”, “I am a mountain”, etc. Similar reminiscences are also characteristic of *taiga mythology*, reflected in the literary and ethnographic works of Far Eastern emigrants.

On similar syncretic grounds, the cult of fetishes also arises, which was one of the first to be considered from the standpoint of comparative religious studies by Ch. De Brosses. Despite the extremely broad interpretation of fetishism and the inclusion of zoolatry, totemistic ideas, the cult of heavenly bodies, etc., De Brosses believes that, being one of the oldest religious forms, fetishism has become an integral part of more developed religious cults in the course of history: “Due to this *mixing of fetishism with so-called polytheism* <...> various quadrupeds, birds, fish, plants and herbs dedicated to certain gods who took their place, are found among the pagans”¹⁰⁴.

¹⁰³ Levi-Strauss C. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow: Respublika, 1994. 384 p.; Levi-Strauss C. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. Moscow: Vost. lit-ra Publ., 1995. 536 p.

¹⁰⁴ De Brosses Ch. O fetichizme [On fetishism]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. P. 74.

Within the framework of Russian scholarship, the early modification of religious syncretism was studied primarily by ethnographers and anthropologists. Research in this area also became widespread in the 19th century. The greatest attention in Russian scholarship is paid to syncretism in the *Russian* consciousness or in the consciousness of the peoples living on the territory of Russia.

A great contribution in this regard was made by L.Ya. Sternberg, who from the standpoint of evolutionism studied the peculiarities of culture and beliefs (ideas about supernatural “masters”, “chosen ones”, the scheme of stages of the evolution of beliefs) of the Tungus-Manchus, as well as the indigenous peoples of Siberia and the Far East, including the Amur Ainu, Gilyaks, Orochi. Sternberg, like Tylor, came to the conclusion that animism is “the universal worldview of primitive peoples”¹⁰⁵. The researcher believed that animism is preceded by animatization, “attribution of life, reason and will to everything” as a consequence of the religious creativity of primitive man”¹⁰⁶.

Speaking about the problem of the “minimum” of religion and its reduction to animism, fetishism or magic, S.A. Tokarev¹⁰⁷ comes to the conclusion that none of these “minimums” can be divided into a separate form of religion, since they all appear both at early and late stages of the development of religious ideas and are *an integral part of any religion*, especially in its late and complex variants.

This is true for Slavic paganism, and later for the phenomenon of the so-called “dvoeverie”, “folk Orthodoxy”, and for the Russian Orthodox Church itself, which, as it’s known, absorbed part of the Slavic pagan beliefs, dressing them in a new, Orthodox form. Natural syncretic elements were contained in the mythological worldview, mythological and cult practice, demonology, ritual and healing practice and in many other aspects of the spiritual culture of Russia¹⁰⁸. Russian mentality was undoubtedly affected by

¹⁰⁵ *Shakhnovich M.M.* L.Ya. Sternberg and “the science of religion”. Lev Shternberg – grazhdanin, uchenyy, pedagog. K. 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Lev Sternberg – citizen, scientist, teacher. To the 150th anniversary of the birth]. Ed. E.A. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2012. P. 194.

¹⁰⁶ *Sternberg L.Ya.* Pervobytnaya religiya v svete etnografii: issledovaniya, stat'i, lektzii [Primitive religion in the light of ethnography: research, articles, lectures]. Leningrad: Izd-vo Institutov narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. P. 367.

¹⁰⁷ See *Tokarev S.A.* Rannie formy religii [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 622 p.

¹⁰⁸ See *Efimenco P.S.* O Yarile, yazycheskom bozhestve russkikh slavyan [About Yarilo, pagan deity of the Russian Slavs]. St. Petersburg: Tip. Maykova, 1868. 36 p.; *Famintsyn A.S.* Bozhestva drevnikh slavyan [Deities of the ancient Slavs]. St. Petersburg: Tip. E. Arngol'da, 1884. 331 p.; *Sokolov M.* Starorusskie solnechnye bogi i bogini, istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Old Russian solar gods and goddesses, historical and ethnographic research]. Simbirsk: Tip. A.T. Tokareva,

all of this, on the one hand, and, on the other hand, the Russian (Slavic) mentality itself, which was formed in certain historical, geographical, social and other conditions, was the cause of the above-mentioned phenomena.

Later, this topic was raised in the historical and ethnographic works of A.N. Veselovsky (who, among other issues, proposed the theory of syncretism of archaic creativity), V.O. Klyuchevsky, Vs.F. Miller, M.S. Kagan, etc. Most Soviet researchers developed concepts of religious syncretism as part of the study of primitive religion. A special merit here belongs to V.R. Kabo, who thoroughly investigated the features of primitive thinking and consciousness and their syncretically conditioned relationship with religion, culture, and art¹⁰⁹.

Thus, in both foreign Western and domestic scholarship, interest in the early form of syncretism and the peculiarities of primitive thinking originated in the 19th century. In the West, this modification of syncretism is considered in ethnographic works in a predominantly evolutionist spirit; the studies are most often based on the study of the life of tribes that preserved the primitive communal system. In the Russian tradition, this phenomenon is examined on the pages of ethnographic studies through the prism of Russian culture and the culture of indigenous peoples.

1887. 181 p.; *Sheyn P.V.* Velikorusy v svoikh pesnyakh, obryadakh, obychayakh, verovaniyakh, skazkakh, legendakh i t. p.: v 2-kh t. [Great Russians in their songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends, etc.: in 2 volumes]. St. Petersburg, 1898–1900; *Maksimov S.V.* Krestnaya, nevedomaya i nechistaya sila [Cross, unknown and impure power]. St. Petersburg, 1903. 526 p.; *Anichkov E.V.* Yazychestvo i drevnyaya Rus' [Paganism and Ancient Rus]. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 1914. 386 p.; *Vinogradov N.N.* Charms, amulets, saving prayers, etc.: (according to ancient manuscripts and modern records). Zhivaya starina [Living antiquity]. 1907. No. 1. Pp. 1–56; *Kharuzina V.N.* Notes on the use of the word fetishism. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1908. No. 1–2; *Kharuzina V.N.* On the question of the worship of fire. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1906. No. 3–4; *Vetukhov A.* Zagovory, zaklinaniya. Oberegi i drugie vidy narodnogo vra-chevaniya, osnovannye na vere v silu slova [Charms, spells. Amulets and other types of folk healing based on the belief in the power of words]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr., 1907. 126 p.; *Zelenin D.K.* Vostochnoslavianskaya etnografiya [East Slavic ethnograph]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 501 p.; *Zelenin D.K.* Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died a non-natural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 432 p.; *Zelenin D.K.* Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture 1901–1913 gg. [Selected works. Articles on spiritual culture of 1901–1913]. Moscow: Indrik Publ., 1994. 400 p.; *Stankevich I.L.* Pervobytnoe mifologicheskoe mirovozzrenie i kul'tovaya praktika [Primeval mythological worldview and cult practice]. Yaroslavl: YaGU, 1994. 56 p.; *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of ancient Slavs]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 607 p.; *Vinogradova L.N.* Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan [Folk demonology and the mythological tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p.; *Krinichnaya N.A.* Initiation into sorcerers: Historical and ethnographic basis of Russian mythological stories about the transmission and assimilation of esoteric knowledge. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2002. No. 2. Pp. 10–23; *Chernaya L.A.* Istoriya kul'tury Drevney Rusi [History of the culture of Ancient Russia]. Moscow: Logos, 2007. 288 p.; *Mudrova I.A.* Slovar' slavyanskoy mifologii [Dictionary of Slavic mythology]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2009. 240 p., et al.

¹⁰⁹ See *Kabo V.R.* Krug i krest: Razmyshleniya etnologa o pervobytnoy dukhovnosti [Circle and cross: Reflections of an ethnologist on primitive spirituality]. Canberra: Al-cheringa Publ., 2002; *Kabo V.R.* Nature and primitive consciousness. Priroda [Nature]. 1981. No. 8. Pp. 88–95; *Kabo V.R.* Syncretism of primitive art (materials of Australian fine art). Rannie formy iskusstva [Early forms of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. Pp. 275–299, etc.

The second form of religious syncretism that we have identified has various names in the scientific literature: “secondary”, “antagonistic”, “mixed”, “mechanical”, “artificial”, etc. A. Toynbee also calls it “illusory”, formed “in the era of the collapse of civilizations”, representing “a phenomenon of not so much religious as political nature, covered by a religious mask” and expressed in the “verbal equalization” of the names of the gods¹¹⁰. Nevertheless, this “illusory”, of course, does not extend to the entire mode, being one of the dimensions or its inherent syncretic forms only.

Syncretization is the fundamental basis for the emergence and development of not only polytheistic, but also monotheistic beliefs, despite the fact that the latter sought to observe dogmatics in an “unalloyed state”¹¹¹. The oldest cults of Western Europe, Egypt, Asia Minor, Palestine, Mesopotamia, India, etc. have similar features and all go back to the original source – *syncretic proto-religion*. Syncretization was inherent in the polytheistic religions of antiquity, which is especially noticeable, for example, in the Babylonian, ancient Egyptian, Greek, Roman religions. Neither Judaism, nor Christianity, nor Islam have escaped the inclusion of foreign elements in their religious corpus. Elements of Sumerian-Babylonian and Hittite beliefs are traced in Judaism; features of Judaism, Mazdaism, Zoroastrianism, and ancient philosophy are visible in Christianity; a number of religions of the Arabian Peninsula (Judaism, Christianity, Mazdaism, etc.) is presented in Islam. The spread of Buddhism created the basis for the emergence of syncretic cultural complexes of Buddhist culture. In medieval Europe, the manifestation of religious syncretism was the emergence of a huge number of heretical movements, as well as the spread of a special branch of knowledge – alchemy; in the Renaissance, we observe a synthesis of ancient and Christian worldviews, etc.¹¹²

State policy, migration and colonization processes, missionary work, acculturation (inculturation, including in the context of the missionary method), socio-political crises, etc. also became extremely important grounds for the development of this modification

¹¹⁰ *Toynbee A.J.* Issledovanie istorii. Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve [Research of history. Civilizations in time and space]. Transl. K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST Publ., 2009. 868 p.

¹¹¹ *Zabiyako A.P.* Religious syncretism. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. P. 984.

¹¹² *Arkhipova Yu.V.* Sinkretizm v strukture kul'tury: avt. diss. ... kand. filos. nauk [Syncretism in the structure of culture: abstract of PhD thesis in Philosophy]. Saratov: Saratovskiy gos. un-t, 2005. P. 10. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d?#?page=1>.

of religious syncretism. A striking, though controversial, example is the phenomenon of Russian *dvoeverie*, which developed during the Christianization of Russia and the imposition of Orthodox dogmas on the canvas of pagan beliefs. The phenomenon of *dvoeverie* and folk Christianity is closely connected with the folk calendar, demonology, folk medicine, folklore and is still preserved in Russian culture in the form of the celebration of Maslenitsa, Christmas week, faith in house spirits, folk medicine, etc. (especially in a popular and isolated environment, for example, among emigrants)¹¹³.

The combination of monotheistic and pagan beliefs is also characteristic, for example, of the indigenous peoples of Siberia and the Far East. With the beginning of Russian expansion and the spread of Orthodoxy to the remote regions of the Russian Empire in the 17th – the 19th centuries, the process of active cultural influence is launched. It is known that many peoples after Christianization simply included Orthodox saints in their pantheon as “new gods” or “spirits-helpers” and asked them for help and good luck in business – hunting, fishing, etc.¹¹⁴

Within the framework of Russian scholarship, a large number of works dealing with the issue of this form of religious syncretism are quite naturally devoted to

¹¹³ *Zabiyako A.P., Zabiyako A.A.* Magic, demonology and visions in the religious culture of Russians in Tryokhrechye. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016. No. 4. P. 107.

¹¹⁴ See *Zabiyako A.P., Kontaleva E.A.* Orthodoxy. *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and religion of the Amur region]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017. P. 262; *Voronkova E.A.* Religion of the Amur Evenks in *Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Anikhovskiy S.E., Voronkova E.A., Zabiyako A.A.* Evenki Priamur'ya: olennaya tropa istorii i kul'tury [The Amur Evenks: Reindeer trail of history and culture]. Blagoveshchensk, 2012. P. 244.

phenomena related to Christianity in one way or another: dvoeverie¹¹⁵, sectarianism and various movements in Orthodoxy¹¹⁶.

The phenomenon of dvoeverie, as already noted above, is a subject of academic discussion. First of all, the very concept of “duality”, proposed by Theodosius of Pechersk, is questioned¹¹⁷. It is advisable to note that the concept of dvoeverie is most often reduced to Orthodox-pagan syncretism and is generally defined as “<...> a set of various forms of religious, more often Christian and heterodox syncretism that occurs in the material and spiritual culture of peoples, usually during the change of ideological paradigms”¹¹⁸. The term does not receive general academic recognition primarily because those phenomena that are classified as dvoeverie, instead of the implied duality,

¹¹⁵ See *Gal'kovskiy N.M.* Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevney Rusi: v 2-kh t. [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia: in 2 vols.]. Kharkov, Moscow, 1913–1916; *Ryazanovskiy F.A.* Demonologii v drevnerusskoy literature [Demonology in Ancient Russian literature]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1915 (obl. 1916). 126 p.; *Uspenskiy B.A.* On the problem of Christian-pagan syncretism in the history of Russian culture: 1. Pagan reflexes in Slavic Christian terminology. 2. Dualistic character of the Russian medieval culture. Vtorichnye modeliruyushchie sistemy [Secondary modeling systems]. Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta, 1979. Pp. 54–63; *Bogoraz-Tan V.G.* Khristianstvo v svete etnografii [Christianity in the light of ethnography]. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1928. 160 p.; *Khamayko N.* Old Russian “dvoeverie”: origin, meaning and adequacy of the term. Ruthenica. Kiev: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini, 2007. No. 6. Pp. 86–114; *Bernshtam T.A.* Russian folk culture and folk religion. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1989. No. 1. Pp. 91–100; *Zhivov V.M.* Dvoeverie i osoby kharakter russkoy kul'turnoy istorii [Dvoeverie and the special character of Russian cultural history]. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury [Studies in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow, 2002. Pp. 306–316; *Panchenko A.A.* Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii [Research in the field of folk Orthodoxy. Village sanctuaries of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Aletyya, 1998. 305 p.; *Pedro Yu.V.* Dvoeverie and religious syncretism as components of the religious-historical process. Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. No. 3. Pp. 293–296, etc.

¹¹⁶ See *Aivazov N.G.* Khristovshchina. Material dlya issledovaniya russkikh mistiche-skikh sekt (v 2-kh t.) [Khristovshchina. Material for the study of Russian mystical sects (in 2 volumes)]. Petrograd, 1915; *Budkevich T.I.* Obzor russkikh sekt i tolkov [Review of Russian sects and movements]. Kharkov: Tip. Gubernskago pravleniya, 1910. 607 p.; *Kutepov K.* Sekty khlystov i skoptsov [Sects of Khlysts and Skopets]. Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1882. 576 p.; *Reutskiy N.V.* Lyudi bozh'i i Skoptsy [The People of God and the Scopets]. Moscow: Tip. Gracheva i Ko, 1972; *Konovalov D.G.* Religious ecstasy in Russian mystical sectarianism. Pt. 1. Iss. 1. Physical phenomena in the picture of sectarian ecstasy. Bogoslovskiy vestnik. 1907–1908 [Theological bulletin. 1907–1908]. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoy Lavry, 1908. 256 p.; *Volkov N.N.* Sekta skoptsov [The Sect of the Scopets]. Ed. N.M. Matorin. Leningrad: OGIZ-Priboy, 1931. 168 p.; *Kritika religioznogo sektantstva (Opyt izucheniya religioznogo sektantstva v 20-kh – nachale 30-kh godov [Criticism of Religious Sectarianism (Experience of studying religious Sectarianism in the 20s – early 30s)]. Ed. A.I. Klivanov. Moscow, 1974, etc.*

¹¹⁷ See *Tolstoy N.I.* Ocherki slavyanskogo yazychestva [Essays of Slavic paganism]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 624 p.; *Tolstoy N.I.* Christianization as a factor of complication of the structure of the ancient Slavic spiritual culture. Vvedenie khristianstva u narodov Tsen-tral'noy i Vostochnoy Evropy. Kreshchenie Rusi [Introduction of Christianity among the peoples of Central and Eastern Europe. Baptism of Russia]. Moscow, 1987. Pp. 50–53; *Zhivov V.M.* Dvoeverie i osoby kharakter russkoy kul'turnoy istorii [Dvoeverie and the special character of Russian cultural history]. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury [Studies in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow, 2002. Pp. 306–316; *Petrukhin V.Ya.* Gods and demons of the Russian Middle Ages: rod and rozhanitsy and the problem of Old Russian dvoeverie. Slavonic and Balkan folklore. Narodnaya demonologiya [Folk demonology]. Moscow, 2000. Pp. 315–343; *Petrukhin V.Ya.* Old Russian dvoeverie: concept and phenomenon. Slavyanovedenie [Slavic studies]. 1996. No. 1. Pp. 44–47; *Petrukhin V.Ya.* Paganism of the Slavs in the light of interdisciplinary research. Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1984 god [The most ancient states in the territory of the USSR/ Materials and studies. 1984]. Moscow, 1985. Pp. 244–251, etc.

¹¹⁸ *Ivanova I.I.* Dvoeverie. Entsiklopediya religiy [Encyclopedia of religions]. Moscow, 2008. P. 353.

demonstrate the *internal integrity of a single worldview* and reflect a multi-vector process showing how “<...> a variety of different worldviews can be held within the framework of one culture”¹¹⁹.

In this regard, it is more logical to talk not about *dvoeverie*, but *folk religion*. A special merit in the study of folk Orthodoxy – the “living religion” – belongs to N.M. Matorin¹²⁰. One of the main tasks for the researcher was the development of “methodology and effective practical methods for the study of ‘living’ religion”¹²¹, as well as the compilation of methodological manuals. Methodological guidelines for the study of everyday religiosity N.M. Matorin developed, first of all, from the standpoint of ethnography and opposed the active use of the term “*dvoeverie*”, believing that syncretism in the Orthodox environment is not a “mechanical union of two faiths”, but a kind of “*amalgam, syncretic, but at the same time a holistic worldview*”. In the methodological recommendations for the study of the syncretism of folk Orthodoxy, he paid special attention to such phenomena as the perception of the images of the Virgin Mary, Jesus Christ, saints, Orthodox animism, religiously colored manipulations in production, magical inclusions in the Orthodox cult, peculiarities of attitudes to birth and death, healing practices, etc.

N.N. Matorin notes the constant importance of “<...> revealing those material prerequisites in changing social relations that determine various forms of religious syncretism”¹²². He distinguishes the following forms:

¹¹⁹ *Pedro Yu.V.* Dvoeverie and religious syncretism as components of the religious-historical process. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. No. 3. P. 294.

¹²⁰ See *Matorin N., Nevskiy A.* Program for the study of “Orthodox paganism” (religious syncretism among the peoples of the USSR who adopted Orthodoxy “*dvoeverie*”) in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 253–272; *Matorin N., Nevskiy A.* *Programma dlya izucheniya bytovogo pravoslaviya* [Program for the study of popular Orthodoxy]. Leningrad, 1930; *Matorin N.M.* *Female deity in the Orthodox Cult. Pyatnitsa-Theotokos. Essay on comparative mythology*. Moscow, 1931; *Matorin N.M.* On the issue of methodology for studying religious syncretism in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016; *Matorin N.M.* *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraya prezhde i teper'* [Religion among the peoples of the Volga-Kama region then and now]. Moscow: Akts. izd. o-vo “Bezbozhnik”, 1929. 174 p.

¹²¹ *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* N.M. Matorin and his program for studying folk religiosity. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2012. No. 4. P. 193.

¹²² *Matorin N.M.* On the issue of methodology for studying religious syncretism in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 275–276.

1. The penetration of elements of primitive cults (animism, fetishism, magic) into more complex and developed ones (Christianity, Islam, Buddhism).
2. The opposite effect of more complex cults on more primitive ones, while preserving the basic concept of the latter (for example, Buddhism or Christianity and shamanism).
3. Mutual influence and interpenetration of several developed, complex religions (Christianity, Buddhism, Islam)¹²³.

When studying all the forms of religious syncretism cited by him, the researcher considered it necessary to involve a wide layer of ethnographic data, folklore materials, taking into account historical, socio-economic, political, geographical and other features of the habitat of a particular culture.

D.K. Zelenin paid considerable attention to folk religion, paying special attention to Russian folk funeral rites; folk cosmogonic ideas and folk demonology (especially Russian rituals), etc.¹²⁴ Also, in an ethnographic way, this modification of religious syncretism was studied, for example, by L.N. Vinogradova and E.N. Eleonskaya¹²⁵. Works of B.A. Rybakov¹²⁶ were prominent, but controversial. The phenomenon of syncretism among non-Russian peoples living within the territory of Russia¹²⁷, as well as cultures

¹²³ *Matorin N.M.* On the issue of methodology for studying religious syncretism in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. P. 278.

¹²⁴ See *Zelenin D.K.* Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnograph]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 501 p.; *Zelenin D.K.* Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died a non-natural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 432 p.; *Zelenin D.K.* Izbrannyye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture 1901–1913 gg. [Selected works. Articles on spiritual culture of 1901–1913]. Moscow: Indrik Publ., 1994. 400 p.

¹²⁵ *Vinogradova L.N.* Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan [Folk demonology and the mythological tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p.; *Eleonskaya E.N.* Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov [Fairy tale, charm and witchcraft in Russia. Collection of works]. Moscow: Indrik Publ., 1994. 272 p.

¹²⁶ *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevney Rusi [Paganism of ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 782 p.; *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of ancient Slavs]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 607 p.

¹²⁷ See *Romanova S.A.* Features of the formation of Orthodox-pagan syncretism of Mari. Istoriya khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ya [History of Christianization of the peoples of the Middle Volga region]. Cheboksary, 1988. Pp. 104–112; *Mokshin N.F.* Religious syncretism among the Mordvins. Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 49–57; *Stebleva I.V.* Syncretism of religious and mythological representations of the pre-Muslim Turks. Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. 1989. No. 4. Pp. 51–57; *Vladykin V.E.* From the history of religious syncretism among the Udmurts. Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 35–49; *Stebleva I.V.* Syncretism of religious and mythological representations of the pre-Muslim Turks. Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. 1989. No. 4. Pp. 51–57; *Velikaya N.N., Vinogradov V.B.* Pre-Islamic religious syncretism among the Vainakhs. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1989. No. 3. Pp. 39–48; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Dukhi i dushi v traditsiyakh narodnogo islama Sibiri (k izucheniyu religioznogo sinkretizma v malykh lokal'nykh kul'turnykh kompleksakh) [Spirits and souls in the traditions of the folk Island of Siberia (to the study of religious syncretism in small local cultural complexes)]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176>; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Religious syncretism, folk Islam, regional cults (theoretical notes). Narodnaya

outside Russia and especially in the East¹²⁸, is subject to a separate understanding in the works of domestic researchers.

In the West, this form of syncretism has similarly begun to be actively studied since the 19th century. A special role in this process was played by the German school of *diffusionism* and the theory of cultural circles developed within its framework (Germ. *Kulturkreislehre*). Diffusionists – e.g., F. Ratzel¹²⁹, L. Frobenius¹³⁰, F. Graebner¹³¹ – study variants of borrowings, transfers and overlays of religious and cultural elements in the course of the natural development of mankind.

In modern Western science, interest in this form of syncretism does not fade, affecting a vast layer of historical examples of cultural diffusion and syncretization. The historical types of syncretization are considered: mysticism and the cult of saints in the Abrahamic religions, as well as the spread of fundamentalist ideas among them¹³², attempts are made to define syncretism by comparative analysis, identify its characteristic features, determine the stages of historical transformations of religious synthesis, the problems of national identity, tolerance and multiculturalism and much more¹³³.

kul'tura: lichnost', tvorchestvo, dosug [Folk culture: personality, creativity, leisure]. Omsk, 2003. Pp. 80–82; *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma [Siberian Islam: a regional version of religious syncretism]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN, 2004. 72 p.; *Zavadskaya E.A.* Syncretic tendencies in the modern Siberian shamanism: interview with shaman Svetlana Voronina. Religiovedenie [Study of Religion]. 2015. No. 2. Pp. 148–161; *Sagalaev A.M.* Mifologiya i verovaniya altaytsev. Tsentral'noaziatskie vliyaniya [Mythology and beliefs of the Altaians. Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 123 p., etc.

¹²⁸ See *Gusev I.V.* Vozdeystvie sovremennykh form religioznogo sinkretizma na dukhovnyuyu zhizn' KNR: na primere sekty "Falun'gun": avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [The impact of modern forms of religious syncretism on the spiritual life of the People's Republic of China: on the example of the Falun Gong Sect: abstract of PhD thesis in Social Sciences]. Moscow, 2004. 21 p.; *Zelnitsky A.D.* Kitayskiy "religioznyy sinkretizm" [Chinese "religious syncretism"]. St. Petersburg: SPbGUSE Publ., 2008. 139 p.; *Zelnitsky A.D.* Formy "religioznogo sinkretizma" v Kitae: dis. ... kand. filos. nauk [Forms of "religious syncretism" in China: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2005. 146 p.; *Gobozova V.I.* Religioznyy sinkretizm v istorii dukhovnoy kul'tury Osetii: dis. ... kand. filos. nauk [Religious syncretism in the history of spiritual culture of Ossetia: PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 1996; *Bartsyts R.M.* Abkhazskiy religioznyy sinkretizm v kul'tovykh kompleksakh i obryadovoy praktike: avt. diss. ... kand. ist. nauk [Abkhazian religious syncretism in cult complexes and ritual practice: abstract of PhD thesis in History]. Nalchik, Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova, 2008; *Kudryashov G.E.* Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashy [Dynamics of polysyncretic religiosity: the experience of historical-ethnographic and concrete-sociological research of the genesis, evolution and death of religious remnants of the Chuvash People]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1974. 355 p., etc.

¹²⁹ *Ratzel F.* Anthropogeographie. Stuttgart, 1921. Bd. 1–2.

¹³⁰ *Frobenius L.* Der Ursprung der Kultur. Berlin, 1898. Bd. 1: Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.

¹³¹ *Graebner R.F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg: Winter, 1911; *Graebner R.F.* Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien. Zeitschrift für Ethnologierude. 1905. Bd. 37. S. 28–53; *Graebner R.F.* Das Weltbild der Primitiven. München: Ernst Reinhardt, 1924.

¹³² *Maroney E.* Religious Syncretism. SCM Press, 2006, 207 p.

¹³³ *Stewart Ch.* From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder. Routledge International Handbook of Diversity Studies. 2015. Pp. 355–362; *Stewart Ch.* Relocating Syncretism in Social Science Discourse. Syncretism in Religion. Eds. Anita Maria Leopold, Jeppe Sinding Jensen. London: Routledge, 2005; *Stewart Ch.* Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture. The Creolization Ladder. Studies on Mixed Identities and Cultures. Pp. 289–305;

The concept of religious syncretism often gets a *broad and simple* definition: for example, P. Pakkanen, referring to the polytheistic Greco-Roman religion, tracing parallels and internal connections between the images of deities, comparing Hellenistic religion with Western Christianity and devoting a whole section to the syncretization of the images of Demeter and Isis, speaks of syncretism as “the functioning *coexistence* of different forms of religious traditions”¹³⁴. G.L. Richard also puts forward the idea of “*trickiness*”¹³⁵.

Of course, Christianity and the variety of its interrelations, both internal and external – for example, with Eastern religions – serve as significant material for studying this modification of syncretism in the Western tradition¹³⁶. Special attention is paid to the political, social, economic and cultural factors that influenced the process of mutual influence, syncretization, and unification¹³⁷. In general, this form of religious syncretism is one of the most important historical cultural factors for a large number of ethnic communities and religious systems. Cultural and religious diffusion allowed the development of new systems of worldview, which, in turn, set a new stage of development in the context of the global historical process.

Thus, this modification of religious syncretism can be defined as the interaction and mutual influence of religious systems of various levels and degrees of development, as well as the connection of these systems or individual religious elements into a certain

Stewart Ch. Individualism Increases Religious Pluralism. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch/>; Stewart Ch., Shaw R. (eds). Syncretism/Anti-Syncretism. The Politics of Religious Synthesis, 1994; Lord J. Anthropological Case Study of Religious Syncretism in Bolivia: Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. December 7, 2009. URL: http://ir.library.oregonstate.edu/xmlui/bitstream/handle/1957/14125/Lord_Jonathan.pdf?sequence=1, etc.

¹³⁴ Pakkanen P. Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism. 2011. Pp. 135–136. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOpltPvAhXjkYsKHYbmAoAQFjAAegQIB-BAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokorder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3Dis-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNKWtqWav8v54ZU7>.

¹³⁵ Richard H.L. Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter // International Journal of Frontier Missiology. Winter 2014. No. 209. P. 210.

¹³⁶ Boyce M. A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World. Lecture. London: London Williams's Trust, 1988; Stockman R. The Baha'i Faith and Syncretism. Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith. Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. Pp. 159–162; Chang-Won Park. Cultural Blending in Korean Death Rites. London: Continuum, 2010. 228 p.

¹³⁷ Bentley J. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. Oxford: Oxford University Press, 1993. 220 p.; Chryssides G.D. Unificationism: A Study in Religious Syncretism. Religion: Empirical Studies. Ed. Steven J. Sutcliffe. London: Routledge, 2004.

integrity. This type of syncretism is characterized by both antagonism and similarity or kinship of elements, heterogeneity and “cross-breeding”. It includes the following main dimensions: the preservation of elements of primitive cults (animism, fetishism, totemism, magic) in more complex and developed religious systems, including in a rudimentary form; the impact of complex cults on more primitive ones while preserving the basic concept of the latter; the mutual influence and interpenetration of several developed, complex religions.

The third modification of religious syncretism in most contemporary works is associated with the era of postmodernism and globalization and is called “postmodern”, “synergetic”, “collage” and even “bricolage” syncretism¹³⁸. The main idea in this regard is that the roots of the peculiarities of the thinking of the epoch itself go into deconstructive processes in epistemology. Postmodernism “completely erases the line between previously independent spheres of spiritual culture”¹³⁹, allowing to increase the inner freedom of a person, and provides fertile ground for the further development of syncretism, which in this case is characterized by an arbitrary chaotic mixing of fragments of many religious elements. The subject of this mode of syncretism is the individual as a *carrier of personal freedom*¹⁴⁰, *Homo faber*¹⁴¹. This definition brings us to the phenomenon of “*constructing faith*” – a personal, individualized religious system. At this mode of syncretization, there is a *total mixing* of religious beliefs, mythological and philosophical systems, artistic interpretations and scientific theories – that is, the number of possible elements is unlimited.

However, it cannot be argued that this mode of religious syncretism belongs exclusively to the postmodern era. The desire for individualization is, according to E. Fromm, one of the two basic opposite needs of a person (together with the desire for “rootedness”, i.e. belonging to a group). We find examples of such “postmodern” God-seeking and “constructing faith” one way or another throughout the entire period of existence of the

¹³⁸ Stroeva O.V. Models of production of modern culture: bricolage and deconstruction. Rock painting of megalopolises. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2014. No. 2. P. 136.

¹³⁹ Malakhov V.S. Postmodernism. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. I.T. Frolov. Moscow, 2001. P. 444.

¹⁴⁰ Belyaeva E.V. Historical types of religious syncretism. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Brest University. Series of Humanities and Social Sciences. Philosophy. Sociology. Law. Psychology. Pedagogy]. Brest, 2008. No. 4. P. 45.

¹⁴¹ Lat. “Man the maker”.

individual-personal consciousness. Of course, the degree of this construction depended on many factors and could be fragmentary at the earliest stages, but since the period of antiquity we have known manifestations of freethinking in its broadest sense. In a noticeable way, this form is manifested in the freedom of thought of the 18th century, in the basic syncretism of New religious movements and New Age, quasi-religious, re- and neo-mythological formations, youth movements (for example, hippies), etc.

At a late stage of history, in the 19th – the 20th centuries, religious systems appear in which syncretism initially plays a key role. Such systems include, for example, the Tolstoyism movement, the Baha'i faith. Synthesis of Buddhism, Christianity, Islam, Confucianism, Taoism, etc. with traditional beliefs observed in Korea (for example, Kao-Dai, Hoa Hao, Cheongdo movements, Unification Church, etc.)¹⁴², various syncretic cults combining the doctrines of Buddhism, Hinduism, Islam and traditional beliefs exist in Indonesia¹⁴³; syncretic Voodooism, Santeria, Paleria, Shangoism, Rastafarianism are common in the Caribbean Islands¹⁴⁴; we find a synthesis of the beliefs of the Maori people and the provisions of Protestantism in New Zealand¹⁴⁵; significant syncretization processes take place in relation to African traditional beliefs and Christianity, etc.¹⁴⁶

In the 20th – the 21st centuries, religious and philosophical syncretic teachings with a bias for mysticism, occultism, spiritualism, Gnosticism, esotericism, etc., which in general can be characterized as new religious movements or new age religions, begin to acquire special importance: theosophy, Agni Yoga (both movements were popular among the emigrants – for example, the Manchurian center of the Roerich movement was located

¹⁴² *Silantyev R.A.* Korean syncretic sects. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl. Publ., 1998. Pp. 756–757; *Silantyev R.A.* Koreyskie sinkreticheskie kul'ty [Korean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382.

¹⁴³ *Kullanda S.V.* Indoneziyskie sinreticheskie sekty [Indonesian syncretic sects]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2010295.

¹⁴⁴ *Silantyev R.A.* Karibskie sinkreticheskie kul'ty [Caribbean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778.

¹⁴⁵ *Silantyev R.A.* Novozelandskie sinkreticheskie kul'ty [New Zealand syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705.

¹⁴⁶ *Silantyev R.A.* Afro-Christian movements. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. en-tsikl. Publ., 1998. Pp. 686–687; *Silantyev R.A.* Afrokristianskie sinkreticheskie kul'ty [Afro-Christian syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983.

in Harbin), Wicca, Ingliism and others¹⁴⁷. Often such movements (for example, Aum Shinrikyo, Falun Gong, Radasteya, etc.) have signs of destructive cults.

In general, this form of syncretism arises as a result of the gradual separation of religion from philosophy, political and social theories, law, aesthetics, etc. spheres of spiritual culture and the subsequent desire of man to overcome the boundaries that have arisen.

Analyzing the concept of syncretism and citing numerous historical examples, Ch. Hartney concludes that “<...> some level of syncretism pervades all faith”¹⁴⁸. The author assigns a significant role in the modern process of syncretization to globalization, introducing the concept of “*über-faith*”: “Perhaps this is what globalisation ultimately means...taking on board the faiths of the world into one uber-faith, mixing the ingredients to suit the various temperaments of the times”¹⁴⁹. L. Penn develops similar ideas, placing considerable emphasis on the New Age movement and especially on the theosophy of E. Blavatsky and its derivatives¹⁵⁰.

J. Cotter considers the modern process of syncretization from the position of conservative Catholicism¹⁵¹. In the Catholic environment as a whole, considerable attention is paid to the issues of globalization and its interrelationships with various spheres of human existence – culture, religion, education, law, etc. A special place here is occupied by the Pontifical Academy of Social Sciences (Ital. *Pontificia Accademia delle Scienze Sociali*). The Academy publishes collections of plenary sessions and scientific papers containing the results of research on the issue of globalization¹⁵².

P. Laude considers some of the possible consequences of globalization and revolution in the media during the last decades, concerning the formation of religious self-determination and practices. The author emphasizes the role of individualism as a value and

¹⁴⁷ *Kravchuk L.A.* Syncretic religious teachings: history and modernity. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2002. No. 4. P. 142.

¹⁴⁸ *Hartney Ch.* Syncretism and the End of Religion(s) // *Sydney Studies in Religion*. 2008. P. 238.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 247.

¹⁵⁰ *Penn L.* *False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion*. Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004.

¹⁵¹ *Cotter J.* *The New Age and Syncretism, in the World and on the Church*. Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. 38 p.

¹⁵² See *Globalization, Ethical and Institutional Concerns*. Seventh Plenary Session, 25–28 April 2001. *Acta 7*. Eds. E. Malinvaud and L. Sabourin. Vatican City, 2001. 408 p.; *Globalization and education*. The proceedings of a Joint Working Group, 16–17 November 2005. Casina Pio IV. Vatican City, 2006. 290 p., etc.

communication as a principle of truth in the formation of a new religious consciousness: “The two ultimate values, i.e. the *individual* and *communication*, become the prime movers of the religious identity”¹⁵³. The author argues that these transformative factors have contributed to the emergence of a religious experience that does not need intermediaries. Both neo-evangelical Christianity and the reformists of traditional Islam, according to Laude, are evidence of such transformations.

Th. Segady explores the dependence of changes in the environment of religion on globalization in a comparative religious way, and also focuses on the fact that “micro” changes in religious affiliation have led to quantitative changes in religious search. According to the author, in the modern world, in “<...> seeking new religious directions, choices are now available that were not even in existence a few decades ago”¹⁵⁴.

J. Pieterse examines the concepts of hybridization and globalization, their connection with socio-political processes, discusses possible options for the development of these processes and the results of such development in the future. Pieterse defines hybridization in the cultural environment as “<...> the ways in which forms become separated from existing practices and recombine with new forms in new practices”¹⁵⁵, believing that this principle can be transferred to the sphere of social organization.

D. Lehmann, trying to define the content of two concepts – fundamentalism and globalism – studies the transformation of Judaism, Christianity and Islam in two aspects: the transnational accessibility of these religions and the role of globalism in their imaginary projections in time and space¹⁵⁶.

U. Dessi examines the impact of globalization on Japanese culture and religions, their connection with inclusivism and exclusivism¹⁵⁷. Syncretism of globalization itself, for example, is studied in the work of P. Treanor¹⁵⁸.

¹⁵³ Laude P. Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal. *International Journal of Social Science and Humanity*. July 2013. Vol. 3. No. 4. P. 387–388.

¹⁵⁴ Segady Th.W. Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States. *Free Inquiry in Creative Sociology*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 34.

¹⁵⁵ Pieterse J.N. Globalization as Hybridization. Working Paper Series. No. 152. June 1993. P. 5. URL: <http://www.uvm.edu/rsenr/rm230/Nederveen%20Pieterse.pdf>.

¹⁵⁶ Lehmann D. Fundamentalism and Globalism. 1998. URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUNDAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf>.

¹⁵⁷ Dessi U. *Japanese Religions and Globalization*. London and New York: Routledge, 2013. 191 p.

¹⁵⁸ Treanor P. World-Nationalism: Normative Globalism as Pan-Nationalism. 2001. URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/world.nation.html>.

In Western scholarship, modern religious syncretism is of considerable interest in its subjective-individual embodiment¹⁵⁹.

In Russian scholarship, special attention is paid to theoretical calculations, attempts to define the conceptual apparatus, etc. The aforementioned N.M. Matorin builds the structure of the phenomenon and defines syncretism as the interpenetration of religions differing in their degree of development¹⁶⁰. G.E. Kudryashov introduces the concept of *polysyncretism*, i.e. multiple stratification of various teachings and cults¹⁶¹. D.A. Taevsky considers religious syncretism as a phenomenon of religious life of the 20th century, which arose as a response to the religious need of modern man¹⁶². Paying attention to the factors, causes, conditions and patterns of synthesis and integration of religions, Yu.V. Gavrilova believes that religious syncretism is both *a process and a result*¹⁶³.

This mode of syncretism is closely connected with religious consciousness, especially with its individual and everyday levels. Everyday religious consciousness is characterized by “<...> increased ‘sensitivity’ and intense variability”, which is facilitated by the presence of a significant variety of religious ideas, the conditions of existence and

¹⁵⁹ Batterfield H. Reflections on Religion and Modern Individualism. *Journal of the History of Ideas*. Jan. Mar., 1961. Vol. 22. No. 1. Pp. 33–46; Daiber K-F. Mysticism: Troeltsch's Third Type of Religious Collectivities. *Social Compass*. September 2002. Vol. 49. No. 3. Pp. 329–341; Iversen H.R. Secular Religion and Religious Secularism: A Profile of the Religious Development in Denmark since 1968. *Nordic Journal of Religion and Society*. 2006. No. 2. Vol. 119. Pp. 75–92; Cohen A., Hill P. Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants. *Journal of Personality*. August 2007. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 709–742; Madsen R. The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today. *American Journal of Sociology*. March 2009. Vol. 114. No. 5. Pp. 1263–1301; Stark R.T.Jr. Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities. Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. Pacific University. 2009. URL: <http://commons.pacificu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1201&context=spp>; Griebel J. Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices: Abstract of Thesis for the Degree of Master of Arts. Baylor University, 2011. URL: https://baylor-ir.tdl.org/baylor-ir/bitstream/handle/2104/8143/Jenna_Griebel_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y; Levin Yu. Pluralism, Individualism and Religious Liberty. 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/corner/374081/pluralism-individualism-and-religious-liberty-yuval-levin>; Stewart E. Individualism Increases Religious Pluralism. 2015. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfish>, etc.

¹⁶⁰ See Matorin N.M. On the issue of methodology for studying religious syncretism in *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016.

¹⁶¹ See Kudryashov G.E. *Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashy [Dynamics of polysyncretic religiosity: the experience of historical-ethnographic and concrete-sociological research of the genesis, evolution and death of religious remnants of the Chuvash People]*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1974. 355 p.

¹⁶² Taevsky D.A. *Sinkreticheskie religii i sekty: Slovar'-spravochnik [Syncretic religions and sects: Dictionary-reference]*. Moscow: Intrada Publ., 2001. 160 p.

¹⁶³ Gavrilova Yu.V. Reasons for the formation of religious syncretic systems. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta [Bulletin of the Buryat State University]*. 2015. No. 6. Pp. 14–18.

individual psychological characteristics of people, their subjective experience¹⁶⁴. Bearers of everyday knowledge, as a rule, “in their daily life do not ‘reason’ about it and cannot place it in front of them as a ‘subject’, analyze them...”¹⁶⁵, i.e. such a consciousness does not differ in deep reflection. It plays the role of an intermediary between social and individual consciousness, mythological and scientific worldview, unconscious and reflexive modes of human consciousness. The dual position of everyday consciousness – belonging to an individual level of psychics and connection with social representations – determines its social nature, irrational and flexible nature and proximity to the mythological level of reflection of reality¹⁶⁶. No ideology can be accepted by the ordinary consciousness without distortions. This is due, among other things, to the main function of individual consciousness: ensuring self-determination and the individual way of interaction of the individual with the social environment. As a result, a picture of the world is formed, to the contradictions of which ordinary knowledge, being a mediator between the individual and the public, is not sensitive.

Much attention in Russian scholarship is paid to the problem of changing the features of religious consciousness in modern conditions of socio-cultural transformations¹⁶⁷. E.S. Elbakyan identifies the following characteristics of the “new religiosity”

¹⁶⁴ *Gavrilova Yu.V.* Reasons for the formation of religious syncretic systems. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015. No. 6. P. 16.

¹⁶⁵ *Moscovici S.* Social representation: historical view. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 1995. No. 2. P. 7.

¹⁶⁶ *Ulybina E.V.* *Psikhologiya obydenogo soznaniya* [Psychology of common consciousness]. Moscow: Smysl Publ., 2001. P. 92.

¹⁶⁷ *Omarova Z.U.* Transformatsiya religioznogo soznaniya: sovremennyy aspekt [Transformation of religious consciousness: a modern aspect]. 1999. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_185.html; *Mozheyko L.N.* Novoe religioznoe soznanie v sotsiokul'turnom kontekste transformiruyushchegosya obshchestva: avtoref. dis... kand. filos. nauk [New religious consciousness in the socio-cultural context of a transforming society: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Grodno: Grodnenskiy gos. un-t, 2004. 21 p.; *Arhipova Yu.V.* Sinkretizm v strukture kul'tury: avt. diss. ... kand. filos. nauk [Syncretism in the structure of culture: abstract of PhD thesis in Philosophy]. Saratov: Saratovskiy gos. un-t, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d?#?page=1>; *Shelest O.A.* Stanovlenie novykh tipov religioznosti v usloviyakh sotsio-kul'turnykh transformatsiy: avtoref. dis... kand. sotsiol. nauk [Formation of new types of religiosity in the conditions of socio-cultural transformations: abstract of PhD Thesis in Sociology]. Minsk, 2006. 20 p.; Ryzhov Yu.V. Novaya religioznost' v sovremennoy kul'ture: avtoref. diss. ... d-ra kul't. [New religiosity in modern culture: abstract of DSc Thesis in Culturology]. Moscow, 2007. 23 p.; *Gezalyan I.G.* Transformation of religiosity. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2011. No. 1 (101). Pp. 152–157; *Makhova M.N.* Some philosophical and worldview foundations of contemporary religious consciousness. *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo Readings]. 2012. No. XVI. Vol. III. Pp. 217–222; *Yakovenko I.A.* Tendentsii razvitiya religioznogo soznaniya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Trends in the development of religious consciousness: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Maikop, 2012. 24 p.; Akaev V.Kh., Dokhaeva A.B. Cultural syncretism: on the contradictory unity of religious and secular aspects. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2012. No. 11. Pp. 26–30; *Silantyeva M.V.* Syncretism in the context of the politicization of religion: regional aspect. IV Ocherednoy Vserossiyskiy sotsiologicheskii kongress. 23–25 oktyabrya 2012 goda, Ufa. Sektsiya 15. Sotsiologiya religii: traditsionnoe i novoe v zhizni obshchestva [The 4th All-Russian sociological congress. October 23–25, 2012, Ufa. Section 15. Sociology of Religion: Traditional and new in the life of society]. 2012. Vol. 6. No. 2. Pp. 4794–4800; *Eisenstadt Sh.* New religious

of the postmodern era: the displacement of religiosity by quasi-religiosity; an eclectic combination of eastern and Western traditions in religion, philosophy, culture, everyday life; a shift in emphasis from being to consciousness (personal attitude to the world) and the rapprochement of man with God through man assuming the functions of demiurge; a kind of de-anthropomorphizing of God as a result of fascination with mystical practices; secularization of organizational and cult foundations; replacement of the mystical essence of religion with mystification; virtualization of religion; close relationship with globalization processes¹⁶⁸.

Yu.V. Ryzhov gives the following definition of a new religiosity: “A new religiosity is a qualitatively new (i.e., radically different from the historically established, traditional religions for this society) the type of religiosity characteristic of the modern stage of cultural development”¹⁶⁹. Drawing parallels between the new religiosity and the archaic myth, Ryzhov notes not only their historical continuity, but also the structural similarity and commonality of “some elements of the pictures of the world”¹⁷⁰. However, despite this and the fact that this term, albeit in a slightly different sense, was used by thinkers of the 19th – the 20th century – D.S. Merezhkovsky, N.A. Berdyaev, O. Spengler, P. Sorokin, etc., the author insists on its fundamental difference in the terms of modernity.

According to Ryzhov, “<...> the carriers of this type of consciousness are found today in historical traditions. They put on a cross, do not believe in God, but seek operational sacraments by ‘tying’ a guardian angel to them... They buy books about the diagnosis of karma, read ‘the Lord’s prayer’ and ‘Hare Krishna’ to improve digestion, talk about the typological similarity of the traditions of Castaneda's Don Juan and hesychasm,

constellations in the structures of modern globalization and civilizational transformation. Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' [State. Religion. Church]. 2012. No. 1 (30). Pp. 33–56; *Grishaeva E.I., Farkhitdinova O.M., Khaziev G.P.* From secular to post-secular: Eclecticism of religious consciousness of believers in modern Russia. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. 2015. No. 3. Vol. 2. Pp. 143–152; *Banderov I.I., Bik-Bulatov A.Sh.* The concept of spiritual syncretism. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of the Kazan University. Humanities series]. 2014. No. 6 (156). Pp. 37–42, etc.

¹⁶⁸ *Elbakyan E.S.* New religious movements of postmodern era: dynamics of new age organizations (the case of “Radasteya”). Religiovedenie [Study of Religion]. 2018. No. 1. Pp. 38–39.

¹⁶⁹ *Ryzhov Yu.V.* Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art]. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷⁰ *Ryzhov Yu.V.* Novaya religioznost' v sovremennoy kul'ture: avtoref. diss. ... d-ra kul't. [New religiosity in modern culture: abstract of DSc Thesis in Culturology]. Moscow, 2007. P. 18.

easily communicate with the cosmic logos and the archons of the cubic differential”¹⁷¹. In this case, the sources of religious search have almost no limits: they cover the entire human history and culture, and access to them is greatly facilitated by modern technologies.

A certain problem is the fact that carriers of individual religiosity usually cannot be united into some kind of religious community, as well as to identify any complex, hierarchically organized religious institutions – they simply do not exist. People who consider themselves to be “religious individuals” profess a kind of “*folk religion*” that combines “elements of theosophy, occultism, Buddhism, yoga, etc. and, due to its internal amorphousness, openness and tolerance, represents an attractive alternative to historical Christianity”¹⁷². People turn to God, whom they create and find not in the church, but inside themselves.

The main features of individual religiosity include:

- 1) disunity, or de-hierarchization, which is expressed in the absence of a sacred, doctrinally and ideologically fixed core of ideas, as well as the presence of many objects of worship that can be informally ordered from the subjective point of view of a person;
- 2) “detotalization”, i.e. the absence of a visible, perceived unity from the outside;
- 3) maximum tolerance towards other religious and mythological traditions, cults and practices, but often anti-Christian orientation;
- 4) esotericism;
- 5) teleology, manifested in the search for new meanings of human existence, sometimes illusory, but no less acceptable to modern man;
- 6) “multidimensionality” and “polyreligiosity”, expressed in the recognition of all forms of spiritual experience as equivalent, as well as the endowment of ancient superstitions with the same status as traditional religions;

¹⁷¹ Ryzhov Yu.V. Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art]. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷² Katerny I.V. On the way to a new religious picture of the world. *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy raboty seksii molodykh uchenykh “Filosofiya i zhizn”* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers “Philosophy and Life”]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. Pp. 100–102. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/katerny_iv/phillife2000_036.html.

7) increased interest in ancient myths and history, attempts to trace their roots to the depths of the past.

The following reasons for the development of this form of religious consciousness can be distinguished:

1) the consequences of the First and Second World Wars, reflected in spiritual culture by such phenomena as existential philosophy, neo-Christian, neo-orientalist cults, the revival of interest in esoteric and occult systems;

2) militant atheism and religious persecution of the 20th century;

3) holding of religious revival;

4) the crisis of religiosity in its traditional sense;

5) the increasing distorted perception of Christianity and other world religions;

6) the phenomenon of the youth “countercultural” revolution of the 20th century, characterized by the denial of generally accepted morality and religion, and at the same time – a new search for “ecstasy”, “God-fusing”, transcendence through various experiments to expand consciousness;

7) the emergence and spread of new religious movements and cults, new age religions;

8) the processes of secularization, globalization and universalization¹⁷³.

In particular, the above can be attributed to a person's dissatisfaction with real life and, as a result, the search for a religious alternative; the desire for spiritual pluralism, individuality, personal choice, etc.

E.G. Balagushkin, V.I. Garadzha, Ya. Kanterov, E.I. Parnova, E.A. Torchinov, E.V. Pankratova, E.S. Elbakyan and others paid special attention to the phenomenon of “new religiosity”. G.E. Bokov points to the ideological crisis that has engulfed all mankind, speaks of “religious agony” and the distance and isolation of modern man from the majority. Today, a person, progressing in development, faces with psyche, which requires either religious satisfaction or the creation of new values¹⁷⁴. There is a quite interesting

¹⁷³ Ryzhov Yu. V. *Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve* [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art]. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml.

¹⁷⁴ Bokov G.E. *The crisis of faith: losing the sacred. Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy raboty sektsii molodykh uchenykh “Filosofiya i zhizn”* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers “Philosophy and Life”]. St. Petersburg, 2001. Pp. 37–39.

approach of A. Avilova, who applies the concept of “post-new age” to the phenomenon of individual religiosity, and calls its bearers “religious individuals” and “re-individuals”, noting their “prolonged spiritual vagrancy” in attempts to resolve intrapersonal conflict, which ultimately contributes to the formation of a multidimensional, complex-structured, syncretic worldview¹⁷⁵.

In this regard, there arises a question about the relationship between the new consciousness and myth-making, the variety of modern forms of which actualizes the discussion about the place of myth in culture. In a galaxy of different approaches – naturalistic (A. Kuhn, F.M. Muller), anthropological (E. Tylor, E. Lang), sociological (E. Durkheim, L. Levy-Bruhl), structuralist (C. Levi-Strauss), semiotic (R. Barth), symbolic (E. Cassirer), demythologizing (R. Bultmann, R. Barth, M. Horkheimer, T. Adorno), etc. – for our study, the most important is the concept of *re-mythologization*, whose adherents (E. Cassirer, K. Huebner, M. Eliade, etc.) believed that in *cultures experiencing a crisis, there is a process of returning to myth, rebirth and creation of a new mythology*. The roots of this process go back to *Romanticism*, and since the beginning of the 20th century, remythologizing moods have become significant in art, literature, social and political thought. In popular culture, there is often a manifestation of religious syncretism in its neo-mythological aspect, the relationship between mythology and art, literature (especially such genres as science fiction, fantasy, magical realism)¹⁷⁶.

¹⁷⁵ See *Avilova A.* Other choice. Liberal'naya religiya [Liberal religion]. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/9241.html>; *Avilova A.* About “New Age” – “New Century”. Liberal'naya religiya [Liberal religion]. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/8266.html>; *Avilova A.* Okazalos' li “bezreligioznoe khristianstvo” nesostoyatel'nyim ili ono eshche ne sostoyalos'? [Has “irreligious Christianity” turned out to be untenable or has it not yet taken place?]. URL: <http://www.meso Eurasia.org/archives/2828>; *Avilova A.* Religioznye individualy [Religious individuals]. URL: http://russian.avilova.com/index.php?option=com_content&view=article&id=59:artikelen&catid=48:artikelen&Itemid=66.

¹⁷⁶ *Chernysheva T.A.* Priroda fantastiki [The nature of fiction]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkut. un-ta, 1985. 336 p.; *Chernysheva T.A.* Fiction and modern natural philosophical creativity. Khudozhestvennoe tvorchestvo. Sbornik [Artistic creativity. Collection]. Leningrad, 1983. Pp. 58–76; *Savel'eva E.N.* Religious cinematic models as a factor of tolerance of modern culture. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2007. No. 301. Pp. 46–49; *Smaznova O.F.* Vremya i etos mifa. Dialektika mifotvorchestva v russkoy kul'ture XIX–XX vekov [Time and ethos of myth. Dialectics of myth-making in Russian culture of the 19th – 20th centuries.]. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2007. 324 p.; *Kovtun E.N.* Khudozhestvennyy vymysel v literature XX veka [Artistic fiction in the literature of the 20th century]. Moscow: Vyssh. shkola Publ., 2008. 400 p.; *Zhukov A.V.* Formation of a religious and mythological worldview and myths about religiosity. Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Trans-Baikal State University]. 2010. No. 3. Pp. 27–33; *Tyutina O.S.* Neo-pagan formations and new religious movements as a cultural and worldview phenomenon of postmodernity. Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera [Sborniki konferentsii SIC Sotsiosfera]. 2012. No. 9. Pp. 50–53; *Andreeva O.S.* Generic syncretism as a manifestation of syncretism of the author's consciousness in fiction. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii [In the world of science and art: questions of philology, art history and cultural studies]. Novosibirsk: “SibAK” Publ., 2013. No. 12 (31). URL: <http://si-bac.info/conf/philolog/xxxi/36004>; *Gudoshnikova O.Yu.* The development of generic human universality and artistic culture:

Obviously, when using the term “religious syncretism”, it is necessary to remember that this phenomenon in historical and modern reality is much more complicated than it can be represented in theoretical calculations and classifications.

It is important to note that all of the above is true, first of all, for the European mentality. The material presented in three paragraphs, the works and approaches of most of the listed researchers are related to Eurocentric foundations, and the researchers themselves are mostly carriers of European thinking and European reflecting tradition, including domestic authors.

However, the Eastern mentality differs from the Western one in a striking way. The East has gone its own way and, being more inclined to traditionalism and fundamentalism, in fact, hasn't had sharply expressed oppositions between the historical stages of religious syncretism. In comparison with the West, the fundamental psychological prerequisite of the Eastern mentality is its smaller egocentrism and greater introversion, which brings to life “formations of archaic thinking”¹⁷⁷, making the Eastern mentality demonstrate the greatest closeness in relation to the early syncretism. The East has not overcome the mythological perception of the world, the attitude towards it as a “magical cosmos”. The swiftness and impulse of Western culture is opposed by the flexibility of the East, its attitude to “contemplation, intuitive-mystical fusion with being”¹⁷⁸, which determines syncretic grounds.

All this is typical of Chinese culture and important for its understanding. Throughout the history of China, we have observed the primacy of philosophical or religious-philosophical systems rather than purely religious ones, which stimulated the weakening of the rigidity of the boundaries of public perception. Almost all the spiritual and philosophical teachings of China were designated by the term “*jiao*” (Chin. 教). The most widespread is the doctrine of “*san jiao*” (Chin. 三教) – the “three teachings”, postulating the identical doctrinal and ideological value of Confucianism, Taoism and Buddhism,

from the primitive syncretism to “post-modern” one. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097>, etc.

¹⁷⁷ Jung C.G. *O psikhologii vostochnykh religiy i filosofiy* [On the psychology of Eastern religions and philosophies]. Moscow: MEDIUM Publ., 1994. Pp. 108–118.

¹⁷⁸ *Khudoley N.V.* East and West: culture, mentality, literature (on the example of a comparative analysis of literary texts of the Middle Ages). *Vestnik KrasGAU* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University]. 2014. No. 8. Pp. 231–235.

which themselves have not escaped their own historical syncretization. If the identity of each of the teachings was emphasized among the intellectual elite, then in the popular consciousness, where various religious ideas could freely coexist in the human mind without causing any internal contradictions, these teachings were not separated¹⁷⁹. Early form of syncretism was also traced to a certain extent in the *fetishistic* attitude of the Chinese towards Taoist and Buddhist deities: nothing prevented the Chinese from smashing a domestic idol in case the deity did not help, did not fulfill a request¹⁸⁰. Equally, nothing prevented them from including other deities or, later, Christian saints in the circle of “helpers”. This happened, for example, with St. Nicholas the Wonderworker (of Myra)¹⁸¹.

Centuries-old syncretic layers were colorfully manifested, for example, in the Boxer rebellion, which main reason, nevertheless, was not a reaction to the initial inclusions of Christian ideas into traditional Taoist-Buddhist representations, but a negative attitude to foreign influence and the presence of “white devils” in China as a whole¹⁸². Forced conversion to the faith, the struggle on religious grounds were actually not peculiar to China: basically, religious and philosophical systems served as an aid in *political* strife, being a natural continuation of the idea of the unity of the political and sacred power of the emperor – *Wang*. For example, Legalism played a major role in the rise of Qin Shi Huang and Mao Zedong. The latter managed to create a syncretic religious cult of a charismatic leader in a non-religious state, which was also associated with the “bipolar” structure of Chinese culture: the rational Confucian pole acted more intensively in times of stability and strong centralized power, and the utopian and mystical-magical, religious Taoist-Buddhist pole acted as the basis in times of crisis and uncertainty. In the

¹⁷⁹ *Zelnitsky A.D.* Formy “religioznogo sinkretizma” v Kitae: dis. ... kand. filos. nauk [Forms of “religious syncretism” in China: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2005. P. 4.

¹⁸⁰ *Vasil'ev L.S.* *Istoriya religiy Vostoka* [History of religions of the East]. Moscow: KDU, 2006. Pp. 626–627.

¹⁸¹ There is a story about an old Chinese fisherman who almost drowned in the Sungari River. Having remembered that the Russians of Harbin were asking for help in front of the full-length icon of St. Nicholas the Wonderworker hung in the building of the railway station, he prayed: “The old man of the station, help!”. After the miraculous rescue, he rushed to the station to thank the saint, and then was baptized. Also, when the Soviet employees of the CER wanted to remove the icon from the station hall, the Chinese prevented it. See *Gartung T.S.* Childhood memories. *Voprosy istorii Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi i goroda Kharbina (120-letie stroitel'stva): sb. nauch. trud.* [Questions of the history of the Chinese-Eastern Railway and the city of Harbin (120th anniversary of construction): collection of scientific works]. Eds. A.M. Buyakov, I.K. Kapran, M.B. Serdyuk. Vladivostok, 2018. P. 42; *Petrov V.* *Gorod na Sungari* [The city on the Sungari]. Washington: Russko-Amerikanskoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1987. P. 35.

¹⁸² See *Kontaleva E.A.* Syncretism and identitarianism of the Boxer movement. *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian emigration in China: the exodus experience]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018. Vol. 12. Pp. 294–306.

late 19th – early 20th centuries, the northeastern part of China was under strong foreign influence. After the Xinhai Revolution, the Chinese tried to fill the ideological and religious gap with the help of Christianity, which they had long been familiar with. Illustrative examples of conversion to the new faith were also given from above – for example, the creator and leader of the Kuomintang Party Sun Yat-sen converted to Christianity (in the form of Congregationalism), his successor Chiang Kai-shek converted to Methodism. To some extent, this position was dictated by political considerations and acted as an additional oppositional means in relation to the cult of the goddess Amaterasu, “Yamatoism” and Shintoism in general imposed by the Japanese during the existence of the puppet state of Manchukuo.

The Russian emigration in China found itself in a similar crisis situation. Negative sociopolitical processes at the turn of the 19th – the 20th centuries gave rise to a natural “protective” reaction in the emigrant environment. At all historical stages, during periods of decline and tension, there was the involvement of archaic (basic meant) principles of thinking and the growth of interest in alternative spiritual systems, mystical knowledge and practices, occult sciences, etc., as well as the spread of a large number of such variable systems: demand bred supply. The Russian emigration in the northeast of China did not escape this either: the need for other spiritual foundations began to emanate into various syncretic forms, where literary and artistic creativity played an essential role.

2. Religious syncretism in the mentality of eastern Russian emigration

2.1 The specifics of the frontier mindset.

Socio-cultural features of the life of Russian emigrants in China

The processes that took place in Russian emigration and its intentions aimed at understanding these processes through relating the ethno-cultural essence and the perceptual and reflexive features of the Russian people's thinking coincided with the formation of the scientific study of such a phenomenon as mindset, or mentality, when European scholars drew attention to the little-studied area of history and culture that had previously fallen out of the field of their interests¹⁸³.

At the turn of the 19th and 20th centuries, the humanities were in a depressed state, caused by a deep crisis, which was determined not only by the revolution in natural science, but also by the events and results of World War I. Representatives of the humanitarian field began to look for ways out of the current crisis situation, ways of a new understanding of history, and made attempts to return the humanities to the ability to compete with “real” science. In the process of criticism of positivists for ignoring the influence of a historian's worldview on his research, the idea of creating a “total” history was born, including data from related sciences – sociology, ethnography, geography, anthropology, etc., which would take all existing types of public relations into account and would reveal historical facts from the point of view of deep structures, expressed, first of all, in the *mindset* of a particular people and era.

The first school where a serious scientific study of the phenomenon of mindset began was the French Annales School¹⁸⁴ (or, as they preferred to call themselves, “representatives of the new science”), which name comes from the name “*Annales d'histoire économique et sociale*”, a journal founded in 1929 by a French medievalist M. Bloch and

¹⁸³ See *Kontaleva E.A.* Features of frontier mentality in the life-building and creative work of Russian emigration in Northeast China. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya*. Vyp. 13. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and Cultures of Northeast China. Vol. 13. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2020. Pp. 402–409.

¹⁸⁴ Main works: *Bloch M.* *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apologia of History, or The craft of the historian]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 232 p.; *Febvre L.* *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 632 p.

a novelist L. Febvre. Putting human thinking above the events of political history, they pushed the idea of including history as a social science in a cultural context, where the psychological facts and properties of human consciousness became historical information: “The variety of historical evidence is almost unlimited. Everything that a person says or writes, everything that he makes, everything that he touches, can and should give information about him”¹⁸⁵. In addition to the representatives of the first generation – M. Bloch and L. Febvre – the Annales School also included F. Braudel, E. Labrousse (second generation); J. Le Goff, G. Duby, Ph. Ariès, E. Le Roy Ladurie (third generation). Sometimes the so-called “fourth generation” includes B. Lepetit, J.-F. Revel, J.-C. Schmidt, etc.

In various ways, mindset was under the interest of E. Durkheim (“religious mentality”, “group mind”), L. Levy-Bruhl (“collective representation”), M. Mauss (first used the term “mentality” to transmit the phrase “way of thinking”), O. Spengler (“the soul of the culture”), E. Fromm (“social character”), E. Cassirer, J. Huizinga, E. Panofsky, M. Foucault, etc.

In Russia, knowledge and thoughts about the Russian mindset, even without using the term itself, started accumulating since the time of Metropolitan Hilarion (“Sermon on Law and Grace”) and were developed later, for example, by I.V. Kireevsky, P.A. Florensky, K.S. Leontiev, and others¹⁸⁶. Attempts at scientific study of mentality took place in the 1950s–60s (for example, the Tartu-Moscow Semiotic School, the research of M.M. Bakhtin), but one of the first to work seriously on this topic in the 1980s was A.Ya. Gurevich¹⁸⁷, known for his works on medieval studies. For example, Y.M. Lotman, A.S. Panarin, A.V. Kantor, G.S. Knabe, P.S. Gurevich, A.F. Losev, and others dealt with the phenomenon of mindset to varying degrees.

¹⁸⁵ Bloch M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [Apologia of History, or The craft of the historian]. P. 38.

¹⁸⁶ Kozina T.N. Russian mentality: an archetypal approach. Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Penza State University]. 2015. No. 3(11). Pp. 9–12.

¹⁸⁷ See Gurevich A.Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola “Annalov” [Historical synthesis and The Annales School]. Moscow; St. Petersburg, 2014. 432 p.; Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. 350 p.; Gurevich A.Ya. The problem of mentalities in modern historiography. Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody [Universal history: Discussions and new approaches]. Moscow, 1989. Pp. 75–89; Gurevich A.Ya., Shul'man V.I. Mentality, way of thinking. Kul'turologiya XX v. Entsiklopediya [Culturology of the 20th century. Encyclopedia]. Moscow, 2007. Vol. 1.

Reference by the representatives of the “new historical science” to the connection between history and mindset, of course, emphasizes the mutual nature of this connection: historical events not only affect the formation of a specific mindset of a particular era, but also occur due to the peculiarities of this mentality – that is, mindset is not only “reflecting, but also generating consciousness”¹⁸⁸.

Intersubjective foundations of mindset, which are only selectively perceived by a person, connect highly-rationalized forms of cognitive activity, such as science, philosophy, political ideology, religion, etc. with unconscious structures, cultural codes – so, technically, mindset is between the conscious and the unconscious. At the level of mentality, “binary” oppositions (wild and civilized, natural and cultural, rational and emotional, individual and social, etc.) are layered and dissolved in its structures, manifesting at the archetypal level in various sign systems, traditions, beliefs, etc.¹⁸⁹

In this respect, it becomes clear that mindset is really “< ... > not philosophical, scientific or aesthetic systems, but the level of general consciousness at which the thought is not separated from emotions, from latent habits and techniques of consciousness”¹⁹⁰, a kind of “own psychological apparatus of civilization”.

There is a large number of definitions of mindset, or mentality. The word itself comes from the Latin “mens” (late Latin “mentalis” – “mental”; French “mentalité” – “vision of the world”) and means “mind”, “thinking”, “way of thinking”, “mental state”. There is a significant number of approaches that define the content of this concept, for example:

- descriptive, enumerating the components of mentality;
- normative, emphasizing the regulatory function of the phenomenon;
- structural, marking the features of the internal organization of the components of mentality;

¹⁸⁸ *Gorbenko A.Yu., Demina E.V.* Genesis and essence of the concepts of “mentality” and “social mentality”. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Adygeya State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. 2015. No. 4 (169). P. 16.

¹⁸⁹ *Vizgin V.P.* Mentality. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, 2001. Vol. 2. P. 526; *Gurevich A.Ya.* The problem of mentalities in modern historiography. *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [Universal history: Discussions and new approaches]. Pp. 75–89.

¹⁹⁰ *Gurevich A.Ya.* *Istoricheskiy sintez i Shkola “Annalov”* [Historical synthesis and The Annales School]. Moscow; St. Petersburg, 2014. P. 76.

- genetic, focusing on the origin of mentality;
- psychological, operating with such categories as thinking, archetypes, meanings, motives, beliefs, emotions, needs, ideals, inclinations, stereotypes, etc.;
- historical, emphasizing the influence of the historical era on the conscious and the unconscious in the psyche of individuals and groups¹⁹¹.

Such diversity and uncertainty are caused not only by the many layers of the very human existence and being and the lack of precise study of the phenomenon of mentality, but also by its own ambiguity and “diffusive” character: mentality is not clearly defined in a particular historical epoch: it is vague and presented in every sphere instead. Moreover, being an integral component of social structures, mentality “absorbs” their features, which means that there are differences in the mentalities of different social strata and groups belonging to the same historical era. Mentality is the “*metalanguage of culture*”, which takes real shape in taboos, rituals, customs, traditions, norms, values, etc.¹⁹²; it is the habits of consciousness, cultural code, matrix of perception of reality.

Mindset is not identical to mentality. Despite the common grounds, there are some differences between them: mindset is less stable, less definite, more multifaceted, more deeply connected with the unconscious level of psyche and archetypal ways of thinking, has closer ties with a certain era, social strata, and in general is more emotionally colored, oriented towards a categorical-symbolic worldview. Mentality has a comprehensive, universal character; it is characterized by greater constancy and duration and can be defined as a complex of intellectual, emotional, sociocultural characteristics and attitudes that a people, nation, ethnic or social group possesses, which is closely related to the tradition and type of social development¹⁹³. And, nevertheless, mindset and mentality are indissolubly related, forming a “*holistic mental complex*”. Such a complex forms the Russian mentality: being a phenomenon of “< ... > super-ethnic, civilizational scale, [it] interacts

¹⁹¹ See *Magomedova E.A., Yusupov Yu.G.* The problem of mentality in humanitarian knowledge: basic approaches. Yug Rossii: ekologiya, razvitie [The South of Russia: ecology, development]. 2011. No. 1. Pp. 25–30.

¹⁹² *Yakovenko I.G.* On the nature of mentality. *Artikul't* [Articult]. 2018. No. 1 (29). P. 141.

¹⁹³ *Emel'kina I.V.* Rossiyskiy mentalitet: sushchnost', ob'em ponyatiya i sotsial'naya rol': avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Russian mentality: the essence, scope of the concept and social role: abstract of DSc Thesis in Philosophy]. Moscow, 2011. Pp. 15–16, 24; *Vasil'eva G.M.* Istoriya evropeyskoy mental'nosti: ucheb. pos. [History of European mentality: study guide]. Novosibirsk: NGUEU, 2011. P. 20.

with the mindset of ethnic groups, sub-ethnoses, and other social entities, combining their common properties <...>”¹⁹⁴.

In our work, we define *mindset* as a special worldview inherent in an individual and collective consciousness in its deeper dimension, clothed in a special cultural representation of the world, associated with historical time, geographical location, ethnic and social groups, and representing an ideological and psychological formation that includes specific emotional reactions. In other words, mindset is a special worldview of a person or group, conditioned empirically, temporally, and ontologically, in which the unconscious occupies a significant place.

For our research, the most important thing is to explicate this concept in the context of its real existence and word usage.

To some extent, Russian emigrants anticipated the trend, the heyday of which was distant from them for several decades to come: through the understanding of ethnographic materials about the peoples who inhabited Manchuria and the Russian Far East, reflections on the role of material and spiritual culture, the study of the marginalization of consciousness of emigrants and half-breeds, etc., they provided the first studies to understand the phenomenon of “Russian emigration”¹⁹⁵. For example, N.A. Baikov, one of the most famous and prominent representatives of naturalism and ethnography among the emigrants, wrote: “Usually those who decided to go to these ‘godforsaken places’ were seen off as if they were going to the other world! And not for nothing, since those who went to the Far East almost never returned to their homeland and, gradually losing contact with it, became ‘kamchadals’, i.e. people with their own special psychology and worldview”¹⁹⁶.

Far Eastern dwellers and emigrants became carriers of a special, *frontier mindset*, that is, “a spiritual formation that expresses the ideological and psychological charac-

¹⁹⁴ *Emel'kina I.V.* Rossiyskiy mentalitet: sushchnost', ob'em ponyatiya i sotsial'naya rol': avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Russian mentality: the essence, scope of the concept and social role: abstract of DSc Thesis in Philosophy]. P. 20.

¹⁹⁵ *Zabiyako A.A.* Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. Pp. 9–10.

¹⁹⁶ *Baikov N.A.* Lantsepupy in *Baikov N.A.* U kostra [At the campfire]. Tianjin: Nashe znanie, 1939. P. 46.

teristics of individuals and groups existing in the conditions of borderlands”¹⁹⁷. The word “frontier” is borrowed, first of all, from American sociopolitical realities and the “frontier thesis” of the 19th century, created by F. Turner in the course of the development of US relations with the frontier zone of the Wild West. Typologically, any borderland has common features – these are places of the reign of a special spirit; romanticized wild exoticism; zones of specific conditions with a low population density and, as a rule, rich natural resources; harsh regions with their own laws, distant from the civilized center, where people of a special type and mentality gather. The frontier zone and the frontier mindset are characterized by such concepts as freedom, hope, individualism, simplification (of institutions, norms, etc.), conflictogenity due to the dissolution of morals, a return to a “wilder” state, materialism, greed for gain, etc.¹⁹⁸ However, the most important characteristic of borderland is its uncertainty and instability, which manifests itself in the laws, norms, and logic of life.

Formation and existence of a mindset are long processes. In this case, the Far Eastern frontier mindset is a young phenomenon, not burdened by a long historical tradition, the religious component of which was formed “without significant influence of confessional institutions, in many respects *spontaneously*, by ‘*self-reflection*’”¹⁹⁹. Low religiosity of the population and the inability to ensure the spiritual unity of the Far Eastern dwellers entailed a sufficient breadth of religious freedom, which provided for the secular and non-institutional religious foundations of the Far Eastern mindset, which were internally heterogeneous, susceptible to the assimilation of foreign cultural patterns and naturally prone to syncretization²⁰⁰.

¹⁹⁷ *Zabiyako A.P.* Russians in the terms of the Far Eastern frontier: ethnic experience of the 19th – early 20th centuries. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russian and Chinese: ethnomigration processes in the Far East]. Blagoveshchensk, 2009. P. 10.

¹⁹⁸ See *Zabiyako A.P.* “Frontier”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2010. No. 9. Pp. 5–23; *Zamyatina N.Yu.* The zone of development (frontier) and its image in the American and Russian cultures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1998. No. 5. Pp. 75–88.

¹⁹⁹ *Zabiyako A.P.* Features of the Far Eastern mindset and the theories of interpretation of new religious formations. *Sovremennye konteksty magii, religii i paranauki: monogr.* [Modern contexts of magic, religion and para-science: monograph]. Moscow: Akademiya Publ., 2008. P. 72.

²⁰⁰ *Ibid.* P. 75.

The Far Eastern frontier was the outlaws, which the civilized west of the country perceived as a “seditious fringe”, in which, nevertheless, there were prospects for development. In the ontological context, the contrast between the center and the periphery is a classical, universal mythologeme associated with the horizontal division of space and such categories as “us” / “them”. In the mythological mind, a center is a place that is familiar, safe, and ordered, and life here is ordinary and clear. Oppositely, a periphery is an inhospitable, dangerous place; the kingdom of chaos, where existence is supernatural and incomprehensible. If a center is “a creative resource of all that is good, true, and beautiful”, then a periphery is “a stagnation, deadening inactivity”²⁰¹. Nevertheless, sometimes a province can retain its vitality and creative potential thanks to the bearers of a special spirit – adventurous, life-loving, and resilient people of “passionate” type. Most of the immigrants who arrived in the Far East could be attributed to this type of personality. They retained this intention in their émigré life as well.

The conditions of the outskirts and borderlands contributed to the fact that the vector of cultural development of the new Russian inhabitants deviated from the center and tended to local peculiarities, conditions, and laws. Moreover, as N.A. Baikov noted, in the views of the locals and those who were already accustomed to the new location, the highly cultured representatives of the civilized center were conceived as people “‘stupid’ and ‘undeveloped’ people, according to the “‘law of the taiga’”²⁰². However, as the bearers of Russian culture, the Far Eastern settlers could not avoid its “cultural compulsion”, which was expressed primarily in the fact that “< ... > the creator, being the original author of a particular ‘message’, cannot but express it in the ‘code’ of a pre-defined language system and cultural tradition, which sets certain boundaries for it. The fact that he is not aware of and does not feel these limitations does not make them less significant”²⁰³. The most important fact in this respect is the *logocentricity* of Russian culture, where the word represents the “explicator of the people's mentality” and “carrier of spiritual and

²⁰¹ *Zabiyako A.P.* “Frontier”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. P. 6.

²⁰² *Baikov N.A.* The night at the campfire in *Baikov N.A.* U kostra [At the campfire]. P. 26.

²⁰³ *Gurevich A.Ya.* Istoricheskiy sintez i Shkola “Annalov” [Historical synthesis and The Annales School]. P. 80.

creative potential”²⁰⁴. Russian exiles tried first of all to preserve the language, and in many ways that is why “everyone wrote” in Harbin – both professional writers and ordinary workers of the Chinese Eastern Railway. Words were used to express the cultural code and the mindset – both the general Russian and the Far Eastern frontier ones, the latter of which was subject to the processes of marginalization and syncretization.

Russian emigration in China is a “miniature Russia transferred to China”, a complex construct that preserved its native language and culture but acquired foreign cultural features. The influx of Russians to China (especially to the east and northeast: Harbin, Shanghai, Qingdao, etc.) increased in the late 19th – early 20th century, which led to the formation of the largest Russian diaspora abroad, characterized by the lack of “ethnic selectivity” and variety of social status, religion, languages, etc. All this contributes to the formation of special cultural space and the emergence of specific forms of social and cultural life.

In this case, we consider a Russian diaspora a community of individuals who are connected by the Russian cultural tradition and, living outside of Russia in the status of an ethnic minority, sharing feelings of group solidarity, collective ideas, and experience of life-building outside the homeland in an alien, foreign-cultural environment²⁰⁵. Russian community in China is a “formation of socio-religious and political life”²⁰⁶, which already combines several vectors at its very core. The characteristic features of the Russian diaspora in China were its multiplicity, insensitivity to national differences within the community, resistance to assimilation, propensity to nostalgia and mythologization of Russia, as well as the creation of a special, unique internal cultural environment, which was due to both the above characteristics and the social composition of the diaspora. Despite its relative indifference to the ethnic composition of the diaspora (all immigrants from Russia were mostly considered Russian), Harbin was truly a “melting pot” in

²⁰⁴ *Kostina A.G.* Logocentrism in the Russian mentality: on the question of the meaning of the word in Russian culture. *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2006. No. 1. P. 269.

²⁰⁵ *Zabiyako A.P.* Diasporas as a factor of civilizational interactions. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk, 2015. No. 11. P. 13.

²⁰⁶ *Khislamutdinov A.A.* Russian Diaspora in the Far East: from communities in China and Japan to America and Australia. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 5. Problemy istochnikovedeniya i tekstologii* [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 5. Problems of source and text studies]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2012. P. 206.

which the identities of various peoples – Ukrainians, Poles, Jews, Tatars, Germans, Armenians, and many others – clashed. Russians in Manchuria lost their former status as a titular nation, a state-forming ethnic group, the integrity of ethnic consciousness, power over the territory, etc., which was bound to affect their worldview and give rise to various attempts to restore their former position²⁰⁷.

The history of Russians in China dates back at least to the first half of the 14th century, which was associated with the Mongol presence in Russia and the aggressive policy of Khan Kublai, who founded the Yuan Empire, which included the territory of China. Russian detachments were based in Beijing and Manchuria²⁰⁸. Nevertheless, the beginning of the process of *Russian diasporization* in China is directly connected with the events of the 17th century and the formation in Beijing of a small community of defenders of the Albazin fortress, who agreed to be in the military service of the Qing Empire²⁰⁹. The Russian population of China was periodically increased by escaped convicts, border crossers, hunters and fishermen, gold miners, peasants, merchants, artisans, priests, missionaries, and Old Believers²¹⁰.

In the pre-revolutionary period, the influx of the Russian population to China was associated with the commercial and industrial activities of Russian subjects – first of all, I.Ya. Churin²¹¹. With the beginning of the construction of the Chinese Eastern Railway in the late 19th – early 20th century, the center of Russian emigration in Northeast China became the city of Harbin, located in the middle of the Manchurian taiga. In the 20–30s of the 20th century, Northeast China became a haven for many immigrants from former

²⁰⁷ *Zabiyako A.P.* Diasporas as a factor of civilizational interactions. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. P. 20.

²⁰⁸ *Vernadsky G.V.* *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus]. Tver, Moscow, 1997. P. 95.

²⁰⁹ *Zabiyako A.P., Cherkasov A.N.* Orthodoxy on the Amur in the 17th century. *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamur'ya* [Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019. Pp. 270–271.

²¹⁰ *Golovin S.A.* The results of the initial stage of the Russian Spiritual mission in China in the 18th – early 19th centuries (1715/16–1807). *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the 3rd International Science and Practice Conference]. Blagoveshchensk, 2013. P. 29; *Vasilenko N.A.* On the main stages of the migration movement from Russia to China in the pre-October period (based on the materials of Chinese publications). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk, 2003. No. 5. Pp. 229–236.

²¹¹ *Russkie v Kitae* [Russians in China]. Ed. A.A. Khisamutdinov. Shanghai: Izd. Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shankhae, 2010. Pp. 24, 26; *Levoshko S.S.* *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. Late 19th – first half of the 20th century]. Khabarovsk, 2003. 176 p.

tsarist Russia: merchants, industrialists, workers, peasants, representatives of the intelligentsia and nobility, the Cossacks, former officers, criminals, and many others. A truly powerful migration flow, which gave rise to a new round of Harbin housebuilding and living arrangements, occurred after 1917 when several tens of thousands of people moved to Manchuria. First of all, these were the so-called “white emigrants” – political figures (the military leaders G.M. Semenov, B.V. Annenkov, M.K. Dieterichs, etc.), state and public figures (D.L. Horvat, N.V. Ustryalov, N.L. Gondatti, etc.), parts of the armies of AV. Kolchak, R.F. Ungern, V.O. Kappel, etc. Since 1920, the migration flow had been intensified by the Far Eastern Old Believers²¹². In 1929, after the punitive expeditions of the Red Army, refugees (mainly Cossacks and peasants) arrived in Harbin from Tryokhrechye – the north-eastern region of modern Inner Mongolia (the district of Hulunbuir (Barga))²¹³.

In addition to the political situation, the influx of the Russian population occurred for several other reasons. Firstly, it was easier to get to open Chinese ports (such as Shanghai, Tianjin, Qingdao) than to Japan, Europe, America, Australia, and other refugee settlements. Secondly, Manchuria had ties with the Russian Empire and the population of Eastern Siberia since the 17th century (the Albazin epic, the Zheltuga Republic, the construction of the CER, the lease of the Liaodong Peninsula by the Russians, etc.). At the beginning of the 20th century, Manchuria was actually under the power of the military ruler Zhang Zuolin, who created reasonable conditions for Russian Cossacks, accepting them for service in the army and police. Thirdly, Russians, who had successfully settled down the new location before 1917, due to the construction of the CER were responsible for the emergence of one of the main centers of the Russian diaspora – Harbin (in 1898–1902 – Sungari-pervaya station). Harbin, being the biggest center of the Russian emigration, became a link with other oases of the Russian diaspora – Shanghai, Beijing, Mukden, Dairen, Port Arthur, Changchun, Qiqihar, Tryokhrechye, Hailar, etc., as well as with the places of Russian settlement in Mongolia, Europe, the United States, Canada, Australia,

²¹² *Kurto O.I.* Russian historiography of the Russian presence in China. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the state in China]. 2012. No. 1. P. 301.

²¹³ *Urbanski S.* Russian Cossacks in Manchuria. *Vostochnaya kolleksiya* [Eastern Collection]. 2014. No. 3(58). P. 121.

and Latin America²¹⁴. This weird “really Russian city with Russian buildings, Russian charm, but on Chinese ground”²¹⁵ was destined to become a “gentle stepmother” for the emigrants, which sheltered numerous carriers of the “Russian spirit” for more than 50 years and truly turned into a “Russian Atlantis”.

A.A. Khisamutdinov identifies the following categories in the social composition of the Russian diaspora, noting their characteristic features:

1. Service people. As a rule, this is the so-called “lost generation”, which experienced the most difficult social and political troubles of their time. According to Khisamutdinov, their milieu showed the most distinct signs of existential crisis, expressed in “psychological breakdowns”, personal and family tragedies, drunkenness, cases of suicide, etc. Former white officers and Cossacks mainly were in the service of the Chinese army and security and engaged in physical labor.

2. Administrative officials and the aristocracy, whose fate and moods were in many ways similar to the first group. The aristocratic stratum of the Far Eastern emigration during its heyday did not have the dominant noble names of the Russian Empire²¹⁶.

3. Businessmen, workers, and small employees. They formed a morally stable category of people who were ready to “make a fresh start”.

4. Young people and students (those who managed to catch the civil war and those who were too young or were born in China). This group mostly demonstrated the greatest ability to adapt to new conditions and subsequently settled well in America, Australia, and other countries of the Russian diaspora.

5. Representatives of the arts and intellectuals who became the main guardians of Russian pre-revolutionary culture²¹⁷.

²¹⁴ *Rakunov V.A.* Emigratsiya belykh voysk iz Rossii v Kitay i ee voennye posledstviya (1918–1945 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Emigration of white troops from Russia to China and its military consequences (1918–1945): abstract of PhD Thesis in History]. Moscow, 2011. P. 14.

²¹⁵ *Petrov V.* Gorod na Sungari [The city on the Sungari]. Washington: Russko-Amerikanskoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1987. P. 8.

²¹⁶ *Ablova N.E.* KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i po-liticheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.) [Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (the first half of the 20th century)]. Moscow: NP ID “Russkaya panorama”, 2004. P. 124.

²¹⁷ *Khisamutdinov A.A.* Russian Diaspora in the Far East: from communities in China and Japan to America and Australia. Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 5. Problemy istochnikovedeniya i tekstologii [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 5. Problems of source and text studies]. Pp. 213–214.

In a separate, sixth point, A.A. Khisamutdinov rightly identifies the category of women, who, although they were included in other categories, still represented a distinct and less protected group. In the difficult conditions of survival, they often agreed to the most menial work, in some cases – prostitution. Many young girls married much older men or local citizens. The latter, of course, is a subject that requires a separate study. Such unions generated a special “*cultural hybridity*”, formed by the synthesis of the cultures of a father and a mother, and especially manifested in the descendants of Russian-Chinese marriages. The existing “us”-“them” dichotomy was fancifully integrated into the syncretic worldview of the half-breeds, creating a unique cultural structure, allowing one to go from the ethnophaulic “*lamoza*”²¹⁸ (as the Chinese initially called the Russians) to “*eluosizu*” (“*eluosizu ren*”, 俄罗斯斯族人, the commonly used name for the descendants of Russians in China). Until now, there are places in China (for example, Beijing, Harbin, Xinjiang Uyghur Autonomous Region (Ürümqi, Yining, Tacheng), especially Tryokhreche in Inner Mongolia, etc.), where the relics of Russian-Chinese culture are preserved²¹⁹.

Nevertheless, Russian-Chinese marriages were not so numerous; often the women in such marriages remained faithful to the Russian cultural and religious tradition, raised their children in the Russian and Orthodox terms, and promoted the conversion of their husbands to Orthodoxy. As a Harbin poetess A. Parkau wrote, first of all, a Russian woman faced with the task of “< ... > raising Russian children who love their homeland, who are not ashamed of their title – “emigrants” – and who know the Russian language

²¹⁸ For example, A. Nesmelov in his short story “Lamoza”, through Wang – a Russian boy Seryozha with a sad fate, who brought up in a Chinese family – portrays the complex relationship between “Sinicized” Russians and Chinese, the problem of identity, the “us”-“them” dichotomy, etc.: *Nesmelov A. Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vladivostok, 2006. Vol. II. Pp. 509–516.

²¹⁹ See *Argudyaeva Yu.V. Russkie kazaki v Trekhrech'e (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks in Tryokhreche (the first half of the 20th century)]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta; Odeon, 2016. 480 p.; *Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang. Folklore of the Russian-speaking diaspora of Tryokhreche as a basis for preserving ethnicity. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2016. No. 17. Pp. 109–125; *Zabiyako A.P., Zabiyako A.A. Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians in Tryokhreche: the foundations of ethnic self-identity]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017. 340 p.; *Zhang Ruyang. Fol'klor russkikh Trekhrech'ya kak osnova etnicheskoy identichnosti (po materialam polevykh issledovaniy 2015–2019 gg.): dis. ... kand. filol. nauk* [Folklore of Russian Tryokhreche as the basis of ethnic identity (based on the materials of field studies in 2015–2019): abstract of PhD Thesis in Philology]. Blagoveshchensk, 2019. 273 p.; *Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Zhang Ruyang. Laomaozi, huodia, pheasant, tierda: images of mutual perception of Chinese and Russians. Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2020. No. 5. Pp. 135–151.

and Russian history. Her task is to protect and preserve our beautiful old culture, our way of life, and our art to pass them on through children to Russia that will be able to accept them from us and join them. And that must happen someday!”²²⁰. Others shared this position: e.g., O. Skopichenko (“For Russian women, in my opinion, these duties consist in the preservation of all the Russian that she caught or managed to get from the Motherland”), V. Yankovskaya (“I think women must remember Russia: mothers should protect their children from cosmopolitanism<...>”)²²¹. These words undoubtedly reflect one of the main vectors of the Eastern Russian diaspora – the desire to preserve their cultural identity: pre-revolutionary orders, adherence to Orthodoxy, “Russianness”, etc. The borderline state of emigrants and their “psychological homelessness”, the loss of physical connection with the motherland caused the desire to maintain their spiritual connection.

Despite the abundance of confessions represented in Harbin, it was the Orthodox faith and the Church as the centers of “spiritual attraction” that became the connecting links for the Russian exiles. One of the first to publish was the journal “Kitaisky blagovestnik” (“Chinese Evangelist”, created in 1904 as “Bulletin of the Brotherhood of the Orthodox Church in China” and renamed in 1907). Having been primarily aimed at uniting the Russian diaspora on the basis of Orthodox culture, the journal in many ways became its symbol²²². From the very beginning of the history of Harbin until the 1940s, churches were actively built everywhere: St. Nicholas Cathedral, Iverskaya Church, Church of the Dormition of the Theotokos, Church of the Protection of the Theotokos, Alekseevskaya Church, etc. The church in honor of St. Sophia, the Wisdom of God (St. Sophia Cathedral) became the architectural landmark of Harbin²²³. Russians pre-revolutionary widely celebrated Orthodox holidays: Christmas, Epiphany, Easter, the Day of Rejoicing, Trinity, etc.

²²⁰ Review of women's literary forces of emigration of the Far East. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 47 (Nov. 17). Pp. 24–25.

²²¹ Ibid.

²²² *Pelevina O.V.* Russians in China at the beginning of the 20th Century in the descriptions of the authors of the Journal of the Russian Diaspora “Chinese Evangelist”. *Rossiya i Kitay na dal'nevost ochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Russian Emigration in China: The Exodus Experience]. Blagoveshchensk, 2018. No. 12. Pp. 132–139.

²²³ *Levoshko S.S.* Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. *Konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. Late 19th – first half of the 20th century]. Pp. 111–136; *Troitskaya S.* Russkiy Kharbin: Vospominaniya [Russian Harbin: Memories]. Brisben, 1995. 64 p.

The Social, political, religious, scientific, and cultural life of this hospitable city was in full swing: there were theaters and opera houses; theater and ballet studios; the Harbin Symphony Orchestra gave concerts. Jazz was especially popular – the jazz musician O.L. Lundstrom began his career in Harbin; D. Sokolov’s collective also played there²²⁴. There even was a circus in a separate, permanent building, not in a “tent”²²⁵. Many famous artists came to Harbin on tour – F.I. Chaliapin, A.N. Vertinsky, L. Lipkovskaya, A. Mozzhukhin, I. Kozlovsky, P. Leshchenko, V.F. Komissarzhevskaya, etc.

The youth was brought up in love with Russia and the Russian tradition, not only because of nostalgia for the lost world but also because Harbin Russians sincerely hoped to return to their real homeland, although, due to the initial settlement of Russians along the line of the CER – the “exclusion zone” – this territory became a new home for them – in fact, “a state within the state”. At the same time, as many of the emigrants wrote nostalgically from other parts of the world after the Harbin “exodus”, China – their new home – penetrated in one way or another into the minds and hearts of the sons and daughters of the “bitterest refugee fate” (A. Nesselov). This romantic perception was not hindered by the numerous vicissitudes of their Chinese life: the complication of their status after the revolution and the actual civil “orphanhood”, chronic unemployment and lack of money, aggressive acts of Chinese militarists, defenselessness before Chinese police officers, officials, bandits (Honghuzi) and Bolsheviks, internecine strife in the south and north of China, political insinuations of the Americans, and even the occupation of Manchuria by Japan²²⁶.

The issue of political identity became more acute after the conclusion of the agreement between China and the USSR in 1924, according to which only Chinese and Soviet citizens were allowed to work on the CER²²⁷ and a series of arrests of emigrants in July-

²²⁴ *Khislamutdinov A.A.* Russkie muzykanty v Kitae [Russian musicians in China]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015.

²²⁵ *Petrov V.* Gorod na Sungari [The city on the Sungari]. P. 26.

²²⁶ *Aurilene E.E.* Rossiyskaya diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.) [Russian Diaspora in China (1920–1950s)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya Publ., 2008. Pp. 14–15.

²²⁷ China refused to grant extraterritorial rights to former subjects of the Russian Empire. Russian emigrants split: some Russians took Soviet citizenship to keep their jobs on the CER, some became Chinese subjects, and others remained stateless. See *Krotova M.V.* Russian immigrants in interwar Manchuria: manipulations with citizenship as a strategy of survival. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin]. 2012. No. 32. Pp. 66–83.

August of 1929 by the Chinese authorities²²⁸. Both contributed to the spread of disintegration processes in the emigration environment, spy fever, and the emergence and development of various political associations, for which, despite all their differences (sometimes diametrical), the search for a way out of the current situation in Russia was the unifying basis.

The difficult situation of the 1920s and 1930s forced many to seek a better life in North and South America, Australia, and less often in the USSR, Canada, and Europe²²⁹. After the establishment of the puppet state of Manchukuo in 1932, the outflow of Russians from Harbin and the exclusion zone began, which increased after the sale of the rights to the CER to Japan by the USSR (1935). The situation of emigrants was not easy after 1937 when Japan unleashed a new war against China.

In 1945, when the Soviet troops, together with the Chinese army, liberated Manchuria from the Japanese invaders and came to Harbin, the position of the emigrants became much more complicated. SMERSH detachments accused them of espionage and cooperation with Japan and America, arrested them, and sent them in countless echelons to concentration camps in the USSR, where many were later put to death.

By 1954, when relations with China began to deteriorate after the death of I.V. Stalin, Russian emigrants had found themselves at an almost epic crossroads: if you went left – you would go to a new ground (usually to Kazakhstan), if you went straight – you would end up in a concentration camp, if you went right, you would start life on other continents. Many Harbin residents moved to Kazakhstan and even more went to America, Australia, Brazil, and India. In 1967, just about 150 Russians stayed in Harbin²³⁰.

Nevertheless, in the memories of many Harbin residents, their life in the intervals of the upheavals was “blessed”; they lived there “a quiet, calm, normal, unhurried life,

²²⁸ The result of the political confrontation between the USSR and China. The prisoners were placed in the Sumbei concentration camp, but by the end of December of the same year they were released and restored to service. See: *Krotova M.V.* From the history of the conflict on the Chinese Eastern railway: the Chinese concentration camp for Soviet citizens. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin]. 2013. No. 35. Pp. 33–47.

²²⁹ *Ablova N.E.* KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.) [Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (the first half of the 20th century)]. Moscow: NP ID “Russkaya panorama”, 2004. Pp. 135–136.

²³⁰ *Khislamutdinov A.A.* Russkie v Kitae, Koree, Yaponii i na Tikhookeanskom poberezh'e SShA: monografiya [Russians in China, Korea, Japan and on the Pacific coast of the USA: monograph]. Ed. T.V. Prudkoglyad. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015. P. 52.

lived ‘like in God's pocket’... grew up, studied, got married, got families...”²³¹. Even in the tumultuous years, Harbin surprisingly remained the island of regularity and tranquility.

One of the most important features of the Russian emigration became saving the language: “In Harbin, the streets were dominated by the Russian crowd, the Russian speech was heard. At the Chinese Eastern Railway – the life-giving spring, from which, like through arteries, the vital fertilizing juices flowed, all the fullness of power, all the directing and guiding policy was in Russian hands”²³². In all the settlements where the Russians lived, there was print production. In the period from 1918 to 1945, only in Harbin, 115 newspapers, 275 journals, and 190 one-shots were published, shedding light on a variety of topics²³³. The most common publications were the Harbin newspapers “Zarya” (“Dawn”), “Rupor” (“Mouthpiece”), “Gong-Bao”, “Nash Put” (“Our Way” (at first published in Harbin, then – in Shanghai); the Shanghai journals “Natsiya” (“The Nation”), “Prozhektor” (“Searchlight”), “Parus” (“The Sail”); the Harbin journals “Luch Azii” (“Ray of Asia”), “Vestnik Man’chzhurii” (“Bulletin of Manchuria”) (former “Kharbinsky Vestnik” (“Harbin Bulletin”), published before the revolution) and, of course, “Rubezh” (“Frontier”), one of the most favorite weekly journal of Harbin Russians. There were also children’s publications: “Lastochka” (“Swallow”), “Yuny chitatel Rubezha” (“Young reader of ‘Frontier’”), “Kroshka” (“Little One”), etc. All these publications were of great importance for the ideological unification of former Russian subjects in the foreign land.

An important feature of the Far Eastern emigrant literature is its *freedom*: writers and poets were not limited in the expression of their feelings and thoughts by the regime or ideology – nothing but their *internal attitudes and experiences*. The socio-cultural environment of Harbin gave birth to a galaxy of the most diverse artists in words: A. Nesmelov, A. Achair, V. Pereleshin, N. Shchegolev, L. Eshchin, G. Granin, O. Teltoft, L. Khaindrova, A. Parkau, N. Reznikova, E. Rachinskaya, I. Orlova, M. Kolosova,

²³¹ Petrov V. Gorod na Sungari [The city on the Sungari]. P. 10.

²³² Lidin N. Russian emigration in the Far East. Russkie zapiski [Russian Notes]. Paris-Shanghai, 1937. Part. 1. P. 314.

²³³ Khisamutdinov A.A. Russkie v Kitae, Koree, Yaponii i na Tikhookeanskom poberezh'e SShA: monografiya [Russians in China, Korea, Japan and on the Pacific coast of the USA: monograph]. P. 25.

L. Andersen, M. Shapiro, Ya. Lovich, A. Haydock, K. Saburov, and many, many others. Far Eastern writers, poets, and journalists formed various literary circles, among which the Harbin literary and art club “Molodaya Churaevka” by A. Achair (Gryzov) stood out.

Many of the writers and poets (for example, N.A. Baikov, P.V. Shkurkin, B.M. Yulsky, V.N. Mart, M.V. Shcherbakov, etc.) were, among others, researchers, naturalists, translators, orientalists, and, imbued with the traditions and life of Manchuria, clothed ethnographic materials in artistic, literary form. A. Nesmelov turned to ethnographic topics; interest in Chinese culture and philosophy is clearly expressed in the works of V. Pereleshin (one of the few emigrants who knew Chinese well and was engaged in translation activities), P.A. Severny, A. Achair, A. Parkau, N. Svetlov, K. Baturin, I.I. Serebrennikov, etc.

However, with the old-regime, the pre-revolutionary vibe of Harbin, and the general tendency to preserve “Russianness” and national identity in the emigre environment, the Harbin space of the Russian diaspora was quickly mythologized, marginalized in the conditions of the newfound isolation of this “fairytale utopian haven for all the suffering and needy”²³⁴. The Harbin intelligentsia was the most “plastic” group, reacting vividly to the new milieu and adapting to it faster than others. With the traditions of pre-revolutionary culture behind them, where mysticism and occultism in the forms of Freemasonry, spiritualism, mediumism, palmistry, and, of course, theosophy and its version of “higher-order” – anthroposophy – were popular in the higher circles, the Russian diaspora maintained the mood of the Silver Age (the Chinese researcher Li Yanling even speaks of the “Harbin Silver Age”²³⁵), permeated with mystical allusions. Artistic mystifications and the desire for modernist techniques were reflected, among other things, in the use of a huge number of pseudonyms²³⁶. Being “between two worlds”, the cultural space of the eastern branch of the Russian emigration responded both to the Chinese tradition and

²³⁴ *Zabiyako A.A., Efendieva G.V. Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya* [Between two worlds: Russian Writers in Manchuria: monograph.]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. P. 15.

²³⁵ *Li Yanling*. About the literature of Russian emigration in China. Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Harbin-Vladivostok, 2019. P. 13.

²³⁶ *Zabiyako A.A., Efendieva G.V. Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya* [Between two worlds: Russian Writers in Manchuria: monograph.]. P. 6; *Khislamutdinov A.A.* Literary pseudonyms of Russian emigrants in China: materials for the reference book. Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 7. Kul'tura i literatura dal'nevostochnoy emigratsii v arkhivakh, pis'makh, vospominaniyakh [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 7. Culture and Literature of the Far Eastern emigration in archives, letters, and memoirs]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2017. Pp. 95–138.

culture, and to the general rise of interest in the supernatural and mystical in various manifestations: spiritualism and Egyptomania, clairvoyance, divinations, and occult practices, creation of theosophical circles, etc. In the 1920s–40s, among the residents of Harbin, there was a large number of sympathizers and interested in various manifestations of the mystical; some of them tried to develop exceptional abilities²³⁷.

All this created a special, syncretic worldview of emigrant life and the very space of the Russian diaspora. The dual position of Harbin – the “confused city” (P. Alymov) of all possible contrasts – between Russia and China, Asia and Europe, between “white” and “red”, its internal inconsistency, as well as the multiplicity of its artistic images (“eastern Moscow”, “eastern Petersburg”, “eastern Chicago”, “eastern San Francisco”, “eastern Paris”, “eastern Klondike”, “eastern Zion”²³⁸), converging in one dimension, could not but result in a syncretic fusion, both in everyday world perception and in creative understanding which was certainly romantic and remythologized.

Thus, the formation of the socio-cultural environment of Russian emigration was influenced by the Far Eastern frontier mindset, which, being a young phenomenon in the evolutionary and historical sense, contributed to the “spontaneity” of religious consciousness, the breadth of religious freedom, the heterogeneity of religious grounds, and caused the susceptibility of the Far Eastern inhabitants to assimilation of foreign cultural patterns and compliance with the processes of syncretization.

The space of Russian life-building in China was also unique. Here the stadium archetypal character of Russians was revealed as a Messianic one, fighting for the sake of a higher idea and goal – to recreate the broken integrity of the “split world” and to sanctify it²³⁹. The “mythological situation of timelessness” that emerged in Harbin allowed the Russian exiles to return to the “golden age”, to turn time back. This was, in fact, an axial moment in the history of the eastern Russian diaspora, containing a dual, syncretic perception of time and history: the Christian linear time was superimposed on the

²³⁷ *Zemlyanskaya K.A.* Mystic and magic in Russian Harbin of the 1920–1940s. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Ed. A.P. Zabiako, A.A. Zabiako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2013. No. 10. P. 324.

²³⁸ *Zabiako A.A.* Russian city in the heart of Manchuria: artistic image of Harbin. *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. P. 142.

²³⁹ See *Schubart W.* *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow, 2000. 443 p.

mythological cyclic one. Russian emigration experienced history, opposing it, following, in fact, the path of mythological consciousness. The “return in time” provided the order and performed a cosmological function for the Russian exiles. In this respect, the worldview of the Russian diaspora, on the one hand, unconsciously approached the archaic one, insensitive to contradictions, characterized by natural syncretic foundations and attitude to the surrounding reality. On the other hand, it acquired a pronounced mosaic character of a mixed type of syncretism. This phenomenon was most reflected in the creative and sociopolitical environment, full of metaphors, metaphysics and allegories, which became a peculiar emanation for this “mythological” consciousness

2.2 Religious syncretism in the forms of literary and journalistic writing

2.2.1 Syncretic otherness on pages of emigrant periodicals.

Mysticism and esotericism in journalist and advertising texts

In all the places where Russian emigrants settled in China, there were press bodies that produced a wide variety of publications. Harbin was particularly rich in printed materials. On the pages of the newspapers and journals published there (according to some estimates, their total number reached 4,000 or more²⁴⁰), along with news, articles about fashion, political slogans, ethnographic notes, useful tips, various reviews, and so on, texts containing elements of mysticism, occultism, folklore, mythology, philosophy, religious motifs, etc. were printed.

The interest in mysticism among the emigrants was, on the one hand, an echo of the pre-revolutionary order and mores lost as a result of the Bolshevik coup, a longing for the past (in tsarist Russia there was an upsurge of spiritualism, occult practices, and manics; from the very beginning, the emigrants quite freely continued the tradition of Christmas divinations; they showed interest in Slavic mythology and demonology²⁴¹, etc.), and

²⁴⁰ *Khislamutdinov A.A.* Russian periodical press in Harbin. *Oikumena* [Oikumene]. 2016. No. 2. P. 154.

²⁴¹ See *Loginov V.* Demonology of Russia. Gong-Bao. 1931.; *Teffi.* The mage. *Zarya* [The Dawn]. 1931. No. 64. P. 3; *Teffi.* The witch. *Zarya* [The Dawn]. 1931. No. 69. P. 3; *Teffi.* Undead. *Zarya* [The Dawn]. 1931. No. 167. P. 4; *Teffi.* Werewolves. *Zarya* [The Dawn]. 1931. No. 189. P. 3; *Rambaev Vl.* Domovoy: the story of the extraordinary. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 13. Pp. 1, 4, 6–7, etc.

on the other hand, the response to the new wave of pan-European interest in mystical, occult, and otherworldly aspects of life that emerged after World War I.

In a general sense, mysticism (mystic) is “the belief in the possibility of direct spiritual communication of a person with mysterious metaphysical forces (God, the impersonal absolute, the primordial essence of the world, spirits, etc.) in a way that goes beyond the natural human abilities”²⁴². The concept of mysticism includes not only the practice and individual experience of communicating with an otherworldly reality but also a variety of religious and philosophical teachings that represent this reality in different ways and consider options for contacting it. Of course, in the Russian spiritual culture, mysticism existed in the pre-Christian era: moreover, pagan representations of the mystical, which are superimposed on the Christian tradition, gave rise to the “cultural and historical experience of spiritual duality”²⁴³.

The heyday of interest in mysticism, mystic, and esotericism in the philosophical and social environment of the Russian Empire fell on the 19th century, although the prerequisites arose in the 18th century when mysticism went beyond theological studies and religious practices (for example, hesychasm). According to E.A. Torchinov, it was the tradition of hesychasm that later influenced the spread of mysticism in the popular environment. At the turn of the 18th – 19th centuries, hesychasm was revived in the tradition of elders²⁴⁴, which was artistically interpreted, for example, by F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. In addition, since the second half of the 18th century, the ideas of Freemasonry, Rosicrucianism, Hermeticism, Kabbalah, etc. had been spreading within Russia; Protestant trends had been spreading; the works of German and French philosophers and religious mystics had been translated (first of all, J. Boehme, J.G. Jung-Stilling, J.-M. Guyon, K. Eckartshausen, etc.)²⁴⁵.

²⁴² *Tazhurizina Z.A.* Mysticizm. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Religious Studies: encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2006. P. 642.

²⁴³ *Kravchenko V.V.* Mistitsizm v russkoy dukhovnoy kul'ture XIX – nachala XX veka: dis. ... d-ra filos. nauk [Mysticism in the Russian spiritual culture of the 19th – early 20th century: DSc Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 1998. P. 363.

²⁴⁴ *Torchinov E.A.* Puti zapredel'nogo: Religii mira. Psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya [Ways of the Beyond: Religions of the World. Psychotechnics and transpersonal states]. St. Petersburg, Moscow: Kniga po trebovaniyu, “Pal'mira” Pubs., 2017. P. 490.

²⁴⁵ *Isakova N.V., Embulaeva L.S.* On the question of the tradition of mysticism in Russia. Nauchnyy zhurnal KubGAU [Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. 2017. No. 134 (10). Pp. 4. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf>.

In the 19th century, the rise of interest in mysticism was associated with the personality of Emperor Alexander I, whose personal views were influenced by the victory over Napoleon, the creation of the “Bible Society” by A.N. Golitsin and R.A. Koshelev, and communication with the “preacher of mystical Christianity” Baroness von Kriedener, as well as with E.F. Tatarinova – a representative of spiritual Christianity among the Russian aristocracy.

Undoubtedly, theosophy, which synthesized elements of various Eastern teachings, had a significant influence on the development of interest in mysticism, especially among the Russian intelligentsia. The theosophy of E.P. Blavatskaya received a special development in Russia: perhaps, because this movement in the Messianic spirit sought a general unification of spiritual movements, the creation of an “all-human brotherhood”²⁴⁶. At the beginning of the 20th century, branches of the International Theosophical Society spread in Russia; theosophical circles also existed in Harbin. In the emigrant milieu, N.K. Roerich, G.D. Grebenschikov were the so-called “vehicles” for theosophical ideas. Grebenschikov had a special influence on one of the most famous literary artists in Russian Harbin – A. Achair, which was ultimately expressed not only in the name of the literary organization created by Achair (“Molodaya Churaevka” (“Young Churaevka”, after the name of Grebenschikov’s novel – “The Churaevs”)) but also in the poet’s work – for example, in “Laconisms”, which were in some way the quintessence of Achair’s views, brought up on the basis of the ideas of Agni Yoga (Living Ethics) of Roerich and Siberian regionalism of Grebenschikov²⁴⁷.

N.K. Roerich is a special figure for Russian emigrants. His first appearance in Harbin in 1934, according to the memoirs of one of his most loyal worshippers – the mystical writer Alfred Haydock – produced “the bombshell effect”. By that time, Roerich had been widely known to the Russian emigration, was an honorary member of the Christian Union of Young People, and was greeted with extraordinary warmth and admiration: not only representatives of the intelligentsia – Harbin writers, poets, public figures, artists, etc.,

²⁴⁶ *Ovsienko F.G.* Theosophy. Entsiklopediya religiy [Encyclopedia of religions]. Eds. A.P. Zabiako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, Gaudeamus Publ., 2008. P. 1257.

²⁴⁷ *Zabiako A.A.* Chinese philosophy, regionalism, and theosophy: “Laconisms” by Alexey Achair. Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. Pp. 196–222.

but also ordinary people participated in the “pilgrimage” to the house where Roerich and his son were staying²⁴⁸.

The teachings of G.I. Gurdjieff and A.N. Schmidt were also popular in the Russian environment. The latter was highly appreciated by Russian thinkers, who addressed similar topics in different ways – S. Bulgakov, N.A. Berdyaev, A. Bely, etc. A special place was occupied by R. Steiner’s anthroposophy: as early as 1906, D. Merezhkovsky and N. Minsky actively began to promote his ideas, and in 1913 the Russian Anthroposophical Society was opened in Moscow²⁴⁹. Foreign occultists also came with lectures (for example, G. Möbes, Papus (G.A.V. Encausse), etc.)²⁵⁰. From 1909 to 1916, the “journal of occult sciences” “Isis” was published monthly in St. Petersburg, which was the printing organ of the Martinists²⁵¹.

Probably, the interest in such teachings among the Russian population was inertial – this was part of the process of re-mythologization, which occurred in Europe in the Renaissance, but received a special “impulse” during the heyday of Romanticism²⁵². The latter, in turn, together with occultism, stood out from the Western esotericism that had taken shape in the same era²⁵³. The reason for this was largely the growth of scientific knowledge (especially the evolutionary theory of Ch. Darwin) and the powerful process of secularization that set the man of the 19th century the task of finding a way to make a synthesis between the new science, rationalism, and secular and spiritual foundations. It

²⁴⁸ See *Dubaev M.L.* Kharbinskaya tayna Rerikha. N.K. Rerikh i russkaya emigratsiya na Vostoke [Harbin mystery of Roerich. N.K. Roerich and the Russian emigration in the East]. Moscow: Izdatel'stvo Dukhovnoy Literatury; Sfera Pubs., 2001. 576 p.

²⁴⁹ See *Shakhmatova E.V.* The anthroposophical movement in the Soviet period: power and the artistic intelligentsia. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020. No. 2. Pp. 23–28.

²⁵⁰ *Kryzhanskaya K.A.* Mysticism, palmistry, and superstition in the daily life of the Blagoveshchensk people of the 10s of the 20th century (based on the materials of the periodical press of those years). *Losevskie chteniya-2010. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Losev Readings-2010. Materials of the regional science and practice conference]. Ed. A.V. Urmanov. 2010. P. 43.

²⁵¹ Martinism (n.a. L.K. de Saint-Martin – the founder of the second wave and a disciple of M. de Pasqually, the founder of the first wave) is a mystical and esoteric movement that originated in the 18th century in France. Martinism combined the ideas of Christianity, Freemasonry, Gnosticism, the teachings of E. Swedenborg and J. Boehme, magic, alchemy, Kabbalah, etc. See *Pakhomov S.V.* Martinism. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religions]. Ed. A.P. Zabiyaiko, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, Gaudeamus Publ., 2008. Pp. 781–782.

²⁵² *Zabiyaiko A.P.* Re-mythologization. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabiyaiko, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus Pubs., 2008. P. 1073.

²⁵³ *Nosachev P.G.* Occultism and Romanticism as two forms of “secularized esotericism” of the 19th – the beginning of the 20th century. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2015. No. 4 (33). P. 207.

is not surprising that the Eastern emigration organically joined the process of solving such a problem.

In addition, the population of the Far East, including the Russian exiles, was extremely diverse both in religious and social terms. In some religious systems, represented in the remote lands of the former Russian Empire (for example, spiritual Christianity), special importance was attached to mystical experiences. Firstly, in social terms of the Far Eastern population, the leaders were service people, and their milieu provided not only relatively low religiosity and the prevalence of Orthodoxy in its folk form but also the presence of Buddhists and Jews in the Cossack formations, as well as the perception of the beliefs of the indigenous peoples of the Far East by the Cossacks; secondly, there was a lot of peasants, who had believed in the mystical for a long time and were extremely interested in legends, characters of demonology, etc.

In the Amur region, fortune-tellers and soothsayers also became widespread, and the “genetic” syncretism of folk religiosity often allowed the belief in the mystical to result in bizarre and even curious forms. So, in 1916, a local newspaper described a case of “worship of the holy egg”: “On May 11, a soldier, a resident of the commune, a 30-year-old Maria Solonenko boiled 3 eggs, gave 2 eggs to her daughter, who ate them, and put the third egg on the window. At night Solonenko was thirsty, and she went into the room where she had left the egg on the window. Solonenko noticed that the egg was emitting such a bright light that the room became bright. Solonenko announced this ‘miracle’ to her neighbors, and soon the mass of villagers came to worship the holy egg. The next day, the local priest, having learned that the villagers were gathering in Solonenko’s apartment to worship the ‘holy egg’, came there to check such an unusual phenomenon and stated that the egg (rotten) was giving phosphoric light. The priest ordered to smash the ‘miracle’. The villagers refused. The appearance of the priest in the house of Solonenko gave rise to all sorts of rumors. Residents began to flock in masses from the nearest villages to worship the ‘holy egg’”²⁵⁴.

²⁵⁴ Worship the egg. *Blagoveshchenskoe utro* [Blagoveshchensk Morning]. 1916. No. 131. P. 4. Cit. ex. *Kryzhanskaya K.A.* Mysticism, palmistry, and superstition in the daily life of the Blagoveshchensk people of the 10s of the 20th century (based on the materials of the periodical press of those years). *Losevskie chteniya-2010. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Losev Readings-2010. Materials of the regional science and practice conference]. P. 48.

A stratum of intellectuals and the lower middle class were highly interested in spiritualism and the syncretic teachings of Tolstoyism. On the Amur stage, there were many productions and films on mystical themes: “Vampires”, “Sorceress. Drama from Polish life”, “The Witch’s Kitchen”, “The Seal of the Curse”, “The Queen of Spades”, “Faust”, “The Mermaid”, “On the Verge of Three Curses” (with A. Vertinsky), “Freemasons”, “Count Cagliostro” and so on²⁵⁵.

So, the interest in the mystical among the emigrant community was determined both spatially and temporally, but it is impossible to say unequivocally that all publications on such topics were precisely a response to the above-mentioned trends and prerequisites. It is fairer to note that among the literary and journalistic texts, we have to distinguish the works of the Far Eastern emigrants themselves and those of Westerners, the works of other writers (European, Soviet, etc.), and republications from foreign pre-revolutionary or modern publications. It is obvious that not all of them coincide in terms of time, and also cannot be unconditionally attributed to exclusively representative texts. Nevertheless, all the publications studied have a common basis – religious and mystical content, which, undoubtedly, was in demand by the emigrant community. The interest in mysticism consisted of two main aspects – practical and theoretical ones. The first includes esoteric services (first of all, various types of mantics), the second – publications on mystical topics.

While maintaining the Orthodox faith as a supporting element, the existential orbit of Eastern emigration included an interest in communicating with spirits, news concerning the irrational, the craving for secrets, riddles, and sensational discoveries, horoscopes, divination, clairvoyance, and, of course, fortune-telling, where a special place was occupied by questions about the fate of Russia. There is a logical explanation for this: the self-consciousness of Russian emigrants, determined by the realities of life conditions, was rooted not only in their identity but also sought new foundations. The growing interest in “non-traditional” ways of interacting with reality and influencing it has historically been

²⁵⁵ *Kryzhanskaya K.A.* Mysticism, palmistry, and superstition in the daily life of the Blagoveshchensk people of the 10s of the 20th century (based on the materials of the periodical press of those years). Losevskie chteniya-2010. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Losev Readings-2010. Materials of the regional science and practice conference]. P. 49.

noted during the crisis and turning points of the functioning of society or the life of an individual. In the difficult times that the Russian exiles faced, they needed additional support to believe that they were not helpless before the moloch of time and history and to hope for a successful outcome and the recovery of the lost peace and quiet.

Soon enough, the proposals for such a request appeared – after all, the Harbin people, according to V. Raevskaya, “along with their culture, turned out to be a very superstitious people”²⁵⁶. In the 20s – the 30s of the 20th century, representatives of the “kingdom of illusory hopes” (V. Despotuli) especially began to flourish in the emigrant environment: there were palmists, physiognomists, and fortune-tellers who used cards, handwriting, voice, photo cards, water, mirrors, beans, “pebbles”, coffee grounds, etc. Sorcerers, charmers, telepaths, phrenologists, astrologers, and hypnotists were popularized, as well as the idea of self-hypnosis²⁵⁷. The number of fortune-tellers especially increased in the 30–40s, when the situation of emigrants had become more complicated and more difficult due to the Japanese occupation and the outbreak of World War II.

As a rule, fortune-tellers put advertisements in newspapers, less often in journals. One of these newspapers was, for example, “Zarya” (“The Dawn”) – one of the oldest periodicals in Harbin, founded by M.S. Lembich and G.N. Shipkov and published in the period from 1920 to 1945²⁵⁸ (in addition to the Harbin “Zarya”, at different times the newspaper was published in Shanghai (“Shankhaiskaya Zarya”) and in Tianjin (“Nasha Zarya”))²⁵⁹. The newspaper’s popularity was due to a well-balanced publishing policy that considered the specifics of the Russian diaspora and its cultural and spiritual needs; in addition, readers were captivated by the speed and objectivity in the presentation of information, as well as the coverage of a wide variety of topics and problems of Far Eastern and international life²⁶⁰. The newspaper published materials not only from local journalists and authors, but also from other regions and countries on a variety of topics:

²⁵⁶ Raevskaya V. Harbin wizards and witches. Celebrities without names from the Green Bazaar. Zarya [The Dawn]. November 27, 1938. P. 7.

²⁵⁷ Zemlyanskaya K.A. Mystic and magic in Russian Harbin of the 1920–1940s. Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China on the Far Eastern borders]. P. 327.

²⁵⁸ Khisamutdinov A.A. Russian periodical press in Harbin. Oikumena [Oikumene]. P. 156.

²⁵⁹ Diao Shaohua. A brief review of the history of the Russian press in Harbin. Revue des études slaves. 2001. Vol. 73. No. 2–3. P. 423.

²⁶⁰ Zhao Yunghua. Russian emigrant newspaper group “Zarya” and its activity in China in the first half of the 20th century. Mediaskop. 2012. No. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1118>.

Russian holidays and traditions, news and events in foreign cultural diasporas, which to some extent classified as Russian emigrant ones (Polish, Georgian, Jewish, etc.), music, theater, and other announcements, political news (including from the USSR), medical indexes, and, of course, all kinds of ads – including offers of occult and magical services²⁶¹.

Ones of the most famous representatives of the occult services were, for example, A.I. Banasevich, M. Tarnovsky²⁶². Often, several types of mantics and approaches were combined, for example: “Palmist D.G. Fortuyanova. Studied: palmistry, phrenology, psychology, and graphology. I recognize abilities, inclinations, talents, and characters. I give useful tips on how to get around the unfortunate blows of fate. I will find out: the loss and good luck in the attempted case. I guess by the method of the famous fortune tellers De Cab and Lenormand, as well as the famous Russian professor of phrenopsychology and a palmist Truporup”²⁶³.

Non-traditional methods of treating diseases were also popular: thus, the “fortune-teller” from Modiagou, in addition to revealing the secrets of fate, proposed to cure “< ... > all old diseases, gout, rheumatism, paralysis, venereal diseases, especially syphilis, sexual impotence, binge drinking, drinking and smoking, bad habits of children and backward students <...>”, as well as to help those who want to give birth to a child – all by means of “infusion and charms”²⁶⁴.

Of course, the residents of Harbin were interested in astrological forecasts, which were most often seen on the pages of printed publications at the beginning and end of the year²⁶⁵. Much attention was paid to the fate of Russia. It was often possible to read the

²⁶¹ *Uchiyama-Valueva N.* Russian newspaper “Zarya” in Harbin. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Bulletin of the Oriental Institute]. 2003. No. 7. Pp. 71–76.

²⁶² E.g., Palmist-occultist M. Tarnovsky... *Zarya* [The Dawn]. 1929. No. 5. P. 16; Palmist A.I. Banasevich... *Zarya* [The Dawn]. 1930. No. 315. P. 12; The fortune teller Akhmatova guesses on the cards and predicts the fate for 1934... *Zarya* [The Dawn]. 1934. No. 2. P. 7; All-Russian famous palmist A.K... *Zarya* [The Dawn]. 1927. No. 175. P. 4; The famous psychographo-phrenologist “Diamantis”. *Zarya* [The Dawn]. 1927. No. 144. P. 6; *Raevskaya V.* Harbin wizards and witches. Celebrities without names from the Green Bazaar. *Zarya* [The Dawn]. November 27, 1938. P. 7, etc.

²⁶³ Palmist D.G. Fortuyanova... *Zarya* [The Dawn]. 1930. No. 315. P. 12.

²⁶⁴ Predictor... *Zarya* [The Dawn]. 1922. No. 262. P. 3.

²⁶⁵ E.g., *Savsky Gr.* What do the stars promise us?... Predictions of astrologers and clairvoyants for 1939. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 1 (570). Pp. 9–10; Clairvoyants promise major events in the new year. *Zarya* [The Dawn]. 1934. No. 1. P. 17; *N.P.V.* Predictions about Russia for 1935 from Parisian professors-soothsayers. *Zarya* [The Dawn]. 1935. No. 14. P. 2; *Savsky G.* What does the New Year promise?... Summary of predictions of European astrologers for 1940. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). P. 9; *Kryazhev V.* What awaits you this month? Predictions of the Hollywood astrologist to the readers of “Rubezh”. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 21–22; Prediction for 1931. *Rupor* [Mouthpiece]. January 1, 1931. P.

subsequent comments of journalists on which of the predictions came true and which did not: “The predictions are contradictory, but the readers are given a choice. And for verification, they have 365 days at their disposal...”²⁶⁶. Not always fashionable mystical themes were taken seriously; there were also satirical, ironic texts – *feuilletons*, which were based on the events of the lives of Westerners and emigrants themselves; articles that explained mysticism rationally, questioned it or even condemned²⁶⁷. For example, one could find such ironic sketches: “Dozens of hands are knocking the door, dozens of voices are begging the invisible hostess to let them into the courtyard. <...> A vent opens in the next window and a man’s shouts: ‘The mistress has flown into the chimney on a broom, it’s too long to wait in the freezing cold, come to me, I’ll tell fortune’”²⁶⁸.

Another important newspaper for Harbin society and for our topic was “Gong-Bao” (Chin. 公报 *gongbao* – “bulletin”, “journal”, “news”) – Russian edition of the Chinese newspaper “Harbin Gong-Bao”. The newspaper was published from 1926 to 1937 and included weekly supplements. The director of Gong-Bao was Guan Hongyi, and the Russian editors were A.I. Weiss, A.I. Melik-Vartanyants, G.G. Satovsky-Rzhevsky, V.N. Ivanov, M.P. Golovachev, and others²⁶⁹. Gong-Bao, which was mainly socio-political and was originally created in the hope of “promoting the relationship between the two neighboring great nations”²⁷⁰, included various materials: works by local and foreign authors, articles on various topics, household tips, medical indexes, etc., including publications on mystical, esoteric, and religious topics²⁷¹. There were also texts that

14; What fate is preparing for you... Rupor [Mouthpiece]. January 1, 1935. P. 19; *Lozanov A.* New Year by reading coffee grounds. Rupor [Mouthpiece]. January 11, 1935. P. 5; What awaits Russia in 1935? Six Parisian astrologers and fortune tellers speak about the future of our Motherland. Rupor [Mouthpiece]. 1935. No. 14. P. 2; *Talyzin M.* Light and shadows (what can be expected from 1931). Gong-Bao. January 1, 1931. Pp. 1–2; When Christ was born. A French journal “Month” published an article concerning “the birth and death of the Savior according to astronomical data”. Rupor [Mouthpiece]. January 16, 1935. No. 12, etc.

²⁶⁶ What awaits Russia in 1935? Six Parisian astrologers and fortune tellers speak about the future of our Motherland. Rupor [Mouthpiece]. 1935. No. 14. P. 2.

²⁶⁷ E.g., *Don-Aminado*. Seance. Zarya [The Dawn]. 1931. No. 291. P. 4; *Rennikov A.* Spiritual occasion: little *feuilleton*. Zarya [The Dawn]. 1933. No. 133. P. 2; To the court for witchcraft! Zarya [The Dawn]. November 16, 1930.; *Donbrovskaya R.* Diphamation and superstition. Gong-Bao. February 20, 1931. P. 3; New York will perish in the year 2200. Gong-Bao. April 12, 1931. P. 11, etc.

²⁶⁸ *Raevskaya V.* Harbin wizards and witches. Celebrities without names from the Green Bazaar. Zarya [The Dawn]. November 27, 1938. P. 7.

²⁶⁹ *Khisamutdinov A.A.* Russian periodical press in Harbin. *Oikumena* [Oikumene]. P. 156.

²⁷⁰ Russian-Chinese newspaper “Gong-Bao”. *Vozrozhdenie* [Rebirth]. December 26, 1926. Vol. 2. No. 572. P. 3.

²⁷¹ E.g., Horoscope. Gong-Bao. 1931; How to live to a hundred years. Gong-Bao. 1931; Grim predictions of madame Freya. Gong-Bao. 1931. P. 4; *Loginov V.* Demonology of Russia. Gong-Bao. 1931, etc.

somehow correlated with the ideas of N. Roerich, which were extremely popular in Harbin²⁷². Due to the Russian-Chinese origin of the newspaper, materials related to Chinese spiritual culture appeared on its pages²⁷³.

Lots of such texts could be found, for example, in the journal “Vestnik Azii” (“Bulletin of Asia”), despite its scientific character. The history of the publication of translations of written and oral monuments of Chinese spiritual culture dated back to April 28, 1914, when the Society of Russian Orientalists, which published the journal, invited Chinese artists from Fujiajiang to arrange a performance of Chinese opera in the Railway Assembly building. Before the start of the performance, a sinologist P. Gladky had made a report dedicated to the Chinese theater; the audience was given translations of three plays²⁷⁴. After the success of the play, several issues of the journal published translations of the plays “The third wife brings up her son”²⁷⁵ (Chin. 三娘教子 San Niang jiaozi), “Kongchengji”²⁷⁶ (“Maneuver in the Empty City”, Chin. 空城计) and “Wulong Yuan”²⁷⁷ (“The Court of the Black Dragon”; Chin. 乌龙院), as well as an article by P. Gladky “Chinese Theater, its origin, historical development, and current state”²⁷⁸. This marked the beginning of the publication of many translations of other Chinese texts, carried out by such researchers of Chinese culture as I.G. Baranov, P.V. Shkurkin, V. Stromilov et al., which in general indicated the presence of not only scientific interest in the East but also the usual sympathy with the realities and myth-making in Chinese culture.

In Harbin and other centers of Far Eastern emigration, as well as in other places where Russian emigrants lived, there were far fewer journals published than there were newspapers. This was due to an obvious reason – it was cheaper to make a newspaper. Nevertheless, journals were published in Harbin, and perhaps the most popular

²⁷² E.g., *Loginov V.* Siberian regionalism. Gong-Bao. February 26, 1931; *Gorshkov M.* Altai. Gong-Bao. 1931; *Gorshkov M.* To the 25th anniversary of the literary activities of G.D. Grebenshchikov. Gong-Bao. April 4, 1931, etc.

²⁷³ E.g., *Arakin Ya.* New Year in Japan and China. Gong-Bao. January 1, 1931; *Loginov V.* Ba-gua. Gong-Bao. April 5, 1931. P. 12.

²⁷⁴ *Diao Shaohua.* A brief review of the history of the Russian press in Harbin. *Revue des études slaves.* 2001. Vol. 73. No. 2–3. P. 416.

²⁷⁵ *Baranov I.G.* The third wife brings up her son. Chinese play (translated from Chinese). *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 23–24. Pp. 82–91. This play is more famous in Russian as “How Sanyang was bringing up children”.

²⁷⁶ *Kui Dangting.* Kongchengji. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 36–38.

²⁷⁷ *Kui Dangting.* Wulong Yuan. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 39–46.

²⁷⁸ *Gladky P.* Chinese theater, its origin, historical development, and current state. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 22–35.

publication was “Rubezh” (“Frontier”), which was published from 1926 to 1945 (since 1929 – weekly). Conceived as a literary title, “Rubezh” was not such in the strict sense of the word: in addition to poems, stories by local authors and translated texts, its pages also contained topical feuilletons, caricatures, and photo essays, local and foreign news, culinary, cosmetic, and fashion tips, articles about celebrities, reviews of scientific discoveries and novelties, theater, music, and cinema reviews, competitions, information about book novelties, crosswords, ads and much more. Compared to newspapers, there were much fewer ads for esoteric services on the pages of “Rubezh” but sometimes they were also found²⁷⁹. As in other publications, these texts are adjacent to texts on religious topics – first of all, Orthodoxy, which is especially noticeable in special issues (Christmas, Easter “Rubezh”).

In “Rubezh”, one could more often find a variety of articles on mysticism and esotericism – from review to critical ones. One of the most popular topics was mantics in its various manifestations. For example, in the article by Yu. Klemens the readers were invited to check whether they had “marks of happiness” – features and marks of palmistry and physiognomy: a clean high forehead, arch eyebrows, a rounded chin, a tendency to corpulence, the equality of the index finger to the middle one, the location of lines on the palm, and so on²⁸⁰. Another article describes – with a significant amount of irony – the possibility of divination by the lines of the feet²⁸¹. Graphology²⁸² and fortune-telling by cards were popular as well²⁸³.

Astrology was no less widespread, and, of course, Harbin residents were interested in the fate of Russia: “< ... > The same James Ross, speaking about Russia, explains: ‘In the summer of 1939, uprisings should break out. I am inclined to assume an insurrection; in any case, before 1944, the whole system of Russia will have changed, because this year, the year of the influence of Mercury, promises it an unprecedented flourishing’

²⁷⁹ E.g., Madame V. Seyuu ... Prediction of future. Determining the fate of a person. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 41. P. 14; Professor of black magic (India). Rubezh [Frontier]. 1934. No. 34 (343). P. 25; Palmist-occultist. Friend of the yearning. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 43 (352). P. 8, etc.

²⁸⁰ Klemens Yu. Marks of happiness. Check if you have them. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 12 (581). Pp. 9–10.

²⁸¹ Denis V. Fate is in the lines of feet!... A new way of divination. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 21 (538). P. 15.

²⁸² Klemens Yu. Compare your handwriting before the wedding ... Graphology predicts happy and unsuccessful marriages. Rubezh [Frontier]. 1929. No. 28 (77). Pp. 5–6.

²⁸³ Let's look into the future?... A new game connected with divination. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 19.

<...>”²⁸⁴. The fate of other countries and their leaders was also not left without attention, especially political issues²⁸⁵. Harbin residents were also concerned about their personal zodiac well-being²⁸⁶.

Clairvoyants did not lag behind astrologers and fortune-tellers. It is curious that information about them was often presented in the form of introductory, educational, and generally uncritical notes and essays – even the help of visionaries to justice was mentioned²⁸⁷, but there were also skeptical articles²⁸⁸. As for witchcraft, superstitions, and other things, in most cases, the texts were critical: “No matter how much these ‘clairvoyants’ has been exposed, like Jeanne Duclos²⁸⁹, who also came to us in the Far East – each new session of clairvoyance attracts new crowds who are eager to join the miracle for their fifty kopecks. ‘After all, there are real clairvoyants!’ – they say. Yes, they are, but there are very few of them in the world, and they do not come on the stage”²⁹⁰. The reference to superstitions, e.g., the number thirteen, was also quite ironic²⁹¹.

In one form or another, the pages of “Rubezh” reflected the general European passion for spiritualism. There was a special surge of interest in the rites during Christmas: “On holidays, many people like to tell fortunes, and there are never so many spiritualistic sessions as on the Twelve Days of Christmas”²⁹².

²⁸⁴ *Savsky Gr.* What do the stars promise us?... Predictions of astrologers and clairvoyants for 1939. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 1 (570). Pp. 9–10.

²⁸⁵ E.g., *Privat M.* The Pope is the king of Italy?... Sensational predictions of the famous astrologer on the stars of the Roman sky. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 23 (332). P. 3; *Karzhevin A.* The signs of the zodiac are gloomy, but ... let's not lose heart! Rubezh [Frontier]. 1934. No. 5 (314). Pp. 4–5; *Savsky G.* What does the New Year promise?... Summary of predictions of European astrologers for 1940. Rubezh [Frontier]. 1940. No. 1 (622). P. 9, etc.

²⁸⁶ *Kryazhev V.* What awaits you this month? Predictions of the Hollywood astrologist to the readers of “Rubezh”. Rubezh [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 21–22.

²⁸⁷ Healer of souls. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 8. P. 3; *Schmidt M.* Clairvoyance through hands. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 38. P. 11; *Karzhevin A.* Clairvoyance in the service of justice. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 1 (518). Pp. 22–23; *S-n I.* A phenomenon or a charlatan? A person who literally sees through. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 7; *Sibrer G.* The goddess... in a petticoat. The exposed secrets of the mysterious “voodoo”. Rubezh [Frontier]. 1931. No. 22. Pp. 7–8.

²⁸⁸ *Ducrot J.A.* The “great penance” is close! ... The horrors are moving up to the world... Rubezh [Frontier]. 1933. No. 42 (299). Pp. 12–13; *Ducrot J.* What does Satan look like? Rubezh [Frontier]. 1933. No. 45 (302). P. 5, etc.

²⁸⁹ Jeanne Duclos – a mnemonic technician who performed in the 1920s. Mnemonics as a play was established initially on the stage (in variety theaters) in the second half of the 19th century, later it was performed in circuses. The play was presented as “reading thoughts at a distance”, the performers were called “clairvoyants”. See *Dmitriev Yu.A.* Mnemonics. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/234.htm>.

²⁹⁰ *Schmidt M.* Black magic for all ... Pythias and astrologers on the winding of Montmartre cafes. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 1 (466). P. 17.

²⁹¹ *Ruslanova L.* “A good day – Friday the 13th! ...”. Members of the “Club of the Opponents of the Superstitions” are not afraid of any ill will. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 22 (383). Pp. 6–7; *Rossov Yu.* Are you afraid of 13? About prejudices and superstitions. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 30 (599). Pp. 11–12.

²⁹² *Klemens Yu.* Do you want to become a medium? “Seance” – the best entertainment at Christmas. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 2. P. 9.

One of the illustrative examples of such curiosity about spiritualists is the article by G. Kalenberg about Pearl Lenore Curran, who allegedly contacted with the spirit of Patience Worth²⁹³ – a girl from the 17th century – through a spiritualistic session with the Ouija board. The result of this contact was a “collaboration” with the spirit, who dictated to Mrs. Curran stories and poems in Old English, which the spiritualist did not know. The author conveys the amazing details of Mrs. Curran’s life and wonders what really happened to her: “Dr. Prince < ... > believes in the theory of unconscious memories from the as-yet-under-explored subconscious realm. A lot of interesting thoughts arise in connection with the ‘Case of Patience Worth’”²⁹⁴. This “case” still worries researchers²⁹⁵.

The mystical experience of hierophany in the form of contact with the spirit world is reflected, for example, in a note about the ghost of Rudolph Valentino, who allegedly wanders around his villa “Falcon’s Nest”: “The gardener < ... > refused to serve <...> saying that he was constantly frightened by the sounds of an invisible orchestra, someone’s footsteps, laughter, and the chatter of numerous voices... His words are supported by the statements of other servants <...> each of them allegedly saws their deceased master several times on the lawn near the house”²⁹⁶. Yavorsky S. reports about theophany: “Recently, the news about the miracle of the appearance of the Mother of God to three children has gone around the whole of Europe, the whole world”²⁹⁷. Note that if V. Kryazhev admits irony in the message about the ghost of Valentino (“<...> superstition reigns in it [the world of artists] undivided, and no arguments of reason are able to break the legends that are composed by a mysterious whisper of legends”), then we do not observe this in the note of Yavorsky.

²⁹³ The etymology of the name “Patience Worth” is also quite interesting.

²⁹⁴ Kalenberg G. Otherworldly voice. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 14. Pp. 3–4.

²⁹⁵ Even though some of them were inclined to the spiritualist version, most researchers, analyzing the life and personality characteristics of Mrs. Curran, at various times suggested that Patience Worth could be the product of Pearl Curran’s rich imagination, part of her personality, alter ego, “socially acceptable way to express herself”, the result of dissociative and other personality disorders, etc., but there is still no clear answer. See Yost C.S. Patience Worth. A Psychic Mystery. NY, 1916. 296 p.; Cory Ch.E. Patience Worth // Psychological Review. 1919. P. 397–407; Carroll R.T. Patience Worth // The Skeptic Dictionary. 1994. URL: <http://www.skeptdic.com/patienceworth.html>; Carroll R.T. Pearl Curran (Patience Worth) and the Fantasy-Prone Personality Label // The Skeptic Dictionary. URL: <http://skeptdic.com/essays/patienceworthfpp.html>; Nickell J. Ghost Writer? The Channeling of “Patience Worth” // Skeptical Inquirer. May/June 2012. Vol. 36. No. 3. P. 15–17, etc.

²⁹⁶ Kryazhev V. The legend of the ghost of Rudolf Valentino. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 33. P. 11.

²⁹⁷ Yavorskiy S. Children who saw the Mother of God. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 20 (277). P. 5.

Thus, when Russian emigrants had been striving to preserve the Orthodox faith as the basis of ethnic and cultural identity, it became obvious that they were genuinely interested in mystical, esoteric ideas, and practices, spirits, spiritualism, etc. Demand creates supply – and all these topics were reflected in ads, notes, review articles, and other journalistic texts on the pages of the periodical press. The popularity of such ideas in the public environment, on the one hand, rudimentally reflected the archaic features of understanding reality, especially expressed in the interest in magic and mantic s as ways to influence the surrounding reality, and, on the other hand, was a conscious response to not only the pan-European and pre-revolutionary sentiments of the Silver Age, but also the borderline state of emigrants and special socio-cultural and historical reality in which they found themselves.

2.2.2 Religious, mystical, and esoteric references of literary texts on the pages of “Rubezh”

The seeds of mystical ideas were germinating not only in public and political life and did not become exclusively the subject of journalistic articles: quite naturally, they got in one of the most favorable grounds for them – literary creation. We believe that one of the most significant processes of syncretization and ideological pluralism in the environment of Far Eastern emigration is the above-mentioned journal “Rubezh”. Many Harbin artists of the word – A. Achair, A. Nesmelov, N.A. Baikov, V. Loginov, E. Rachinskaya, L. Khaindrova, M. Kolosova, L. Andersen, V. Pereleshin, N. V. Pereleshin, N. Reznikova, V. Yankovskaya, A. Haydock, V. Obukhov, Ya. Lovich and many others published their works in “Rubezh”; the journal provided translations, republications, and so on. In addition, “Rubezh” was aimed at different segments of the population and was extremely popular not only in Harbin, Shanghai, Tianjin, and China in general but also in other centers of dispersion of Russian exiles and places of residence of compatriots: Paris, Berlin, Warsaw, Prague, Riga, Sofia, Bucharest, Sarajevo, etc.²⁹⁸

²⁹⁸ Greetings to “Rubezh”. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 14 (531). Pp. 8–10, 12–13.

The very emergence of the journal under the leadership of E.S. Kaufman in 1926 was not accidental and, moreover, appropriate: “The need for the existence of a weekly literary and art journal in the exile is quite obvious: keeping the Russian readership up to date with the events of modern world life, it is designed to link the readership with Russian culture, with Russian literary creation more closely”²⁹⁹. The journal really appeared “on the border” “between the glorious past and the chaotic present” (V. Bernikova): if before the Bolsheviks came to power, Harbin had been mainly inhabited by representatives of the working class, the military, and entrepreneurs, then in the post-revolutionary period, representatives of a wide variety of social groups, including the aristocracy and intelligentsia, found themselves in exile, for whom literary aspirations, reading and discussing books were one of the ways to maintain ties with their former lives, maintain the existing level of culture, and just a life habit and necessity.

At the same time, the availability of printed publications was limited: except for personal collections and many public libraries with extensive stocks, books were rare and expensive. During this period, printing activities in Russia were suspended, and it was difficult to open a publishing house due to the situation of emigrants and lack of funds. Russians, separated from their homeland and caught in a foreign cultural environment, felt “psychological homelessness” and an urgent need to preserve their cultural identity, strengthen ties with Russian culture and literature³⁰⁰. Harbin was rich in creative people, especially literary youth – writers and poets, for whom the weekly “Rubezh” became a real opportunity to be published regularly. Moreover, soon a significant part of the population of Harbin was seized with a thirst for creativity – “everyone was writing” – maybe

²⁹⁹ Kaufman E.S. 10 years. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 14 (531). Pp. 5.

³⁰⁰ See Zabiyaiko A.A., Efendieva G.V. “Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...” (Khudo-zhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina): Monografiya [“A quarter of a century of refugee fate...” (The artistic world of Russian Harbin lyrics): Monograph]. Pp. 18–51; Efendieva G.V. What did Russian Harbin read? (on the literary tastes of the Russian eastern abroad of the 1920–1930s). Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 6. K 70-letiyu professora V.V. Agenosova: Sbornik nauchnykh rabot [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 6. To the 70th anniversary of Professor V.V. Agenosov: Collection of scientific papers]. Eds. A.A. Zabiyaiko, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2012. Pp. 182–194; Zabiyaiko A.A. Far Eastern frontier in the artistic consciousness of Russian emigrants. Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiyaiko. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. Pp. 141–359; Zabiyaiko A.A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Pp. 3–20; 58–84; Lyutova N.K. Far Eastern journal “Rubezh”. Knizhnye svideteli bylykh vremen (redkie i tsennyye izdaniya v fondakh Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki [Book witnesses of bygone times (rare and valuable publications in the funds of the Far Eastern State Scientific Library)]. Khabarovsk, DVGNB, 2017. Pp. 437–445.

because of the need for a way out of the emotional turmoil from the sudden status of emigrants and homesickness.

A significant part of the literary texts in “Rubezh” can be evaluated in terms of religious syncretism. In general, concerning the plot and semantic content of the texts, we can conditionally distinguish several main themes – conditionally, first of all, for the literary works syncretically combined various religious, mythological, mystical, and folklore elements. The interweaving of reality and legend, the penetration of the fantastic into the ordinary, the subjectivity and relativity of time, the consideration of reality from the point of view of the naive perception of a “primitive” person, the possibility and ability of the characters to come into contact with a foreign reality, and the cultural context of the narratives allows us to correlate many of the works with such a genre as *magical realism*.

Semantically, the texts can be divided into 4 groups: 1) revealing spiritualistic motifs – meeting with spirits, ghosts; 2) containing magical ideas and references to various mantic practices, hypnosis; 3) reconstructing the superstitious ideas of various peoples; 4) dedicated to the theme of contact with the other divine reality – hierophany, mystical, and religious experience.

1. Communication with spirits and ghosts. Spiritomania

Texts devoted to communication with otherworldly reality in the form of spirits and ghosts are one of the largest groups. The pages of “Rubezh” provide various stories about the dangerous dead visitors disturbing the living³⁰¹; about restless souls bound to a place or thing³⁰²; about spirits asking or warning about something or appearing at the time of death of the body³⁰³. This group includes both original works by Harbin writers and translated texts.

³⁰¹ E.g., *Nesmelov A.* The disease of Nina Pavlovna. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 22 (279). Pp. 1–2, 4–6, 10–12; *Meson A.* At midnight. Transl. T. Belyaeva. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 1 (466). Pp. 22, 24, 26–30; *Kalenberg G.* Otherworldly voice. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 14. Pp. 3–4; *Kryazhev V.* The legend of the ghost of Rudolf Valentino. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 33. P. 11.

³⁰² E.g., *Berres.* The fourth wall. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 15. Pp. 10–11; *Saburova I.* Santa Loire. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 8 (473). Pp. 1–4, 6–8, 10–11.

³⁰³ E.g., *Townend V.* The return of the sailor. Transl. O. Lyubimov. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 4 (469). Pp. 15–18, 20; *Irvi V.* Vision. Rubezh [Frontier]. 1944. No. 4 (809). Pp. 15–16, 18; *Boris L.* The unearthly. Rubezh [Frontier]. 1944. No. 3 (808). Pp. 16, 18, 20; *Achair A.* The mystery of the northern taiga. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 23 (488). P. 1–6; *Bowen M.* On New Year's Eve. Transl. P.N. Anisimov. Rubezh [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 22, 24, 26–28.

Legends and beliefs about the visit of the deceased have been known to many peoples since ancient times. Starting from the early stages of their cultural history, people make attempts to limit the possibilities of the dead with a variety of rituals, special burial methods, accompanying rites, etc., associated not only with the desire to help the deceased with the transition to another world and ensure their further existence in the afterlife but also with the fear of the deceased. A. Nesmelov in the story “The disease of Nina Pavlovna” clearly indicates this ambivalence: “It did not seem strange to anyone that the gentle Sergei Alexandrovich, whom everyone had pitied so sincerely and whose death was mourned from the heart, suddenly turned into a malicious and terrible spirit, against whom it was necessary to apply these awful spells”³⁰⁴.

In the popular beliefs of the Slavs, the dead were divided into two categories: “clean”, i.e., those who died of natural causes and were usually called “parents”, and “unclean”, “undead”, which included those who died an unnatural, premature death and/or led an unrighteous life (drunkards, suicides, cursed, unbaptized children, etc., as well as sorcerers). The attitude towards these two groups of the deceased differed radically. The first was revered, the second one was considered dangerous creatures, capable of visiting the living and even harming them due to the possession of unspent life force. At the same time, there were few animistic elements in the superstitious fear of the dead, because “people were not afraid of the soul or spirit of the dead, but of themselves”³⁰⁵.

The visits of the deceased were often due to the preserved ties with the living and the world around them: strong affection for loved ones; the last will of the deceased that was not fulfilled; duty; an unsmoothed quarrel; revenge, etc., as well as inaccurate execution of any funeral rites. Similar lifelong attachments are found, for example, in the story “The Fourth Wall” by Berres³⁰⁶, which tells about an artist whose ghost wanders around the cottage which he liked to stay in during his life or in “Santa Loire” by I. Saburova³⁰⁷, the story about the ghost of a sailor who wants to return the Gospel belonged to him. These reasons determine the fact that the clean dead could also become

³⁰⁴ Nesmelov A. The disease of Nina Pavlovna. Rubezh [Frontier]. P. 1.

³⁰⁵ Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the history of the peoples of the world]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Respublika Publ., 2005. Pp. 197–198.

³⁰⁶ Berres. The fourth wall. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 15. Pp. 10–11.

³⁰⁷ Saburova I. Santa Loire. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 8 (473). Pp. 1–4, 6–8, 10–11.

so-called “undead” – unclean deceased who visit the living at an unreasonable time and are dangerous because they can take a loved one to the grave. The list of reasons for their “walking” also includes the grief of the living³⁰⁸.

A. Nesmelov reconstructs these ideas in the story. The grief for her husband is one of the causes of Nina Pavlovna’s “disease” and causes night visions that have a bad effect on the mental and physical condition of the heroine: “Nina Pavlovna did not dare to stay alone in the room even during the day: fear had completely paralyzed her will, all the movements of her soul proceeded under the depression caused by it. Her physical health also failed”³⁰⁹. As a rule, medical treatment in such cases did not help: Nina Pavlovna’s recovery coincided with the moment when love for her husband faded to hate, because he had caused her so much torment after his death, and she understood that “in his reproachful look <...> there was nothing but envy and anger towards her – healthy, young, beautiful, *remaining to live*”³¹⁰ (here and further italics supplied – *E. K.*).

Using the compositional technique “a story within a story”, A. Nesmelov weaves into the plot the story of Awulu – a native woman whose husband Katalu died and now she is considered unclean, *taboo*: “...According to the customs of the tribe, after the death of Katalu, his wife Awulu, who had mourned her husband and touched his corpse, was declared taboo and imprisoned for seven days in a hut built on the opposite bank of the river deliberately for the forbidden”³¹¹. Nina Pavlovna reads this story in the book and discovers a striking similarity between the events described in the story and her recent experience of communicating with the dead. The actions listed by Nesmelov against taboo women – eviction, the bans on leaving the hut before sunset, eating with hands, pronouncing the name of the deceased, communicating with fellow tribesmen, etc. – really took place in the cultures of various tribes of Polynesia, Melanesia, and parts of Africa³¹².

³⁰⁸ Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavvianskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. P. 118.

³⁰⁹ Nesmelov A. The disease of Nina Pavlovna. Rubezh [Frontier]. P. 3.

³¹⁰ Ibid. P. 6.

³¹¹ Ibid.

³¹² See the classical works: Frazer J.J. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [The Golden bough. Research of magic and religion]. Transl. M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat Publ., 1980. 703 p.; Freud S. Totem i tabu [Totem and taboo]. Moscow: AST Publ., 2009. 317 p.; Radcliff-Braun A.R. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektzii [Structure and function in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature” RAN, 2001. 304 p., etc.

Not only in the cultures of primitive peoples but also the traditions of developed civilizations, natural elements restricted the movement of the dead. Most often it was water (for example, Nesmelov mentions the river as the border between the taboo woman and the rest of the tribe) or fire known for its purifying power. The place of burial, which was often located at a quite large distance from the place of habitation of the living, was also important. So, in Russia, the “unclean” dead were buried not at the cemetery, but the place of their death, on the borders of fields, roadsides, and especially at intersections; often people avoided burying them in the ground at all, but carried such deceased into ravines, left in the woods, swamps, etc., as well as in special “dead houses” – pits for mass burial³¹³. This corresponds to the mythical ideas of the center and the periphery as the opposition of “us-them”³¹⁴. The world of the “us” is orderly, understandable, and good; it is the dwelling place of the living. The world of the “them” is a dangerous world of chaos; a dwelling of gods, the dead, spirits, etc., located beyond the territory of ordinary living people.

In addition, people could also dig up the deceased that were already buried and move them to a new place; turn them over in the grave and fill it with water (especially during droughts and crop failures); hammer aspen stakes into the deceased’s chests, coffin, or grave. The latter ritual is reflected by Nesmelov: the old nurse Agrafena, “having broken the commandments”, hammered “a huge pencil that someone gave to Seryozha shortly before his death” into the grave of Sergei Alexandrovich. Nina Pavlovna discovered it when she came to the grave of her husband, and, having compared the facts, she realized that it was this ritual that contributed to her sudden recovery.

It is known that the spirit often comes to the living soon after the death of the body and sometimes becomes a harbinger of the death of another person. So, the story of Ya. Lovich “The Ghost in Love”³¹⁵ is about Dr. Pavlovsky, a rational-to-the-bone man, who, after learning about an incurable disease – a recently developed heart defect – realizes

³¹³ See *Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died a non-natural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995. Pp. 88–128.

³¹⁴ This is typical not only of the burial site itself but also of all funerary and ritual activities to distinguish between the living and the dead.

³¹⁵ *Lovich Ya. The ghost in love. Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 30 (599). Pp. 1–4, 6–8, 10.

that he “is suddenly flooded with thoughts that were always alien to him and even deeply repugnant: mysticism, the otherworldly, questions of being, questions of the universe”³¹⁶. One night, Pavlovsky wakes up from a thunderstorm, which he is afraid of; his heart is beating fast. And it begins to beat even faster when, as Pavlovsky is about to turn on the light, he suddenly hears a woman’s voice and sees a woman’s silhouette in the room. As it becomes clear from the further dialogue, this is his former student Surova, who is unrequited in love with Pavlovsky. At a quarter past three in the morning, the girl says goodbye to the doctor and disappears as if she never existed. After a while, Pavlovsky gets a call from the hospital and is informed that Surova was intoxicated with mercuric chloride³¹⁷ and died around midnight. The doctor’s heart breaks and he falls dead.

It is obvious that Ya. Lovich translates the above-mentioned idea that the spirits of the dead can visit and communicate with the living, especially when there are deep personal feelings. Similar dominants of lifelong attachment are found in the above-mentioned stories “The Fourth Wall” by Berres³¹⁸; “At Midnight” by A. Meson³¹⁹; “The Return of the Sailor” by V. Townend³²⁰; “Santa Loire” by I. Saburova³²¹. This group also includes texts that refer the reader to spiritual seances. One of the interesting examples is the story of M. Bowen “On New Year’s Eve”³²², the plot of which, having a “ghostly” dominant, synthesizes mythological and folklore motifs and reveals ideas about the border zone, sacred time, transitional moment (in this case, New Year’s Eve), during which the interaction between this and another world is possible.

The question of near-death experience and transmigration of souls and mystical transformations is not left without attention: “Rubezh” offers the readers stories about leaving the body and subsequent return³²³, the exchange of bodies³²⁴. So, in the story of B. Yulsky “The Catastrophe”, the main character Andrey Petrovich Guryev comes to himself in the hospital after the train crash and sees “a completely strange face” and “a

³¹⁶ Lovich Ya. The ghost in love. *Rubezh* [Frontier]. P. 1.

³¹⁷ A strong poison.

³¹⁸ Berres. The fourth wall. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 15. Pp. 10–11.

³¹⁹ Meson A. At midnight. Transl. T. Belyaeva. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 1 (466). Pp. 22, 24, 26–30.

³²⁰ Townend V. The return of the sailor. Transl. O. Lyubimov. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 4 (469). Pp. 15–18, 20.

³²¹ Saburova I. Santa Loire. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 8 (473). Pp. 1–4, 6–8, 10–11.

³²² Bowen M. On New Year's Eve. Transl. P.N. Anisimov. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 22, 24, 26–28.

³²³ Kent A. In the fourth dimension. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 22 (279). Pp. 16–20.

³²⁴ Yulsky B. The Catastrophe. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 43 (346). Pp. 1–3, 6, 8, 10.

new, unfamiliar, and alien body” in the mirror: somehow, he finds himself in the body of his fellow traveler, engineer Viktor Khizhin. Guryev tries to live his life, but the consciousness of the rightful owner is still inside the body and sometimes breaks out. When Guryev goes to his old apartment one day, he finds out that he has died. After that, he goes to the cemetery, where he dies again near his grave being in Khizhin’s body.

The ideological content of the story of Yulsky correlates with the ideas of possession in its animistic meaning, i.e., in the form of pervasion of a spirit or a deity into a person and the use of the body for its own purposes³²⁵. In Jewish folklore and the Kabbalistic tradition, there is an idea of *dybbuks* – evil spirits, the spirits of dead people, who inhabit a living person, but do not merge with his original essence and suppress it only. A dybbuk is a soul that has lost the ability to transmigrate due to its sinfulness, or in the case of an unfinished destiny. Dybbuks can also possess those who have a secret sin³²⁶. In general, since the 16th century, dybbuks are very popular in literature³²⁷.

The near-death experience is revealed in the story of A. Kent “In the fourth dimension”³²⁸, which provide the readers with the story of two young people – a guy and a girl who were electrocuted in different places at about the same time, met in the form of disembodied spirits, were brought back to life by doctors, and then found each other in reality.

2. *Magic, mantics, hypnosis*

On the pages of “Rubezh”, one can repeatedly find a variety of magical ideas. For example, P. Mikhailov's story “The healer-fortuneteller”³²⁹ (from the cycle “Tibet”) reflects the ideas of not only folk healing, medicine, but also ancient mantic practices. According to the plot, a rich Tibetan named Tamba goes to an old woman healer. The ritual, performed on Tamba, included ink, a stick used for applying the ink pointwise to the patient's body, and paper candles attached to the place of these points. After the treatment,

³²⁵ *Zabiyako A.P.* Obsession state. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2006. Pp. 718–719.

³²⁶ Dybbuk. Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya [Electronic Jewish Encyclopedia]. URL: <http://eleven.co.il/judaism/mystic-kabbalah-magic/11427/>.

³²⁷ For example, one of the famous dramas is “Dybbuk” (“Between the Two Worlds”), which was written by S.A. Ansky, an ethnic Jew, and filmed three times), musical art (the ballet of the same name by L. Bernstein), cinema (this idea is especially often exploited by modern horror films).

³²⁸ *Kent A.* In the fourth dimension. Rubezh [Frontier]. Pp. 16–20.

³²⁹ *Mikhailov P.* Healer-fortuneteller. Rubezh [Frontier]. 1945. No. 10 (851). Pp. 6,10,12.

Tamba asked the old woman to tell fortune: the healer “dragged <...> a sheep’s shoulder blade <...> stroked it, knocked on its bumps, then raised it with both hands to her forehead, closed her eyes and kept silent for a long time...”³³⁰. At the end, the old woman said that his luck had left him along with his wife – it was she who brought him happiness and success. Two days later, the superstitious Tamba got his wife back.

Divination on the shoulder blades (more often – sheep’s ones, but also buffalo’s, deer’s, seal’s, hare’s, bird’s, etc. shoulders could be used) is rooted in ancient times and found among many peoples – especially nomadic, who engaged in cattle breeding. In Chinese culture, since the Neolithic era, both plastronomy (divination on turtle shells) and divination on animal bones have been known. The divination practice included various manipulations with the scapula, which is symbolically divided into several parts – sectors, each of which is responsible for a specific area. Depending on the purpose of divination – the weather, the future, health, fate – it could be fumigated with smoke (often – juniperic), boiled (the so-called “white” divination; the diviners looked at the resulting color, the presence of spots, etc.), heated on fire (“black” divination with interpretation of cracks), and thrown over somebody’s shoulder. There is also a way of divination on an old bone found in the forest, steppe, etc. Various signs and inscriptions could be applied to the shoulder blades: for example, a special system of hieroglyphic signs *jiaguwen* (“writing on turtle shells and bones”), which is considered the oldest example of Chinese writing³³¹.

A large number of articles of “Rubezh” is devoted to fortune-telling practices, clairvoyance, and predictions of the future, zodiac themes, horoscopes, palmistry, and extra-sensory perception³³². Infrequent ads also offer the services of magicians and fortune-

³³⁰ *Mikhailov P.* The Healer-fortuneteller. *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 10 (851). P. 10.

³³¹ See *Tylor E.* *Pervobytnaya kul'tura* [The primitive culture]. Ed. V.K. Nikolsky. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939. 568 p.; *Vasil'ev L.S.* *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature” RAN, 2001. 488 p.; *Badmaev A.A.* Ram's shoulder blade in the ritual practice of the Buryats. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: history, philology]. 2015. Vol. 14. No. 7: *Arkheologiya i etnografiya*. Pp. 255–263, etc.

³³² E.g., *Healer of souls*. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 8. P. 3; *Schmidt M.* Clairvoyance through hands. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 38. P. 11; *Ducrot J.A.* The “great penance” is close! ... The horrors are moving up to the world... *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 42 (299). Pp. 12–13; *Karzhevina A.* The signs of the zodiac are gloomy, but ... let's not lose heart! *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 5 (314). Pp. 4–5; *Privat M.* The Pope is the king of Italy?.. Sensational predictions of the famous astrologer on the stars of the Roman sky. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 23 (332). P. 3; *S-n I.* A phenomenon or a charlatan? A person who literally sees through. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 7; *Let's look into the future?..* A new game connected with divination. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 19; *Schmidt M.* Black magic for all ... Pythias and astrologers on the

tellers³³³. The alchemical motives of the stories in “Rubezh” are connected with youth and age dichotomy and are reduced to the search for an opportunity to either reverse time and return youth³³⁴, or vice versa – to age the body overnight³³⁵.

Part of magical practices is the belief in the existence of magic and use of magical objects – amulets and talismans. One of the most frequently encountered images on the pages of “Rubezh” is stone. The idea of stone as a concentration of powerful, miraculous power is found in a variety of cultural traditions. The very role of the stone was more often magical than religious in nature. The cult of stones included various forms of their veneration: stones associated with funeral rites and representations about the afterlife (especially in megalithic cultures); stones related to the birth rites (especially those that contributed to fertilization: for example, portakars in the Armenian tradition); stones associated with healing magic (for example, bezoars, cupules, in the recesses of which water was collected and considered curative, etc.); celestial stones: meteorites revered as symbols of fertility, and thunderstones³³⁶, considered weapons of divine origin and often used to protect against lightning; apotropaic stones (for example, adder stones); stones that were receptacles and dwellings of spirits, gods, ancestors, or their incarnations, as well as places of theophany (for example, footprint stones), etc.³³⁷ The plot of the wish-fulfilling stone, received by people from the goddess for diligent prayers, develops in the story of A. Lugovoy “The seventh grace of the goddess”³³⁸.

winding of Montmartre cafes. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 1 (466). P. 17; *Karzhevin A.* Clairvoyance in the service of justice. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 1 (518). Pp. 22–23; *Denis V.* Fate is in the lines of feet!... A new way of divination. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 21 (538). P. 15; *Savsky Gr.* What do the stars promise us?... Predictions of astrologers and clairvoyants for 1939. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 1 (570). Pp. 9–10; *Klemens Yu.* Marks of happiness. Check if you have them. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 12 (581). Pp. 9–10; *Savsky G.* What does the New Year promise?... Summary of predictions of European astrologers for 1940. Rubezh [Frontier]. 1940. No. 1 (622). P. 9; *Kryazhev V.* What awaits you this month? Predictions of the Hollywood astrologist to the readers of “Rubezh”. Rubezh [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 21–22.

³³³ E.g., *Heltley R.* Prediction of future. Determining the fate of a person. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 41. P. 14; Professor of black magic (India). Rubezh [Frontier]. 1934. No. 34 (343). P. 25; Palmist-occultist. Friend of the yearning. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 43 (352). P. 8.

³³⁴ *Gibbs F.* The key of life. Rubezh [Frontier]. 1942. No. 41 (765). Pp. 18–20, 22–27.

³³⁵ *Bedd W.A.* In a dead end. Transl. M. Zhang. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 51 (620). Pp. 8, 10–11, 14.

³³⁶ Thunderstones usually include three types of stones (fossils): *fulgurites* formed as a result of a lightning strike in the sand; arrowheads of the Stone Age era, and *belemnites* – fossilized remains of the same-named mollusks of the Mesozoic era. The latter are the most common type of thunderstones.

³³⁷ *Eliade M.* Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Selected writings. Essays on comparative religion]. Moscow: Lodomir Publ., 1999. P. 208–228.

³³⁸ *Lugovoy A.* The seventh grace of the goddess. Rubezh [Frontier]. 1938. No. 3 (520). Pp. 1–11.

Special properties were attributed to various precious and semi-precious stones: jade – the “stone of life” in China; cinnabar (especially in Taoist alchemy); opal, which, according to popular beliefs, brings misfortune; diamond (in Buddhist, Hindu traditions); ruby (one of the most famous stones in Indian, Greek, Roman, and other cultures, as well as in medieval esotericism), and many others³³⁹. The main character of the story “Stones live...”³⁴⁰ by N.A. Protopopov, receives a superik – “a simple cheap silver ring with a medium-sized agate embedded in it” – as a gift from a gypsy for saving a baby from a burning house. According to the gypsy, this stone is special and will be a talisman for the owner, warning him about the dangers. When the hero, being a guest, tells this story and confirms it with examples from his own life, the host brings a bag of stones and talks about the mystical properties of each of them.

Chinese motifs give a special flavor to the story of D. Collins “The crystal of death”, the plot of which is built around a heart-shaped stone of blood-red color, which, according to legend, leads its owners to a tragic death: “Five days later we learned the legend of the Crystal of Death. It read: ‘This year, the savage tribe of the Northerners attacked the watchtower of the Southern Passage again, and the arrows with the stones of the barbarians turned day into night. They were thrown away, and the bodies of their dead covered the whole valley. But they came again, and there was a great fight. When the head of the guard was killed, the tower guards furiously attacked the assaulters. Cheng-Li jumped on Khan Kala and, without weapons, only by the strength of his hands, tore the barbarian's heart out of his chest. Then he filled a crystal phial with the smoking blood of the enemy, and a cunning craftsman made it in the shape of a heart and sealed it after the engravers carved a hieroglyph on it, and the priests of the Ti clan put a spell on it that anyone who owns it will end his life by falling from a height’”³⁴¹.

The story of the jade disk – the stone of the goddess, fulfilling desires, develops on the pages of the story by E. Jepson “Love talisman”³⁴². The story “The Pharaoh's

³³⁹ See *Kunz J.F.* Dragotsennye kamni v mifakh i legendakh [Precious stones in myths and legends]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2008. 320 p.

³⁴⁰ *Protopopov N.A.* Stones live... Rubezh [Frontier]. 1945. No. 8 (849). Pp. 10–13.

³⁴¹ *Collins D.* The crystal of death. Transl. N. Dobek. Rubezh [Frontier]. 1936. No. 21 (434). Pp. 14–18, 20.

³⁴² *Jepson E.* Love talisman. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 21 (278). Pp. 16–18, 20.

revenge”³⁴³, which reveals to the reader the story of the Cairo archaeological expedition, the participants of which are avenged by the spirit of Pharaoh Badarch for disturbing his peace and taking the ring, among other things, is connected with a new wave of Egyptomania that arose after Howard Carter discovered the tomb of Pharaoh Tutankhamun in 1922.

3. Superstitions, popular beliefs, prejudices. Demonology

It is known that superstitions, being residual elements of primitive beliefs, trace their history back to ancient times and occupy a significant place in many cultures. Often superstitious moods capture society during periods of acute social crises. In the journal “Rubezh” one can find works and articles (including those of educational and introductory nature)³⁴⁴, which reveal beliefs and superstitions that existed not only in Russian, but also in other cultures.

One of the largest representatives of mystical writers, deserving of a separate comprehensive study, is Alfred Haydock³⁴⁵, whose extreme, lively enthusiasm for the ideas of N. Roerich and E. Blavatskaya, as well as a natural tendency to “ecstatic journeys” and the need for the presence of the mystical and extraordinary in life could not but manifest in his works³⁴⁶.

³⁴³ The Pharaoh's revenge. Transl. I. Mirandov. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 48. Pp. 12, 14.

³⁴⁴ E.g., *Art. Glaz*. The curse of the yogi. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 47. P. 10; *Ducrot J.* What does Satan look like? *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 45 (302). P. 5; *Ruslanova L.* “A good day – Friday the 13th! ...”. Members of the “Club of the Opponents of the Superstitions” are not afraid of any ill will. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 22 (383). Pp. 6–7; *Rossov Yu.* Are you afraid of 13? About prejudices and superstitions. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 30 (599). Pp. 11–12; *Yavorskiy S.* Victims of terrible psychosis. Belief in witches cost millions of lives. *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 3 (844). Pp. 8–9.

³⁴⁵ E.g., *Haydock A.* *Zvezdy Man'chzhurii: Rasskazy* [The stars of Manchuria: Stories]. Vladivostok: Rubezh Publ., 2011. 336 p.; *Haydock A.* *Ogon' u poroga* [Fire at the threshold]. Magnitogorsk: Amrita-Ural, 1994. 802 p.

³⁴⁶ See *Zabiyako A.A.* China, Roerich and mystical realism: Alfred Haydock in *Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A.* *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. Pp. 227–242; *Zabiyako A.A.* “In a previous life I was Russian”: theosophy and mystical realism under the stars of Manchuria (Alfred Haydock) in *Zabiyako A.A.* *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya* [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. Pp. 264–282; *Kryzhanskaya K.A.* Multireligious character of the artistic space of A.P. Haydock's collection “The Stars of Manchuria”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern Borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 241–248; *Kryzhanskaya K.A.* Theosophy and Agni Yoga in the works of A.P. Haydock as a form of ethno-cultural self-identification. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 393–403; *Belozubova N.I.* The experience of the reception of Eastern philosophy in the prose of A. Haydock (based on the material of the collection of short stories “The Stars of Manchuria”). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders.]. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2003. No. 5. Pp. 325–329, etc.

Thus, the story of A. Haydock “Night train”³⁴⁷, published in “Rubezh” in 1934, refers the reader to the idea of the *jettatore* (from Ital. “the man who sends the curse”)³⁴⁸. The main character of the story who relates the narration, and his fellow traveler suspect each other that one of them is a *jettatore*, since every time they find themselves together on the same train, a crash occurs. However, later they come to the conclusion that none of them is a *jettatore* – on the contrary, they find themselves at the disaster sites not by chance, but because they are “needed there” and, moreover, are directed by someone from above.

The text raises the topic of contact with a foreign reality: the main character, who had missed the train, came to the *crossroad* and sat on a *roadside stone*, met an old man dressed in something similar to a monk's habit. The old man seemed to be “blessing the land on which he walked <...> and pink, blue, green flower souls came running to him from all sides”³⁴⁹. As soon as he left, it got dark, the wind rustled, the birds began to worry. The hero saw a horseman approaching in the darkness, and, feeling something was wrong, intentionally sent the horseman to the direction opposite to the one where the old man had gone. Later, the hero, catching up with the train, would tell his fellow traveler that he “saw a saint and a demon”.

It is no coincidence that the mentioned meeting takes place at the crossroad, the image of which plays a significant role in many cultures. The place of intersection of roads, which are often endowed with a special, sacred meaning themselves, is characterized by the polarity of semantic poles and is perceived ambiguously, sometimes in two ways. Understanding the crossroad as a “symbol of emanation of the sacred oriented to the cardinal directions”, the point of intersection of the world of the living and the dead (we have already mentioned the use of crossroads to get rid of the “undead”), the concentration of evil spirits (for example, characters of demonology in the Slavic tradition), the place of connection with the supernatural – all of these ideas are common to many cultures. The cross as a symbol of the highest sacred values has not only deep mythopoetic,

³⁴⁷ Haydock A. Night train. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 34 (343). Pp. 1–2, 4, 8.

³⁴⁸ This idea was particularly developed in the play of the same name by the Argentine playwright Gregorio de Laferrere.

³⁴⁹ Haydock A. Night train. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 34 (343). P. 4.

but also ritual meaning: a crossroad often serves as a place of witchcraft and magical rites – both healing and malicious³⁵⁰. At the crossroads, secret knowledge can be transferred – it was after the incident at the crossroads that the hero of “Night train” discovered “a beautiful world glowing with crystals of ancient legends, an enchanted forest of extraordinary possibilities”. Crossroads usually have distinctive, sacred marks – most often, stones marking the border between the worlds. In Russia, after the adoption of Christianity, such stones and pillars were gradually replaced by buildings of a cult nature.

The motive of contact with the otherworldly reality in the form of evil spirits can be traced in V. Pereleshin's story “The castle of the white woman”³⁵¹, dedicated to the legend of Constance Hammerstein – a girl of amazing beauty, thrown into prison by her cruel husband, who went mad there, made a deal with the devil and haunts the castle now. Describing the scene of discovery of the transformed Constance by her husband, Pereleshin fills the text with various images that emphasize the girl's connection with the magical, mystical, supernatural world: Eberhard Hammerstein saw his wife surrounded by snakes, rats, bats, owls, lizards and toads; at her feet laid “a skull, an eye, a rusty dagger, a bundle of twigs and dry leaves, mandrake roots, a wolf's tooth, bones and stones; beside them there was a large bowl with human blood...”³⁵².

In mythological and folklore representations of many peoples (especially Christianized ones), snakes, toads, and lizards have a chthonic origin and often act as henchmen of witches and sorcerers, as well as bats, which in the popular consciousness are identified with the image of a vampire, a nightmare. The rusty dagger probably refers to the ideas of all kinds of sacrifices at witches' sabbaths; bones, stones, mandrake roots, wolf's tooth are also magical objects. The image of a wolf is ambiguous, but in many mythological

³⁵⁰ See *Krinichnaya N.A.* Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora [Russian mythology. The world of images of folklore]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt, Gaudemaus Publ., 2004, 1008 p.; *Krinichnaya N.A.* Krest'yanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'shchiny i pover'ya Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii [The peasant and natural environment in the light of mythology. True stories, life stories and beliefs of Russian North: Studies. Texts. Commentaries]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2011. 632 p.; *Razinov Yu.A.* Symbolism of a crossroad. Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya “Filosofiya. Filologiya” [Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series “Philosophy. Philology”]. 2010. Pp. 123–130; *Plotnikova A.A.* Crossroad. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar' [Slavic Mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2002. Pp. 360–361; *Toporov V.N.* Cross. Mify narodov mira: v 2-kh t. Vol. 2. K–Ya [Myths of the peoples of the world: in 2 vols. Vol. 2. K–Ya]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992. Pp. 12–14, etc.

³⁵¹ *Pereleshin V.* The castle of the white woman. Rubezh [Frontier]. 1936. No. 20 (433). Pp. 4,6, 8–10.

³⁵² *Ibid.* P. 8.

traditions (especially in Slavic), the wolf was a representative of otherworldly, demonic forces. Parts of a wolf's body often served as amulets and were endowed with medicinal properties. The mandrake root, due to its special, human-like appearance, as well as its psychotropic effect on human consciousness, since ancient times has been used in folk medicine, magic, witchcraft, and later in alchemical experiments. In the European tradition, mandrake was sometimes called the “devil's candle”, “witch's flower”. A bundle of twigs and dry leaves are probably an allusion to the bonfires of the Inquisition.

One of the most ambiguous things at the feet of the heroine is the skull. Being one of the most common images, the skull is included in the main matrix of symbols of life and death. Since ancient times, the skull has been used for various ritual purposes, in religious, magical, witchcraft rituals. The skull occupies a special place in the Christian tradition – Adam's head is depicted at the feet of Christ, signifying salvation and liberation from death. Perhaps, in some sense, this is also true for Constance – being near death in prison, she makes a deal with the devil and, having died as a person, “resurrects” as an otherworldly being.

This corpus of texts also includes the story of Heltley R. “Unlucky number. The incident in Monte Carlo”³⁵³, dedicated to the number 13, and V. Rachinskaya's story “Paganini's violin”³⁵⁴, in which the author interweaves biographical information about Paganini with superstitious ideas about him as a “devilish musician” playing “witchcraft music”. It is worth noting that there really were rumors about Paganini's diabolical talent during the maestro's lifetime and after his death³⁵⁵.

³⁵³ *Heltley R.* Unlucky number. The incident in Monte Carlo. *Rubezh [Frontier]*. 1928. No. 29. Pp. 1–3.

³⁵⁴ *Rachinskaya V.* Paganini's violin. *Rubezh [Frontier]*. 1936. No. 22 (435). Pp. 1–3, 6, 8–10.

³⁵⁵ In many ways, this was facilitated by the unique hearing and manner of playing, due to a congenital ailment, which caused his limbs to be elongated, and the connective tissues had an unusual softness, which forced him to unnaturally bend his neck and left arm during the game. Natural pallor, thinness and unwillingness to debunk the rumors finally completed the image of a “vampire with a violin”. In addition, the maestro was not on good terms with the church: during his lifetime, Catholics accused Paganini of heresy, and after his death, the bishop of Nice forbade the musician to be buried in consecrated ground. See *Tibaldi-Chiesa M.* Paganini. Transl. by I. Konstantinova. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 388 p.

4. Religious motifs. Gods and deities

The theme of contact with the divine reality sets two opposite directions of the semantics of the texts: the first reveals ancient, pagan, dark images³⁵⁶, the second one conveys feelings of awe and divine love³⁵⁷.

V. Kadashev's story "The idol above the sinkhole"³⁵⁸ reveals the ideas of idolatry, sacrifices, divine androgyny. The heroes of the story make their way through the Red Steppe: a dead land where "dark and ancient horror" arose and "the stone old gods who loved the scarlet blood of a victim and the voluptuousness of spring holidays remained the memory of the dark worship"³⁵⁹. As they go on, travelers have to stop for the night at the Devil's Sinkhole, above which rises an idol with male and female sexual characters, "without eyes, without a nose, with a low monkey forehead, with legs barely outlined in the stone, as if they are bound"³⁶⁰.

As known, the motif of divine androgyny – the archaic representation of divine hermaphroditism – is widespread in many religions. At its core, this idea reduces to endowing such a deity with absolute power, perceiving them as the "final reality" that does not allow restrictions by any attributes, including male-female (this is especially true of demiurges)³⁶¹. However, the Orthodox faith resists the witchcraft charms of paganism: at night, a "piercing, metallic trumpet cry" is heard in the desert, and Esmeralda, the girl of the main character, falls into a kind of trance. The obsession disappears as soon as the nomad Lysimachus (bearing a biblical and historically famous name), whispering that this is how "sorcerers bewitch the old gods", shouts: "Mother of the Most Holy Theotokos, have mercy!"³⁶².

³⁵⁶ E.g., *Kadashev V.* The idol above the sinkhole. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 15 (376). Pp. 1–2, 4–5, 6, 8; *Bucken J.* The grove of Astarte. Transl. M. Zhang. Rubezh [Frontier]. 1941. No. 9 (682). Pp. 15–18; *Sibrer G.* The goddess... in a petticoat. The exposed secrets of the mysterious "voodoo". Rubezh [Frontier]. 1931. No. 22. Pp. 7–8.

³⁵⁷ E.g., *Rambaev Vl.* Tia the Divine. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 25 (282). Pp. 1–2, 4–6, 8; The Brahmin of the great spirit. Transl. I. Mirandov. Rubezh [Frontier]. 1928. No. 47. Pp. 11, 14; *Yavorskiy S.* Children who saw the Mother of God. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 20 (277). P. 5.

³⁵⁸ *Kadashev V.* The idol above the sinkhole. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 15 (376). Pp. 1–2, 4–5, 6, 8.

³⁵⁹ *Ibid.* P. 4.

³⁶⁰ *Ibid.*

³⁶¹ See *Eliade M.* Mefistofel' i androgin [Mephistopheles and androgynes]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. Pp. 123–205; *Eliade M.* Izbrannyye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Selected writings. Essays on comparative religion]. Moscow: Ladomir Publ., 1999. Pp. 383–385.

³⁶² *Kadashev V.* The idol above the sinkhole. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 15 (376). P. 6.

Probably, the plot of Kadashev's story also refers the reader to ancient shamanic and ecstatic rituals: during one of the expeditions to the Red Steppe, the protagonist discovers a tribe that has preserved idolatry. From them he takes away objects of worship: “Horned tiaras, aprons with belt hangers stylizing snakes, seven-tailed whips, tambourines...”³⁶³. These items correlate with shamanic attributes and are rooted in ancient times: for example, horned tiaras are associated with the veneration of the horned god, whose image is one of the oldest (such a headdress was among the attributes of Enlil – one of the three great gods of Sumer-Akkadian mythology; the most famous, although not clear for researchers, is the horned god of the Celts Cernunnos, etc. Basically, such deities were associated with fertility, the agricultural cycle and combined the archetypal features of a dying and resurrecting god, which also determines the ecstatic specifics of their cult. Like the figure of the horned god, the image of a snake appears already at the earliest stages of the development of the cultural history of humankind and is associated with “fertility, the earth, the female producing force, water, rain, on the one hand, and the hearth, fire (especially heavenly), as well as the male fertilizing principle, on the other hand”³⁶⁴. In developed mythological systems, the image of a snake mainly has a negative connotation.

A completely different mood – a feeling of burning love and awe when in contact with the divine – a V. Rambaev's story “Tia the divine”³⁶⁵, shows, introducing the reader to the culture of Andean civilizations. The fate of the main character – Mikhail Gennadyevich Garshin – turns out to be connected with Tiahuanaco – a city once inhabited by giants, “the city of the dead... the sacred city of Tia!”³⁶⁶.

³⁶³ Kadashev V. The idol above the sinkhole. Rubezh [Frontier]. 1935. No. 15 (376). P. 8.

³⁶⁴ Ivanov V.V. Zmey [Snake]. Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. Vol. 1. A–K. P. 468.

³⁶⁵ Rambaev V. Tia the Divine. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 25 (282). Pp. 1–2, 4–6, 8.

³⁶⁶ Tiahuanaco is an ancient settlement with a total area of 450,000 sq. km, located in Bolivia on the southern shore of Lake Titicaca on the Altiplano mountain plain, surrounded by the peaks of the Cordillera. The settlement was the center of the Pukin state and concentrated the spiritual and political life of the Andean civilization. The original name of the city is unknown; Tiahuanaco it was named later by the Incas; in the academic environment, the same name was fixed for the city and culture in 1957. Today Tiahuanaco occupies an important place in the spiritual culture of modern Aymara and has been a UNESCO World Heritage Site since 2000. See Stingle M. Poklonyayushchiesya zvezdam. Po sledam ischeznuvshikh peruanskikh gosudarstv [Star Worshipers. In the footsteps of the disappeared Peruvian states]. Moscow: Progress, 1983. 182 p.; Galich M. Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsiy [History of pre-Columbian civilizations]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 407 p.; Bushnell D. Peru. Ot rannikh okhotnikov do imperii inkov [Peru. From the early hunters to the Inca Empire]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 192 p.; Kuprienko S.A. Istochniki XVI–XVII vekov po istorii inkov: khroniki, do-kumenty, pis'ma [Sources of the 16th – 17th centuries on the history of the Incas: chronicles, documents, letters]. Kiev: Vidavets' Kuprienko S.A., 2013. 418 p., etc.

Tiahuanaco (Tiwanako, Tiwanaku, Tiwanaka, also – Taipikala; orig. *Tiwanaku*) was of great importance in the mythological picture of the world of the Incas, who considered it the place of origin of their first legendary ruler Manco Capac. One of the main problems of reconstructing the history of the settlement and its inhabitants is the lack of written sources. Information about the city was transmitted within the framework of oral tradition – in legends, songs, etc. The Spaniards who came and plundered the city recorded and translated information from the words of the Indians, but often the translations were inaccurate, which led to the emergence of a large number of conjectures and legends about the settlement: the Indians believed that the city was built by extinct giants (all buildings and statues in the city are of impressive size); Europeans – that it has the most ancient origin (the spread in dates is from 12,000–17,000 years BC³⁶⁷ to 1500 BC³⁶⁸).

After hearing the legend of the ancient city from an old Indian named Nao, Garshin lights up with a desire to see the city of giants firsthand, and they take the road. On the spot, Garshin and Nao see “colossal stone buildings made of whole granite blocks <...> Huge arches, unusual structures...”³⁶⁹. In the end, they approach the temple and at the same time the tomb of Tia, the queen and lady of the city. According to the legend, the giants “considered her a deity and worshipped her”.

Indeed, there were enough sanctuaries in Tiahuanaco: there was a semi-underground temple as well. Probably, some of the places of worship could become a prototype of the temple described in the story.

Descending into the tomb, the travelers find themselves in a hall where they see a lot of kneeling giants facing in one direction – priests, warriors, and slaves of Tia, who voluntarily passed away after their mistress. The idea that the statues of Tiahuanaco are giants who lived here earlier and turned into stone by the will of the deity, we find, for example, among the Aymara Indians’ representations³⁷⁰.

On the throne, the hero discerns the silhouette of a woman in white clothes and, coming closer, looks into her face: “Some kind of internal revolution was taking place in

³⁶⁷ According to A. Pozansky, a Bolivian researcher, historian and archaeologist of Austrian origin.

³⁶⁸ According to most researchers.

³⁶⁹ *Rambaev VI*. Tia the Divine. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 25 (282). P. 4.

³⁷⁰ *Stingle M*. Poklonyayushchiesya zvezdam. Po sledam ischeznuvshikh peruanskikh gosudarstv [Star Worshippers. In the footsteps of the disappeared Peruvian states]. Moscow: Progress, 1983. P. 132.

me. Tears of happiness, inexplicable love and sweet sadness were brought to my eyes... The human language is weak and powerless and has no words to adequately describe her beauty³⁷¹. The feelings overflowing the hero, the inability to rationally explain them and express what he saw in words tell us about Garshin's contact with an otherworldly reality – about his mystical experience. When studying Tiahuanaco, it was found that none of the stone figures ever depicted a woman, despite the fact that some of the idols were dedicated, most likely, to goddesses. Rambaev presents Tia in the form of a “living” silhouette of a woman in the flesh, and not a stone statue – this emphasizes her essential difference from the stone “slaves”, the actual divine presence, and the true of the mystical experience of the hero.

Garshin wakes up in the hut of an Indian sorcerer and healer. For a month, he has been giving potions to Garshin, treating him with spells and hypnosis and making him forget what had happened. All the rest of his life Garshin is tormented by a longing and a vague feeling of “unknown call”, until one day in Harbin he goes into a bookstore, takes the Parisian Russian newspapers and reads in one of them about Tiahuanaco. At this moment, the memories come back to him and the only goal and desire for him now is to go to the divine Tia. Similar motifs of “memory and oblivion”³⁷² are widely represented in mythological, epic, fairy-tale and folk art.

As we noted above, some texts can be attributed to such a syncretic genre as magical realism, which, having originated in the 1920s among Latin American literature (perhaps the most striking example of the genre is the novel by G.G. Marquez “One hundred years of solitude”), has gradually crossed its borders and spread further. In a general sense, magical realism refers to the author's method of including magical (mystical) elements in a realistic picture of the world, and in this regard, some of the examples discussed above can be correlated with this genre. However, due to the presence of a number of specific features, such as: the lack of explanation of the fantastic; fulfilling with symbols and images, emphasis on perceptual and existential experiences of heroes; relativity and conventionality of time and space; alternation and mixing of realities; poetization of

³⁷¹ Rambaev VI. Tia the Divine. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 25 (282). P. 8.

³⁷² See *Eliade M. Aspekty mifa*. [Aspects of myth]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. Pp. 117–140.

the image of the nation and people; retro causality; narration in the form of a parable; loneliness of heroes; mixing of incompatible components – European, Asian, African ones, etc.; inclusion of mythological, folklore, legendary elements; open ending, etc.³⁷³, not every work on the pages of “Rubezh” can be clearly regarded as related to the genre of magical realism.

We can take as an example a story by R.G. Kerk “People from the land of the Nod”³⁷⁴, translated by V. Pereleshin. The story is filled with biblical allusions and characters: Cain as of a worker lying in the hospital – Kane, Eve – Miss Martino, who cares for Kane and sees the mark of Cain, Samael – the angel of death, who came to take Kane’s life. In Jewish demonology, Samael is often identified with the devil; it is he who is attributed responsibility for the fall of Eve, who, according to some cabbalists, gave birth to Cain from him³⁷⁵. The title of the story also refers to the biblical story about the land of Nod – a place “east of Eden”, where Cain was exiled after the murder of Abel. If we consider that the original story is written in English, then it becomes interesting that in the English-speaking milieu “the land of Nod” can have an allegorical meaning: for example, the expression “to go to the land of Nod” (orig. Eng. “to go off to the land of Nod”) is a periphrasis of the phrase “to go to sleep” (from the English “to nod off” – “to doze”, moreover, unintentionally)³⁷⁶. In the story, the incident with Miss Martino – the vision of Samael, the mark of Cain, the feeling of spilled liquid from the cup of the angel of death on the heroine's hand which made it paralyzed – is discussed by three psychopathologists, one of whom considers everything that happened to be a dream, and the other one – a vision. The author does not give a clear answer whether everything really happened or, indeed, was a manifestation of “the strongest hysteria”.

Among the published stories referring to various mystical and occult ideas, there is some stories stand apart. Those are the stories, in the compositional parts of which (more often – in the prologue, the plot) we observe mystical notes, but in the high point or

³⁷³ See *Kislitsyn K.K.* Magic realism. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2011. No. 1. Pp. 274–277.

³⁷⁴ *Kerk R.G.* People from the land of Nod. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 47 (356). Pp. 16–19.

³⁷⁵ *Papazyan A.A.* Samael. *Mify narodov mira: v 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world: in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992. Vol. 2. K–Ya. Pp. 397–398.

³⁷⁶ Also, by some early authors, the land of Nod could be interpreted as the opposite of Eden, a “place of exile”, a land outside the presence of God.

denouement, completely ordinary, rational reasons for the events described become obvious. Such texts include, for example, translated stories by “The White yacht” by O. Cook³⁷⁷; “Blind jealousy” by S. de Vere³⁷⁸; “The tower of monks” by M. Hansom³⁷⁹.

Despite the desire of the Russian diaspora to preserve the Orthodox faith and culture “in the conditions of the acquired isolation of this fabulously utopian haven for all the suffering and needy”³⁸⁰ the very space of Harbin was mythologized and marginalized. The growing interest in “non-traditional” ways of interacting with reality and influencing it has historically been noted during crisis and turning points in the functioning of society or the life of an individual. In the difficult times faced by the Russian exiles, they needed additional support, the belief that they were not helpless before the Moloch of time and history, the hope for a successful outcome and finding the lost peace and quiet.

The frontier, uncertain state of the Russian emigration gave impetus to a kind of escapism and the search for new revelations, opportunities – even though illusory – to change objective reality, which was expressed in the manifestation of interest in mystical and occult motives, both in the public and in the literary and artistic environments.

Undoubtedly, it cannot be argued that all the texts on such topics in the publications of the Russian Harbin were precisely a response to the trends and prerequisites – the cultural peculiarities of the Silver Age, the wave of increased interest in spiritualism, Egyptomania, clairvoyance, mystical fashion, etc., but they had a common basis – religious and mystical content, which was undoubtedly in demand by the emigrant community. A special place was occupied by questions about the fate of Russia. Due to the remoteness from the Western center, relative freedom of speech, cultural openness, Far Eastern masters of pen managed to create syncretic constructs that corresponded both to the spirit of the era and the socio-cultural reality surrounding them, as well as to the subjective vision of the authors, expressing their experience, knowledge, and artistic needs through creative potency.

³⁷⁷ Cook O. White yacht. Transl. E. Aleksandrov. Rubezh [Frontier]. 1937. No. 12 (477). Pp. 14–18, 20.

³⁷⁸ De Vere S. Blind jealousy. Transl. Belyaeva T. Rubezh [Frontier]. 1933. No. 25 (282). Pp. 14–18, 20.

³⁷⁹ Hansom M. The tower of the monks. Transl. A. Tushkanov. Rubezh [Frontier]. 1939. No. 22 (591). Pp. 17–20.

³⁸⁰ Zabiyaiko A.A., Efendieva G.V. Mezhdvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya [Between two worlds: Russian Writers in Manchuria: monograph.]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. P. 15.

The main semantic dominants of journalistic and literary texts in the samples of the Harbin periodical press considered by us are communication with spirits and the dead, extrasensory perception, magical practices, belief in amulets and talismans, various types of mantics – palmistry, fortune-telling on stones and other various divinations, hypnosis, superstitions – belief in curses, unlucky numbers, and people bringing misfortune, belief in witches and demonic forces, etc., various religious motifs. Newspaper publications contained a large number of ads offering esoteric services. One can often find texts of skeptical, critical and ironic content. If journalistic articles, feuilletons, etc. cover, as a rule, a one topic, then literary texts often combine various religious, mythological, mystical, and folklore ideas, being a special syncretic construct based not only on the general guidelines prevailing in society at that time – symbolism and mysticism, craving for individualism and irrationalism, but also on the subjective vision and personal preferences of the authors.

2.3 Oriental images and motifs in the literary and ethnographic works of Russian emigrants

Despite the initial “alienated” settlement of Russians in China and the course they took to preserve their identity, their “cultural responsiveness” certainly influenced their perception of Chinese reality. Russian settlers were carriers of a special kind of mentality – frontier mindset. They were descendants or successors of the Far Eastern pioneers, who were heterogeneous and contradictory in socio-psychological terms, and were characterized by romanticism, adventurism, openness and susceptibility to foreign cultural patterns³⁸¹. Emigrants were people of the borderlands in its most diverse senses – spatial, temporal, ontological, etc.³⁸² The spatial dimension of Eastern emigration determined the

³⁸¹ *Zabiyako A.P.* Russians in the terms of the Far Eastern frontier: ethnic experience of the 19th – early 20th centuries. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russian and Chinese: ethnomigration processes in the Far East]. Blagoveshchensk, 2009. P. 33.

³⁸² *Zabiyako A.P.* “Frontier”. *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2010. No. 9. Pp. 5–7.

interaction of cultures – primarily Russian and Chinese ones, and also contributed to the activation of syncretization processes.

Interest in China and the East as a whole intensified in the middle of the 19th century, naturally increasing along with the construction of the CER and the noticeable presence of Russians in China. At the same time, the first ethnographic research conducted by Russian translators began. In 1908, the Association of Russian Orientalists was founded, whose members were mostly people who knew Chinese. In 1922, the Association for the Study of the Manchurian Region was opened. Association of Russian Orientalists began to publish a journal “Vestnik Azii” (“Bulletin of Asia”), and in 1925, Association for the Study of the Manchurian Region became the editor of “Vestnik Man’chzhurii” (“Bulletin of Manchuria”). Famous ethnographers started to be published there: P.V. Shkurkin, N.A. Baikov, P.M. Gladky, I.G. Baranov, N.P. Avtonomov, I.A. Dobrovolsky, A.D. Spitsin, I.A. Lopatin, T.P. Gordeev, A.E. Gerasimov, V.V. Ponsov, M.V. Yakovlev, Ya.I. Arakin, E.E. Yashnov and many others³⁸³.

The frontier state of the emigrants could not but make them pay attention to the diverse, somewhat outlandish ethnographic features of the local peoples, and some researchers and writers (first of all, P. Shkurkin, N. Baikov, M. Shcherbakov, B. Yulsky, V. March, etc.) – to artistically present these features on paper. The fate of each of them led them to the eastern, primarily Chinese theme in different ways, but the unifying principle was a keen interest in China, an individual need to study Chinese traditions, religions, and everyday life, as well as in *overcoming the boundaries* between cultures. This is how the *literary ethnography* of the Eastern emigration gradually forms, which implies “the literary development by an author of cultural, religious, psychological attitudes, moral and ethical norms, features of the arrangement of life of representatives of a certain ethnic group inhabiting certain geographical spaces”³⁸⁴.

³⁸³ See *Khisamutdinov A.A.* Russian ethnographers-emigrants in Manchuria, their works and destinies. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 2. Pp. 62–75.

³⁸⁴ *Zabiyako A.A.* From academic research to literary ethnography: V.K. Arsenyev, P.V. Shkurkin, N.A. Baikov in *Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A.* Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. P. 244. See also *Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Anikhovskiy S.E., Voronkova E.A., Zabiyako A.A.* Evenki Priamur'ya: olennaya tropa istorii i kul'tury [The Amur Evenks: Reindeer trail of history and culture]. Blagoveshchensk, 2012. Pp. 270–275; *Zabiyako A.A.* Literary ethnography of the Far East: Soviet and

One of the most prominent figures in literary ethnography was Pavel Vasilyevich Shkurkin (1868–1943) – an officer, translator, orientalist, teacher, one of the founders of the Association for the Study of the Manchurian Region and a member of the Association of Russian Orientalists. Having learned Chinese on his own, he came into close contact with Chinese culture and its speakers at different times and under different circumstances: during travels, scientific trips, joint work, military service, interpretation and translation, teaching, etc.³⁸⁵ At the beginning of his stay in the Far East (he arrived in 1889), Shkurkin began to translate and record Korean, Chinese, Manchurian legends, myths, rearranging them in his works later³⁸⁶.

The heyday of Shkurkin's creative and academic activity falls on the period of his stay in Harbin. In 1913, P.V. Shkurkin retired from service, came to the center of Russian culture in Manchuria and became a translator on the KVZhD (CER). At that time, he was engaged in ethnographic research: for example, in 1913–1915, in the journal “Bulletin of Asia”, Shkurkin published ethnographic notes about the *Lolo* (the historical name of the peoples of East and Southeast Asia living in China in the provinces of Yunnan, Sichuan, Guizhou and in the Guangxi Zhuang Autonomous Region, as well as in Vietnam (the provinces of Hà Giang, Cao Bằng, Lào Cai) and Thailand)³⁸⁷. Shkurkin also noted Tibet,

emigrant text. Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii [Traditional culture of the East of Asia]. Blagoveshchensk, 2014. Pp. 270–290.

³⁸⁵ See *Khisamutdinov A.A. Zhizn' i priklyucheniya sinologa P.V. Shkurkina: monografiya* [The life and adventures of sinologist P.V. Shkurkin: monograph]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>; *Khisamutdinov A.A. Sinologist P. V. Shkurkin: “Not for the general public, but for Orientalists and East-lovers”*. Izvestiya Vostochnogo instituta [Bulletin of the Oriental Institute], 1996. No. 3. Pp. 150–160; *Zabiyako A.A. Sinologist and ethnographer P.V. Shkurkin: the image of Honghuzi and their banditry in the context of socio-cultural transformations and intercivilizational contacts in Northeast China in the 19th – 20th centuries. Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of cultures]. Eds. A.P. Zabiyako, A.A. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. Vol. 11. Pp. 186–196, etc.

³⁸⁶ E.g., *Shkurkin P.V. Lo-lo: kitayskaya legenda* [Lo-lo: A Chinese legend]. Khabarovsk, 1910; *Shkurkin P.V. Belaya Zmeya: Kit. legenda* [White Snake: a Chinese legend]. Khabarovsk, 1910; *Shkurkin P.V. Po Vostoku. V 2 ch.* [In the Orient. In 2 parts]. Harbin, 1912; *Shkurkin P.V. The pear. Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 31–32. Pp. 36–41; *Shkurkin P.V. Foxes. Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1915. No. 35–36. Pp. 69–84; *Shkurkin P.V. Lo-lo. Inorodtsy Yugo-Zapadnogo Kitaya* [Lo-lo. The aliens of Southwestern China]. Harbin, 1916; *Shkurkin P.V. Portrait. Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1917. No. 41. Pp. 1–21; *Shkurkin P.V. Blanket. Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1917. No. 41. Pp. 48–52; *Shkurkin P.V. Kitayskie legendy* [Chinese legends]. Harbin: Tipo-Litografiya t-va “OZO”, 1921. 161 p.; *Shkurkin P.V. Legendy Vostoka* [Legends of the East]. Harbin, 1922; *Shkurkin P.V. Legendy iz istorii Kitaya* [Legends from the history of China]. Harbin, 1922; *Shkurkin P.V. Kitayskie skazki* [Chinese fairytales]. Harbin, 1923; *Shkurkin P.V. The goddess of the moon and the lunar hare. Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1924. No. 42. Pp. 352–361; *Shkurkin P.V. Honghuzi: Ethnographic narratives. Izvestiya Obshchestva izucheniya manchurskogo kraya* [Proceedings of the Association for the Study of the Manchurian Region]. 1924. No. 4. Pp. 36–57; *Shkurkin P.V. Ocherki daosizma. I–III* [Essays of Taoism. I–III]. Harbin, 1926; *Shkurkin P.V. Igroki: Kitayskaya byl'* [Players: A Chinese true story]. Harbin: Tipolitogr. L.M. Abramovicha, 1926. 121 p.; *Shkurkin P.V. Koreyskie skazki* [Korean fairytales]. Shanghai, 1941, etc.

³⁸⁷ *Kryukov M.V. Yizu. Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1999. P. 203.

Burma (Myanmar) and Laos. Currently, *Lolo* are better known as the people of *Yi*, *Yizu* (Chin. 彝族), which includes many tribes.

Shkurkin provides information about various tribes of foreigners who, as it turned out, were not assimilated by Chinese culture (indeed, until the mid-20th century, foreigners were independent from the Chinese authorities, and also preserved ethnocultural traditions (including slavery and caste division)). These peoples, although they absorbed Chinese features, nevertheless remained sufficiently indigenous. Shkurkin, relying on various materials (in particular, on translations of Chinese sources by Prof. Ivanovsky, as well as the works of M. Polo, E. Reclus, K. Legendre et al.), in a comparative way reveals the peculiarities of some tribes in terms of language, appearance, way of life, mentality, religious beliefs, wedding rituals, cult, mantic practices, etc.³⁸⁸

Soon Shkurkin turned to literary interpretation of ethnographic information: “Chinese Legends” (1921), supplemented by ethnocultural notes of the author, became one of his first literary and ethnographic works³⁸⁹. The ethnographic data that Shkurkin presented in an artistic, sometimes novelized form, were based not only on factography and the author's immersion into the depths of the Chinese mentality, but also on his own understanding and vision.

One of the main themes of P. Shkurkin 's literary reflection is honghuzi³⁹⁰. Honghuzi (from the Chin. 红胡子, “red-bearded”) – bandits, criminals who carried out robbery in the territories of Manchuria, Korea, Mongolia and the eastern borders of the Russian Far East in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries³⁹¹. The writer's interest in this topic was largely due to his service as a field officer: Shkurkin fought with Honghuzi in the territories of the Far East. The image of Honghuzi gradually acquired mythological features, which was facilitated not only by the behavior and

³⁸⁸ See *Shkurkin P.V.* Lolo. Old and new about the aliens of Southwestern China. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. Harbin, 1913. No. 16–17. Pp. 59–98; *Shkurkin P.V.* “Lolo”. Old and new about the aliens of Southwestern China. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. Harbin, 1915. No. 34. Book. 2. Pp. 72–163; *Kontaleva E.A.* Ethnographic studies of P.V. Shkurkin: religious and cult features of the culture of foreign tribes of China. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2020. No. 4. Pp. 83–94.

³⁸⁹ *Shkurkin P.V.* Kitayskie legendy [Chinese legends]. Harbin: Tipoligrafiya t-va “OZO”, 1921. 161 p.

³⁹⁰ *Shkurkin P.V.* Honghuzi: Ethnographic narratives. *Izvestiya Obshchestva izucheniya manchurskogo kraya* [Proceedings of the Association for the Study of the Manchurian Region]. 1924. No. 4. Pp. 36–57; *Shkurkin P.V.* Igroki: Kitayskaya byl' [Players: A Chinese true story]. Harbin: Tipolitogr. L.M. Abramovicha, 1926. 121 p.

³⁹¹ See *Ershov D.V.* Khunkhuzy: neob'yavlennoy voyna. Etnicheskiy banditizm na Dal'nem Vostoke [Honghuzi: the undeclared war. Ethnic banditry in the Far East]. Moscow, 2010. 280 p.

appearance of the robbers (painting their beards red, using masks, etc.), but also by the very space in which they acted: the Manchurian taiga seemed to be a sacred place where its own laws operated; there lived various animals and plants that were attributed supernatural properties – first of all, tiger, ginseng: “The mountains are covered with impenetrable forests, and in these forests grows a mysterious magical herb orho i-da or ginseng, capable of infusing new life into a sick body. But woe to brave men who, <...> finding [the root], immediately rushes to pull it out of the ground, forgetting for joy that first they should pray and thank the spirits of the mountains and the lord of these places – the threatening amba-lao-hu! Immediately, the terrible Lao-hu (a tiger with the sacred hieroglyph “wang” (prince) on his forehead <...> will appear from nowhere”³⁹². In the story “Visiting the Honghuzi”, Shkurkin writes about the taiga: “The mute, eerie silence affected the soul and turned the silent forest into some kind of *mysterious temple of an invisible god...*”³⁹³ and, declaring the non-fiction ethnographic nature of his stories, nevertheless, Shkurkin cannot completely abandon the mythologization of the image and life of Honghuzi.

Despite the prevailing image of a Honghuzi as “a bloodthirsty bandit, a cruel robber, a thief, a treacherous liar, a man-beast, who doesn’t have any concept of honor, hates foreigners (especially Russians), etc.”, the writer often emphasizes positive qualities – “honor to their words, a kind of honesty, chivalrous attitude to a woman”, absence of meanness and betrayal, desire to preserve honor and fulfill duty, etc.³⁹⁴ As a whole, Shkurkin, unlike, for example, N. Baikov, demonstrates a positive interest in relation to Honghuzi, to some extent even romanticizes them, comparing them with the poetic images of medieval military orders and passing these sentiments primarily through the figures of robber chieftains: the fair Zhang Lao-er (“Payback”); strict, disciplined and wise Fa-fu (“Visiting the Honghuzi”), Han Deng-ju (“The Manchurian Prince”), etc. Of course, Shkurkin could not completely avoid depicting the “demonic” features of Honghuzi and describing the cruelty prevailing in some groups: for example, the story

³⁹² Shkurkin P.V. The Manchurian Prince in Shkurkin P.V. Khunkhuzy [Honghuzi]. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. P. 64.

³⁹³ Shkurkin P.V. Visiting the Honghuzi in Shkurkin P.V. Khunkhuzy [Honghuzi]. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. P. 47.

³⁹⁴ Shkurkin P.V. Khunkhuzy [Honghuzi]. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. Pp. 9–10.

“Payback” tells about the brutal murder of Mitya, the little son of a Cossack named Bukhrastov³⁹⁵.

Shkurkin shows the syncretic views of Honghuzi: for example, he describes their living room, where Guan-di (Chin. 關帝) is depicted and incense and a “table for the eight spirits” – “baxian zhuozi” (Chin. 八仙桌子) – are placed near the deity³⁹⁶. The cult of Guan-di, who was a real military commander named Guan Yu and later turned into a deity of war and wealth, along with elements of Buddhism, Confucianism and Taoism (the eight spirits (immortals) mentioned by Shkurkin belong to Taoist mythology), has long been organically incorporated into the syncretic folk religion of Chinese peasants, where he was often simply called “lao-e”, i.e., “lord”³⁹⁷.

Chinese culture and Chinese religious tradition, in principle, tend to mythologize and deify historical characters, especially heroes, generals, military leaders, etc. (the cults of Shang-di, the Jade Emperor, *menshen*, etc.). It is not surprising that this process in its neo-mythological spirit took place later, including the period we are considering, and could not but be perceived by the artistic consciousness of writers: for Shkurkin, Honghuzi become legendary heroes, and their image acquires a cult character, embedded in the “frontier mythology” of the writer. Shkurkin, following the path of mythological construction, conveys the peculiarities of the taiga man's worldview, which is similar to the worldview of primitive man. So, in the story “The Manchurian Prince”, Manchuria itself appears as a “wonderful, fabulous” land, where a dragon lives in a mountain lake, stones melted by flames escaping from the mountains flow down, mysterious magic grass (ginseng) grows in the forests, and the spirits of the mountains and tiger the lord rule the space. The main characters of the story – a grandfather Han Ben-wei and his grandson Han Deng-ju – acquire the features of archetypal cultural heroes.

One of the clearest examples of such mythologizing, deification of man is also described, for example, by N.A. Baikov: the real figures of taiga hunters Doroshin and

³⁹⁵ Shkurkin P.V. Payback in *Shkurkin P.V. Khunkhuzy [Honghuzi]*. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. Pp. 11–18.

³⁹⁶ Shkurkin P.V. Visiting the Honghuzi in *Shkurkin P.V. Khunkhuzy [Honghuzi]*. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. P. 49.

³⁹⁷ Rifting B.L. Guan-di. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. [Spiritual Culture of China: encyclopedia: in 5 vols]*. Moscow, 2006. Vol. 2. Mifologiya. Religiya. Pp. 420–422.

Boboshin gradually make the fantastic image of Boboshka, revered by the Chinese, depicted in idols in the form of a tiger-headed giant: “In one of the temples on the pass of the Lao-e-ling ridge, above the altar, where smoking candles were burnt, there was an image of Boboshin in the form of a fantastic giant with a tiger's head; the hieroglyphic inscription read as follows: ‘Mouzi Boboshka. The Lord of tigers. The biggest and most powerful man of Shu-hai³⁹⁸. The heart and soul of the giant’”³⁹⁹. In this case the name of “Mouzi” is quite interesting. It is difficult to say what exactly was meant by the Chinese hunters, but it is known that in the 2nd – the beginning of the 3rd century CE there was a Buddhist philosopher, a former Confucian named Mou-zi (Chin. 牟子), who was one of the apologists of Buddhism and used Taoist terms and traditional Chinese phraseology to defend the teaching⁴⁰⁰.

Shkurkin's view of Honghuzi in the context of interethnic, intercultural relations subjectively mythologizes it, creating a syncretic image⁴⁰¹. And, although many Far Eastern writers brought this theme up (N. Baikov, A. Nesmelov, B. Yulsky, I. Steinberg, etc.), it is Shkurkin, due to individual characteristics, who presents Honghuzi in the most attractive form – as people who have a room in their souls for kindness, wisdom, and nobility – and tries to expose the reasons for their very emergence.

Nikolai Apollonovich Baikov (1872–1958), a military man, naturalist and writer, who spent 14 years in Manchuria collecting scientific material, participating in tiger hunting, fighting Honghuzi as the commander of the Trans-Amur regiment, reveals the topic of Honghuzi in his own way⁴⁰². He was at the origin of the study of the frontier mindset,

³⁹⁸ Chin. 树海 – «forest sea», local name for the Manchurian taiga.

³⁹⁹ Baikov N.A. The tigress in Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. P. 539.

⁴⁰⁰ Yangutov L.E. Mou-zi. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Vol. 1. Filosofiya [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 t. Vol. 1. Philosophy]. Ed. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Lukyanov. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006. P. 357.

⁴⁰¹ See Dyabkin I.A. Neomythological transformations of the image of bandit in the literary ethnography of Russian Harbin. Rossiya i Kitay na dal'nevo-stochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'-turnogo vzaimodeystviya. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Russians and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk, 2012. No. 9. Pp. 240–248.

⁴⁰² Kim E. Throughout (Nikolay Baikov. Fate and creativity) in Baikov N.A. *Velikiy Van: Povest'; Chernyy kapitan: Roman* [The Great Wang: A Novel; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2009. Pp. 9–52; Russkie v Kitae [Russians in China]. Ed. A.A. Khisamutdinov. Shanghai: Izd. Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shankhae, 2010. P. 15.

having discovered the taiga space of Northeast China and the socio-cultural processes that were taking place there in an authentic form.

Despite the fact that Baikov had been creating various essays about Manchuria since the early 1900s, it was the book “In the mountains and forests of Manchuria” published in 1914 that brought him fame⁴⁰³. This impressive publication included the earliest essays – mostly naturalistic (“Flora and fauna”; “The extraction of antlers”, “Snakes and their domestication”, “Zoography”, etc.), and later ones, where the scientist's thinking and interest collides with the writer's artistic vision and combines ethnographic, naturalistic, literary-poetic and even mythological elements (“Chasing the Honghuzi”, “Tiger nights”, “The taiga is noisy”, “The root of life”, etc.). Being a man of the borderlands, Baikov paid special attention to the consideration of issues of ethnic identity, noting ethno-cultural, socio-cultural, religious grounds and, in an attempt to understand their frontier nature, moving on “from positivism to theosophy, from pan-Mongolism to Nietzscheanism”⁴⁰⁴.

Baikov's portrait of Honghuzi is dual, based on the writer's close acquaintance with the red-bearded robbers and a deep understanding of the phenomenon of Honghuzi itself. Nevertheless, Baikov is stricter to Honghuzi, to their way of life than Shkurkin. Most often, Honghuzi appear in his texts as completely “wild people”, a meeting with whom for a Russian person mean an indispensable terrible death. They are capable of atrocities and cruelty: for example, having caught the old man Lu-fa-bing, a ginseng seeker, they, in order to find out from him where he hides the roots, subject him to cruel, deadly torture: “They quickly removed the leather waders off his legs, lifted the trousers above the knees and put the old man's bare heels on hot coals. First there was smoke, then the stench of burnt skin and meat spread”⁴⁰⁵. The writer shows the unsightly relations between the Honghuzi themselves: trying to get hold of precious roots, they kill each other, the last owner – a Honghuzi Wang-do – dies in a junk crash, and the roots come at a poor Korean

⁴⁰³ *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. 494 p.

⁴⁰⁴ *Zabiyako A.A.* Religious traditions of the Far Eastern frontier in the publications of N.A. Baikov of 1901–1914. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015. No. 1. P. 162.

⁴⁰⁵ *Baikov N.A.* The fatal root in *Baikov N.A. V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi* [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. P. 74.

family – “quiet, *honest* people”, whose head catches the corpse of Wang-do with his fishing nets. There is both an obvious moralizing, philosophical message, and a reminiscence of the archetypal folklore motif of selflessness, simplicity, purity of soul, when the main treasure goes to a socially and economically disadvantaged hero who doesn't look for profit on purpose.

In addition to the peculiar intricacies of the thinking and beliefs of the taiga people, Baikov also demonstrates his own syncretic worldview: animistic views and Christian ideas, pagan fatalism and scientific skepticism coexist in the texts, which were largely determined not only by the peculiarities of Baikov's personality, but also by the epoch marked by the shift to understanding the very nature of myth⁴⁰⁶. Fatalism, a special attitude to fate, vivid images illustratively depicting destiny and fortune, probably have deeper grounds than a simple desire to transmit ethnographic material. Emigrants experienced somehow a rite of passage – an existential state in which the process of death and rebirth takes place, and which is accompanied by such categories as “fate”, “destiny”, “predestination”, etc., which were firmly rooted and to some extent even determined the emigrant consciousness⁴⁰⁷.

Like Shkurkin, Baikov notes the taiga as a special space where everything “was conducive to reflection and the soul was filled with a sense of peace and tranquility. The thought was carried far away into this deep blue sky, a vague consciousness of insignificance of human and the infinity of the universe appeared; an idea of God, of the world's boundless will was created”⁴⁰⁸. The writer perceives the taiga as a sacred place with its own will, responding to human actions: thus, describing the prayer of an old Chinese Salangzier, Baikov notes that “<...> the old dense taiga prayed with him, singing its

⁴⁰⁶ *Zabiyako A.A.* “Frontier mythology” in the artistic reflection of Far Eastern writers (20–30 gg. of the 20th century). *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2010. No. 9. Pp. 125–126.

⁴⁰⁷ *Zabiyako A.A.* “Frontier mythology” in the artistic reflection of Far Eastern writers (20–30 gg. of the 20th century). *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2010. No. 9. P. 124.

⁴⁰⁸ *Baikov N.A.* In the forests of Chapigou in *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. P. 79.

solemn harsh song”⁴⁰⁹. For Baikov, the taiga was not only a place “where the ancient pagan god of primeval forests still reigns”, it also had a naturalistic and philosophical, even existential dimension, being perceived by the writer as an “ocean of eternal motion of matter”, where “life ends with death, and death causes life”⁴¹⁰. At the same time, Baikov, “whose heart was beating far away in Russia”, emphasized the alienness of this space, which causes him homesickness: “This extraordinary situation among a strange, wild, but beautiful and majestic nature evoked wonderful dreams and carried away into the world of memories, images and paintings of the long past. The shores of my native Dnieper arose in my mind; quiet, peaceful villages and farms of friendly Ukraine; the battlements of the ancient Kremlin of Moscow; cities and villages of Orthodox Russia <...>”⁴¹¹.

For the bearers of the Far Eastern frontier mindset, the taiga was indeed a sacred locus, “erasing ethnic identity” and making to sacralize not only its space, but also its inhabitants⁴¹². In the Shu-Hai space, “people and animals are preserved in the pristine environment of the wild desert”; a person “drags out a miserable existence, waging a relentless struggle with wild nature”⁴¹³, and the perception of the Far Eastern taiga dwellers of the surrounding reality is close to the perception of nature by primitive man.

Taiga hunters are mythologized by Baikov, contrasted with European hunters, Indian shikari, etc. and are endowed with specific features, presenting themselves as people who have “special nerves, a special psyche and an exceptional nature”⁴¹⁴; descriptions of people often acquire zoomorphic features: “crayfish eyes”, “bull neck”, “eagle eyes”; soldiers resembling bears, etc.

The semi-mystical perception of the taiga by Baikov is also transmitted to the image of the tiger, which is not surprising. The Manchurian taiga was a completely wild

⁴⁰⁹ Baikov N.A. In the forests of Chapigou in *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. P. 100.

⁴¹⁰ Baikov N.A. Chasing Honghuzi in *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. P. 113.

⁴¹¹ Baikov N.A. New Year's Eve in *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. P. 138.

⁴¹² Zabiako A.A. The mythology of the Far Eastern Frontier in the minds of emigrant writers. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011. No. 2. P. 155.

⁴¹³ Baikov N.A. Velikiy Van: Povest'; Chernyy kapitan: Roman [The Great Wang: A Novel; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2009. P. 99.

⁴¹⁴ Baikov N.A. Night by the campfire in *Baikov N.A. U kostra* [At the campfire]. Tianjin: Nashe znanie, 1939. P. 32.

place, a “Mirkwood”, where there were almost more tigers than people. An avid hunter, Baikov closely interacted with local hunters during day hikes and nights at the campfire or on a warm kang, somehow absorbing and adopting their reverent, mixed with horror attitude to the master of the taiga – “the great Wang”.

In 1910–1914, Baikov taught his subordinate company to hunt the tiger alone, for which the company was nicknamed “the tiger’s troop”. In his earlier works he revealed not only naturalistic aspects of the “tiger theme”, but also religious and superstitious: the attribution miraculous powers and supernatural properties to parts of the tiger's body (e.g., even tiger paw prints) by Chinese medicine; the Chinese and other peoples inhabiting Manchuria’s belief that a tiger marked with the hieroglyph “*wang*” (Chin. 王), is a secondary incarnation of a human soul, redeeming its sins or sins of the kin; tabooing of the animal's name (in this case, the word “tiger” (Chin. 老虎 *laohu*) and its euphemistic replacement, historically widespread among other peoples: e.g., “he”, “master”, “lord”, “the great elder” (Chin. 大子子 *Da Lao-zi*); the use of tiger claws, teeth, bones, skins as amulets; bringing human sacrifices to the master of the taiga, etc.⁴¹⁵

Baikov conveys superstitions and beliefs associated with the tiger in the texts. So, in the essay “A sacrifice to the mountain spirit”, he talks about the ritual execution of a Chinese man – sacrificing him to Wang by tying to a tree trunk (in winter) for violating the laws of the taiga. After the execution, Baikov and Boboshin kill the man-eating tiger, and in the spring, when Baikov returns to the fanza of old Tong-Ling, where the incident happened, Tong-Ling tells a legend: “The soul of a man eaten by Wang <...> is here, not far from the place where his body was torn. It moved into the bird Qiaor⁴¹⁶, which flies in the mountains, within the tops of centuries-old cedars and moans plaintively, calling her name. It is impossible for a simple person to see it, it is available only to the great righteous and sinless one, with a pure immaculate heart.

⁴¹⁵ See *Baikov N.A.* Manchurian tiger. Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraya. Sektsiya estestvoznaniya [Association for the Study of the Manchurian Region. Natural Science section]. Harbin, 1925. Vol. 1. 17 p.; *Baikov N.A.* V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934, etc.

⁴¹⁶ Chin. 雀儿 – a little bird, a bird, a sparrow. In the essay “The legend of the dense forest”, Baikov gives a more complete story about the bird. See *Baikov N.A.* The legend of the dense forest in *Baikov N.A.* V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. Pp. 50–51.

If you follow this cry out of curiosity, it will lead you into the depths of the taiga, you will get lost and get into the clutches of the Mountain Spirit. This bird keeps gold and ginseng and leads a doomed man to Wang. In the place where a man is torn, a red poppy grows out of his blood in the spring – this is a powerful talisman and a cure for diseases”⁴¹⁷. The writer begs the old man to take him to the tree. When they come, red poppies are visible everywhere. The old man makes a prayer, and suddenly the cry of an “unknown bird” is heard, which Baikov, no matter how hard he tries, cannot see. Baikov does not explain this episode (like many others similar to it) and, perhaps, the reason is his complex, syncretic consciousness. That is why Baikov sometimes perceive the aforementioned Akidin Boboshin who was mythologized by the Chinese, as a miracle man: “<...> it seemed to me that among these menacing sounds of the raging elements, I hear the thick bass of my friend, Boboshka, and I see his colossal figure on the Lao-Ling mountain pass”⁴¹⁸.

Baikov created a large number of works – both literary and strictly ethnographic or naturalistic, but his main work is certainly considered to be “The Great Wang”⁴¹⁹. Noting the roots of the tiger cult (and other feline representatives in different regions of the world) in the mystical representations of the “semi-savage people” (in the archaic period), the writer, nevertheless, endows the tigers, who inspire “charm and mystical horror” to the peoples of East Asia, with anthropomorphic features: they act and think like people, “sing their favorite song”, make plans, admire their children, are able to feel envy, can put maternal feelings above the call of nature and are even capable of reflection: “<...> her [little tigress's] brain worked hard, digesting the impressions of the day as in a cauldron. Certain conclusions were already forming in her mind, fixing specific outlines and forms”⁴²⁰.

The Great Wang himself acts as a cultural hero, whose life and origin are characterized by extraordinary motives: thus, the death of Wang's father, a Korean tiger who

⁴¹⁷ Baikov N.A. A sacrifice to the mountain spirit in *Baikov N.A. V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi* [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. P. 14.

⁴¹⁸ Baikov N.A. Meeting the Honghuzi in *Baikov N.A. V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi* [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. P. 48.

⁴¹⁹ Baikov N.A. *Velikiy Van* [The Great Wang]. Harbin: Nauka Publ., 1938. 226 p.

⁴²⁰ Baikov N.A. *Velikiy Van: Povest'*; *Chernyy kapitan: Roman* [The Great Wang: A Novel; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2009. P. 87.

died on the top of the sacred mountain Bai-Tou-shan in the cave of the Great Dragon Spirit, was marked by an earthquake and the running of the sacred waters of the heavenly lake. The Great Wang is the embodiment of the soul of a righteous man, which after the death of the tiger turns into a lotus flower, “invisible to mortals, and remains in it until complete purification and fusion with the world soul of the Universe”⁴²¹.

Of course, Baikov didn't ignore the legends about the root of life – ginseng. He was one of the first to publish material on ginseng⁴²², including both scientific research and mythological ideas about the plant: “There is a belief among the Chinese that in early spring, when the buds of its flowers are filled, it emits a special white light; it happens only one night in early May, and then the excavated root has a wonderful power not only to heal diseases, but also to resurrect the dead. It is very difficult to get the root that night, because it is guarded by a dragon and a tiger, and they tear anyone who dares to approach the flower”⁴²³. In this passage, any Russian person can notice similarities with folk ideas about the fern flower, which in various forms existed in Eastern (Russia, Ukraine, Belarus, Poland, etc.) and Northern Europe (Estonia, Latvia, Lithuania, Sweden, etc.).

N.A. Baikov's ethnographic research mostly had a spontaneous character, without being supported by any theoretical calculations that were yet to be created. Nevertheless, this spontaneity, impartiality that actually played the role of a kind of phenomenological reduction, having allowed Baikov to collect and convey the mythological representations of the taiga people, to create their unique ethno-, socio-cultural and ethno-religious images. On the other hand, such openness and receptivity of the writer formed in his mind his own syncretic images conveyed by him in texts. Reflecting the composite representations of the Chinese and Manchus, in which Confucius, Lao-zi, spirits of mountains and forests were mixed and neo-mythological heroes (Boboshka) were created, Baikov lent himself to these representations. Moreover, in Japanese culture, the writer was called “Baikov-o” (“Baikov the Wise Old Man”): due to his amazing insight into the specifics

⁴²¹ Velikiy Van: Povest'; Chernyy kapitan: Roman [The Great Wang: A Novel; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2009. P. 95.

⁴²² Baikov N. The root of life in *Baikov N. V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. Pp. 440–463; *Baikov N.A. Koren' zhizni (Zhen'-Shen')* [The root of life (Ginseng)]. Harbin: Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraya, 1926.

⁴²³ Baikov N. The fatal root in *Baikov N.A. V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi* [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. P. 72.

of the space of the Far East and the peculiarities of its inhabitants, the writer's image acquired the archetypal features of the old sage and turned the very figure of Baikov into a "mythologeme of the Far Eastern frontier"⁴²⁴.

The personality and work of Mikhail Vasilyevich Shcherbakov is quite interesting as well. He graduated the Imperial Higher Technical School (Bauman Moscow State Technical University, majoring in Physics) and combined the qualities of a writer, translator, journalist, photographer and traveler of the Far Eastern emigration. He had also been studying English, German and French since childhood⁴²⁵.

In 1920, after studying in France and working in Korea, he came to Vladivostok, where he edited pro-monarchical publications ("Russky krai" ("Russian Land"), "Krest'yanskaya gazeta" ("Peasant Newspaper")). There, in Vladivostok, he met other important figures of the Far Eastern emigration, organizers and participants of the literary club "Salon of Poets" – L. Eshchin, A. Nesmelov, B. Beta, Vs.N. Ivanov, M. Urvantsev, etc., as well as V.K. Arsenyev, one of the most famous researchers of the Far Eastern region⁴²⁶.

Shortly before the entry of the Red Army into Vladivostok, Shcherbakov left the city, going on a trip to the Far East: Korea, Japan, Singapore and, of course, China (Hong Kong). He also visited the islands of the Pacific Ocean (e.g., Easter Island), Sri Lanka.

In Vladivostok, the writer started learning Chinese and reading a lot of literature on East Asia. Shcherbakov began to pay a lot of attention to translation activities: later this interest resulted, for example, in "Shanghai miniatures" with the subtitle "Translations from Chinese", which included stories from the lives of "Chinese wonderful people" (for example, Li Bo) and sketches of Chinese life. The object of his translation interest was also the work of his contemporary Liu Xin (Zhou Shuzhen)⁴²⁷. At the same time,

⁴²⁴ *Zabiyako A.A.* The mythology of the Far Eastern Frontier in the minds of emigrant writers. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011. No. 2. P. 159.

⁴²⁵ *Kolesov A.* The black series of Mikhail Shcherbakov in *Shcherbakov Mikhail*. *Odissey bez Itaki*. *Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca*. *Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 6.

⁴²⁶ *Zabiyako A.A.* M.V. Shcherbakov: the man of the Far Eastern frontier in the search for the root of life. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2015. No. 1 (45). P. 112.

⁴²⁷ One of the greatest figures in the history of China of the 20th century, who, in turn, was keenly interested in Western European and Russian cultural heritage, introducing the Chinese audience through translations with Byron, Pushkin,

Shcherbakov's creative consciousness began to be occupied by the problems of ethnic identity of half-bloods, as well as the perception by the Russian consciousness of lifestyle of the Chinese, Japanese, Koreans and other local Far Eastern peoples⁴²⁸, which he raised in many of his works (“The root of life”, “Lousy coal”, “Irinari”, “Lake of the rich man”, etc.).

Being impressed by his empirical perceptions, he created stylized variations of Eastern national poetry, publishing them in the almanac “China” (Shanghai, 1923), “Gates” (Shanghai, 1935), “Time off” (Shanghai, 1944).

The book of poems “Time off” became, in fact, the result of his poetic work, in the oriental motifs of which exotic landscapes, mystery, mysticism, the dichotomy of good and evil, life and death, past and present, mythological imagery are reflected: in the works of Shcherbakov, Greek (for example, “The Unknown”, “Mysteries”); love “Twelve lines sang to me...”, “You're all like tart wine...”), Japanese (“Correspondence”, “Japanese temple”, “Thangka”), Egyptian (“Scarab”), Chinese (“Ginseng”, “Fountain”), mystical and esoteric (“Black Mass”, “Vampire”), Christian (“Recovery”, “Vitraug de Notre Dame”), Hindu (“Ganesha”), shamanic (“In the north (tambourine)”) and other images arise in a reader’s mind. In this respect, the “Song about the stone”, dedicated to O. Teltoft and absorbed many of the above motives is quite interesting: in the lines of the “Song”, images of dolmens, mummies, sorcerers, demons and angels of darkness, Olympic gods, etc. appear in addition to fetishistic and esoteric ideas about the properties of various stones.

Through this mythological imagery, Shcherbakov also expresses regret for the lost “Russian Atlantis” – Imperial Russia. Here is an excerpt from his poem “The Unknown” (1922), dedicated to one of the greatest poets of the Russian diaspora – A. Nesmelov:

Ulysses was beckoned by the house in the dark
 And Penelope – at the weaving loom,
 We, Odysseys without Ithaca,
 What lighthouse will we be tempted by? <...>

Lermontov, Mickiewicz, Gogol, Chekhov, Artsybashev, Lunacharsky, Fadeev, etc. See *Sorokin V.F.* Liu Xin. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Vol. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vols. Vol. 3. Literature. Language and writing]. Ed. M.L. Titarenko. Moscow: Vost. lit. Publ., 2008. Pp. 335–337.

⁴²⁸ *Zabiyako A.A.* M.V. Shcherbakov: the man of the Far Eastern frontier in the search for the root of life. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2015. No. 1 (45). Pp. 112–113.

Every coast is alien to us,
 Every land is unwanted,
 Until the Kremlin crosses
 Shine under the pearl cloud⁴²⁹.

Shcherbakov's worldview, his individual consciousness is focused not only on legendary, mythological motifs, but also on magic in general: “<...> if you managed to *create a magical world in your soul, keep it carefully*, with all your forces, do not pull the covers off it! Even if it is only a mirage and a deception. For *life without illusions is too humdrum*”⁴³⁰. There is no surprise that this intention receives a significant impetus in the works of Shcherbakov, yielding to the general mood of temporal and spatial mythologization and being explicated on the pages of his works, for which, with all the variety of plots and images, as A.A. Zabiako notes, “<...> mythology and mythological views of the most diverse peoples inhabiting the Far East: Chinese, Manchus, Koreans, Japanese, Koryaks, passed through the prism of perception of the Russian person” become the unifying principle⁴³¹.

Of course, one of the main works of Shcherbakov is the novel “The root of life”. Like many Far Eastern emigrant writers, Shcherbakov cannot avoid such a significant topic, where a person of European culture will certainly note the parallels between sacred ginseng and, for example, mandrake, which has long been attributed similar properties.

Ginseng in Shcherbakov's text actually acts as an independent character – “a freak with twisted and crossed legs”, with “a thin neck and a wrinkled head on top of the body”, which “utterly resembled human ones”⁴³², who influence the fate of greedy and wealth-hungry people. The text conveys the special attitude of the locals to ginseng: magical power is certainly attributed to it; describes rituals and prayers, subject to the law of the

⁴²⁹ *Shcherbakov M.V.* Unknown. Yellow sea, 1922. Cit. ex. Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 286.

⁴³⁰ *Shcherbakov M.V.* Magic world in Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 283–284.

⁴³¹ *Zabiako A.A.* *Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv': khrestoma-tiya. V 4 t.* [Literature of the Russian abroad. Eastern branch: a textbook. In 4 vols.]. Comps., eds. A.A. Zabiako, G.V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2013. Vol. 1. Prose. In 3 parts. Part 1 (A–K). P. 28.

⁴³² *Shcherbakov M.V.* The root of life in Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. Pp. 18–19.

taiga and addressed both to the root itself and to the Spirit of the Shan-E Mountains guarding the root. The animal embodiment of the spirit is the fierce Great Wang – the tiger, a symbol of revenge for an unjust way of life: “<...> and he heard a sound that froze the blood in his veins: a dull roar with bubbling iridescences, similar to distant thunder, rang out the taiga, powerfully shaking the darkness – the roar of a red Korean tiger, the master and king of the taiga”⁴³³.

Shcherbakov's novel on ginseng (as well as Baikov's one, for example⁴³⁴) expresses a moralizing, philosophical message through the reminiscence of the archetypal folklore motif of selflessness, simplicity, purity of the soul as conditions for obtaining the main treasure – in this case, the root of life. Shcherbakov contrasts the figures of Li Fulin and Jiang Kui: if the former, being a true ginseng seeker, have been searching for and collecting the root on the slopes of the hills for a long time, then the latter preferred a faster and easier way of getting the root – murder and abstraction. But in the future, neither he nor other greedy heroes manage to realize their dreams: all of them – the hunter of “blue pheasants” (ginseng collectors) Jiang Kui, the Korean Kim, the tiger hunter Nikolai Timofeevich successively die from the “ginseng curse”, punishing the dishonest people. As a result, the root turns out to be in the hands of the pharmacist Tong Jukong, who grab it from the “white devil” Nikolai Timofeevich. However, the reader understands that the story is not over, and that the “malicious” root will play a role in the fate of the Chinese healer: after selling his shop, he returns to his homeland, to the graves of his ancestors, which symbolically can be interpreted as a hint at the traditional Chinese cult of “return of the dead”, when the deceased must return to his homeland⁴³⁵.

Shcherbakov repeats the same motif of “pure heart”, images of guardian spirits (geniuses), ritualism of collecting the root of life in the poem “Ginseng” (1924):

The one who is *firm in will and pure in thought*,
Geniuses bring through a wooded Da Tien Shan

⁴³³ *Shcherbakov M.V.* The root of life in Shcherbakov Mikhail. Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody [Shcherbakov Mikhail. Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 27.

⁴³⁴ *Baikov N.A.* V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. 247 p.

⁴³⁵ *Zabiyako A.A.* The mythology of the Far Eastern Frontier in the minds of emigrant writers. Religiovedenie [Study of Religion]. 2011. No. 2. P. 161.

Into the winding fall, to the lost meadows,
Hiding the flowers' blooms and a five-pointed leaf.

But *the demons are evil, their servant tiger has claws:*
No rush in ringing of the silver dayan
Under the banner of the *talisman* merchant,
Where the spirit of *secret potions* is both spicy and fragrant.

Put out the fanza and *fast!* From the depths, a sprout of ginseng
Collects love longings for an old man
And doubles the term given by heaven to a mortal.

And in *the misty hour of the Bull, being subdued to the constellations,*
With a prayer to the forefathers, take the deer horn
And dig up the *mysterious, human-like Root*⁴³⁶.

Shcherbakov includes elements of not only Chinese, Japanese, Korean cultures and the culture of indigenous peoples of Siberia and the Far East into his texts – he often interweaves ethnographic notes with mystical elements: for example, in the story “Johnny, the young mammoth”, Shcherbakov paints the everyday and cult aspects of the life of the Koryaks (the culture of this northern people is also described, for example, in the story “Black series”), adding a fantastic storyline with a revived mammoth. In the story “The Dragon Cliff”, one of the heroes is Sergey Elagin, who after surviving the crush of a junk, encounters a mythical beast – a dragon, that has come to life. This meeting eventually costs Elagin his life. It is curious that the dragon, being the Eastern one, appears in the story as a monster that evokes completely European feelings – disgust and horror; describing the dragon, the hero speaks of a “giant long shaggy muzzle”, “unbearable stench”, “unendurably horrible smell”, “intense cold malice”, “sickle-shaped fangs”, etc.⁴³⁷ As a rule, in contrast to the East Asian tradition, in the Western European picture of the world, the dragon acts as a developed image of the snake – a chthonic monster, which heroes usually enter into a fight with. To be fair, it should be noted that there are similar plots in the Eastern mythological tradition (for example, the Shinto Yamato-no orochi), but still, in general, for Japan, Korea, and especially for China, the image of a

⁴³⁶ Cit. ex. *Shcherbakov Mikhail*. Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody [Shcherbakov Mikhail. Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 290.

⁴³⁷ *Shcherbakov M.V.* Dragon's Cliff in Shcherbakov Mikhail. Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody [Shcherbakov Mikhail. Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations]. Vladivostok: Rubezh, 2011. Pp. 95–96.

dragon does not have such negative connotations. Dragons often act as deities associated with water – rain, reservoirs; in China, the dragon also symbolizes the bright principle (yang) and imperial power.

In the story “The sacred island”, which is filled primarily with purely ethnographic remarks about the sacred island of Putu (*Putuo Shan*, Chin. 普陀山), known in China and Chinese Buddhism as the place of the enlightenment of Bodhisattva Guanyin (Avalokitesvara), Shcherbakov cites one of the numerous versions of the story about the earthly incarnation of the goddess, where the dragon already acts as an assistant to Mio-Shen (Miao Shan, Chin. 妙善, earth name of Guanyin): sent by Tian in response to her prayers, the dragon punches a well in the rock next to the kitchen of a Buddhist monastery, where Mio-Shen was sent by his father, who instructed the abbess to entrust his daughter with unbearable household duties. In general, Shcherbakov emphasizes the importance of religion in the cultural and everyday tradition of China, which anyone can touch: “The Sacred Island is a real treasure, because there one will not only meet beautiful examples of temple architecture and Buddhist religious sculpture, but will also encounter at every step the quintessence of folk life – its religious side”⁴³⁸.

In a small ethnographic “Poem of Fire”, included in the “Shanghai sketches”, Shcherbakov, descending “to the very depths of the Mother of Asia, to its very origins”, paints a vivid picture of the ritual actions he has seen in the “Rainbow temple” – “*Hong miao*”, where the burning fire “embodied the ancient faith of a Chinese woman”, who came to pray to the deity for good luck in business, for children or easy childbirth on the Chinese New Year’s Eve⁴³⁹. Shcherbakov notes the eclecticism of the temple: there is a figure of the goddess Guanyin, located in a niche in the center; there is a child-helper deity in the small chapel; a host of Taoist and Buddhist deities (the obstetrician god Lao-ye, the smallpox goddess Hua, the thousand-armed Guanyin, the god of justice and many others) is located in the large chapel. Shcherbakov tends to mix, compare and contrast

⁴³⁸ *Shcherbakov M.V.* The sacred island in Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povest', rassказы, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 353.

⁴³⁹ *Shcherbakov M.V.* The poem of fire in Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povest', rassказы, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 148.

European, Western and other cultural elements with East Asian ones. In the “Poem”, he compares the fiery action with “the night of creation, when the Word was flying over the boiling and unsettled earth” and the temple of “Phoenician Moloch or Mexican Quetzal-coatl”; he also calls the motley pantheon “Asian Olympus”.

The phenomenon of the Rainbow temple (Chin. 虹庙 *hong miao*) on East Nanjing Street in Shanghai (now a Taoist educational center and library) organically entered the context of Shcherbakov's syncretic, multicomponent artistic consciousness. Initially, the temple appeared as a private Buddhist temple dedicated to the goddess Guanyin, but later there appeared other altars dedicated to Taoist and local deities: the god of wealth, the god of death, the guardians of heaven, earth and water, the guardian god of Shanghai and the Taoist star deities⁴⁴⁰.

Shcherbakov depicts Japanese mythical creatures appear, for example, in the image of the werewolf fox Irinari⁴⁴¹ in the text of the same name, which conveys the story of Peter Faddeich, a former Russian sea captain. Now he is a clerk in a Japanese antiquities shop, who by the will of fate succumbed to the provocation of a “Catholic and non-Christian” Englishman. After stealing a small image of god – a figurine of the fox Irinari, the deity of wealth and domestic well-being from the “little altar” in the middle of the rice fields, Peter Faddeich loses his luck and peace – the fox begins to pursue him and demand to return the figurine back.

In another story – “The Lake of the Rich Man” – Shcherbakov conveys a Korean legend associated with the mythologization and anthropomorphization of landscape – in particular, lakes and mountains. The image of the mountain is an important part not only of Eastern culture – it is a universal mythologeme, an archetype symbolizing the world axis connecting the lower, middle and upper worlds. It is curious that Christian allusions clearly appear in the legend given by Shcherbakov. The plot is made around three characters: a hard-hearted rich man, his kind-hearted daughter-in-law and a saint – a Buddhist monk who came for alms. Unlike the rich man, his daughter-in-law treats the poor monk

⁴⁴⁰ *Knyazeva K.* Raduzhnyy khram na Nankinskoy ulitse [Rainbow Temple on Nanking Street]. URL: <https://magazeta.com/arc-rainbow-temple/>.

⁴⁴¹ In Japanese culture, this Shinto deity of abundance, cereals and foxes is called Inari and is one of the main ones. It is depicted as both male and female, and uses foxes (*kitsune*) as messengers.

with compassion, for which he decides to help her in return: he asks her to pack her things in the morning and, together with her son, leave the cruel father-in-law back to her village, but avoid at all cost to turn around. Curiosity overcomes the woman, and when she hears a noise behind her and looks over her shoulder, she turns into stone – almost like Lot's wife in the Old Testament, who turned into a pillar of salt on the way from Sodom.

Like many emigrant writers, Shcherbakov was not born in the Far East, but, nevertheless, he could not escape the influence of this special, *frontier* space, sensitively responding with a “magic-hungry” soul not only to wild, exotic real and mythological images and plots. Constantly comparing Chinese culture in one way or another with the Western one that is clearer for and close to him, putting the Eastern legend of ginseng into the European strict sonnet form, calling the Buddhist and Taoist pantheon the “Asian Olympus”, comparing Guanyin with Western madonnas, and the carefully paved paths of a Buddhist monastery with Egyptian work, Shcherbakov cannot resist the charm of the East. His story “Through ancient Channels” says a lot: being a pacifying sketch of Suchou (Suzhou) with snatched and clothed in lines footages of Chinese life, the story, in fact, is a kind of “prosaic ode” to Chinese culture that evokes a response in the soul of a Russian person: “I haven't seen Venice, but for some reason it seems to me that Suchou is stronger, more authentic than Venice. May the Pearl of the Adriatic forgive me blasphemy, but it is still too young and yet already dead. But ancient Suchou lives with amazing intensity, as it has been living millennia before Christ was born. Every inch of the dirty surface of the channels is needed and used daily, breathes and lives. And a strong, sharp taste of life, a holiday of a peculiar and *not alien to us, Russians, culture* comes from this millennial intensity of life and goes to the head”⁴⁴².

In Shcherbakov's works, the West goes hand in hand with the East, the mystical and religious – with the ordinary, the romanticized and noble are often opposed to the honourless. Existential motives of homesickness are added to the oriental vector of his prose and poetry. Many of his stories do not have a completed ending – a comma is placed

⁴⁴² *Shcherbakov M.V.* On the ancient channels in Shcherbakov Mikhail. *Odissey bez Itaki. Povesť, rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. *Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations*]. Vladivostok: Rubezh, 2011. P. 371.

instead of a full stop, and this is one of the characteristic signs indicating the ephemerality of being in general and of emigrant life in particular, its uncertainty and unpredictability, perceived by the writer.

Oriental and mystical motifs, east and west, reality and otherness are mixed in the work of Boris Mikhailovich Yulsky, a Russian emigrant writer. Not much is known about his life, and to this day there are still gaps in his biography, but he found himself in Manchuria with his family in 1919, and in Harbin in 1921⁴⁴³.

Despite the fact that Yulsky published his first known work back in 1933 (the story “The Devil” in no. 35 of the journal “Rubezh”, his path to literature began in 1938, when he started serving in the forest police. The rich empirical experience of contact with the foreign cultural environment in its original form is reflected in the genre of literary ethnography: on the pages of Yulsky's works, together with real people – Honghuzi, taiga hunters, soldiers – characters of Chinese and syncretic frontier mythology come to life: foxes, tigers, dragons, etc. Like many other emigrant writers, Yulsky succumbs to this “frontier magic”, cultural, religious, mythological, psychological attitudes, moral and ethical norms and specific realities and literary masters them, “‘literating’ the factual material with fiction, artistic convention, poetic style, adventurous plotting, etc.”⁴⁴⁴

Yulsky's plots were really adventurous: they were oriented to D. London, F. Cooper and D.O. Kerwood, but, instead of Klondike and America, Manchuria acted as the scene of action with “its tigers, taiga and hunting romance”⁴⁴⁵. Service in the forest police in the remote town of Toogeng assumed active interaction with red-bearded robbers – Honghuzi. At this time, he not only discovered genuine, wild Chinese realities, but also came into close contact with the “Russian world in its Far Eastern expression”, which would significantly affect not only his work, but also his worldview (there are reports that Yulsky even took the side of monarchism). All these experiences and perceptions had formed the basis of the stories that made up the “Green Legion” cycle.

⁴⁴³ A man who went to the Russian East. The life and prose of Boris Yulsky in Boris Yulskiy. *Zelenyy legion: Povest' i rasskazy* [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2011. P. 4.

⁴⁴⁴ *Zabiyako A.A.* The prose of a Harbin writer Boris Yulsky in the context of literary ethnography of the Far Eastern abroad. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2015. No. 2. Pp. 91–92.

⁴⁴⁵ *Sentyanina E.* Harbin writers and poets. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 25. P. 10.

Yulsky is highly interested in the mysticism and mythology of posthumous existence, the state of the frontier and transition. It is quite likely that this is his individual reaction to the historical epoch, the borderline state of Russian emigration, the mythologization of the space itself, in which he found himself. For example, the theme of near-death experience, posthumous existence, reincarnation reveals the above-mentioned story “Catastrophe”⁴⁴⁶ (see paragraph 3.1.2).

The idea of rebirth is vividly illustrated in the story “The return of Mrs. Cai”, in which Yulsky refers to the Chinese mythology of the afterlife. The main character of the plot is an old man Cai, who, having lost his beloved wife, has been taking opium for fifteen years to escape from reality. One day, an unusually large rat comes to him, and begins to visit the old man every day. At first, Lao Cai is wary and suspects an evil werewolf spirit in the rat, but gradually gets used to it and even admits the idea that it is the spirit of his deceased wife Jishen embodied in the animal. Once, when Mr. Cai wants to die because he has nothing to pay for his house (and he cannot and does not want to leave it, because this is the place of sacred memory of dear Jishen), the rat helps him out by bringing him diamonds. Lao Cai is finally convinced of the idea that the rat is the embodiment of his dead wife: “Now I know who you are! You are the soul of my faithful, beloved Jishen, and you have come to be with me forever and help me in a moment of misfortune!..”⁴⁴⁷.

Like other texts of Yulsky, this story is ambiguous, ambivalent. Who is this rat – just a smart animal, for some reason coming to Lao Cai, the spirit of his dead wife, or the kind spirit of the house that guarded the owner and went to heaven after fulfilling his duty, as the neighbors who found the dead old man thought? It is known that in the mythological tradition of China, the rat is respected: it is a cultural hero who brought rice to people and taught them how to grow it; it is a smart, cunning animal that first came to say

⁴⁴⁶ *Yulsky B.* Catastrophe. Rubezh [Frontier]. 1934. No. 43 (346). Pp. 1–3, 6, 8, 10.

⁴⁴⁷ *Yulsky B.* The return of Mrs. Cai in Boris Yulsky. Zelenyy legion: Povest' i rasskazy [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2011. P. 323.

goodbye to the Buddha; this animal is identified with wealth, affluence, prosperity, thrift and happiness, and a recognized symbol of well-being in Feng Shui⁴⁴⁸.

The writer combines the anthomorphization and psychologization of the animal's appearance with ethnographic elements: while the plot develops, the reader learns about the Chinese belief in werewolves, foxes, spirits, posthumous existence and rebirth; the fact that opium smoking has been used by the Chinese since ancient times to “visit the motherland”, as well as to “meet the dead”. Altogether, it gives the text depth and a multi-valued philosophical character, and it becomes very difficult to distinguish the fine line between the real and the mythological.

The idea of reincarnation is also basic for of the plot of the story “The second death of Shaza”, where it is combined with one of the most common themes in the literary ethnography of the Russian Eastern abroad – tiger mythology, the image of the master of the taiga – the Great Wang, into which a Honghuzi Shaza – a cruel, wayward robber – is reborn after death.

The plots of Yulsky often acquire the features of mystical realism, where otherness organically enters into everyday life: sometimes quite obviously, sometimes – as hints and semitones. In one of the first published stories, “The Devil”, Yulsky presents the reader with the story of Nikolai Filippovich, who, after his wife leaves, begins to drink heavily and dream of her return. In one of the episodes, a real devil appears to the hero, lures his soul in exchange for a promise to return his wife, and disappears, waving his webbed, bat-like wings widely⁴⁴⁹. Yulsky introduces this comparison with a bat for a reason, and intentionally in the European perception of this creature as sinister, associated with dark forces and magic. In the Chinese tradition, the bat, on the contrary, brings happiness and good luck.

Nikolai Filippovich has a fever, and a few days is between life and death and temporarily loses his memory, forgetting about the mystical meeting, until he accidentally meets the “devil” in the store. The hero attacks a man and ends up in a psychiatric hospital,

⁴⁴⁸ Kirillova E.O. Images of escapism, contemplation, and hermitry in the literature of the Russian diaspora of the Far East (on the example of the works of B. Yulsky). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 2. P. 73.

⁴⁴⁹ Yulsky B. The devil in Boris Yulsky. *Zelenyy legion: Povest' i rasskazy* [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2011. P. 208.

where his wife, whom he no longer recognizes, visits him. Is it true that the devil came to him and, having bought his soul, fulfilled his promise in his own way, returning his wife after the hero had gone mad, or was it all dreamed up by Nikolai Filippovich, being the result of deep mental trauma and alcohol abuse? Yulsky does not give an unambiguous answer to this question.

The motif of madness and, at the same time, the assumption of the existence of the other, subtle world, is also presented in the story “Water and stone”, which is about a Russian soldier Kargin who killed a young Honghuzi in a shootout. Tormented by conscience, he begins to drink a lot, see the murdered girl and gradually brings himself to madness and death: “Kargin was standing at the wall of the barracks. His rifle was lying nearby. He no longer screamed, but only wheezed. Madness stared out of his eyes. And on his chest, at the very beard, a huge bat was fluttering and beating his face with rustling wings, clutching and entangled with claws”⁴⁵⁰. We see again the sinister, Europeanized image of the bat, which Yulsky endows with a deep mystical meaning.

The heroes of Yulsky are often insane, or are in borderline conditions, which often are aggravated by alcoholic or narcotic intoxication and are lethal. But death does not always mean the end: as a rule, in texts with an oriental atmosphere, the characters go to eternity, to the land of spirits, to the “wonderful land of the West”. In the global meaning of the sacred horizontals of space, the eastern expression “to go to the west” certainly has parallels with many religious and mythological traditions, including Western European ones. And yet, being inextricably linked with the sun, the “departure to the west” leaves some hope of returning to the east – rebirth in a new life, perhaps different from human one.

Yulsky's texts are multi-layered, and his characters are multifaceted, prone to metamorphosis – not only in the spiritual and mental sense, but also in the physical meaning. So, the story “The Way of the Dragon” reads about a Honghuzi Long, who turns into a dragon (Chin. 龍 *long*) for real, and then turns into an old Chinese man growing poppies – “flowers bright as bloodstains”, which, according to a legend, once grew out of the bloodstains of a wounded dragon. Playing with the Chinese traditional “fox epic”, Yulsky

⁴⁵⁰ *Yulsky B.* Water and stone in Boris Yulsky. *Zelenyy legion: Povest' i rasskazy* [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2011. P. 41.

creates the story “The fox’s trail”, which is based on the legend of the existence of werewolves: “A woman who dies a bad death turns into a fox with magical and evil properties. She can look like a living woman, can speak the language of people. But a man should not believe her, no matter how beautiful she is: a dead woman will poison his soul and drink his life in order to continue her existence as a werewolf fox”⁴⁵¹. In this story, the motif of insanity, borderline condition is repeated again: the protagonist Dima Samarin, being in a cultural space alien to him, does not perform the necessary rituals, violates taiga laws during hunting and, after killing a goat, also shoots at a fox, which, according to Chinese beliefs, he must not do – this is a bad crime. The fox takes him deep into the taiga, and the fate of the hero becomes a foregone conclusion: having got lost, he goes to the light appeared, which was beckoning him, “flickering and fading as Samarin moved, hiding behind trees and showing up again”⁴⁵². This fox fire will eventually destroy him: the fox will turn into a beautiful maiden and, after making Samarin drunk (again, the motif of intoxication precedes the subsequent madness), she and her Honghuzi henchmen will set fire to the fanza with the bound hero. When the Russian Old Believers rescue Samarin, it will turn out that this fanza burned a year ago, and Samarin did not burn his feet, but frostbitten – obviously, the fox played a cruel joke with his imagination. Everything that happens to the hero is phantasmagoric, passes from one dimension to another, from anthropomorphic hypostases to zoomorphic and vice versa, and eventually leads him to death: one day at sunset Samarin follows the fox's footprints and never come back.

The image of a fox is not as unambiguous for Chinese culture as it may seem; it is ambivalent. The fox, of course, is a malicious spirit, a werewolf, luring men into its nets in order to feed on their energy and be reborn, but it can also act as an assistant to a person, and even a deity. Moreover, the fox, according to Chinese beliefs, keeps the secret of eternal life. From the European point of view, Yulsky consistently paints a picture of absolute fatality, disappointment, death, but from the eastern point of view, a different interpretation becomes possible: Samarin just gets rid of the suffering of life (at the

⁴⁵¹ *Yulsky B.* A fox’s trail in Boris Yulsky. Zelenyy legion: Povest' i rasskazy [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2011. P. 110.

⁴⁵² *Ibid.* P. 112.

beginning of the story it is mentioned that he was fleeing from “acute anguish” and low incomes, therefore he ended up in the ranks of the forest police), succumbing to fox charm and finding peace in the otherworldly world of spirits⁴⁵³.

In general, weaving elements of Chinese legends and myths into the plot canvas, Yulsky combines them with the European and, in particular, the Russian mythological picture of the world, according to the logic of which a person being in contact with the spirit world is often doomed to madness and death. In the texts of the writer, reality and legend are intertwined, the penetration of the fantastic into the ordinary, the subjectivity and relativity of time, the consideration of reality from the point of view of a naive perception of a person of another culture (Russian), the possibility and ability of heroes to come into contact with the otherworld. On the living material of Chinese and frontier mythology, Yulsky builds his artistic reality in the genre of magical realism, into which his rich experience and personal knowledge about the culture of the East, patriotic sentiments, and manifestations of his personal characteristics, including fatalism and the desire for existential freedom are embedded.

Of course, oriental motifs were presented not only in the works of the authors we have considered above – indeed, considered selectively. Many of the Orientalist writers did not limit themselves to prose and created excellent examples of poetry. Many more names could be mentioned here, more or less referring to the east. For example, V. Pereleshin, the famous translator of the Tao Te Ching and other monuments of Chinese spiritual culture, who “organically embraced the Chinese poetic tradition”⁴⁵⁴ and managed not only to philosophically comprehend it, but also to combine it with Christian images in his own work. V. Yankovsky, who perceived the taiga way of life and the taiga itself as an “artistic mythologeme”⁴⁵⁵ through the prism of the frontier mentality. A. Nesmelov, one of the most famous poets of Russian emigration, who was engaged in both mystical and orientalist themes, including prose works (especially in the form of the so-called

⁴⁵³ Kirillova E.O. Intercultural interaction in the literature of the Russian Far-Eastern emigration: Oriental mythology of Boris Yulsky. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2017. No. 3 (97). P. 156.

⁴⁵⁴ Buzuev O.A. China in the work of V. Pereleshin. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk: Izd-vo AmgU, 2003. No. 5. P. 303.

⁴⁵⁵ Bibik E.E. Man of the Far Eastern frontier: V. Yankovsky (“Nenuni”). *Far Eastern Odyssey*. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2015. No. 11. Pp. 205–211.

“tigerniad” beloved by many writers – tiger mythology and plots”⁴⁵⁶). Finally, V. Mart – one of the most ambiguous creators in the Far Eastern emigrant literature, who combined frontier mythology and frontier mindset with specific personal characteristics, preferences and social order⁴⁵⁷, as well as many others: A. Achair, Y. Kruzenshtern, F. Dmitrieva, Vs. Ivanov, N. Nikiforova, V. Loginov, O. Skopichenko, K. Saburov...

The artistic heritage of each of them is worthy of a separate study, but the format of the dissertation does not allow to do this comprehensively and cover everyone. However, even on the basis of the studied examples, several conclusions can be drawn. It is obvious that Russian emigrant writers, having got into the geographical, historical and mental dimensions of the frontier, could not abstract from this new reality and transferred it to paper, passing it through the prism of individual artistic perception of the world. The territorial and socio-cultural space itself contributed to the absorption of images and motives belonging to it and the formation of syncretic constructs. In addition, the goodwill and hospitality of the new homeland as a whole developed a positive attitude of Russian exiles to the local culture, which, on the one hand, was familiar to them due to the frontier state and rather long historical contacts, and on the other hand, was exotic and attractive to Far Eastern romantics and passionaries. On the one hand, the frontier state of emigrants activated those layers of perception of reality which have existed since the archaic times and triggered syncretization processes in the course of understanding the empirical experience. On the other hand, intentional interest, which arose on the basis of contact with local cultural peculiarities, acquired the features of individualized syncretism in its mixed form and resulted not only in a significant layer of scientific ethnography, but also made a basis for literary ethnography, which was formed both as translated explications and original works.

⁴⁵⁶ *Zabiyako A.A.* A man of the Far Eastern frontier in search of the root of life (M. Shcherbakov, B. Yulsky, A. Nesmelov) in *Zabiyako A.A.* Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. Pp. 308–338.

⁴⁵⁷ *Levchenko A.A., Zabiyako A.A.* Ethnic migrations and socio-cultural realities of Northern Manchuria in the first half of the 20th century (V. Mart. Cycle “Yellow Slave Girls”). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. No. 11. Pp. 337–351; *Zabiyako A.A.* From the mysticism of the East to the literature of fact (V. Mart) in *Zabiyako A.A.* Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. Pp. 283–307.

Conclusion

At this stage, the study cannot be finalized due to the high complexity of the considered phenomenon itself and a significant amount of data. A number of aspects and problems that are not reflected in the text will be further studied and developed. Nevertheless, based on the above, we can draw several main conclusions.

Various forms of religious syncretism are observed already in the archaic period, during the process of sapientation and the development of representations about the world surrounding *Homo sapiens*. The study of the phenomenon of syncretism in both foreign and domestic traditions began in the 19th century within the framework of evolutionism and such disciplines as ethnography, anthropology and sociology.

The phenomenon of religious syncretism in historical and modern reality is much more complicated than can be presented in theories and classifications. In a broad sense, religious syncretism is a specific phenomenon, the key characteristic of which is the combination of various elements into a kind of internally contradictory integrity. The inconsistency of this system is more noticeable from the observer's side than from within the system itself.

In this dissertation study, for a more complete understanding of the phenomenon of religious syncretism in the mentality of Far Eastern emigration, we propose to define religious syncretism as a form of being of religious phenomena, the content of which is a conjugation of heterogeneous religious components or essentially heterogeneous components of a religious and non-religious nature into some integrity. Religious syncretism is a special formation that has spatial, temporal, and ontological characteristics. It arises as a result of a person's desire to overcome the fragmentation of his own being and the resulting boundaries of nature, religion, culture, philosophy, science, etc., and create a kind of integrity. Religious syncretism, derived from existentially important human intentions, accompanies the entire history of religion, varying in different modifications:

- 1) syncretism of the early stage of human history, associated with the gradual isolation of *Homo sapiens* from nature and the formation of boundaries between man and the surrounding world. This is a human's desire to overcome the distinction that has arisen

with nature, to return to its *limits*, to regain some kind of integrity of natural and human existence, which is most clearly expressed by phyto- and zooanthropomorphic images in early forms of religion, as well as anthropomorphizing nature. This form of syncretism continues to exist at later stages of religious history.

2) Syncretism associated with the formation of the boundaries of religious systems and their subsequent overcoming and characteristic primarily of ancient antiquity and the Middle Ages. This form implies the interaction and mutual influence of religious systems of various levels and degrees of development, as well as the connection of these systems or individual religious elements into a kind of integrity. It includes several dimensions: the preservation of elements of primitive cults in more complex and developed religious systems, including in a rudimentary form; the impact of developed cults on more primitive ones with the preservation of the main idea of the latter; the mutual influence and interpenetration of several developed, complex religions; various religious and philosophical formations.

3) Syncretism resulting from the gradual restriction of religion from philosophy, political and social theories, law, aesthetics, etc. spheres of spiritual culture. This form implies a total mixture of religious beliefs, mythological and philosophical systems, artistic interpretations, scientific theories, etc. In a noticeable way, this form is manifested in the freedom of thought of the 18th century, in the basic syncretism of New religious movements and New Age, quasi-religious, re- and neo-mythological formations, youth movements (for example, hippies), etc. This form is closely connected not only with humanism, secularization, modernism, postmodernism, globalization, technology development, etc., but also with individual religiosity. The bearer, the ideal of this form of syncretism becomes a creative person who is ready to overcome any boundaries of differentiated existence – including returning to merging with nature.

Each of the modifications, forms of syncretism, having once arisen, does not cease to exist: depending on various factors, they can coexist or replace each other in the historical perspective. Each form, in addition to its natural discreteness and continuity, is more or less inherent in such dualistic foundations as naturalness and artificiality, completeness and fragmentation, exogeneity and endogeneity, etc.

Due to the objective complexity and multidimensional nature of syncretism, these definitions and classifications are one of many possible ones. We also note their justice primarily for European history and mentality. The Eastern mentality differs from the Western one in a striking way. The East went its own way and, being more inclined to traditionalism and fundamentalism, did not, in fact, have sharply expressed oppositions between the historical stages of religious syncretism. The fundamental psychological prerequisite of the Eastern mentality is its smaller egocentrism and greater introversion in comparison with the West, which, according to C.G. Jung, brings to life “archaic thought formations”, which is why the eastern mentality demonstrates the greatest closeness to the early form of syncretism. The East has not overcome the mythological perception of the world, the attitude towards it as a “magical cosmos”.

Syncretization, the use of basic principles of thinking, the growing interest in alternative spiritual systems, mystical knowledge and practices, occultism, etc., as well as the spread of a large number of such variable systems are observed at all historical stages during periods of crisis and social tension. It is also true for the Russian emigration in Northeast China and is facilitated not only by its position and the surrounding foreign cultural milieu, but also by a special type of mentality – frontier mindset, the carriers of which the Russian exiles are. Their vector of cultural development deviated from the mainline of the center and tended to local peculiarities, conditions and laws, undergoing processes of marginalization and syncretization. The “mythological situation of timelessness” that had arose in Harbin became an axial moment for Russian emigrants: they experienced history, opposing it, following, in fact, the path of mythological consciousness, fulfilling a messianic and cosmological function. In one form or another, various forms of religious syncretism manifested themselves in the emigrant environment and were reflected not only in the socio-cultural sphere, but also in literary and artistic creativity.

Despite the desire to preserve national and cultural identity, as well as the Orthodox faith as a supporting element, the existential orbit of Far Eastern emigration was linked with mysticism, esotericism, magic, spiritualism, horoscopes, fortune-telling, clairvoyance, predictions, etc., which was not only consistent with pan-European sentiments and the continuation of the trends of pre-revolutionary Russia and the Silver Age, but also the

result of the borderline position of the emigrants, a special socio-cultural and historical reality. This interest had two main vectors – practical, which included all kinds of esoteric services, and theoretical, primarily expressed in the form of publications and literary works, where spiritualism, magic, mantics, superstitions, hierophany, mystical and religious experience can be distinguished as the main topics.

The marginal position of Russian emigrants contributed to drawing their attention to the diverse, somewhat outlandish ethnographic features of local peoples. On the basis of this attention and initially scientific and elementary everyday interest, the literary ethnography of Far Eastern emigration is formed, where oriental images and motifs of Korean, Japanese, Chinese, Manchurian and other cultures are revealed through the prism of the frontier mindset of emigrant writers and often is mixed with various European mystical and mythological elements.

Thus, with the development of human and culture, there is an evolution of types of syncretism; however, despite their historical continuity and a certain “stadiality”, each of them, having arisen, have been continuing to exist in parallel or subordinated. Due to historical, ontological, temporal, frontier, subjective-individual and other aspects, panoramic syncretization processes were activated and found expression in many socio-cultural spheres of life of a complex historical and cultural phenomenon – Far Eastern Russian emigration.

List of references

Sources in Russian:

1. Achair A. The mystery of the northern taiga. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 23 (488). P. 1–6.
2. Alchemist of the 20th century. *Gong-Bao*. January 7, 1931. P. 11.
3. All-Russian famous palmist A.K... *Zarya* [Dawn]. 1927. No. 175. P. 4.
4. Arakin Ya. New Year in Japan and China. *Gong-Bao*. January 1, 1931.
5. Art. Glaz. The curse of the yogi. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 47. P. 10.
6. Baikov N. *V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. Petrograd: Tip. D.P. Veysbrut, 1914. 464 p.
7. Baikov N.A. *Koren' zhizni (Zhen'-Shen')* [The root of life (Ginseng)]. Harbin: Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraya, 1926.
8. Baikov N.A. Manchurian tiger. *Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraya. Sektsiya estestvoznaniya* [Society for the Study of the Manchurian Region. Natural Science section]. Harbin, 1925. Vol. 1. 17 p.
9. Baikov N.A. *U kostra* [At the campfire]. Tianjin: Nashe znanie, 1939. 244 p.
10. Baikov N.A. *V debryakh Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitateley taygi* [In the wilds of Manchuria. Essays and stories from the life of the inhabitants of the taiga]. Harbin, 1934. 247 p.
11. Baikov N.A. *Velikiy Van* [The Great Wang]. Harbin: Nauka Publ., 1938. 226 p.
12. Baikov N.A. *Velikiy Van: Povest'; Chernyy kapitan: Roman* [The Great Wang: A Novel; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2009. 528 p.
13. Baranov I.G. The third wife brings up her son. Chinese play (translated from Chinese). *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 23–24. Pp. 82–91.
14. Bauen M. On New Year's Eve. Transl. P.N. Anisimov. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 22, 24, 26–28.
15. Bedd W.A. In a dead end. Transl. M. Zhang. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 51 (620). Pp. 8, 10–11, 14.

16. Berres. The fourth wall. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 15. Pp. 10–11.
17. Boris L. The unearthly. *Rubezh* [Frontier]. 1944. No. 3 (808). Pp. 16, 18, 20.
18. Boris Yulskiy. *Zelenyy legion: Povest' i rasskazy* [Boris Yulsky. The Green Legion: A novel and short stories]. Vladivostok: Al'-manakh “*Rubezh*”, 2011. 560 p.
19. Bucken J. The grove of Astarte. Transl. M. Zhang. *Rubezh* [Frontier]. 1941. No. 9 (682). Pp. 15–18.
20. Clairvoyants promise major events in the new year. *Zarya* [Dawn]. 1934. No. 1. P. 17.
21. Collins D. The crystal of death. Transl. N. Dobek. *Rubezh* [Frontier]. 1936. No. 21 (434). Pp. 14–18, 20.
22. Cook O. White yacht. Transl. E. Aleksandrov. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 12 (477). Pp. 14–18, 20.
23. De Vere S. Blind jealousy. Transl. Belyaeva T. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 25 (282). Pp. 14–18, 20.
24. Denis V. Fate is in the lines of feet!.. A new way of divination. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 21 (538). P. 15.
25. Diomidov L. At the Berlin Masons. The first pictures of the temple of “freemasons”. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 31 (288). P. 3.
26. Don-Aminado. Seance. *Zarya* [Dawn]. 1931. No. 291. P. 4.
27. Donbrovskaya R. Diphamation and superstition. *Gong-Bao*. February 20, 1931. P. 3.
28. Ducrot J. The “great penance” is close! ... The horrors are moving up to the world... *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 42 (299). Pp. 12–13.
29. Ducrot J. What does Satan look like? *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 45 (302). P. 5.
30. Dzhepson E. Love talisman. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 21 (278). Pp. 16–18, 20.
31. Em A. Terrible discovery. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 9. Pp. 5–6.
32. Gibbs F. The key of life. *Rubezh* [Frontier]. 1942. No. 41 (765). Pp. 18–20, 22–27.
33. Gladky P. Chinese theater, its origin, historical development and current state. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 22–35.
34. Gornyy S. Palmistry. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 36 (553). Pp. 1–4, 6, 8.

35. Gorshkov M. Altai. *Gong-Bao*. 1931.
36. Gorshkov M. To the 25th anniversary of the literary activities of G.D. Grebenshchikov. *Gong-Bao*. April 4, 1931.
37. Greetings to “Rubezh”. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 14 (531). Pp. 8–10, 12–13.
38. Grim predictions of madame Freya. *Gong-Bao*. 1931.
39. Hansom M. The tower of the monks. Transl. A. Tushkanov. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 22 (591). Pp. 17–20.
40. Haydock A. Night train. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 34 (343). Pp. 1–2, 4, 8.
41. Haydock A. *Ogon' u poroga* [Fire at the threshold]. Magnitogorsk: Amrita-Ural, 1994. 802 p.
42. Haydock A. *Zvezdy Man'chzhurii: Rasskazy* [The stars of Manchuria: Stories]. Vladivostok: Rubezh Publ., 2011. 336 p.
43. Healer of souls. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 8. P. 3.
44. Heltley R. Prediction of future. Determining the fate of a person. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 41. P. 14.
45. Heltley R. Unlucky number. The incident in Monte Carlo. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 29. Pp. 1–3.
46. Horoscope. *Gong-Bao*. 1931.
47. How to live to a hundred years. *Gong-Bao*. 1931.
48. Irvi V. Vision. *Rubezh* [Frontier]. 1944. No. 4 (809). Pp. 15–16.
49. Jepson E. Love talisman. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 21 (278). Pp. 16–18, 20.
50. Kadashev V. The idol above the steep. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 15 (376). Pp. 1–2, 4–5, 6, 8.
51. Kalenberg G. Otherworldly voice. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 14. Pp. 3–4.
52. Karzhevin A. Clairvoyance in the service of justice. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 1 (518). Pp. 22–23.
53. Karzhevin A. The signs of the zodiac are gloomy, but ... let's not lose heart! *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 5 (314). Pp. 4–5.
54. Kaufman E.S. 10 years. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 14 (531). Pp. 5–6.
55. Kent A. In the fourth dimension. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 22 (279). Pp. 16–20.

56. Kerk R.G. People from the land of Nod. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 47 (356). Pp. 16–19.
57. Klemens Yu. Compare your handwriting before the wedding ... Graphology predicts happy and unsuccessful marriages. *Rubezh* [Frontier]. 1929. No. 28 (77). Pp. 5–6.
58. Klemens Yu. Do you want to become a medium? “Seance” – the best entertainment at Christmas. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 2. P. 9.
59. Klemens Yu. Marks of happiness. Check if you have them. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 12 (581). Pp. 9–10.
60. Kryazhev V. The legend of the ghost of Rudolf Valentino. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 33. P. 11.
61. Kryazhev V. What awaits you this month? Predictions of the Hollywood astrologist to the readers of “*Rubezh*”. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). Pp. 21–22.
62. Kui Dangting. Kongchengji. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 36–38.
63. Kui Dangting. Wulong Yuan. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 25–27. Pp. 39–46.
64. Let's look into the future?.. A new game connected with divination. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 19.
65. Lidin N. Russian emigration in the Far East. *Russkie zapiski* [Russian Notes]. Paris-Shanghai, 1937. Part. 1. Pp. 311–321.
66. Loginov V. Ba-gua. *Gong-Bao*. April 5, 1931. P. 12.
67. Loginov V. Demonology of Russia. *Gong-Bao*. 1931.
68. Loginov V. Siberian regionalism. *Gong-Bao*. February 26, 1931.
69. Lovich Ya. The ghost in love. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 30 (599). Pp. 1–4, 6–8, 10.
70. Lozanov A. New Year by reading coffee grounds. *Rupor* [Mouthpiece]. January 11, 1935. P. 5.
71. Lugovoy A. The seventh mercy of the goddess. *Rubezh* [Frontier]. 1938. No. 3 (520). Pp. 1–11.

72. Madame V. Seyuu ... Prediction of future. Determining the fate of a person. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 41. P. 14.
73. Mezon A. At twelve o'clock. Transl. T. Belyaeva. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 1 (466). Pp. 22, 24, 26–30.
74. Mikhaylov P. Healer-fortuneteller. *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 10 (851). Pp. 6,10,12.
75. N.P.V. Predictions about Russia for 1935 from Parisian professors-soothsayers. *Zarya* [Dawn]. 1935. No. 14. P. 2.
76. Nesmelov A. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vladivostok, 2006. Vol. II. Pp. 509–516.
77. Nesmelov A. The disease of Nina Pavlovna. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 22 (279). Pp. 1–2, 4–6, 10–12.
78. New York will perish in the year 2200. *Gong-Bao*. April 12, 1931.
79. Palmist A.I. Banasevich... *Zarya* [Dawn]. 1930. No. 315. P. 12.
80. Palmist D.G. Fortuyanova... *Zarya* [Dawn]. 1930. No. 315. P. 12.
81. Palmist-occultist M. Tarnovsky... *Zarya* [Dawn]. 1929. No. 5. P. 16.
82. Palmist-occultist. Friend of the yearning. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 43 (352). P. 8.
83. Pereleshin V. The castle of the white woman. *Rubezh* [Frontier]. 1936. No. 20 (433). Pp. 4,6, 8–10.
84. Prediction for 1931. *Rupor* [Mouthpiece]. January 1, 1931. P. 14.
85. Predictor... *Zarya* [Dawn]. 1922. No. 262. P. 3.
86. Privat M. The Pope is the king of Italy?.. Sensational predictions of the famous astrologer on the stars of the Roman sky. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 23 (332). P. 3.
87. Professor of black magic (India). *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 34 (343). P. 25.
88. Protopopov N.A. Stones live... *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 8 (849). Pp. 10–13.
89. Rachinskaya V. Paganini's violin. *Rubezh* [Frontier]. 1936. No. 22 (435). Pp. 1–3, 6, 8–10.
90. Raevskaya V. Harbin wizards and witches. Celebrities without names from the Green Bazaar. *Zarya* [Dawn]. November 27, 1938. P. 7.

91. Rambaev Vl. Domovoy: the story of the extraordinary. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 13. Pp. 1, 4, 6–7.
92. Rambaev Vl. Tiya the Divine. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 25 (282). Pp. 1–2, 4–6, 8.
93. Rennikov A. Spiritual occasion: little feuilleton. *Zarya* [Dawn]. 1933. No. 133. P. 2.
94. Review of women's literary forces of emigration of the Far East. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 47 (Nov. 17). Pp. 24–25.
95. Rossov Yu. Are you afraid of 13? About prejudices and superstitions. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 30 (599). Pp. 11–12.
96. Ruslanova L. “A good day – Friday the 13th! ...”. Members of the “Club of the Opponents of the Superstitions” are not afraid of any ill will. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 22 (383). Pp. 6–7.
97. Russian-Chinese newspaper “*Gong-Bao*”. *Vozrozhdenie* [Rebirth]. December 26, 1926. Vol. 2. No. 572. P. 3.
98. Saburova I. Santa-Luara. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 8 (473). Pp. 1–4, 6–8, 10–11.
99. Savsky G. What does the New Year promise?... Summary of predictions of European astrologers for 1940. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 1 (622). P. 9.
100. Savsky Gr. What do the stars promise us?... Predictions of astrologers and clairvoyants for 1939. *Rubezh* [Frontier]. 1939. No. 1 (570). Pp. 9–10.
101. Sentyanina E. Harbin writers and poets. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 25. P. 10.
102. Shakhmatov S.G. The werewolf. *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 4 (845). Pp. 8–13.
103. *Shcherbakov Mikhail. Odissey bez Itaki. Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Shcherbakov Mikhail. Odysseus without Ithaca. Novella, short stories, essays, poems, translations]. Vladivostok: Rubezh, 2011. 480 p.
104. Shkurkin P.V. “Lolo”. Old and new about the aliens of Southwestern China. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. Harbin, 1915. No. 34. Book. 2. Pp. 72–163.
105. Shkurkin P.V. *Belaya Zmeya: Kit. legenda* [White Snake: a Chinese legend]. Khabarovsk, 1910.
106. Shkurkin P.V. Blanket. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1917. No. 41. Pp. 48–52.

107. Shkurkin P.V. Foxes. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1915. No. 35–36. Pp. 69–84.
108. Shkurkin P.V. Honghuzi: Ethnographic narratives. *Izvestiya Obshchestva izucheniya manchurskogo kraja* [Proceedings of the Society for the Study of the Manchurian Region]. 1924. No. 4. Pp. 36–57.
109. Shkurkin P.V. *Igroki: Kitayskaya byl'* [Players: A Chinese true story]. Harbin: Tipolitogr. L.M. Abramovicha, 1926. 121 p.
110. Shkurkin P.V. *Khunkhuzy* [Honghuzi]. Ed. M. Fomenko. Salamandra P.V.V. Publ., 2019. 215 p.
111. Shkurkin P.V. *Kitayskie legendy* [Chinese legends]. Harbin: Tipo-Litografiya t-va "OZO", 1921. 161 p.
112. Shkurkin P.V. *Kitayskie skazki* [Chinese fairytales]. Harbin, 1923.
113. Shkurkin P.V. *Koreyskie skazki* [Korean fairytales]. Shanghai, 1941.
114. Shkurkin P.V. *Legendy iz istorii Kitaya* [Legends from the history of China]. Harbin, 1922.
115. Shkurkin P.V. *Legendy Vostoka* [Legends of the East]. Harbin, 1922.
116. Shkurkin P.V. *Lo-lo. Inorodtsy Yugo-Zapadnogo Kitaya* [Lo-lo. The aliens of Southwestern China]. Harbin, 1916.
117. Shkurkin P.V. Lolo. Old and new about the aliens of Southwestern China. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. Harbin, 1913. No. 16–17. Pp. 59–98.
118. Shkurkin P.V. *Lo-lo: kitayskaya legenda* [Lo-lo: A Chinese legend]. Khabarovsk, 1910.
119. Shkurkin P.V. *Ocherki daosizma. I–III* [Essays of Taoism. I–III]. Harbin, 1926.
120. Shkurkin P.V. *Po Vostoku. V 2 ch.* [In the Orient. In 2 parts]. Harbin, 1912.
121. Shkurkin P.V. Portrait. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1917. No. 41. Pp. 1–21.
122. Shkurkin P.V. The goddess of the moon and the lunar hare. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1924. No. 42. Pp. 352–361.
123. Shkurkin P.V. The pear. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. 1914. No. 31–32. Pp. 36–41.
124. Shmidt M. Black magic for all ... Pythias and astrologers on the winding of Montmartre cafes. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 1 (466). P. 17.

125. Shmidt M. Clairvoyance through hands. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 38. P. 11.
126. Sibrer G. The goddess... in a petticoat. The exposed secrets of the mysterious “voodoo”. *Rubezh* [Frontier]. 1931. No. 22. Pp. 7–8.
127. S-n I. A phenomenon or a charlatan? A person who literally sees through. *Rubezh* [Frontier]. 1935. No. 30 (390). P. 7.
128. Takhada V., de. Oblivion. Transl. I. Kossov. *Rubezh* [Frontier]. 1940. No. 25 (646). Pp. 16, 18, 20.
129. Talyzin M. Light and shadows (what can be expected from 1931). *Gong-Bao*. January 1, 1931. Pp. 1–2.
130. Teffi. The mage. *Zarya* [Dawn]. 1931. No. 64. P. 3.
131. Teffi. The witch. *Zarya* [Dawn]. 1931. No. 69. P. 3.
132. Teffi. Undead. *Zarya* [Dawn]. 1931. No. 167. P. 4.
133. Teffi. Werewolves. *Zarya* [Dawn]. 1931. No. 189. P. 3.
134. The Brahmin of the great spirit. Transl. I. Mirandov. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 47. Pp. 11, 14.
135. The famous psycho-grapho-phrenologist “Diamantis”. *Zarya* [Dawn]. 1927. No. 144. P. 6.
136. The fortune teller Akhmatova guesses on the cards and predicts the fate for 1934... *Zarya* [Dawn]. 1934. No. 2. P. 7.
137. The Pharaoh's revenge. Transl. I. Mirandov. *Rubezh* [Frontier]. 1928. No. 48. Pp. 12, 14.
138. To the court for witchcraft! *Zarya* [Dawn]. November 16, 1930.
139. Tovnend V. The return of the sailor. Transl. O. Lyubimov. *Rubezh* [Frontier]. 1937. No. 4 (469). Pp. 15–18, 20.
140. Troitskaya S. *Russkiy Kharbin: Vospominaniya* [Russian Harbin: Memoirs]. Brisben, 1995. 64 p.
141. Volkhovskoy B. Experience. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 37 (346). Pp. 1–2, 4, 6–8.
142. What awaits Russia in 1935? Six Parisian astrologers and fortune tellers speak about the future of our Motherland. *Rupor* [Mouthpiece]. 1935. No. 14. P. 2.

143. What fate is preparing for you... *Rupor* [Mouthpiece]. January 1, 1935. P. 19.
144. When Christ was born. A French journal “Month” published an article concerning “the birth and death of the Savior according to astronomical data”. *Rupor* [Mouthpiece]. January 16, 1935. No. 12.
145. Yavorskiy S. Children who saw the Mother of God. *Rubezh* [Frontier]. 1933. No. 20 (277). P. 5.
146. Yavorskiy S. Victims of terrible psychosis. Belief in witches cost millions of lives. *Rubezh* [Frontier]. 1945. No. 3 (844). Pp. 8–9.
147. Yulsky B. Catastrophe. *Rubezh* [Frontier]. 1934. No. 43 (346). Pp. 1–3, 6, 8, 10.

References in Russian:

148. Ablova N.E. *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (the first half of the 20th century)]. Moscow: NP ID “Russkaya panorama”, 2004. 430 p.
149. Afanasyev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetical views of the Slavs on nature]. Moscow, 1994. Vols. 1–3.
150. Afanasyev A.N. *Proiskhozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, etnografii i mifologii* [The origin of myth. Articles on folklore, ethnography and mythology]. Ed. A.L. Toporkov. Moscow: Indrik Publ., 1996. 640 p.
151. Agenosov V.V. *Literatura russkogo zarubezh'ya (1918–1996)* [Literature of the Russian Diaspora (1918–1996)]. Moscow: Terra.Sport Publ., 1998. 544 p.
152. Aisin K. *Vydumannye bozhestva* [Fictional deities]. URL: http://religion.ng.ru/art/2009-02-04/7_lukianenko.html (accessed: 06.02.2016).
153. Aivazov N.G. *Khristovshchina. Material dlya issledovaniya russkikh misticheskih sekt (v 2-kh t.)* [Khristovshchina. Material for the study of Russian mystical sects (in 2 volumes)]. Petrograd, 1915.

154. Akaev V.Kh., Dokhaeva A.B. Cultural syncretism: on the contradictory unity of religious and secular aspects. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2012. No. 11. Pp. 26–30.
155. Akaev V.Kh., Dokhaeva A.B., Mamadiyeva M.Kh. Syncretism in culture: the contradictory unity of religious and secular aspects. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2014. No. 2 (23). Pp. 65–70.
156. Akopov G.V. *Soznanie i vremya: apologiya mental'nosti i poeticheskogo so-znaniya* [Consciousness and time: an apology for mentality and poetic consciousness]. Samara: VEK21 Publ., 2013. 175 p.
157. Andreeva O.S. Generic syncretism as a manifestation of syncretism of the author's consciousness in fiction. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: questions of philology, art history and cultural studies]. Novosibirsk: "SibAK" Publ., 2013. No. 12 (31). URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxxi/36004>.
158. Anichkov E.V. *Vesenniyaya obryadovaya pesnya na zapade i u slavyan: v 2 t.* [Spring ritual song in the West and among the Slavs: in 2 vols.]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1903–1905.
159. Anichkov E.V. *Yazychestvo i drevnyaya Rus'* [Paganism and Ancient Rus]. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 1914. 386 p.
160. Anuchin V.G. *Geograficheskiy faktor v razvitii obshchestva* [Geographical factor in the development of society]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 336 p.
161. Apinyan T.A. Longing for a myth or a myth as an event of modernity. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2004. No. 11. Pp. 73–83.
162. Argudyaeva Yu.V. *Russkie kazaki v Trekhrech'e (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks in Tryokhrechye (the first half of the 20th century)]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta; Odeon, 2016. 480 p.
163. Arinin E.I. Esoterism, dimensionalism, confessiocentrism and religious identity. *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma. Sb. materialov Tre'tey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (3–5*

dekabrya 2009 g., g. Vladimir) [Mystic and esoteric movements in theory and practice. Problems of interpretation of esotericism and mysticism. Collection of materials of the Third International Science Conference (December 3–5, 2009, Vladimir)]. Ed. S.V. Pakhomov. St. Petersburg: RKhGA, 2010. Pp. 15–22.

164. Arkhipova Yu.V. *Sinkretizm v strukture kul'tury: avt. diss. ... kand. filos. nauk* [Syncretism in the structure of culture: abstract of PhD thesis in Philosophy]. Saratov: Saratovskiy gos. un-t, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/v/141788/d/#?page=1> (accessed: 06.02.2016).

165. Aurilene E.E. *Rossiyskaya diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.)* [Russian Diaspora in China (1920–1950s)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya Publ., 2008. 272 p.

166. Avilova A. About “New Age” – “New Century”. *Liberal'naya religiya* [Liberal religion]. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/8266.html> (accessed: 10.02.2018).

167. Avilova A. *Okazalos' li “bezreligioznoe khristianstvo” nesostoyatel'nym ili ono eshche ne sostoyalos'?* [Has “irreligious Christianity” turned out to be untenable or has it not yet taken place?]. URL: <http://www.meso Eurasia.org/archives/2828> (accessed: 10.02.2018).

168. Avilova A. Other choice. *Liberal'naya religiya* [Liberal religion]. URL: <http://liberal-faith.livejournal.com/9241.html> (accessed: 10.02.2018).

169. Avilova A. *Religioznye individualy* [Religious individuals]. URL: http://russian.avilova.com/index.php?option=com_content&view=article&id=59:artikelen&catid=48:artikelen&Itemid=66 (accessed: 10.02.2018).

170. Babaeva A.V. *Myth in the space of everyday life. Smy Sly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [The Meanings of myth: mythology in history and culture]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. 2001. No. 8. P. 300. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/babaeva/misl8_62.html (accessed: 10.02.2018).

171. Babkina E.S. Arseny Nesmelov (A.I. Mitropolsky) on the pages of the periodical press for children and youth of the Russian diaspora of the Far East. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* [Culture and Science of the Far East]. 2016. No. 2 (20). Pp. 72–75.

172. Badmaev A.A. Ram's shoulder blade in the ritual practice of the Buryats. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: history, philology]. 2015. Vol. 14. No. 7: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 255–263.
173. Banderov I.I., Bik-Bulatov A.Sh. The concept of spiritual syncretism. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of the Kazan University. Humanities series]. 2014. No. 6 (156). Pp. 37–42.
174. Bartsyts R.M. *Abkhazskiy religioznyy sinkretizm v kul'tovyykh kompleksakh i obryadovoy praktike: avt. diss. ... kand. ist. nauk* [Abkhazian religious syncretism in cult complexes and ritual practice: abstract of PhD thesis in History]. Nalchik, Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v/270501/a?#?page=1> (accessed: 10.10.2016).
175. Bayburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 238 p.
176. Belozubova N.I. The experience of the reception of Eastern philosophy in the prose of A. Haydock (based on the material of the collection of short stories “The Stars of Manchuria”). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders.]. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2003. No. 5. Pp. 325–329.
177. Belyaeva E.V. Historical types of religious syncretism. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Brest University. Series of Humanities and Social Sciences. Philosophy. Sociology. Law. Psychology. Pedagogy]. Brest, 2008. No. 4. Pp. 45–52.
178. Bernshtam T.A. Russian folk culture and folk religion. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1989. No. 1. Pp. 91–100.
179. Bespalova T.V. The concept of religious-political syncretism: philosophical and methodological analysis. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2014. Vol. 7. No. 3(35). Pp. 136–140.

180. Bibik E.E. Man of the Far Eastern frontier: V. Yankovsky (“Nenuni”. Far Eastern Odyssey). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2015. No. 11. Pp. 205–211.
181. Bloch M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apologia of History, or The craft of the historian]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 232 p.
182. Bogatova O.V. *Kul't Velikoy Materi bogov Kibely v greko-rimskoy drevnosti (K probleme religioznogo sinkretizma v antichnosti): dis. ... kand. ist. nauk* [The Cult of the Great Mother of the Gods Cybele in Greco-Roman antiquity (On the problem of religious syncretism in antiquity): PhD Thesis in History]. St. Petersburg, 1998. 256 p.
183. Bogoraz-Tan V.G. *Khristianstvo v svete etnografii* [Christianity in the light of ethnography]. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1928. 160 p.
184. Bokov G.E. The crisis of faith: losing the sacred. *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy raboty seksii molodykh uchenykh “Filosofiya i zhizn'”* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers “Philosophy and Life”]. St. Petersburg, 2001. Pp. 37–39.
185. Borisova L.V. *Personal'nyy mif v indeksal'no-znakovoy kartine mira* [Personal myth in the index-sign picture of the world]. URL: <http://mythrevol.narod.ru/Borisova.html> (accessed: 10.03.2019).
186. Budkevich T.I. *Obzor russkikh sekt i tolkov* [Review of Russian sects and movements]. Kharkov: Tip. Gubernskago pravleniya, 1910. 607 p.
187. Bushnell D. Peru. *Ot rannikh okhotnikov do imperii inkov* [Peru. From the early hunters to the Inca Empire]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 192 p.
188. Buslaev F.I. *Narodnyy epos i mifologiya* [Folk epos and mythology]. Moscow: Vyssh. shk., 2003. 400 p.
189. Buzuev O.A. China in the work of V. Pereleshin. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2003. No. 5. Pp. 302–308.

190. Buzuev O.A. *Poeziya Arseniya Nesmelova: Monografiya* [The poetry of Arseny Nesmelov: monograph]. Komsomolsk-na-Amure, 2004. 116 p.
191. Buzuev O.A. *Tvorchestvo Valeriya Pereleshina: Monografiya* [The Creativity of Valery Pereleshin: monograph]. Komsomolsk-na-Amure: Izd-vo KnAGPU, 2003. 121 p.
192. Chernaya L.A. *Istoriya kul'tury Drevney Rusi* [History of the culture of Ancient Russia]. Moscow: Logos, 2007. 288 p.
193. Chernysheva T.A. Fiction and modern natural philosophical creativity. *Khudozhestvennoe tvorchestvo. Sbornik* [Artistic creativity. Collection]. Leningrad, 1983. Pp. 58–76.
194. Chernysheva T.A. *Priroda fantastiki* [The nature of fiction]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkut. un-ta, 1985. 336 p.
195. Chuchin-Rusov A.E. New cultural landscape: postmodernism or neo-archaic? *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1999. No. 4. Pp. 24–41.
196. Dannenberg A.N. Religions of the transitional type (based on the material of Afro-Cuban religious syncretism). *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za Rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2011. No. 3–4. P. 34.
197. De Brosses Ch. *O fetishisme* [On fetishism]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 208 p.
198. Derevyanko A.P. Formation of a modern anatomical species and its behavior in Africa and Eurasia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography, and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, 2011. No. 3(47). Pp. 3–31.
199. Diao Shaohua. A brief review of the history of the Russian press in Harbin. *Revue des études slaves*. 2001. Vol. 73. No. 2–3. Pp. 405–445.
200. Dmitriev Yu.A. Mnemonics. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/234.htm> (accessed: 20.12.2020).
201. Dodonov R.A. *Teoriya mental'nosti: uchenie o determinantakh: Monografiya* [Theory of mentality: The doctrine of determinants: Monograph]. Zaporozh'e: Tandem-U, 1999. 264 p.

202. Dubaev M.L. *Kharbinskaya tayna Rerikha. N.K. Rerikh i russkaya emigratsiya na Vostoke* [Harbin mystery of Roerich. N.K. Roerich and the Russian emigration in the East]. Moscow: Izdatel'stvo Dukhovnoy Literatury; Sfera Publs., 2001. 576 p.
203. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Primitive forms of religious life: totemic system in Australia.]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS, 2018. 736 p.
204. Dyabkin I.A. Cultural traditions of the Chinese in the perception of the Far Eastern writer-emigrant: The story of P. A. Severny "The porcelain Chinese shakes his head". *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2015. No. 6. Pp. 161–166.
205. Dyabkin I.A. *Neomifologizm kak etnoreligioznyy fenomen kul'tury dal'nevostochnogo zarubezh'ya): dis. ... kand. filos. nauk* [Neomifologizm as an ethno-religious phenomenon of the culture of the Far Eastern Abroad): PhD Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2014. 186 p.
206. Dyabkin I.A. Neomythological transformations of the image of bandit in the literary ethnography of Russian Harbin. *Rossiya i Kitay na dal'nevo-stochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'-turnogo vzaimodeystviya. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Russians and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk, 2012. No. 9. Pp. 240–248.
207. Dyabkin I.A. Religious connotations of images of China and the Chinese in Far-Eastern folklore. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013. No. 1. Pp. 172–183.
208. Dybbuk. *Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya* [Electronic Jewish Encyclopedia]. URL: <http://eleven.co.il/judaism/mystic-kabbalah-magic/11427/> (accessed: 04.03.2018).
209. Educational institutions. *Moy Kharbin* [My Harbin]. URL: <http://myharbin.name/> (accessed: 18.06.2019).
210. Efendieva G.V. "Deceptively simple" poetess (about the poetic world of Larissa Andersen). *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin, imprinted in word]. Blagoveshchensk, 2009. Pp. 123–135.

211. Efendieva G.V. Biblical images and motifs in the poetry of Olga Teltoft. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2003. Pp. 334–340.
212. Efendieva G.V. *Khudozhestvennoe svoeobrazie zhenskoy liriki vostochnoy vetvi russkoy emigratsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic originality of women's lyrics of the Eastern branch of Russian emigration: PhD Thesis in Philology]. Moscow, 2006. 219 p.
213. Efendieva G.V. Poetical religiosity of Russian emigrant poetesses (according to the pages of Harbin lyrics). *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2006. No. 4. Pp. 109–118.
214. Efendieva G.V. Religious bases of the women's lyrics of Russian Harbin. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the scientific school and the International science conference]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2009. Pp. 289–302.
215. Efendieva G.V. The problem of ethnic identification of emigrant poets of Russian Harbin. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 2011. No. 1 (224). Pp. 72–78.
216. Efendieva G.V. What did Russian Harbin read? (On the literary tastes of the Russian eastern abroad of the 1920–1930s). *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 6. K 70-letiyu professora V.V. Agenosova: Sbornik nauchnykh rabot* [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 6. To the 70th anniversary of Professor V.V. Agenosov: Collection of scientific papers]. Eds. A.A. Zabayako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2012. Pp. 182–194.
217. Efimenko P.S. *O Yarile, yazycheskom bozhestve russkikh slavyan* [About Yarilo, pagan deity of the Russian Slavs]. St. Petersburg: Tip. Maykova, 1868. 36 p.
218. Eisenstadt Sh. New religious constellations in the structures of modern globalization and civilizational transformation. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'* [State. Religion. Church]. 2012. No. 1 (30). Pp. 33–56.

219. Elbakyan E.S. New religious movements of postmodern era: dynamics of new age organizations (the case of “Radasteya”). *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018. No. 1. Pp. 36–51.
220. Elbakyan E.S. Quasi-religiosity. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus Pubs., 2008. P. 649.
221. Elbakyan E.S. Religiosity. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious studies: encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. Pp. 868–869.
222. Eleonskaya E.N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov* [Fairy tale, charm and witchcraft in Russia. Collection of works]. Moscow: Indrik Publ., 1994. 272 p.
223. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth] Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. 256 p.
224. Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey. V 3-kh tomakh* [History of faith and religious ideas. In 3 vols.]. Moscow: Kriterion Publ., 2002.
225. Eliade M. *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected writings. Essays on comparative religion]. Moscow: Ladomir Publ., 1999. 488 p.
226. Eliade M. *Mefistofel' i androgin* [Mephistopheles and androgynes]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 374 p.
227. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow, 1994. 144 p.
228. El'kina E.E., Sterledev R.K. Transphysical vision of the world and man in new models of reality cognition. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture. Sbornik v chest' 90-letiya professora M.I. Shakhnovicha. Seriya “Mysliteli”* [The Meanings of myth: mythology in history and culture. Collection in honor of the 90th anniversary of Professor M.I. Shakhnovich. “Thinkers” series]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 2001. Vol. 8. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/elkina/misl8_54.html (accessed: 06.05.2019).

229. Emel'kina I.V. *Rossiyskiy mentalitet: sushchnost', ob'em ponyatiya i sotsial'naya rol': avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Russian mentality: the essence, scope of the concept and social role: abstract of DSc Thesis in Philosophy]. Moscow, 2011. 52 p.
230. Emel'kina I.V. *Sotsial'no-deyatel'nostnaya rol' rossiyskogo mentaliteta: monografiya* [Socio-active role of the Russian mentality: monograph]. Saransk: Vektor – Print Publ., 2010. 197 p.
231. Engels F. *Anti-Duhring. Sochineniya. Vol. 20* [Writings. Vol. 20]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961. Pp. 5–343.
232. Ershov D.V. *Khunkhuzy: neob'yavlenneya voyna. Etnicheskiy banditizm na Dal'nem Vostoke* [Honghuzi: the undeclared war. Ethnic banditry in the Far East]. Moscow, 2010. 280 p.
233. Famintsyn A.S. *Bozhestva drevnikh slavyan* [Deities of the ancient Slavs]. St. Petersburg: Tip. E. Arngol'da, 1884. 331 p.
234. Febvre L. *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 632 p.
235. Fetiskin V.V. Primeval syncretism. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2002. No. 2 (27). Pp. 121–137.
236. Feuerbach L. The essence of Christianity. *Sochineniya v 2-kh t. Vol. 2* [Writings in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1995. 425 p.
237. Filaret (Gumilevsky, D.G.) *Istoriya russkoy tserkvi. Sochinenie Filareta Gumilevskogo, arkhiepiskopa Chernigovskogo: [v 5 periodakh (988–1826)]* [History of the Russian Church. Essay by Filaret Gumilevsky, Archbishop of Chernigov: [5 periods (988–1826)]]. St. Petersburg: I.L. Tuzov, 1894.
238. Filatov M.V. Messianship and messianism in Russian religious philosophy of the early 20th century. *Lesnoy vestnik* [Forest bulletin]. 2002. No. 3. Pp. 157–160.
239. Phillipov V.L. Creative thinking in the coordinate system of the meaning of the picture of the world. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 3 (51). Kemerovo, OOO PK “OFSET” Publ., 2012. Pp. 257–261.
240. Frazer J.J. Preface to the second edition of “The Golden bough”. *Religiovedenie. Khrestomatiya* [Study of Religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. Pp. 406–421.

241. Freud S. *Totem i tabu* [Totem and taboo]. Moscow: AST Publ., 2009. 317 p.
242. Fromm E. *Dusha cheloveka* [The soul of man]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 430 p.
243. Galich M. *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsiy* [History of pre-Columbian civilizations]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 407 p.
244. Gal'kovskiy N.M. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevney Rusi: v 2-kh t.* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia: in 2 vols.]. Kharkov, Moscow, 1913–1916.
245. Gartung T.S. Childhood memories. *Voprosy istorii Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi i goroda Kharbina (120-letie stroitel'stva): sb. nauch. trud.* [Questions of the history of the Chinese-Eastern Railway and the city of Harbin (120th anniversary of construction): collection of scientific works]. Eds. A.M. Buyakov, I.K. Kapran, M.B. Serdyuk. Vladivostok, 2018. Pp. 18–30.
246. Gavrilova Yu.V. Features of historical forms of religious syncretism. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2019. Vol. 14. No. 2. Pp. 73–80.
247. Gavrilova Yu.V. Reasons for the formation of religious syncretic systems. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015. No. 6. Pp. 14–18.
248. Gavrilova Yu.V. The external natural as a factor in the formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 4 (24). Pp. 50–54.
249. Gavrilova Yu.V. The structure of factors of formation of religious consciousness. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2010. No. 22. Pp. 168–173.
250. Gezalyan I.G. Transformation of religiosity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2011. No. 1 (101). Pp. 152–157.
251. Gobozova V.I. *Religioznyy sinkretizm v istorii dukhovnoy kul'tury Osetii: dis. ... kand. filos. nauk* [Religious syncretism in the history of spiritual culture of Ossetia: PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 1996.
252. Golovin S.A. The results of the initial stage of the Russian Spiritual mission in China in the 18th – early 19th centuries (1715/16–1807). *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*

- [Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the 3rd International Science and Practice Conference]. Blagoveshchensk, 2013. Pp. 22–33.
253. Golubinskiy E.E. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, 1901. Vol. 1.
254. Gorbenko A.Yu., Demina E.V. Genesis and essence of the concepts “mentality” “social mentality”. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Adygeya State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. 2015. No. 4 (169). Pp. 15–22.
255. Grishaeva E.I., Farkhitdinova O.M., Khaziev G.P. From secular to post-secular: Eclecticism of religious consciousness of believers in modern Russia. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. 2015. No. 3. Vol. 2. Pp. 143–152.
256. Gudoshnikova O.Yu. The development of generic human universality and artistic culture: from the primitive syncretism to “post-modern” one. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10097> (accessed: 10.05.2019).
257. Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola “Annalov”* [Historical synthesis and The Annales School]. Moscow; St. Petersburg, 2014. 432 p.
258. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. 350 p.
259. Gurevich A.Ya. The problem of mentalities in modern historiography. *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [Universal history: Discussions and new approaches]. Moscow, 1989. Pp. 75–89.
260. Gurevich A.Ya., Shul'man V.I. Mentality, way of thinking. *Kul'turologiya XX v. Entsiklopediya* [Culturology of the 20th century. Encyclopedia]. Moscow, 2007. Vol. 1.
261. Gurevich P.S. *Sotsial'naya mifologiya* [Social mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 175 p.
262. Gusev I.V. *Vozdeystvie sovremennykh form religioznogo sinkretizma na dukhovnyuyu zhizn' KNR: na primere sekty “Falun'gun”*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [The impact of modern forms of religious syncretism on the spiritual life of the People's

Republic of China: on the example of the Falun Gong Sect: abstract of PhD thesis in Social Sciences]. Moscow, 2004. 21 p.

263. Hume D. *Sochineniya v 2-kh tomakh. Vol. 1* [Writings on 2 vols. Vol 1]. Moscow, 1996. 733 p.

264. Isakova N.V., Embulaeva L.S. On the question of the tradition of mysticism in Russia. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. 2017. No. 134 (10). Pp. 4. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf> (accessed: 02.12.2020).

265. Ivanov V.V. Snake. *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. Vol. 1. A–K. Pp. 468–471.

266. Ivanova I.I. Dvoeverie. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religions]. Moscow, 2008. Pp. 353–354.

267. Ivashchenko E.G. “Lost illusions” of Boris Yulsky. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. st.* [Russian Harbin, imprinted in word: collection of articles]. Eds. A.A. Zabayako, E.A. Oglezneva. Blagoveshchensk: Amursk. gos. un-t, 2006. Pp. 102–124.

268. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [The varieties of religious experience]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2017. 416 p.

269. Jung C.G. *O psikhologii vostochnykh religiy i filosofiy* [On the psychology of Eastern religions and philosophies]. Moscow: MEDIUM Publ., 1994. 294 p.

270. Kabo V.R. *Krug i krest: Razmyshleniya etnologa o pervobytnoy dukhovnosti* [Circle and cross: Reflections of an ethnologist on primitive spirituality]. Canberra: Alcheringa Publ., 2002.

271. Kabo V.R. Nature and primitive consciousness. *Priroda* [Nature]. 1981. No. 8. Pp. 88–95.

272. Kabo V.R. Syncretism of primitive art (materials of Australian fine art). *Rannie formy iskusstva* [Early forms of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. Pp. 275–299.

273. Kagan M.S. *Morfologiya iskusstva* [Morphology of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. 440 p.

274. Kagan M.S. On the essence of man again. *Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizatsii mira. Sb. statey* [Alienation of man in the perspective of globalization of the world. Collection of articles]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2001. Vol. I. Pp. 48–67. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/essence.html> (accessed: 02.10.2018).
275. Kapran I.K. Conditions of life of Russian Harbin residents in the 1930–1940s. *Lyu-bimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Harbin-Vladivostok, 2019. Pp. 68–73.
276. Kapustin N.S. *Osobennosti evolyutsii religiy (na materialakh drevnikh verovaniy i khristianstva)* [Features of the evolution of religions (based on the materials of ancient beliefs and Christianity)]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 222 p.
277. Kargina I.G. New religiosities: sociological reflections. *Vestnik MGIMO. Sotsiologiya* [Bulletin of MGIMO University. Sociology]. 2012. No. 2. Pp. 186–193.
278. Katerny I.V. On the way to a new religious picture of the world. *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii: Materialy raboty septsii molodykh uchenykh “Filosofiya i zhizn”* [Philosophy of the 20th century: schools and concepts: Materials of the work of the section of young researchers “Philosophy and Life”]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. Pp. 100–102. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/katerny_iv/phillife2000_036.html (accessed: 12.08.2017).
279. Khamayko N. Old Russian “dvoeverie”: origin, meaning and adequacy of the term. *Ruthenica*. Kiev: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2007. No. 6. Pp. 86–114.
280. Kharuzina V.N. Notes on the use of the word fetishism. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1908. No. 1–2.
281. Kharuzina V.N. On the question of the worship of fire. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1906. No. 3–4.
282. Khisamutdinov A.A. Literary pseudonyms of Russian emigrants in China: materials for the reference book. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 7. Kul'tura i literatura dal'nevostochnoy emigratsii v arkhivakh, pis'makh, vospominaniyakh* [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 7. Culture and Literature of the Far Eastern emigration in archives, letters, and memoirs]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2017. Pp. 95–138.

283. Khisamutdinov A.A. *Po stranam rasseyaniya: Monografiya: v 2 ch. Ch. 1. Russkie v Kitae* [On the countries of dispersion: monograph. In 2 parts. Part 1. Russians in China.]. Vladivostok: VGUES Publ., 2000. 360 p.
284. Khisamutdinov A.A. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Opyt entsiklopedii* [Russian emigration in China: The encyclopedia experience]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2002. 360 p.
285. Khisamutdinov A.A. Russian Diaspora in the Far East: from communities in China and Japan to America and Australia. *Russkiy Kharbin, zapechatlenny v slove. Vyp. 5. Problemy istochnikovedeniya i tekstologii* [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 5. Problems of source and text studies]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2012. Pp. 203–215.
286. Khisamutdinov A.A. Russian ethnographers-emigrants in Manchuria, their works and destinies. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 2. Pp. 62–75.
287. Khisamutdinov A.A. Russian periodical press in Harbin. *Oikumena* [Oikumene]. 2016. No. 2. Pp. 154–167.
288. Khisamutdinov A.A. *Russkaya shkola v Kitae* [Russian School in China]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2018. 70 p. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwIU5JWq383vAVx-wosKHXvIDnkQFjAAegQIBBAD&url=https%3A%2F%2Fevols.library.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2F10524%2F60127%2F%25D1%2580%25D1%2583%25D1%2581%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25B8%25D0%25B5%2520%25D1%2588%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%258B%2520%25D0%25B2%2520%25D0%259A%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B52.pdf&usg=AOvVaw10CXT-SYe3yE_gMRVuqYsF (accessed: 15.05.2019).
289. Khisamutdinov A.A. *Russkie literaturnyye-emigranty v Kitae: Materialy k slovaryu (1-ya polovina XX v.)* [Russian emigrant writers in China: Materials for the dictionary (1st half of the 20th century)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2017. 127 p. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>.

290. Khisamutdinov A.A. *Russkie muzykanty v Kitae* [Russian musicians in China]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjAvurZ4M3vAhUpx4sKHb8aCyEQFjAAegQIBRAD&url=https%3A%2F%2Fevols.library.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2F10524%2F48730%2FRusskie%2520muzykanty%2520v%2520Kitae.pdf&usg=AOvVaw0jUgIOh6CNcC8zaB5ab7BV> (accessed: 15.05.2019).
291. Khisamutdinov A.A. *Russkie v Kitae, Koree, Yaponii i na Tikhookeanskom poberezh'e SShA: monografiya* [Russians in China, Korea, Japan and on the Pacific coast of the USA: monograph]. Ed. T.V. Prudkoglyad. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (accessed: 15.05.2019).
292. Khisamutdinov A.A. Sinologist P. V. Shkurkin: “Not for the general public, but for Orientalists and East-lovers”. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Bulletin of the Oriental Institute]. 1996. No. 3. Pp. 150–160.
293. Khisamutdinov A.A. *Zhizn' i priklyucheniya sinologa P.V. Shkurkina: monografiya* [The life and adventures of sinologist P.V. Shkurkin: monograph]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2015. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (accessed: 04.05.2020).
294. Khudoley N.V. East and West: culture, mentality, literature (on the example of a comparative analysis of literary texts of the Middle Ages). *Vestnik KrasGAU* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University]. 2014. No. 8. Pp. 231–235.
295. Kim E. Across the world (Nikolai Baikov. Fate and creativity). Baikov N.A. *Velikiy Van: povest'; Chernyy kapitan: roman* [The Great Wang: a novel; The Black Captain: a novel]. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh”, 2009. Pp. 9–52.
296. Kirillova E.O. Creativity of the writer of the Far Eastern emigration N.A. Baikov as an example of cultural interaction in the conditions of cross-border relations. Regional image of the sacred tree. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 4 (73). Pp. 92–98.
297. Kirillova E.O. Eastern themes, motives, images in the work of the poet and prose writer of the Russian Far Eastern emigration Mikhail Shcherbakov. *Lingvostranovedcheskie, sotsiokul'turnye i lingvisticheskie aspekty v izuchenii i prepodavanii inostrannogo*

yazyka i literatury: Sb. nauch. trud. po mat. Pervoy sovместnoy mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii Tamkanskogo universiteta (Tayvan') i Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta (Vladivostok) 4–7 dekabrya 2014 goda [Cultural-linguistic, sociocultural and linguistic aspects in the study and teaching of a foreign language and literature: proceedings of The First Joint International Philological Conference of Tamkan University (Taiwan) and Far Eastern Federal University (Vladivostok) on December 4–7, 2014]. Taiwan: Izdatel'stvo fakul'teta russkogo yazyka i literatury TKU, 2015. Pp. 11–31.

298. Kirillova E.O. Images of escapism, contemplation, and hermitry in the literature of the Russian diaspora of the Far East (on the example of the works of B. Yulsky). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 2. Pp. 70–74.

299. Kirillova E.O. Intercultural interaction in the literature of the Russian Far-Eastern emigration: Oriental mythology of Boris Yulsky. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2017. No. 3 (97). Pp. 146–158.

300. Kirillova E.O. Interweaving of cultural spaces of the East and West in the work of the writer of the Russian diaspora B. Yulsky. *Vestnik Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 5 (74). Pp. 81–89.

301. Kirillova E.O. Japanese images in the works of Far Eastern writers. The story “Iri-nari” by M.V. Shcherbakov. *Materialy XXXIII Rossiysko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ekonomistov DVO RAN i rayona Kansay (Yaponiya). 31 avgusta – 1 sentyabrya 2017 g., Vladivostok. Sbornik statey* [Proceedings of the 33rd Russian-Japanese Symposium of Historians and Economists of the FEB RAS and the Kansai region (Japan). August 31 – September 1, 2017, Vladivostok]. Eds. Larin V.L., V. Ujimoto, V.V. Kozhevnikov. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018. Pp. 78–88.

302. Kirillova E.O. Motifs of escape from reality, contemplation, and hermitage in the literature of the Russian diaspora of the Far East (on the example of the works of B. Yulsky). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 2. Pp. 70–74.

303. Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zaRubezh'ya Dal'nego Vostoka* (B.M. Yulsky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): *monografiya* [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian Far East abroad (B.M. Yulsky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): monograph]. Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 2015. 276 p.
304. Kirillova E.O. Representation of sacred Chinese and Tungus-Manchu images of animals and plants in the work of the Russian writer-emigrant B. Yulsky. *Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: Vestnik fakul'teta russkogo yazyka i literatury Universiteta kitayskoy kul'tury* [Russian language and literature study and teaching problems: Bulletin of the Faculty of the Russian Language and Literature of the University of Chinese Culture]. Eds. Li Simei, Andrienko E.V. Taipei, 2016. Vol. 17. Pp. 135–158.
305. Kiselev G.S. *Novaya religioznost' kak problema soznaniya* [New religiosity as a problem of consciousness]. URL: http://www.gskiselev.com/Articles/article05_Novaja%20religioznost.html (accessed: 12.08.2017).
306. Kiselev G.S. *Sovremennyy mir i novoe religioznoe soznanie* [Modern world and new religious consciousness]. URL: http://www.gskiselev.com/Articles/article10_Sovremennyi%20mir.html (accessed: 12.08.2017).
307. Kislitsyn K.K. Magic realism. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2011. No. 1. Pp. 274–277.
308. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoy istorii: v 3-kh t.* [Course of Russian history: in 3 vols.]. Moscow, 1908–1916.
309. Knyazeva K. *Raduzhnyy khram na Nankinskoy ulitse* [Rainbow Temple on Nanking Street]. URL: <https://magazeta.com/arc-rainbow-temple/> (accessed: 02.09.2020).
310. Kolesnikov A.C., Strizhak Yu.N. *Rossiya i Vostok v protoevraziystve E.E. Ukhtomskogo* [Russia and the East in proto-Eurasian thought of E.E. Ukhtomsky]. Moscow: “KnoRus” Publ., 2021, 278 p.
311. Kolesnikov A.S. *Filosofskaya komparativistika: Vostok-Zapad* [Philosophical comparative studies: East-West]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. 390 p.

312. Kolesnikov A.S. Methodology of comparative study of philosophy and culture of the East. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2008. Vol. 9. No. 1. Pp. 19–29.
313. Kolesnikov A.S., Strizhak Yu.N. Personalities of the dialogue of cultures of Russia and the East: E.E. Ukhtomsky. *Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O.O. Rozenderga. Doklady, statyi, publikatsii dokumentov* [The fourth Oriental readings in memory of O.O. Rosenberg. Reports, articles, publications of documents]. St. Petersburg, 2011. Pp. 156–167.
314. Kolesnikov A.S., Strizhak Yu.N. West, Russia, East in Geopolitical Essayistics of E.E. Ukhtomsky. *Pyatye vostokovednye chteniya pamyati O.O. Rozenderga. Trudy uchastnikov konferentsii* [Fifth Oriental readings in memory of O.O. Rosenberg. Proc. of the participants of the science conference]. St. Petersburg: A. Golod Publ., 2012. Pp. 206–220.
315. Kolesov V.V. Russian mentality on the background of Western European one. *Obraz mira v zerkale yazyka* [Image of the world in the mirror of language]. 2014. No. 1. Pp. 5–16.
316. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 p.
317. Kononenko A.A. *Personazhi slavyanskoy mifologii* [Characters of Slavic mythology]. Kiev: Korsar Publ., 1993. 208 p.
318. Konovalov D.G. Religious ecstasy in Russian mystical sectarianism. Pt. 1. Iss. 1. Physical phenomena in the picture of sectarian ecstasy. *Bogoslovskiy vestnik. 1907–1908* [Theological bulletin. 1907–1908]. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoy Lavry, 1908. 256 p.
319. Kontaleva E.A. Chinese mythology in the work of the Russian emigrant writer B.M. Yulsky. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Rossii i Kitaya: voprosy izucheniya, sokhraneniya i razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (26 maya 2021 goda)* [Historical and cultural heritage of Russia and China: issues of study, preservation and development: Proc. of materials of the International

Science and Practice Conference (May 26, 2021)]. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2021. Pp. 99–104.

320. Kontaleva E.A. Ethnographic studies of P.V. Shkurkin: religious and cult features of the culture of foreign tribes of China. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2020. No. 4. Pp. 83–94.

321. Kontaleva E.A. Features of frontier mentality in the life-building and creative work of Russian emigration in Northeast China. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya. Vyp. 13. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and Cultures of Northeast China. Vol. 13. Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2020. Pp. 402–409.

322. Kontaleva E.A. Features of religion in the era of postmodernism. *Sbornik materialov Rossiyskoy natsional'noy nauchnoy konferentsii "Sovremennye problemy nauki", 22 dekabrya 2017 g.* [Collection of materials of the Russian national scientific conference "Modern problems of science", December 22, 2017]. Blagoveshchensk: AmGU, 2017. Pp. 114–116.

323. Kontaleva E.A. Historiography of the study of religious syncretism: national and international approaches. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "LOMONOSOV-2017"* [Materials of the International youth science forum "LOMONOSOV-2017"]. Eds. I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. Moscow: MAKSS Press, 2017.

324. Kontaleva E.A. Occultism and mysticism in the pages of Harbin periodics (on materials of the journal "Rubezh"). *Religiovedenie* [Study of religion]. 2018. No. 2. Pp. 140–153.

325. Kontaleva E.A. Religious and syncretic foundations of the mentality of Russian emigrants (on the example of literary and ethnographic prose by N.A. Baikov and P.V. Shkurkin). *Religiovedenie* [Study of religion]. 2020. No. 3. Pp. 45–54.

326. Kontaleva E.A. Religious syncretism in the culture of Russian emigration in Harbin. *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Favorite Harbin – the city of friendship of Russia and China]. Vladivostok, 2019. Pp. 306–317.
327. Kontaleva E.A. Religious syncretism in the interpretation of Russian and foreign researchers. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2017. No. 2. Pp. 62–78.
328. Kontaleva E.A. Religious syncretism of Harbin Russians: forms of political radicalism. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2020. No. 1. Pp. 43–66.
329. Kontaleva E.A. Syncretism and identitarianism of the Boxer movement. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian emigration in China: the exodus experience]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018. Vol. 12. Pp. 294–306.
330. Kosareva A.B. Psychological mechanisms of culture. *Studia culturae*. St. Petersburg, 2001. No. 1. Pp. 135–146. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kosareva/studia01_09.html (accessed: 15.06.2017).
331. Kostina A.G. Logocentrism in the Russian mentality: on the question of the meaning of the word in Russian culture. *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2006. No. 1. Pp. 269–271.
332. Kovtun E.N. *Khudozhestvennyy vymysel v literature XX veka* [Artistic fiction in the literature of the 20th century]. Moscow: Vyssh. shkola Publ., 2008. 400 p.
333. Kozina T.N. Russian mentality: an archetypal approach. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Penza State University]. 2015. No. 3(11). Pp. 9–12.
334. Kozlov A.S. Myth and its modern interpretations. *Visnik SevNTU. Vol. 102: Filologiya* [Bulletin of Sevastopol State University. Vol. 102: Philology]. Sevastopol: Vid-vo SevNTU, 2010. Pp. 44–48.
335. Kradin N.P. *Kharbin – russkaya Atlantida* [Harbin – Russian Atlantis]. Khabarovsk: Khvorov A.Yu. Publ., 2001. 352 p.
336. Kravchenko V.V. *Mistitsizm v russkoy dukhovnoy kul'ture XIX – nachala XX veka: dis. ... d-ra filos. nauk* [Mysticism in the Russian spiritual culture of the 19th – early 20th century: DSc Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 1998. 381 p.

337. Kravchuk L.A. Syncretic religious teachings: history and modernity. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2002. No. 4. Pp. 141–145.
338. Krinichnaya N.A. Initiation into sorcerers: Historical and ethnographic basis of Russian mythological stories about the transmission and assimilation of esoteric knowledge. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2002. No. 2. Pp. 10–23.
339. Krinichnaya N.A. *Krest'yanin i prirodngaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'shchiny i pover'ya Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii* [The peasant and natural environment in the light of mythology. True stories, life stories and beliefs of Russian North: Studies. Texts. Commentaries]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2011. 632 p.
340. Krinichnaya N.A. *Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology. The world of images of folklore]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Gaudemaus Publ., 2004. 1008 p.
341. *Kritika religioznogo sektantstva (Opyt izucheniya religioznogo sektantstva v 20-kh – nachale 30-kh godov)* [Criticism of Religious Sectarianism (Experience of studying religious Sectarianism in the 20s – early 30s)]. Ed. A.I. Klibanov. Moscow, 1974.
342. Krotova M.V. From the history of the conflict on the Chinese Eastern railway: the Chinese concentration camp for Soviet citizens. *Novyy istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]. 2013. No. 35. Pp. 33–47.
343. Krotova M.V. Russian immigrants in interwar Manchuria: manipulations with citizenship as a strategy of survival. *Novyy istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]. 2012. No. 32. Pp. 66–83.
344. Kryukov M.V. Yizu. *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1999. P. 203.
345. Kryzhanskaya K.A. Multireligious character of the artistic space of A. P. Haydock's collection “The Stars of Manchuria”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern Borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 241–248.

346. Kryzhanskaya K.A. Mysticism, palmistry, and superstition in the daily life of the Blagoveshchensk people of the 10s of the 20th century (based on the materials of the periodical press of those years). *Losevskie chteniya-2010. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Losev Readings-2010. Materials of the regional science and practice conference]. Ed. A.V. Urmanov. 2010. Pp. 42–54.
347. Kryzhanskaya K.A. The mystical principle in the prose of Harbin writers. *Vestnik AmGU* [Bulletin of AmSU]. Blagoveshchensk, 2008. No. 42. Pp. 99–101.
348. Kryzhanskaya K.A. Theosophical search in Harbin culture. *Russkiy Kharbin, zapechatlenny v slove. No. 3. Literaturovedcheskaya rossika: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 95-letiyu L. Andersen* [Russian Harbin, imprinted in word. Iss. 3. Literary criticism of Russia: A collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of L. Andersen]. Eds. A.A. Zabyako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2009. Pp. 42–47.
349. Kryzhanskaya K.A. Theosophy and Agni Yoga in the works of A.P. Haydock as a form of ethno-cultural self-identification. *Rossiya i Kitay na dal'nevo-stochnykh Rubezhakh: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu. Sbornik materialov nauchnoy shkoly i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation. Collection of materials of the science school and the international science conference]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. No. 8. Pp. 393–403.
350. Kudryashov G.E. *Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashey* [Dynamics of polysyncretic religiosity: the experience of historical-ethnographic and concrete-sociological research of the genesis, evolution and death of religious remnants of the Chuvash People]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1974. 355 p.
351. Kullanda S.V. *Indoneziyskie sinreticheskie sekty* [Indonesian syncretic sects]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2010295.
352. Kunz J.F. *Dragotsennyye kamni v mifakh i legendakh* [Precious stones in myths and legends]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2008. 320 p.

353. Kuprienko S.A. *Istochniki XVI–XVII vekov po istorii inkov: khroniki, do-kumenty, pis'ma* [Sources of the 16th – 17th centuries on the history of the Incas: chronicles, documents, letters]. Kiev: Vidavets' Kuprienko S.A., 2013. 418 p.
354. Kurto O.I. Russian historiography of the Russian presence in China. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the state in China]. 2012. No. 1. Pp. 301–308.
355. Kurto O.I. *Russkiy mir v Kitae: istoricheskiy i kul'turnyy opyt vzaimo-deystviya russkikh i kitaytsev* [Russian World in China: historical and cultural experience of interaction between Russians and Chinese]. Moscow: Nauka Publ., 2013. 375 p.
356. Kutepov K. *Sekty khlystov i skoptsov* [Sects of Khlysts and Skopets]. Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1882. 576 p.
357. Kyrzhelev A. *Religiya v sovremennom mire: itogi veka* [Religion in the modern world: the results of the century]. URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/1553> (accessed: 17.09.2017).
358. Ladygina O.M. *Kul'tura mifa* [Culture of myth]. Moscow: NOU “Polyarnaya Zvezda” Publ., 2000. URL: <http://www.monsalvat.globalfolio.net/rus/dominator/arthur/ladigina/ladigina01.php> (accessed: 17.09.2017).
359. Lang A. The formation of religion. *Religiovedenie. Khrestomatiya* [Study of religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. Pp. 373–405.
360. Latyshev D.M. Religious syncretism: the main conditions and causes of occurrence. *Filosofiya v XXI veke: vyzovy, tsennosti, perspektivy: Sbornik nauchnykh statey* [Philosophy in the 21st century: challenges, values, prospects: collection of scientific articles]. Yekaterinburg: “Maks-Info” Publ., 2016. Pp. 299–303.
361. Lemeshko L.G. Religious syncretism as one of the laws of the historical development of religion (based on the materials of religious beliefs of Ossetians). *Nauchnyy ateizm, etika, estetika. Programma i kratkoe sodержanie dokladov. 13–28 aprelya 1971 g.* [Scientific atheism, ethics, aesthetics. Program and summary of the reports. April 13–28, 1971]. Leningrad: LGU, 1971. Pp. 29–40.
362. Lemeshko L.G. *Teoreticheskiy i nauchno-prakticheskiy aspekty religioznogo sinkretizma (na materialakh Severo-Osetinskoy ASSR)* [Theoretical and scientific-

practical aspects of religious syncretism (based on the materials of North Ossetian ASSR)]. Leningrad, 1974.

363. Levchenko A.A., Zabayko A.A. Ethnic migrations and socio-cultural realities of Northern Manchuria in the first half of the 20th century (V. Mart. Cycle “Yellow Slave Girls”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. No. 11. Pp. 337–351.

364. Levin I. *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dvoeverie and folk religion in the history of Russia]. Transl. A.N. Toporkov, Z.N. Isidorova. Moscow: Indrik Publ., 2004. 216 p.

365. Levinskaya I.A. Syncretism: term and phenomenon. *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: theology, culture, education]. 1998. No. 3(4). Pp. 558–567.

366. Levi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika, 1994. 384 p.

367. Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Vost. lit-ra Publ., 1995. 536 p.

368. Levoshko S.S. *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. Late 19th – first half of the 20th century]. Khabarovsk, 2003. 176 p.

369. Levy-Bruhl L. Mystical experience and symbols of primitive people. *Religiovedenie. Khrestomatiya* [Study of religion. Chrestomathy]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. Pp. 633–656.

370. Levy-Bruhl L. *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.

371. Li Yanling. About the literature of Russian emigration in China. *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Harbin-Vladivostok, 2019. Pp. 12–15.

372. Li Yingnan. The Chinese and nature: about some features of the Chinese mentality. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2013. Vol. 10. Pp. 39–51.
373. Lidin N. Russian emigration in the Far East. *Russkie zapiski* [Russian notes]. Paris-Shanghai, 1937. Part 1. Pp. 311–321.
374. *Literatura russkikh emigrantov v Kitae: V 10 t.* [Literature of Russian emigrants in China: In 10 vols.]. Comp. Li Yangleng. Beijing: Kitayskaya molodezh', 2005.
375. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2007. 468 p.
376. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 962 p.
377. Lotman Yu.M. *O poetakh i poezii* [On poets and poetry]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 1996. 848 p.
378. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of artistic text]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 387 p.
379. Lyutova N.K. Far Eastern journal “Rubezh”. *Knizhnye svideteli bylykh vremen (redkie i tsennye izdaniya v fondakh Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki* [Book witnesses of bygone times (rare and valuable publications in the funds of the Far Eastern State Scientific Library)]. Khabarovsk, DVGNB, 2017. Pp. 437–445.
380. Magomedova E.A., Yusupov Yu.G. The problem of mentality in humanitarian knowledge: basic approaches. *Yug Rossii: ekologiya, razvitiye* [The South of Russia: ecology, development]. 2011. No. 1. Pp. 25–30.
381. Makhova M.N. Some philosophical and worldview foundations of contemporary religious consciousness. *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo Readings]. 2012. No. XVI. Vol. III. Pp. 217–222.
382. Maksimov S.V. *Krestnaya, nevedomaya i nechistaya sila* [Cross, unknown and impure power]. St. Petersburg, 1903. 526 p.
383. Malakhov V.S. Postmodernism. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. I.T. Frolov. Moscow, 2001. P. 444.

384. Malinowsky B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and religion]. Moscow: Refl-buk Publ., 1998. 304 p.
385. Matorin N., Nevskiy A. Program for the study of “Orthodox paganism” (religious syncretism among the peoples of the USSR who adopted Orthodoxy “dvoeverie”) in Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 253–272.
386. Matorin N., Nevskiy A. *Programma dlya izucheniya bytovogo pravoslaviya* [Program for the study of popular Orthodoxy]. Leningrad, 1930.
387. Matorin N.M. *Zhenskoe bozhestvo v pravoslavnom kul'te. Pyatnitsa-bogoroditsa: ocherk po sravnitel'noi mifologii* [Female deities in the Orthodox Cult. Pyatnitsa-Theotokos: Essay on comparative mythology]. Moscow, 1931.
388. Matorin N.M. On the issue of methodology for studying religious syncretism in Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul'turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science. Study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016.
389. Matorin N.M. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraya prezhde i teper'* [Religion among the peoples of the Volga-Kama region then and now]. Moscow: Akts. izd. o-vo “Bezbozhnik”, 1929. 174 p.
390. Meletinsky E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Vost. lit-ra Publ., 2000. 407 p.
391. Melikhov G.V. *Belyy Kharbin* [White Harbin]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2003. 440 p.
392. *Mental'nost' i izmenyayushchiysya mir: Kollektivnaya monografiya* [Mentality and the changing world: A collective monograph]. Ed. M.V. Pimenova. Sevastopol: Ribest Publ., 2009. 504 p.
393. Mikhelson O.K. Syncretic religions. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3664464 (accessed: 19.10.2017).

394. Mokshin N.F. Religious syncretism among the Mordvins. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 49–57.
395. Moscovici S. Social representation: historical view. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 1995. No. 2. Pp. 3–14.
396. *Moy Kharbin* [My Harbin]. URL: <http://myharbin.name/> (accessed: 16.11.2020).
397. Mozheyko L.N. *Novoe religioznoe soznanie v sotsiokul'turnom kontekste transformiruyushchegosya obshchestva: avtoref. dis... kand. filos. nauk* [New religious consciousness in the socio-cultural context of a transforming society: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Grodno: Grodnenskiy gos. un-t, 2004. 21 p.
398. Mudrova I.A. *Slovar' slavyanskoy mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2009. 240 p.
399. Nesmiyanova O.V., Semanov A.M. Quasi-religiosity. *Religiovedenie: entsikl. slovar'* [Religious studies: encyclopedic dictionary]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2006. Pp. 515–516.
400. Nikitina E.A. Existential contradictions of the times of the information society. *Che-lovek postsovetstskogo prostranstva: Sbornik materialov konferentsii* [Man of the post-Soviet space: Collection of conference materials]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2005. No. 3. Pp. 364–367. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/nikitina_ea/postsoviet_40.html (accessed: 10.10.2016).
401. Nosachev P.G. Occultism and Romanticism as two forms of “secularized esotericism” of the 19th – the beginning of the 20th century. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2015. No. 4 (33). Pp. 204–227.
402. Omarova Z.U. *Transformatsiya religioznogo soznaniya: sovremennyy aspekt* [Transformation of religious consciousness: a modern aspect]. 1999. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_185.html (accessed: 24.09.2018).
403. Opolev P.V. Complexity as a subject of religious consciousness. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2013. No. 1. Pp. 157–159.

404. Osokin R. Yu. To the question of the ontology of the individual. *Al'manakh Laboratorii Metafizicheskikh Issledovaniy pri Filosofskom fakul'tete SPbGU* [Almanac of the laboratory of metaphysical studies, the Philosophic Faculty of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 1998. Pp. 99–110. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/osokin/metares06_05.html (accessed: 27.09.2016).
405. *Ot massovoy kul'tury k kul'ture individual'nykh mirov: novaya paradigma tsivilizatsii. Sbornik statey* [From Mass culture to the culture of individual Worlds: a new paradigm of civilization. Collection of articles]. Ed. E.V. Dukov, N.I. Kuznetsova. Moscow: Ideya-Press Publ., 1998. 400 p.
406. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The holy. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg: ANO “Izd-vo S.-Peterb. un-ta”, 2008. 272 p.
407. Ovsienko F.G. Theosophy. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religions]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiiy proekt, Gaudemus Pubs., 2008. Pp. 1256–1257.
408. Pakhomov S.V. Martinism. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religions]. Ed. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiiy proekt, Gaudemus Publ., 2008. Pp. 781–782.
409. Panchenko A.A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village sanctuaries of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Aleteyya, 1998. 305 p.
410. Pankratova E.V. *Religioznost' i religioznaya samoidentifikatsiya* [Religiosity and religious self-identification]. URL: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (accessed: 27.09.2016).
411. Papazyan A.A. Samael. *Mify narodov mira: v 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world: in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992. Vol. 2. K–Ya. Pp. 397–398.
412. Partsvaniya V.V. Modern globalization and human alienation. *Rossiya i Gruzija: dialog i rodstvo kul'tur: sbornik materialov simpoziuma* [Russia and Georgia: dialogue and kinship of cultures: a collection of materials of the symposium]. St. Petersburg:

- Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003. Vol. 1. Pp. 246–260. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/parzv/georgia_22.html (accessed: 26.09.2016).
413. Pecheritsa V.F. *Dukhovnaya kul'tura russkoy emigratsii v Kitae* [Spiritual culture of Russian emigration in China]. Vladivostok: DVGU, 1998. 276 p.
414. Pecherskaya N.M. *Istoriko-psikhologicheskie osobennosti religiozno-nauchnogo eklektizma v period novogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Historical and psychological features of religious and scientific eclecticism in the Modern age: abstract of PhD Thesis in Psychology]. Rostov-na-Donu, 2011. 23 p.
415. Pedro Yu.V. Dvoeverie and religious syncretism as components of the religious-historical process. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. No. 3. Pp. 293–296.
416. Pelevina O.V. Russians in China at the beginning of the 20th Century in the descriptions of the authors of the Journal of the Russian Diaspora “Chinese Evangelist”. *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Russian Emigration in China: The Exodus Experience]. Blagoveshchensk, 2018. No. 12. Pp. 132–139.
417. Pershin Yu.Yu. *Arkhaicheskoe soznanie: sushchnost' i printsipy: avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk* [Archaic consciousness: essence and principles: Abstract of DSc Thesis in Philosophy]. Omsk, 2014. 40 p.
418. Petrov V. *Gorod na Sungari* [The city on the Sungari]. Washington: Russko-Amerikanskoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1987. 218 p.
419. Petrukhin V.Ya. Gods and demons of the Russian Middle Ages: rod and rozhanitsy and the problem of Old Russian dvoeverie. Slavonic and Balkan folklore. *Narodnaya demonologiya* [Folk demonology]. Moscow, 2000. Pp. 315–343.
420. Petrukhin V.Ya. Old Russian dvoeverie: concept and phenomenon. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 1996. No. 1. Pp. 44–47.
421. Petrukhin V.Ya. Paganism of the Slavs in the light of interdisciplinary research. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1984 god* [The most ancient states in the territory of the USSR/ Materials and studies. 1984]. Moscow, 1985. Pp. 244–251.

422. Plotnikova A.A. Crossroad. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2002. Pp. 360–361.
423. Pogrebnaya Ya.V. *Aspekty sovremennoy mifopoetiki* [Aspects of modern mythopoeics]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2010. 178 p.
424. Radcliff-Braun A.R. *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii* [Structure and function in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literature" RAN, 2001. 304 p.
425. Rakunov V.A. *Emigratsiya belykh voysk iz Rossii v Kitay i ee voennye po-sledstviya (1918–1945 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Emigration of white troops from Russia to China and its military consequences (1918–1945): abstract of PhD Thesis in History]. Moscow, 2011. 25 p.
426. Razinov Yu.A. Symbolism of a crossroad. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"* [Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology"]. 2010. Pp. 123–130.
427. Reutskiy N.V. *Lyudi bozh'i i Skoptsy* [The People of God and the Scopets]. Moscow: Tip. Gracheva i Ko, 1972.
428. Riftin B.L. Guan-di. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t.* [Spiritual Culture of China: encyclopedia: in 5 vols]. Moscow, 2006. Vol. 2. Mifologiya. Religiya. Pp. 420–422.
429. Romanova E.G. Marginality of Ananda Marga as a specific variant of syncretism of new religious associations of the twentieth century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. 2018. No. 30(2). Pp. 108–114.
430. Romanova S.A. Features of the formation of Orthodox-pagan syncretism of Mari. *Istoriya khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ya* [History of Christianization of the peoples of the Middle Volga region]. Cheboksary, 1988. Pp. 104–112.
431. Rudolf K. Syncretism – from a theological label to a religious term. *Religiovedcheskie issledovaniya* [Religious studies]. 2013. No. 7–8. Pp. 195–212.

432. *Russkie v Kitae* [Russians in China]. Ed. A.A. Khisamutdinov. Shanghai: Izd. Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shankhae, 2010. 572 p.
433. Ryazanova S.V. “*Novaya religioznost*” kak metodologicheskaya problema sovremennogo religiovedeniya [“New religiosity” as a methodological problem of contemporary religious studies]. URL: <http://blog.religiopolis.org/kopilov/2011/12/11/«novaya-religioznost'»-kak-metodolog/> (accessed: 10.10.2016).
434. Ryazanovskiy F.A. *Demonologii v drevnerusskoy literature* [Demonology in Ancient Russian literature]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1915 (obl. 1916). 126 p.
435. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 782 p.
436. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of ancient Slavs]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 607 p.
437. Ryzhov Yu.V. *Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve* [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art]. Moscow: Smysl, 2006. 328 p. URL: http://www.binnetti.ru/studia/ryzhov_11_4.shtml (accessed: 10.10.2016).
438. Ryzhov Yu.V. *Novaya religioznost' v sovremennoy kul'ture: avto-ref. diss. ... d-ra kul't.* [New religiosity in modern culture: abstract of DSc Thesis in Culturology]. Moscow, 2007. 23 p.
439. Safronova E.S. Shinto-Buddhist syncretism in Japan of the 8th – 14th centuries. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of scientific atheism] Moscow, 1974. No. 16. Pp. 223–238.
440. Sagalaev A.M. *Mifologiya i verovaniya altaytsev. Tsentral'noaziatskie vliyaniya* [Mythology and beliefs of the Altaians. Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 123 p.
441. Satybaldieva R.A. Reflection in the structure of self-consciousness of the individual. *Vyzovy sovremennosti i otvetstvennost' filosofa: Materialy “Kruglogo stola”, posvyashchennogo vsemirnomu Dnyu filosofii* [Challenges of modernity and the responsibility of the philosopher: Materials of the “Round Table” dedicated to the World Philosophy Day].

- Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiyskiy Slavyanskiy universitet, 2003. Pp. 62–69. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/satybaldieva/modphil_09.html (accessed: 18.06.2017).
442. Savel'eva E.N. Religious cinematic models as a factor of tolerance of modern culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2007. No. 301. Pp. 46–49.
443. Schubart W. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow, 2000. 443 p.
444. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Dukhi i dushi v traditsiyakh narodnogo islama Sibiri (k izucheniyu religioznogo sinkretizma v malykh lokal'nykh kul'turnykh kompleksakh)* [Spirits and souls in the traditions of the folk Island of Siberia (to the study of religious syncretism in small local cultural complexes)]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=176> (accessed: 10.10.2016).
445. Seleznev A.G., Selezneva I.A. Religious syncretism, folk Islam, regional cults (theoretical notes). *Narodnaya kul'tura: lichnost', tvorchestvo, dosug* [Folk culture: personality, creativity, leisure]. Omsk, 2003. Pp. 80–82.
446. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: a regional version of religious syncretism]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. 72 p.
447. Serdyukov Yu.M., Zabayako A.P., etc. *Sovremennyye konteksty magii, religii i paranauki: monogr.* [Modern contexts of magic, religion and para-science: monograph]. Moscow: Akademiya Publ., 2008. 272 p.
448. Shakhmatova E.V. The anthroposophical movement in the Soviet period: power and the artistic intelligentsia. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020. No. 2. Pp. 23–28.
449. Shakhnovich M.I. *Sovremennaya mistika v svete nauki* [Modern mysticism in the light of science]. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1965. 211 p.
450. Shakhnovich M.M. L.Ya. Sternberg and “the science of religion”. *Lev Shternberg – grazhdanin, uchenyy, pedagog. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya* [Lev Sternberg – citizen, scientist, teacher. To the 150th anniversary of the birth]. Ed. E.A. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2012. Pp. 190–199.

451. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. N.M. Matorin and his program for studying folk religiosity. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2012. No. 4. Pp. 191–202.
452. Shelest O.A. *Stanovlenie novykh tipov religioznosti v usloviyakh sotsio-kul'turnykh transformatsiy: avtoref. dis... kand. sotsiol. nauk* [Formation of new types of religiosity in the conditions of socio-cultural transformations: abstract of PhD Thesis in Sociology]. Minsk, 2006. 20 p.
453. Sheyn P.V. *Velikorusy v svoikh pesnyakh, obryadakh, obychayakh, verovaniyakh, skazkakh, legendakh i t. p.: v 2-kh t.* [Great Russians in their songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends, etc.: in 2 volumes]. St. Petersburg, 1898–1900.
454. Sidakova M.O. Interpretation of the concept of “religious syncretism” in Western European and Russian studies. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 57–67.
455. Sidakova M.O. Problematization of meaning of the concept “syncretism” and its synonyms. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020. No. 2. Pp. 42–52.
456. Silantyev R.A. Afro-Christian movements. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. en-tsikl. Publ., 1998. Pp. 686–687.
457. Silantyev R.A. *Afrokhristsianskie sinkreticheskie kul'ty* [Afro-Christian syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1841983 (accessed: 18.06.2017).
458. Silantyev R.A. *Bogoslovskoe modelirovanie. Religii v fantastike i fantasticheskie religii* [Theological modeling. Religions in Fiction and fantastic religions]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/387560.html> (accessed: 18.06.2017).
459. Silantyev R.A. *Karibskie sinkreticheskie kul'ty* [Caribbean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2046778 (accessed: 18.06.2017).
460. Silantyev R.A. Korean syncretic sects. *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl. Publ., 1998. Pp. 756–757.
461. Silantyev R.A. *Koreyskie sinkreticheskie kul'ty* [Korean syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2096382 (accessed: 18.06.2017).

462. Silantyev R.A. *Novozelandskie sinkreticheskie kul'ty* [New Zealand syncretic cults]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2667705 (accessed: 18.06.2017).
463. Silantyev R.A. *Religiya v mire grez* [Religion in the world of dreams]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/626625.html> (accessed: 18.06.2017).
464. Silantyev R.A. *Temnye nachala bogoborcheskogo tresha* [Dark beginnings of theomachistic trash]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/312963.html> (accessed: 18.06.2017).
465. Silantjeva M.V. Syncretism in the context of the politicization of religion: regional aspect. *IV Ocherednoy Vserossiyskiy sotsiologicheskij kongress. 23–25 oktyabrya 2012 goda, Ufa. Sektsiya 15. Sotsiologiya religii: traditsionnoe i novoe v zhizni obshchestva* [The 4th All-Russian sociological congress. October 23–25, 2012, Ufa. Section 15. Sociology of Religion: Traditional and new in the life of society]. 2012. Vol. 6. No. 2. Pp. 4794–4800.
466. Simonov V.V. (ed.) *Obshchaya istoriya tserkvi. V 2 tomakh. Tom 2. Ot Reformatsii k veku sekulyarnoy globalizatsii. XVI – nachalo XXI veka. V 2 knigakh. Kniga 2. Vyzov religioznogo sinkretizma: problema ekumenizma: XX – nachalo XXI veka: ucheb. pos. dlya vuzov po spetsial'nosti 030600.62 "Istoriya"* [General history of the Church. In 2 volumes. Volume 2. From the Reformation to the age of Secular globalization. The 16th – the beginning of the 21st century. In 2 books. Book 2. The challenge of religious syncretism: the problem of ecumenism: the 20th – the beginning of the 21st century: study book for universities, specialty 030600.62 "History"]. Moscow: Nauka Publ., 2017. 511 p.
467. Smaznova O.F. *Mif kak etos kul'tury v Rossii XIX–XX vekov: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Myth as the ethos of culture in Russia of the 19th – 20th centuries: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Velikiy Novgorod, 2008. 37 p.
468. Smaznova O.F. *Vremya i etos mifa. Dialektika mifotvorchestva v russkoy kul'ture XIX–XX vekov* [Time and ethos of myth. Dialectics of myth-making in Russian culture of the 19th – 20th centuries.]. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2007. 324 p.

469. Söderblom J. The formation of faith in God. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya* [Mystic. Religion. Science. Classics of world religious studies. Anthology]. Moscow: Kanon+, 1998. Vol. 2. Pp. 262–313.
470. Sokolov M. *Starorusskie solnechnye bogi i bogini, istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Old Russian solar gods and goddesses, historical and ethnographic research]. Simbirsk: Tip. A.T. Tokareva, 1887. 181 p.
471. Sorokin V.F. Liu Xin. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Vol. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vols. Vol. 3. Literature. Language and writing]. Ed. M.L. Titarenko. Moscow: Vost. lit. Publ., 2008. Pp. 335–337.
472. Sovetov F.V. *Integrativnyy potentsial russkogo mentaliteta: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Integrative potential of the Russian mentality: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Nizhniy Novgorod, 2007. 37 p.
473. Sreznevskiy I.I. *Drevnie pamyatniki russkogo pis'ma i yazyka* [Ancient monuments of Russian writing and language]. St. Petersburg, 1861–1864. Vol. 10. 308 p.
474. Sreznevskiy I.I. *Rozhenitsy u slavyan i drugikh yazycheskikh narodov* [Rozhanitsy among the Slavs and other pagan peoples]. Moscow, 1855. 26 p.
475. Stankevich I.L. *Pervobytnoe mifologicheskoe mirovozzrenie i kul'tovaya praktika* [Primeval mythological worldview and cult practice]. Yaroslavl: YaGU, 1994. 56 p.
476. Stebleva I.V. Syncretism of religious and mythological representations of the pre-Muslim Turks. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1989. No. 4. Pp. 51–57.
477. Sternberg L.Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii: issledovaniya, stat'i, lektsii* [Primitive religion in the light of ethnography: research, articles, lectures]. Leningrad: Izd-vo Institutov narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. 571 p.
478. Stingle M. *Poklonyayushchiesya zvezdam. Po sledam ischeznuvshikh peruanskikh gosudarstv* [Star Worshippers. In the footsteps of the disappeared Peruvian states]. Moscow: Progress, 1983. 182 p.
479. Stroeveva O.V. Models of production of modern culture: bricolage and deconstruction. Rock painting of megalopolises. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2014. No. 2. Pp. 135–141.

480. Sukharev A.V. *Razvitie russkoy mental'nosti: Monografiya* [Development of Russian mentality: monograph]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017. 398 p.
481. Sumtsov N.F. *Khleb v obryadakh i pesnyakh* [Bread in rites and songs]. Kharkov, 1885. 137 p.
482. Sumtsov N.F. *Lichnye oberegi ot sglaza* [Personal amulets from the evil eye]. Kharkov: tip. Gub. pravl., 1896. 20 p.
483. Taevsky D.A. *Sinkreticheskie religii i sekty: Slovar'-spravochnik* [Syncretic religions and sects: Dictionary-reference]. Moscow: Intrada Publ., 2001. 160 p.
484. Tan Aoshuang. *Kitayskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mental'nost'* [The Chinese picture of the world. Language, culture, mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 240 p.
485. Taskina E.P. *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. Moscow: Izd-vo MGU, 1998. 272 p.
486. Tazhurizina Z.A. *Mysticism. Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies: encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. P. 642.
487. Tibaldi-Chiesa M. *Paganini*. Transl. by I. Konstantinova. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 388 p.
488. Tikhomirov L. *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow: Moskva Publ., 1997. 592 p.
489. Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 622 p.
490. Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the history of the peoples of the world]. Ed. A.N. Krasnikov. Moscow: Respublika Publ., 2005. 542 p.
491. Tolstoy N.I. Christianization as a factor of complication of the structure of the ancient Slavic spiritual culture. *Vvedenie khristianstva u narodov Tsen-tral'noy i Vostochnoy Evropy. Kreshchenie Rusi* [Introduction of Christianity among the peoples of Central and Eastern Europe. Baptism of Russia]. Moscow, 1987. Pp. 50–53.
492. Tolstoy N.I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays of Slavic paganism]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 624 p.

493. Toporov V.N. Cross. *Mify narodov mira: v 2-kh t. Vol. 2. K–Ya* [Myths of the peoples of the world: in 2 vols. Vol. 2. K–Ya]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992. Pp. 12–14.
494. Torchinov E.A. *Puti zapredel'nogo: Religii mira. Psikhotekhnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Ways of the Beyond: Religions of the World. Psychotechnics and transpersonal states]. St. Petersburg, Moscow: Kniga po trebovaniyu, “Pal'mira” Publs., 2017. 542 p.
495. Toynbee A.J. *Issledovanie istorii. Tsvivilizatsii vo vremeni i prostranstve* [Research of history. Civilizations in time and space]. Transl. K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST Publ., 2009. 868 p.
496. Troitskaya S. *Russkiy Kharbin: Vospominaniya* [Russian Harbin: Memories]. Brisbane, 1995. 64 p.
497. Tsmyskal O.E. Artistic searches of the poets of the Far Eastern abroad: versification poetics of Larissa Andersen. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhyby Narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary Studies. Journalism]. 2020. Vol. 25. No. 3. Pp. 447–457.
498. Tsmyskal O.E. China and Korea in the memoirs of Larissa Andersen. *Sovremennye problemy nauki* [Modern Problems of science]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2017. Pp. 200–202.
499. Tsmyskal O.E. The east in the artistic consciousness of Larissa Andersen. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2018. Vol. 15. No. 4. Pp. 237–243.
500. Tul'chinskiy G.L. Transcendental subject, posthuman personality and new perspectives of the humanitarian paradigm. *Ya (A. Slinin) i MY: k 70-letiyu professora Yaroslava Anatol'evicha Slinina* [I (A. Slinin) and WE: to the 70th anniversary of Professor Yaroslav Anatolyevich Slinin]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/tulchin/slinin.html> (accessed: 10.10.2016).
501. Tylor E. *Mif i obryad v pervobytnoy kul'ture* [Myth and rite in primitive culture]. Smolensk: Rusich, 2000. 624 p.

502. Tylor E. *Pervobytnaya kul'tura* [The primitive culture]. Ed. V.K. Nikolsky. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939. 568 p.
503. Tyutina O.S. Neo-pagan formations and new religious movements as a cultural and worldview phenomenon of postmodernity. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera* [Sborniki konferentsii SIC Sotsiosfera]. 2012. No. 9. Pp. 50–53.
504. Uchiyama-Valueva N. Russian newspaper “Zarya” in Harbin. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Bulletin of the Oriental Institute]. 2003. No. 7. Pp. 71–76.
505. Ulybina E.V. *Psikhologiya obydenного soznaniya* [Psychology of common consciousness]. Moscow: Smysl Publ., 2001. 263 p.
506. Urbanski S. Russian Cossacks in Manchuria. *Vostochnaya kolleksiya* [Eastern Collection]. 2014. No. 3(58). Pp. 120–133.
507. Uspenskiy B.A. On the problem of Christian-pagan syncretism in the history of Russian culture: 1. Pagan reflexes in Slavic Christian terminology. 2. Dualistic character of the Russian medieval culture. *Vtorichnye modeliruyushchie sistemy* [Secondary modeling systems]. Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta, 1979. Pp. 54–63.
508. Ustimenko A.L. The problem of dvoeverie and the idea of the triplicity of the “Russian faith”. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural and art studies. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota publ., 2015. No. 1 (51): in 2 parts. Part I. Pp. 194–198.
509. Vasilenko N.A. On the main stages of the migration movement from Russia to China in the pre-October period (based on the materials of Chinese publications). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk, 2003. No. 5. Pp. 229–236.
510. Vasil'ev L.S. *Istoriya religiy Vostoka* [History of religions of the East]. Moscow: KDU, 2006. 704 p.
511. Vasil'ev L.S. *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature” RAN, 2001. 488 p.
512. Vasil'eva G.M. *Istoriya evropeyskoy mental'nosti: ucheb. pos.* [History of European mentality: study guide]. Novosibirsk: NGUEU, 2011. 228 p.

513. Velikaya N.N., Vinogradov V.B. Pre-Islamic religious syncretism among the Vainakhs. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1989. No. 3. Pp. 39–48.
514. Vernadsky G.V. *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus]. Tver, Moscow, 1997. 480 p.
515. Veselovsky A.N. *Izbrannoe: Kriticheskie stat'i i zametki* [Selected writings: Critical articles and notes]. Comp. T.V. Goven'ko. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 496 p.
516. Veselovsky A.N. *Slavyanskije skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol'fe i Merline* [Slavonic legends about Solomon and Kitovras and Western legends about Morolf and Merlin]. St. Petersburg: Tip. V. Demakova, 1872. 373 p.
517. Vetukhov A. *Zagovory, zaklinaniya. Oberegi i drugie vidy narodnogo vrachevaniya, osnovannye na vere v silu slova* [Charms, spells. Amulets and other types of folk healing based on the belief in the power of words]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr., 1907. 126 p.
518. Vinogradov N.N. Charms, amulets, saving prayers, etc.: (according to ancient manuscripts and modern records). *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 1907. No. 1. Pp. 1–56.
519. Vinogradova L.N. *Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and the mythological tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p.
520. Vizgin V.P. Mentality, way of thinking. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'* [Modern Western Philosophy: A Dictionary]. Comp.: V.S. Malakhov, V.P. Filatov. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 176–178.
521. Vizgin V.P. Mentality. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, 2001. Vol. 2. P. 526.
522. Vladykin V.E. From the history of religious syncretism among the Udmurts. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk, 1990. Pp. 35–49.
523. Voevodina L.N. Creation of myths in the 20th century. *Informatsionno-analiticheskij zhurnal "Fakt"* [Information and analytical Journal "Fact"]. 2001. No. 9. URL: <http://www.fact.ru/www/arhiv9s4.htm> (accessed: 10.10.2016).

524. Volkov N.N. *Sekta skoptsov* [The Sect of the Scopets]. Ed. N.M. Matorin. Leningrad: OGIZ-Priboy, 1931. 168 p.
525. Vovchenko V.A. Mysticism, esoterism and occultism in the spiritual evolution of mankind. *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma. Sb. materialov Tret'ey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (3–5 dekabrya 2009 g., g. Vladimir)* [Mystical and esoteric movements in theory and practice. Problems of interpretation of esotericism and mysticism. Collection of materials of the Third International Scientific Conference (December 3–5, 2009, Vladimir)]. Ed. S.V. Pakhomov. St. Petersburg: RKhGA, 2010. Pp. 33–46.
526. Yablokov I.N. Messianism. *Religiovedenie: Uchebnoe posobie i Uchebnyy slovar'-minimum po religiovedeniyu* [Religious studies: A textbook and an educational dictionary-minimum in religious studies]. Moscow: Gardariki Publ., 2000. P. 206.
527. Yablokov I.N. Mythological thinking. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious studies: encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2006.
528. Yakimova S.I. *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka: Uchebnoe posobie dlya prepodavateley i studentov* [Literature of the Russian Far Eastern Abroad: A textbook for teachers and students.]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta, 2009. 111 p.
529. Yakovenko I.A. *Tendentsii razvitiya religioznogo soznaniya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Trends in the development of religious consciousness: abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Maikop, 2012. 24 p.
530. Yakovenko I.G. On the nature of mentality. *Artikul't* [Articult]. 2018. No. 1 (29). Pp. 137–145.
531. Yangutov L.E. Mou-zi. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Vol. 1. Filosofiya* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 t. Vol. 1. Philosophy]. Ed. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Lukyanov. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006. P. 357.
532. Yastrebov A.L., Murzak I.I. Russian emigration in China: the composition of the journey into a strange world. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp 2: Literaturovedcheskaya rossika: sb. nauch. st.* [Russian Harbin, imprinted in word. Vol. 2:

rossika of literature studies: collection of articles]. Eds. A.A. Zabayako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Amursk. gos. un-t Publ., 2008. Pp. 29–36.

533. Yastrebov A.L., Murzak I.I. Worldview in the word of the exiles: citation and creation of new philosophical space in the works of emigrant writers (A. Haydock, B. Yulsky, Ya. Lovich etc.). *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. st.* [Russian Harbin, imprinted in word: collection of articles]. Eds. A.A. Zabayako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Amursk. gos. un-t Publ., 2006. No. 1. Pp. 122–135.

534. Zabayako A.A. “Frontier mythology” in the artistic reflection of Far Eastern writers (20–30 gg. of the 20th century). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh Rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2010. No. 9. Pp. 119–140.

535. Zabayako A.A. “My word is a striking sword”: the phenomenon of religious and artistic radicalism. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013. No. 1. Pp. 159–172.

536. Zabayako A.A. Ginseng, tiger, sacred places: mythologems of the Far-Eastern frontier in the works of emigrant writers. *Rossiya i Kitay: sotsial'no-ekonomicheskoe vzaimodeystvie mezhdru stranami i prigranichnymi regionami* [Russia and China: socio-economic interaction between the countries and border regions]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2012. Pp. 336–346.

537. Zabayako A.A. Literary ethnography of the Far East: Soviet and emigrant text. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional culture of the East of Asia]. Blagoveshchensk, 2014. Pp. 270–290.

538. Zabayako A.A. *Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv': khrestoma-tiya. V 4 t.* [Literature of the Russian abroad. Eastern branch: a textbook. In 4 vols.]. Comps., eds. A.A. Zabayako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2013. Vol. 1. Prose. In 3 parts. Part 1 (A–K). 370 p.

539. Zabiyaiko A.A. M.V. Shcherbakov: the man of the Far Eastern frontier in the search for the root of life. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2015. No. 1 (45). Pp. 111–117.
540. Zabiyaiko A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: monografiya* [The mindset of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: monograph]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd. RAN, 2016. 437 p.
541. Zabiyaiko A.A. Religious traditions of the Far Eastern frontier in the publications of N.A. Baikov of 1901–1914. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015. No. 1. Pp. 160–175.
542. Zabiyaiko A.A. Sinologist and ethnographer P.V. Shkurkin: the image of Honghuzi and their banditry in the context of socio-cultural transformations and intercivilizational contacts in Northeast China in the 19th – 20th centuries. *Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskii opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of cultures]. Eds. A.P. Zabiyaiko, A.A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. Vol. 11. Pp. 186–196.
543. Zabiyaiko A.A. The living muse with “narrow eyes” and the Russian “self-torture” (the problem of the ethnocultural self-identification of the emigrant in the Harbin literature). *Most cherez Amur. Rossiia i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [The bridge across the Amur. Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk, 2003. No. 7. Pp. 298–312.
544. Zabiyaiko A.A. The mythology of the Far Eastern Frontier in the minds of emigrant writers. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011. No. 2. Pp. 154–169.
545. Zabiyaiko A.A. The prose of a Harbin writer Boris Yul'skiy in the context of literary ethnography of the Far Eastern abroad. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2015. No. 2. Pp. 91–102.
546. Zabiyaiko A.A., Dyabkin I.A. The image of a bandit in the context of the “frontier mythology” of the Far Eastern emigration. *Simvolicheskoe i arkhjetipicheskoe v kul'ture i sotsial'nykh otnosheniyakh* [Symbolic and archetypal in culture and social relations]. Penza-Prague: Sfera Publ., 2011. Pp. 170–181.

547. Zabiyako A.A., Dyabkin I.A. Transformation of plots of Chinese mythology in the works of Far Eastern writers of the 20–40s of the 20th century. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013. No. 4. Pp. 139–156.
548. Zabiyako A.A., Efendieva G.V. “*Chetvert' veka bezhenskoy sud'by...*” (*Khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina*): *Monografiya* [“A quarter of a century of refugee fate...” (The artistic world of Russian Harbin lyrics): Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2008. 428 p.
549. Zabiyako A.A., Efendieva G.V. *Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya* [Between two worlds: Russian Writers in Manchuria: monograph.]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009. 351 p.
550. Zabiyako A.A., Levchenko A.A. Literary ethnography of Venedict Mart: The Far-Eastern period. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2014. No. 4 (30). Pp. 150–165.
551. Zabiyako A.A., Tsmykal O.E. Literary ethnography in the lyrical text (poetic ethnographism of Larissa Andersen). *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 45–55.
552. Zabiyako A.A., Tsmykal O.E. Religious searches of writers of the Far Eastern emigration: metamorphoses of ethno-cultural identification. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018. No. 4. Pp. 131–144.
553. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P. Folklore as a basis for the preservation of Russian identity in the Chinese environment (on the materials of Tryokhrechy). *Emigrantologia Słowian*. 2015. Vol. 1. Pp. 13–25.
554. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P. Russians in Tryokhrechy: folklore as the basis for preservation of identity in the Chinese environment. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2016. No. 2. Pp. 160–172.
555. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. 462 p.

556. Zabayako A.A., Zabayako A.P., Zhang Ruyang. Laomaozi, huodia, pheasant, tierda: images of mutual perception of Chinese and Russians. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2020. No. 5. Pp. 135–151.
557. Zabayako A.A., Zabayako A.P., Zinenko Ya.V. Folk Orthodoxy of Tryokhrechy Russians. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016. No. 3. Pp. 121–136.
558. Zabayako A.A., Zabayako A.P., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang. Folklore of the Russian-speaking diaspora of Tryokhrechy as a basis for preserving ethnicity. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2016. No. 17. Pp. 109–125.
559. Zabayako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsmyskal O.E. “I do want to meet you – a living witness of the history of Harbin”: emigre archive of Valentina Han. *Emigrantologia Słowian*. 2018. Vol. 4. Pp. 15–28.
560. Zabayako A.P. “Frontier”. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russian and Chinese: regional problems of ethno-cultural interaction: Collection of materials of the international science and practice conference]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2010. No. 9. Pp. 5–23.
561. Zabayako A.P. Diasporas as a factor of civilizational interactions. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk, 2015. No. 11. Pp. 9–21.
562. Zabayako A.P. Folk religion. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. Pp. 672–667.
563. Zabayako A.P. *Nachala drevnerusskoy kul'tury* [The origins of ancient Russian culture]. Moscow: Paideya: Moskovskie uchebniki Publ., 2002. 479 p.

564. Zabayako A.P. Obsession state. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., 2006. Pp. 718–719.
565. Zabayako A.P. Paganism: from the religion of the peasants to cyber-religion: Medieval Christianization of paganism and paganization of Christianity: Russian experience: (Article 2). *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2006. No. 1. Pp. 69–80.
566. Zabayako A.P. Quasi-religions: essence and typology (modern methodological approaches). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2008. No. 3. Pp. 84–91.
567. Zabayako A.P. Religious syncretism. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion: Encyclopedic dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., 2006. P. 984.
568. Zabayako A.P. Re-mythologization. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskiy proekt; Gaudeamus Publs., 2008. Pp. 1073–1074.
569. Zabayako A.P. Russians and Chinese: the perspective of reception of Chinese beliefs. *Kitay, Rossiya, strany ATR i perspektivy mezhtsivilizatsionnykh otnosheniy v XXI veke: tez. dokl. XII Mezhdunar. nauch. konf. "Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir"* [China, Russia, the countries of the Asia-Pacific region and prospects of intercivilizational relations in the 21st century: Theses of the 12 International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World"]. Izd-vo In-ta Dal'nego Vostoka RAN, 2001. Pp. 85–88.
570. Zabayako A.P. Russians in the terms of the Far Eastern frontier: ethnic experience of the 19th – early 20th centuries. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russian and Chinese: ethnomigration processes in the Far East]. Blagoveshchensk, 2009. Pp. 9–33.
571. Zabayako A.P., Belyakov A.E., Gavrilov S.S., Kontaleva E.A., Rodionova K.I. *Etnokul'turnyy atlas Priamur'ya* [Ethnocultural Atlas of the Amur Region]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskiy gosuniversitet, 2016. 166 p.

572. Zabayako A.P., Cherkasov A.N. Orthodoxy on the Amur in the 17th century. *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya* [Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019. Pp. 259–271.
573. Zabayako A.P., Kobyzov R.A., Anikhovskiy S.E., Voronkova E.A., Zabayako A.A. *Evenki Priamur'ya: olennaya tropa istorii i kul'tury* [The Amur Evenks: Reindeer trail of history and culture]. Blagoveshchensk, 2012. 383 p.
574. Zabayako A.P., Kontaleva E.A. Orthodoxy. *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and religion of the Amur region]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017. Pp. 244–281.
575. Zabayako A.P., Kontaleva E.A. Russians. *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and religion of the Amur region]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017. Pp. 60–78.
576. Zabayako A.P., Kravchuk L.A. Syncretic religious teachings: history and modernity. *Vestnik AmGU* [Bulletin of AmSU]. 2002. No. 4. Pp. 34–36.
577. Zabayako A.P., Voronkova E.A., Lapin A.V., etc. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyber-religion: science as a factor of religious transformations]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2012. 208 p.
578. Zabayako A.P., Zabayako A.A. Magic, demonology and visions in the religious culture of Russians in Tryokhrechy. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016. No. 4. Pp. 148–165.
579. Zabayako A.P., Zabayako A.A. Russians in Tryokhrechy: the private history of the formation of marginal ethnicity (Ivan Vasiliev). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Eds. A.P. Zabayako, A.A. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018. Pp. 196–211.
580. Zabayako A.P., Zabayako A.A. *Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians in Tryokhrechy: the foundations of ethnic self-identity]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017. 340 p.
581. Zagorodnova (Emel'kina) I.V., Mochalov E.V. *Rossiyskiy mentalitet v sotsial'no-filosofskom i istoriko-kul'turnom osmyslenii: monografiya* [Russian mentality in socio-

- philosophical and historical-cultural understanding: monograph]. Saransk: Krasnyy Oktyabr' Publ., 2008. 180 p.
582. Zamyatina N.Yu. The zone of development (frontier) and its image in the American and Russian cultures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1998. No. 5. Pp. 75–88.
583. Zavadskaya E.A. Syncretic tendencies in the modern Siberian shamanism: interview with shaman Svetlana Voronina. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015. No. 2. Pp. 148–161.
584. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died a non-natural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 432 p.
585. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture 1901–1913 gg.* [Selected works. Articles on spiritual culture of 1901–1913]. Moscow: Indrik Publ., 1994. 400 p.
586. Zelenin D.K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnograph]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 501 p.
587. Zelnitsky A.D. *Formy "religioznogo sinkretizma" v Kitae: dis. ... kand. filos. nauk* [Forms of "religious syncretism" in China: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2005. 146 p.
588. Zelnitsky A.D. *Kitayskiy "religioznyy sinkretizm"* [Chinese "religious syncretism"]. St. Petersburg: SPbGUSE Publ., 2008. 139 p.
589. Zemlyanskaya K.A. Mystic and magic in Russian Harbin of the 1920–1940s. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Ed. A.P. Zabyako, A.A. Zabyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2013. No. 10. Pp. 323–335.
590. Zemtsov B.N. Ideology and mentality of the pre-revolutionary Russian intelligentsia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1997. No. 3. Pp. 75–84.
591. Zhang Ruyang. *Fol'klor russkikh Trekhrech'ya kak osnova etnicheskoy identichnosti (po materialam polevykh issledovaniy 2015–2019 gg.): dis. ... kand. filol. nauk* [Folklore of Russian Tryokhrechye as the basis of ethnic identity (based on the materials

of field studies in 2015–2019): abstract of PhD Thesis in Philology]. Blagoveshchensk, 2019. 273 p.

592. Zhao Yunghua. Russian emigrant newspaper group “Zarya” and its activity in China in the first half of the 20th century. *Mediaskop* [Mediascope]. 2012. No. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1118> (accessed: 18.10.2020).

593. Zhivov V.M. Dvoeverie and the special character of Russian cultural history. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Studies in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow, 2002. Pp. 306–316.

594. Zhukov A.V. Formation of a religious and mythological worldview and myths about religiosity. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Trans-Baikal State University]. 2010. No. 3. Pp. 27–33.

595. Zhukov A.V. Religiosity, subjectivity and the construction of concepts of religious identity. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Trans-Baikal State University]. 2010. No. 2. Pp. 129–136.

596. Zinenko Ya.V., Ju Kongyi. “We lived in Harbin as under the tsarist Russia”: socio-cultural and ethno-cultural processes of the 10–50s of the 20th century in the consciousness of Far Eastern emigrants. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of the cultures]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015. No. 11. Pp. 363–371.

References in other languages:

597. Allegiance to God or to one man-made religion? *The Washington Times Communities*. URL: <http://communities.washingtontimes.com/neighborhood/no-2-religion-yes-2faith/2012/feb/5/allegiance-god-or-one-man-made-religion/> (accessed: 06.10.2016).

598. Archer M.S. The Impact of Globalization on Cultural Identities. A Comment on Pedro Morande’s Paper. *Globalization. Ethical and Institutional Concerns Pontifical Academy of Social Sciences*. Acta 7. Vatican City. 2001. URL: <http://www.pass.va/content/dam/scienze-sociali/pdf/acta7/acta7-archer.pdf> (accessed: 08.10.2016).

599. Batterfield H. Reflections on Religion and Modern Individualism. *Journal of the History of Ideas*. Jan.-Mar., 1961. Vol. 22. No. 1. Pp. 33–46.
600. Beck U. *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence*. Transl. by Rodney Livingstone. Cambridge: Polity, 2010. 231 p.
601. Bentley J. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 220 p.
602. Berner U. Synkretismus: die Problematik der Grenzen zwischen und in den Religionen. *Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft*. 2010. Vol. 94. Iss. ½. Pp. 31–41.
603. Berner U. *Untersuchungen zur Verwendung des Synkretismus-Begriffes*. Wiesbaden, 1982.
604. Boyce M. A Shadowy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World. *Lecture*. London: London Williams's Trust, 1988.
605. Carroll R.T. Patience Worth. *The Skeptic Dictionary*. 1994. URL: <http://www.skeptdic.com/patienceworth.html> (accessed: 04.10.2020).
606. Carroll R.T. Pearl Curran (Patience Worth) and the Fantasy-Prone Personality Label. *The Skeptic Dictionary*. URL: <http://skeptdic.com/essays/patienceworthfpp.html> (accessed: 04.10.2020).
607. Chang-Won Park. *Cultural Blending in Korean Death Rites*. London: Continuum, 2010. 228 p.
608. *Christian Deism as a Personal Religion*. URL: <http://www.christiandeistfellowship.com/persrelig.htm> (accessed: 06.10.2016).
609. Chryssides G.D. Unificationism: A Study in Religious Syncretism. *Religion: Empirical Studies*. Ed. Steven J. Sutcliffe. London: Routledge, 2004.
610. Cohen A., Hill P. Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants. *Journal of Personality*. August 2007. Vol. 75. Iss. 4. Pp. 709–742.
611. Colpe C. Syncretism [First Edition]. *Encyclopedia of Religion*. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. Pp. 8926–8934.
612. Cory Ch.E. Patience Worth. *Psychological Review*. 1919. Pp. 397–407.

613. Cotter J. *The New Age and Syncretism, in the World and on the Church*. Long Prairie, Minn.: Neumann Press, 1990. 38 p.
614. Daiber K-F. Mysticism: Troeltsch's Third Type of Religious Collectivities. *Social Compass*. September 2002. Vol. 49. No. 3. Pp. 329–341.
615. Daszkiewicz W. The Dilemmas of Globalization. *Journal of International Scientific Publications. Language, Individual & Society*. 2010. Vol. 10. URL: <http://www.scientific-publications.net/get/1000018/1470915893360182.pdf> (accessed: 10.11.2016).
616. Dessi U. *Japanese Religions and Globalization*. London and New York: Routledge, 2013. 191 p.
617. Drehsen V. *Synkretismus ist nicht gleich Synkretismus: zum Kriterienproblem bei der Anverwandlung des Fremden. Die "Identität" des Glaubens in den Kulturen*. 1997. Pp. 39–53.
618. Fritz G. Syncretism [Further Consideration]. *Encyclopedia of Religion*. Second Edition. Ed. Jones L.; Transl. O'Connell M.J. USA: Thompson Gale, 2005. Vol. 13. Pp. 8934–8938.
619. Frobenius L. *Der Ursprung der Kultur*. Berlin, 1898. Bd. 1: Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.
620. Giving up religion for individual faith. Is there a difference? *The Washington Times Communities*. URL: <http://communities.washingtontimes.com/neighborhood/no-2-religion-yes-2-faith/2011/jul/9/giving-religion-individual-faith-there-difference/> (accessed: 10.11.2016).
621. *Globalization and education. The proceedings of a Joint Working Group, 16–17 November 2005*. Casina Pio IV. Vatican City, 2006. 290 p.
622. *Globalization, Ethical and Institutional Concerns. Seventh Plenary Session, 25–28 April 2001*. Acta 7. Eds. E. Malinvaud and L. Sabourin. Vatican City, 2001. 408 p.
623. Graebner R.F. *Das Weltbild der Primitiven*. München: Ernst Reinhardt, 1924.
624. Graebner R.F. Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien. *Zeitschrift für Ethnologierude*. 1905. Bd. 37. S. 28–53.
625. Graebner R.F. *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Winter, 1911.

626. Griebel J. *Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices: Abstract of Thesis for the Degree of Master of Arts*. Baylor University, 2011. URL: https://baylor-ir.tdl.org/baylorir/bitstream/handle/2104/8143/Jenna_Griebel_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 07.05.2016).
627. Hartney Ch. Syncretism and the End of Religion(s). *Sydney Studies in Religion*. 2008. Pp. 233–248.
628. Iversen H.R. Secular Religion and Religious Secularism: A Profile of the Religious Development in Denmark since 1968. *Nordic Journal of Religion and Society*. 2006. No. 2. Vol. 119. Pp. 75–92.
629. Janson M. Unity Through Diversity: A Case Study of Chrislam in Lagos. *Africa*. 2016. 86(4). Pp. 646–672.
630. Kim L.E. Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Central Asiatic Journal*. Vol. 56 (2012/2013). Pp. 169–202.
631. Lang A. *Myth, ritual and religion*. London: Longmans, Green, 1887. 282 p.
632. Laude P. Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal. *International Journal of Social Science and Humanity*. July 2013. Vol. 3. No. 4. Pp. 386–389.
633. Law J., Afdal G., Asdal K., Lin Wenyuan, Moser I., Singleton V. Modes of Syncretism. Notes on Noncoherence. *Common Knowledge*. 2013. 20:1. Pp. 172–192.
634. Lehmann D. *Fundamentalism and Globalism*. 1998. URL: <http://www.davidlehmann.org/david-docs-pdf/Pub-pap/FUNDAMENTALISM%20AND%20GLOBALISM%20.pdf> (accessed: 07.05.2016).
635. Levin E. “Healers and Witches in Early Modern Russia”. *Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects*. Eds. Yelena Mazour-Matusevich and Alexandra Korros. Leiden: Brill, 2010. Pp. 105–133.
636. Levin E. Dvoeverie and Popular Religion. *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia*. Ed. S.K. Batalden. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1991. Pp. 31–52.

637. Levin E. From Corpse to Cult in Early Modern Russia. *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars*. V.A. Kivel son, R.H. Greene (eds.). Univ. Park: Penn State Univ. Press, 2003. Pp. 81–103.
638. Levin E. Lay Religious Identity in Medieval Russia: The Evidence of Novgorod Birchbark Documents. *General Linguistics*. 1997. No. 35. Pp. 131–155.
639. Levin E. Supplicatory Prayers as a Source for Popular Religious Culture in Muscovite Russia. *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. Eds. Samuel H. Baron and Nancy Shields Kollmann. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. Pp. 96–114.
640. Levin Yu. *Pluralism, Individualism and Religious Liberty*. 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/corner/374081/pluralism-individualism-and-religious-liberty-yuval-levin> (accessed: 03.12.2016).
641. Lord J. *Anthropological Case Study of Religious Syncretism in Bolivia: Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology*. December 7, 2009. URL: http://ir.library.oregonstate.edu/xmlui/bitstream/handle/1957/14125/Lord_Jonathan.pdf?sequence=1 (accessed: 03.12.2016).
642. Madsen R. The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today. *American Journal of Sociology*. March 2009. Vol. 114. No. 5. Pp. 1263–1301.
643. Maroney E. *Religious Syncretism*. SCM Press, 2006. 207 p.
644. Meynell H. Syncretism. *Encyclopedia of religion and society*. Eds. William H. Swatos, Jr., Peter Kivisto, Barbara J. Denison, James McClenon. Walnut Creek, Calif.: AltaMira Press, 1998.
645. Morazzini M. *Western societies: syncretism as a result of globalization and human migration*. 2015. URL: https://www.academia.edu/11770133/Western_societies_syncretism_as_a_result_of_globalization_and_human_migration (accessed: 10.10.2016).
646. Nickell J. Ghost Writer? The Channeling of “Patience Worth”. *Skeptical Inquirer*. May/June 2012. Vol. 36. No. 3. Pp. 15–17.
647. Pakkanen P. *Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism*. 2011. URL: <https://>

- www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiGwsOplTPvAhXjkYsKHYbmAoAQFjAAegQIBAD&url=https%3A%2F%2Fecsi.bokorder.se%2FDownload.aspx%3Fid%3D8983%26name%3Dis-it-possible-to-believe-in-a-s.pdf&usg=AOvVaw1DB2ptpNKWtqWav8v54ZU7 (accessed: 05.04.2016).
648. Penn L. *False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion*. Hillsdale NY, Sophia Perennis, 2004. URL: https://books.google.ru/books?id=MXvBs2PqkUcC&pg=PA142&lpg=PA142&dq=Penn+L.+False+Dawn:+The+United+Religions+Initiative,+Globalism+and+The+Quest+for+OneWorld+Religion&source=bl&ots=hdRa3JVj82&sig=V2gid_e_7JTe5DVLktnrykGRpE&hl=-ru&sa=X&ved=0ahUKEwjvtGCwb3PAhWI8ywKHWZgDegQ6AEILjAD#v=onepage&q=Penn%20L.%20False%20Dawn%3A%20The%20United%20Religions%20Initiative%2C%20Globalism%20and%20The%20Quest%20for%20One-World%20Religion&f=false (accessed: 09.12.2016).
649. Pieterse J.N. Globalization as Hybridization. *Working Paper Series*. No. 152. June 1993. URL: <http://www.uvm.edu/rsenr/rm230/Nederveen%20Pieterse.pdf> (accessed: 07.12.2016).
650. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a “Pivotal Moment”. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*. Stuttgart, 2001. Bd. 49. H. 3. Ss. 412–429.
651. Ratzel F. *Anthropogeographie*. Stuttgart, 1921. Bd. 1–2.
652. Reitzenstein R., Schaeder H.H. *Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*. Leipzig, 1926.
653. *Religions in the Modern World. Traditions and Transformations*. London, New-York: Taylor&Francis e-library, 2005. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=zTksWVdnC9EC&oi=fnd&pg=PA345&dq=Lehmann+D.+Fundamentalism+and+Globalism&ots=U-WXsKTo7f&sig=SVVdYRNBv7ILTMJu7vKGuU7sDrg&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 14.09.2016).
654. Richard H.L. Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter. *International Journal of*

- Frontier Missiology*. Winter 2014. No. 209. URL: http://www.ijfm.org/PDFs_IJFM/31_4_PDFs/IJFM_31_4-Richard.pdf (accessed: 09.12.2016).
655. *Russia and Its Northeast Neighbors: China, Japan, and Korea in 1858–1945*. Ed. by Kimiitaka Matsuzato. NY: Lexington Books, 2016. 222 p.
656. Segady Th.W. Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States. *Free Inquiry in Creative Sociology*. 2012. Vol. 40. No. 2. Pp. 26–36.
657. Stark R.T.Jr. *Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities*. Thesis for the Degree of Master of Arts in Applied Anthropology. Pacific University. 2009. URL: <http://commons.pacificu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1201&context=spp> (accessed: 09.12.2016).
658. Stewart Ch. From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder. *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. 2015. Pp. 355–362. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=az2LBQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA355&dq=Stewart+Ch.+From+Creolization+to+Syncretism:+Climbing+the+Ritual+Ladder&ots=2NXmwOJcia&sig=qy7eQdhXWHq7Yi6910EAWoU6J3A&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 03.12.2016).
659. Stewart Ch. Relocating Syncretism in Social Science Discourse. *Syncretism in Religion*. Eds. Anita Maria Leopold, Jeppe Sinding Jensen. London: Routledge, 2005.
660. Stewart Ch. Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture. *Diacritics*. 1999. Vol. 29. Pp. 40–62.
661. Stewart E. *Individualism Increases Religious Pluralism*. 2015. URL: <https://thesocietypages.org/discoveries/2015/01/15/houtandfisch/> (accessed: 09.12.2016).
662. Stockman R. The Baha'i Faith and Syncretism. *Resource Guide for the Scholarly Study of the Bahá'í Faith*. Wilmette, IL: Research Office of the Bahá'í National Center, 1997. Pp. 159–162.
663. *Summary on Globalization. Main Outcomes of the Work of the PASS on Globalization*. Ed. J.J. Llach. Vatican City, 2008. Extra Series 12. 108 p.
664. Sundermeier Th. Synkretismus: ein religionswissenschaftlich und theologisch umstrittener Begriff. *Kein anderer Name*. 1999. Pp. 273–282.

665. *Syncretism/Anti-Syncretism. The Politics of Religious Synthesis*. Eds. Rosalind Shaw, Charles Stewart. London: Routledge, 1994. 240 p.
666. Treanor P. *World-Nationalism: Normative Globalism as Pan-Nationalism*. 2001. URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/world.nation.html> (accessed: 05.02.2017).
667. Yost C.S. *Patience Worth. A Psychic Mystery*. NY, 1916. 296 p.
668. Zabayako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsmikal O.E. V. Han's Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019. Pp. 3433–3439. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.461>. ISSN: 2357–1330.